Том 21, № 6, 2017

ФИНАНСЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Научно-практический журнал
Предыдущее название — «Вестник Финансового университета»
Издается с 1997 г.

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-70021
от 31 мая 2017 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service
for communication, informational
technologies and media control:
ПИ № ФС77-70021
of May 31, 2017

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал ориентирован на научное
обсуждение актуальных проблем
в сфере ***финансов*** и ***смежных областей науки***

The journal is oriented towards scientific
discussion of current topics in the sphere
of ***finance*** and ***related areas of science***

Входит в Перечень периодических научных изданий,
рекомендуемых ВАК для публикации основных
результатов диссертаций на соискание ученых
степеней кандидата и доктора наук;
включен в ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)
и в список журналов Russian Science Citation Index
на платформе Web of Science

The journal is included into the list
of periodicals recommended for publishing
doctoral research results by the Higher
Attestation Commission;
the journal is included into the core collection
of Russian Science Citation Index
and in the list of Russian Science Citation Index
journals in Web of Science platform

Распространяется только по подписке.
Подписной индекс 82140
в объединенном каталоге «Пресса России»

The journal is distributed only by subscription
Subscription index 82140
in the consolidated catalogue “The Press of Russia”

Vol. 21, no. 6, 2017

FINANCE: THEORY AND PRACTICE

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СОРОКИН Д.Е., научный руководитель Финансового университета, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРТЮХИН Р.Е., кандидат юридических наук, руководитель Федерального казначейства России, Москва, Россия

БОГОЯВЛЕНСКИЙ В.И., член-корреспондент РАН, заместитель директора Института нефти и газа РАН, Москва, Россия

БОДРУНОВ С.Д., директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, Первый вице-президент Санкт-Петербургского Союза промышленников и предпринимателей, доктор экономических наук, профессор, эксперт Российской академии наук., Санкт-Петербург, Россия

ГОЛОВНИН М.Ю., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, первый заместитель директора Института экономики РАН, Москва, Россия

ЖУКОВСКИЙ МАРИАН, доктор экономических наук, Директор Института Экономики и Управления Люблинского Католического Университета, Люблино, Польша

КРЮКОВ В.А., член-корреспондент РАН, директор Института организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск, Россия

ЛИ СИНЬ, директор Центра России и Центральной Азии, Шанхайская академия международных исследований, Шанхай, Китай

ЛУКАСЕВИЧ И.Я., доктор экономических наук, профессор, Департамент корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия

ПАПАВА В.Г., академик Национальной академии наук Грузии, профессор Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия

РУБЦОВ Б.Б., доктор экономических наук, профессор, Департамент финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия

РУЧКИНА Г.Ф., доктор юридических наук, Финансовый университет, руководитель Департамента регулирования экономической деятельности, Москва, Россия

САНДОЯН Э.М., доктор экономических наук, директор Института экономических и финансовых исследований Российско-Армянского государственного университета, Ереван, Армения

ФЕДОТОВА М.А., доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет, руководитель Департамента корпоративных финансов, Москва, Россия

ЦВЕТКОВ В.А., член-корреспондент РАН, директор ИПР РАН, Москва, Россия

ЦЫГАЛОВ Ю.М., доктор экономических наук, профессор, Департамент корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия

ЮО ИЗАБЕЛЬ, ректор Университета Париж-Дофин, Париж, Франция

Рукописи представляются в редакцию по электронной почте: **vestnikfinu@mail.ru**

Минимальный объем статьи — 4 тыс. слов; оптимальный — 6 тыс. слов.

Редакция в обязательном порядке осуществляет экспертную оценку (рецензирование, научное и стилистическое редактирование) всех материалов, публикуемых в журнале.

Более подробно об условиях публикации см.: **financetp.fa.ru**

Мнение редакции и членов редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Письменное согласие редакции при перепечатке, а также ссылки при цитировании на журнал «Финансы: теория и практика / Finance: Theory and Practice» обязательны

CHIEF EDITOR

SOROKIN D.E., Chairman for Research of the Financial University, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

ARTYUKHIN R.E., Candidate of Legal Sciences, Head of the Federal Treasury of Russia, Moscow, Russia

BOGOYAVLENSKY V.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of Oil and Gas of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

BODRUNOV S.D., Director of the S. Yu. Witte Institute for New Industrial Development, President of the Free Economic Society of Russia, First Vice-President of the St. Petersburg Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics, Professor, Expert of the Russian Academy of Sciences., St. Petersburg, Russia

GOLOVNIN M. YU., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, First Deputy Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ZHUKOVSKY MARIAN, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics and Management of the Catholic University of Lublin, Lublin, Poland

KRYUKOV V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk, Russia

LI XIN, Director of the Center for Russia and Central Asia, Shanghai Academy of International Studies, Shanghai, China

LUKASEVICH I. YA., Doctor of Economics, Professor, Corporate Governance Department, Financial University, Moscow, Russia

PAPAVA V.G., Academician of the National Academy of Sciences of Georgia, Professor, I. Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

RUBTSOV B.B., Doctor of Economics, Professor, Department of Financial Markets and Banks, Financial University, Moscow, Russia

RUCHKINA G.F., Doctor of Law, Financial University, Head of the Department for Regulation of Economic Activity, Moscow, Russia

SANDOYAN E.M., Doctor of Economics, Director of the Institute of Economic and Financial Studies of the Russian-Armenian State University, Yerevan, Armenia

FEDOTOVA M.A., Doctor of Economics, Professor, Financial University, Head of Corporate Finance Department, Moscow, Russia

TSVETKOV V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TSYGALOV YU.M., Doctor of Economics, Professor, Corporate Finance and Corporate Governance Department, Financial University, Moscow, Russia

HUAULT ISABELLE, Rector of the University of Paris-Dauphine, Paris, France

Manuscripts are to be submitted to the editorial office in electronic form: **vestnikfinu@mail.ru**

Minimal size of the manuscript: 4 ths words; optimal — 6 ths words.

The editorial makes a mandatory expertise (review, scientific and stylistic editing) of all the materials to be published in the journal

More information on publishing terms is at: **financetp.fa.ru**

Opinions of editorial staff and editorial board may not coincide with those of the authors of publications

It is obligatory to get a written approval of the editorial on reprint, and to make references to the journal "Finance: Theory and Practice" if quoting

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Курушин Д.С., Васильева Е.Е.
Построение типологии филиальных банков на основе методов кластерного анализа и нейронных сетей 6

ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ

Езангина И.А., Сторожилов Н.А.
Усиление роли институтов развития в механизме банковского проектного финансирования. 20

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ

Цветков В.А., Шутьков А.А., Дудин М.Н., Лясников Н.В.
Совершенствование системы налогового администрирования в России 34

БЮДЖЕТНАЯ СТРАТЕГИЯ

Кузнецов Ю.В., Быкова Н.В.
Эффективность государственной поддержки малого предпринимательства в России. 50

Салин В.Н., Нарбут В.В.
Неформальная занятость населения России: оценка масштаба и
влияния на государственные финансы страны 60

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Riccardo Valentini
The Global Agricultural System and Climate Change: Challenges and Opportunities for the Russian Federation. 70

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИНАНСЫ

Перская В.В., Джагитян Э.П.
Особенности посткризисных векторов прямых иностранных инвестиций в странах Азиатско-Тихоокеанского региона 80

Ткаченко А.А., Гиноян А.Б.
Место ремиттансов в финансовых потоках в развивающиеся экономики 94

Кузнецов А.В.
Особенности инвестиционной стратегии Японии и перспективы сотрудничества с Россией 108

ФИНАНСЫ И ПРАВО

Шестак В.П., Тютюнник И.Г.
Финансово-правовое обеспечение инновационной активности. 118

ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Романова В.В., Ханова Л.М.
Отдельные аспекты развития механизма государственного субсидирования НКО
в разрезе субъектов Российской Федерации. 128

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

Ярашева А.В., Макар С.В., Решетников С.Б.
Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения 138

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Нетунаев Е.Б.
Феномен заразных финансовых пузырей. 154

Р.А. Аландаров, Тархановский К.О.
Сравнительный анализ методологии организации финансирования научно-исследовательских работ
на примере Российской Федерации, стран Западной Европы и Азии 166

Указатель публикаций в журнале «Финансы: теория и практика» («Вестник Финансового университета») в 2017 г. 178

CONTENTS

MODERN RESEARCH METHODS

Kurushin D.S., Vasileva E.E.
The Construction of a Typology of Branch Banks on the Basis of Cluster Analysis and Neural Networks 6

PROJECT FINANCE

Ezangina I.A., Storozhilov N.A.
Strengthening the Role of Development Institutions in the Banking Project Financing . . 20

FINANCIAL CONTROL

Tsvetkov V.A., Shutkov A.A., Dudin M.N., Lesnikov N.V.
Improvement of the Tax Administration System in Russia 34

BUDGET STRATEGY

Kuznetsov Yu.V., Bykova N.V.
The Effectiveness of State Support of Small Entrepreneurship in Russia 50

Salin V.N., Narbut V.V.
Informal Employment of the Population of Russia: Assessment of the Scale and the Impact on Public Finances of the Country 60

ACTUAL TOPIC

Riccardo Valentini
The global Agrifood System and Climate Changes: Challenges and Opportunities for Russian Federation 70

INTERNATIONAL FINANCE

Perskaya V.V., Dzhagityan E.P.
Peculiarities of the Vectors of Post-Crisis Foreign Direct Investment in the Asia-Pacific Region 80

Tkachenko A.A., Ginoyan A.B.
The Place of Remittances in Financial Flows into Developing Economies 94

Kuznetsov A.V.
Peculiarities of Investment Strategies of Japan and the Prospects of Cooperation with Russia 108

FINANCE AND LAW

Shestak V.P., Tyutyunnik I.G.
Financial and Legal Support of Innovative Activity 118

FINANCIAL MANAGEMENT

Romanova V.V., Khanova L.M.
Some Aspects of Development of the Mechanism of State Subsidies to NGOs across the Administrative Entities of the Russian Federation 128

FINANCE AND CREDIT

Yarasheva A.V., Makar S.V., Reshetnikov S.B.
The Credit Strategies of the Russians as the Reflection of the Model of Financial Behaviour . . 138

PUBLICATIONS OF YOUNG RESEARCHERS

Netunaev E.B.
The Phenomenon of Contagious Financial Bubbles 154

Alandarov R.A., Tarkhanovsky K.O.
Comparative Analysis of the Organization of Financing of Scientific and Research Works on the Example of the Russian Federation, Western Europe and Asia 166

Index of Publications in the Journal "Finance: Theory and Practice" ("Bulletin of the Financial University") in 2017 178

ФИНАНСЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА / FINANCE: THEORY AND PRACTICE
Научно-практический журнал
Том 21, № 6, 2017

Главный редактор — **Д.Е. Сорокин**
Заведующий редакцией научных журналов — **В.А. Шадрин**
Выпускающий редактор — **И.С. Довгаль**
Переводчик — **З. Межва**
Корректор — **С.Ф. Михайлова**
Верстка — **С.М. Ветров**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-т, 53, к. 5.4
Тел.: **8 (499) 943-94-53**
E-mail: **vestnikfinu@mail.ru**
Сайт: **financetp.fa.ru**

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **(499) 943-94-31**
e-mail: **NAPuntus@fa.ru**
Пунтус Н.А.

Подписано в печать 26.12.2017
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 23 п. л.
Заказ № 1.
Отпечатано в Отделе полиграфии Финансового университета (Ленинградский пр-т, д. 51)
© *Финансовый университет*

Editor-in-Chief — **D.E. Sorokin**
Head of Scientific Journals Editorial Department — **V.A. Shadrin**
Managing editor — **I.S. Dovgal**
Translator — **Z. Mezhva**
Proofreader — **S.F. Mihaylova**
Design, make up — **S.M. Vetrov**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.4
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 943-94-53**
E-mail: **vestnikfinu@mail.ru**
Site: **financetp.fa.ru**

Subscription in editorial office
tel: **+7 (499) 943-94-31**
e-mail: **NAPuntus@fa.ru**
Puntus N.A.

Signed for press on 26.12.2017
Format 60 x 84 1/8.
Size 23 printer sheets.
Order № 1
Printed by Publishing House of the Financial University (51, Leningradsky prospekt)
© *Financial University*

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6–19
УДК 336.71
JEL G21

Построение типологии филиальных банков на основе методов кластерного анализа и нейронных сетей

Д.С. Курушин,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия
http://orcid.org/0000-0003-4798-7423

Е.Е. Васильева,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия
http://orcid.org/0000-0001-6334-553

АННОТАЦИЯ

Предмет. В статье анализируется банковская система России, представляющая собой сложную, многоуровневую, иерархически выстроенную систему, в которой выделяются различные устойчивые группы банков. Констатируется усиление роли многофилиальных банков. Дается анализ существующих подходов к выделению группы многофилиальных банков. Делается вывод об отсутствии единообразия в определении понятия «многофилиальный банк» и различной трактовке исследователями, законодателем и регулирующим органом характеристик и качественного состава группы многофилиальных банков.

Цель. Построение типологии филиальных банков Российской Федерации по числу структурных подразделений и выделение в банковской системе группы многофилиальных банков.

Методология. На основе кластеризации банков, имеющих филиалы и представительства (метод Уорда, метрика расстояния — евклидово расстояние), построена типология банков по числу их филиалов и подразделений и выделена группа многофилиальных банков, проверена ее содержательная устойчивость при использовании различных методов кластеризации. Использованы экономико-математические методы кластерного анализа и нейронных сетей.

Результаты. В ходе исследования сформирован перечень параметров для осуществления кластеризации банков РФ, имеющих филиалы и представительства. В качестве параметров кластеризации рассмотрены все законодательно предусмотренные внешние и внутренние подразделения.

Реализована проверка полученной типологии банков с помощью нейронной сети с учителем: если предложенная типология не соответствует действительности, то сеть не обучится либо будет делать ошибки, соответствующие «выпадениям» из классификации. Результат работы нейронной сети подтвердил наличие в банковской системе РФ выделенных на основе кластерного анализа групп банков.

Выводы. Построена типология филиальных банков, в рамках которой подтверждена гипотеза о существовании в банковской системе РФ группы многофилиальных банков, фактически выделена эта группа банков и дано ее математическое описание в соответствии со средним количеством структурных подразделений. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения свойств, присущих различным типам банков, имеющих филиалы и подразделения, в том числе многофилиальным банкам, и анализа закономерностей их функционирования, что может послужить основой повышения эффективности банковской деятельности в РФ.

Ключевые слова: типология банков; многофилиальный банк; банковская система; группы банков; кластеризация; нейронная сеть

Для цитирования: Курушин Д.С., Васильева Е.Е. Построение типологии филиальных банков на основе методов кластерного анализа и нейронных сетей // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 6–19.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6–6–19
UDC 336.71
JEL G21

The Construction of a Typology of Branch Banks on the Basis of Cluster Analysis and Neural Networks

D.S. Kurushin,
Perm national research
Polytechnic University,
Perm, Russia
http://orcid.org/0000-0003-4798-7423

E.E. Vasileva,
Perm national research
Polytechnic University,
Perm, Russia
http://orcid.org/0000-0001-6334-553

ABSTRACT

Topic. The article analyzes Russia's banking system, which is a complex, multi-layered, hierarchically organized system in which there exist different stable groups of banks. It is stated the strengthening role of multi-branch banks. We analyze the existing approaches to the selection of the group of multi-branch banks. There is lack of uniformity in the definition of 'multi-branch bank' and existence of different interpretation among researchers, legislators, and regulators as concerns the characteristics and quality of group multi-branch banks.

Purpose. The purpose of this paper is the construction of a typology of banks with branches in the Russian Federation according to the number of branches and allocation in the banking system of the group multidivisional banks.

Methodology. Based on the clustering of banks that have branches and representative offices (Ward's method, distance metric — a Euclidean distance), we constructed the typology of banks according to a number of their branches and departments. Further, we tested a dedicated group of multi-branch banks for its substantial stability using different methods of clustering and neural networks.

Results. In the study, we propose a list of parameters for the implementation of clustering procedures of Russian banks that have branches and representative offices. As parameters of the clustering, we consider all statutory allowed internal and external units of banks.

We implemented verification of a typology of banks by the neural network with the teacher: if the proposed typology is not true, the network will not be trained, or it will make errors corresponding to the 'fallout' from the classification. The result of the implementation of the neural network confirmed the presence in the banking system of the Russian Federation groups of banks classified on the basis of cluster analysis.

Conclusions. Received typology of branches of banks has confirmed the hypothesis about the existence in the banking system of the Federation group of multi-branch banks. It has been actually determined this group of banks and given its mathematical description in accordance with the average number of structural units. The results of the study can be used for further study of the properties inherent in different types of banks with branches and offices, including multi-branch banks, and for analysis of the mechanism of their functioning that could serve as a basis of increase of efficiency of banking activities in the Russian Federation.

Keywords: a typology of banks; a multi-branch bank; banking system; banking groups; clustering; neural network

Citation: Kurushin D.S., Vasileva E.E. The construction of a typology of branch banks on the basis of cluster analysis and neural networks. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 6–19. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Банковская система России законодательно двухуровневая, однако фактически она представляет собой сложную, многоуровневую, иерархически выстроенную систему, в которой выделяются различные устойчивые группы банков.

Так, А.В. Верников выделяет следующие группы банков, соответствующие определенным уровням банковской системы, имеющие различный масштаб деятельности, клиентуру и роли в механизме денежной трансмиссии [1]:

1) крупнейшие «госбанки» — банки с государственным участием (Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк);

2) «системно значимые», по мнению автора, банки (около 30 банков);

3) банки «второго контура банковского надзора» (около 150 банков);

4) прочие банки (около 650 банков).

В основе исследования А.В. Верникова и М.Е. Мамонова [2] лежит следующая структура национальной банковской системы:

1) ключевые госбанки (State-1) — тройка указанных выше «госбанков»;

2) прочие банки с государственным участием (State-2);

3) частные банки (Private);

4) иностранные дочерние банки (Foreign).

Банк России как регулятор национальной банковской системы также фактически признает неоднородность совокупности коммерческих банков и приоритетность некоторых банков в национальной банковской системе, выделяя системно значимые кредитные организации[1]. В настоящий момент в число системно значимых входят 9 банков[2]: АО «АЛЬФА-БАНК», АО «Райффайзенбанк», АО «Россельхозбанк», Банк ВТБ (ПАО), Банк ГПБ (АО), ПАО Банк «ФК Открытие», ПАО «РОСБАНК», ПАО Сбербанк, ПАО «Промсвязьбанк».

Вместе с этим в настоящий момент в российской банковской системе исследователи констатируют присутствие еще одной группы банков — многофилиальных [3–6].

Профиль количества филиалов коммерческих банков РФ, имеющих в своей структуре хотя бы одно подразделение (филиал, дополнительный офис, операционный офис и т.п.), представленный на *рис. 1*, наглядно демонстрирует наличие в банковской системе РФ широкого спектра банков, существенно отличающихся по числу филиалов. Для анализа здесь и далее использованы данные Банка России[3] и агентства Analytic Research Group[4] по состоянию на 01.01.2015.

Необходимо отметить, что значительную долю — 36,04% общего количества коммерческих банков в России — составляют банки, не имеющие ни одного подразделения. На *рис. 1* представлены 63,96% банков отечественной банковской системы, имеющие подразделения. Максимальным количеством филиалов обладает Сбербанк — 94 филиала. Существует определенная группа банков, имеющая выраженное количество филиалов, и значительная группа банков, не имеющая в своей структуре филиалов.

Анализ общетеоретического, законодательно-терминологического, функционального подходов и подхода Центрального банка РФ к выделению группы многофилиальных банков и структурированию российской банковской системы по признаку количества у кредитной организации филиалов и подразделений позволяет сделать вывод об отсутствии единообразия в определении понятия «многофилиальный банк» и различной трактовке исследователями, законодателем и регулирующим органом характеристик и качественного состава данной категории банков [7]. В работе [8] была предпринята попытка выделения категории многофилиальных банков на основе методов кластерного анализа, однако достигнутые результаты требуют дополнительной проработки, в том числе: обоснования используемого алгоритма кластеризации, проверки устойчивости выделенной группы банков, а также характеристики ее места и роли в банковской системе России.

Вышеизложенное подтверждает актуальность настоящего исследования и определяет необходимость структурирования современной банковской системы России по количественному признаку наличия у банков филиалов и подразделений и выделения в ней группы многофилиальных банков как объекта для дальнейших исследований.

---

[1] Указание Банка России от 22.07.2015 № 3737-У «О методике определения системно значимых кредитных организаций». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184686/ (дата обращения: 25.09.2017).

[2] Информация Пресс-службы Банка России от 30.09.2016 «Об утверждении перечня системно значимых кредитных организаций». URL: http://www.cbr.ru/press/pr.aspx?file=30092016_101942ik2016–09–30t10_19_00.htm (дата обращения: 25.09.2017).

[3] Банк России. URL: http://cbr.ru. (дата обращения: 25.09.2017).

[4] Analytic Research Group. URL: http://www.analyticgroup.ru/page.php?page_id=2 (дата обращения: 23.10.2017).

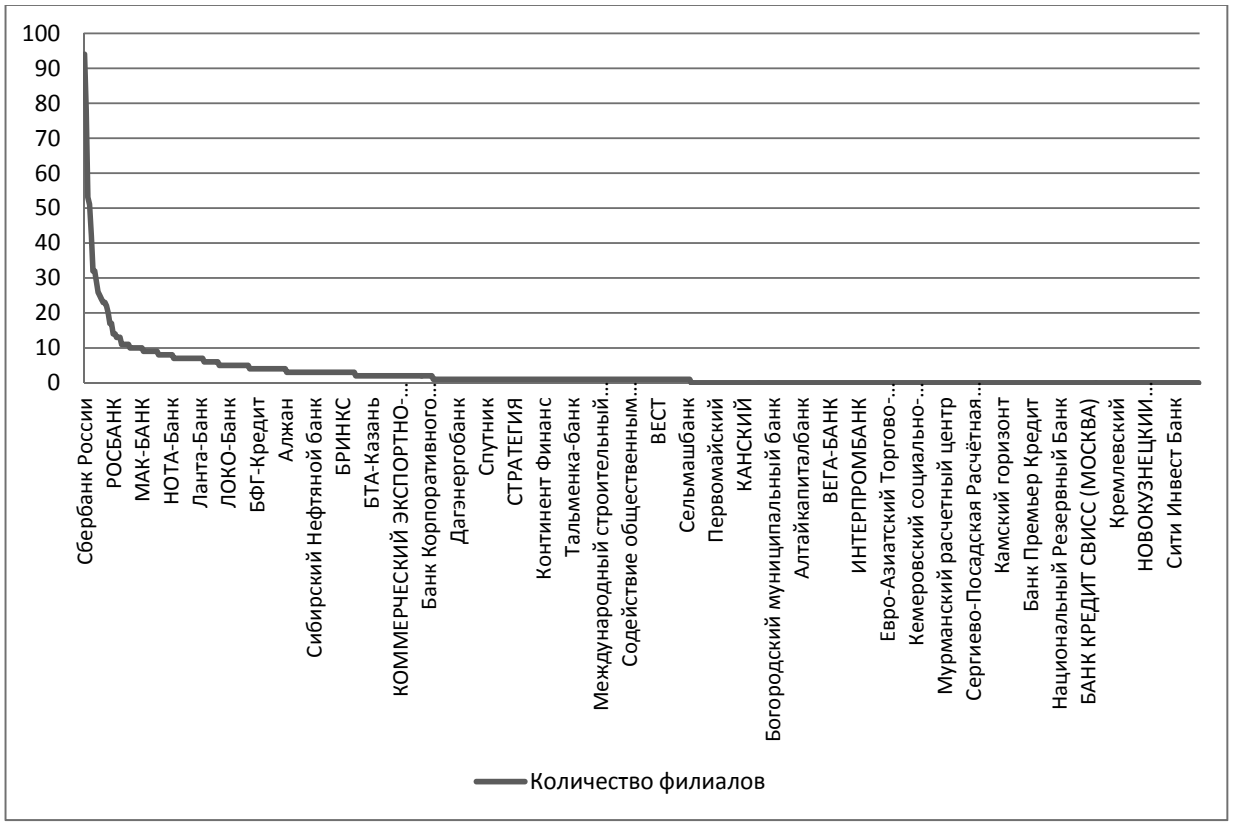


Рис. 1 / Fig. 1. **Профиль количества филиалов коммерческих банков России / Profile of the number of branches commercial banks of Russia**

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Построение типологии банков по числу филиалов и подразделений и выделение в банковской системе России группы многофилиальных банков основывалось на экономико-математических методах кластерного анализа и нейронных сетей. Это позволяет решить ряд значимых задач, а именно:

- разработать типологию банков в банковской системе РФ по числу их филиалов и подразделений;
- математически охарактеризовать группу многофилиальных банков на основе средних значений параметров в выделенной группе;
- фактически выделить в банковской системе РФ группу многофилиальных банков и оценить ее устойчивость;
- математически подтвердить гипотезу о существовании в банковской системе России группы банков, характеризующихся сходными параметрами, которые могут быть определены как многофилиальные банки.

Использование в рамках проводимого исследования методов нейронных сетей позволяет подтвердить обоснованность достигнутых результатов, а именно: наличие в банковской системе РФ выделенных на основе кластерного анализа групп банков.

Комплексное использование указанных методов позволяет сформировать результат, соответствующий реальному положению дел в банковской системе РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для классификации объектов наблюдений по множеству признаков в условиях отсутствия информации о характере распределения внутри классов проводится многомерная классификация методами кластерного анализа. В настоящее время условно выделяют несколько подходов к кластеризации: вероятностный, на основе искусственного интеллекта, логический, теоретико-графовый, иерархический. Специалистами отмечается высокое прикладное значение алгоритмов прямой классификации [9], а именно:

- содержательная ясность и относительная простота алгоритмов;
- допустимость контролируемого вмешательства в работу алгоритма;
- возможность визуализации данных и принятия непосредственных решений;
- невысокая трудоемкость алгоритмов.

Таблица 1 / Table 1

Корреляционная матрица значений параметров / Correlation matrix of parameter values

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9
x_1	**1,00**								
x_2	0,12	**1,00**							
x_3	0,01	0,00	**1,00**						
x_4	0,44	0,38	0,01	**1,00**					
x_5	0,66	0,03	0,13	0,54	**1,00**				
x_6	0,13	0,02	0,00	0,04	0,11	**1,00**			
x_7	0,01	–0,01	0,11	0,07	0,16	0,08	**1,00**		
x_8	0,18	0,06	0,30	0,11	0,50	0,02	0,14	**1,00**	
x_9	0,15	0,00	–0,01	–0,01	0,11	0,24	–0,01	0,00	**1,00**

Примечание:

x_1 – число филиалов в РФ / the number of branches in Russia;

x_2 – число филиалов за рубежом / the number of branches abroad;

x_3 – число представительств в РФ / the number of representative offices in Russia;

x_4 – число представительств за рубежом / the number of representative offices abroad;

x_5 – число дополнительных офисов / the number of additional offices;

x_6 – число операционных касс вне кассового узла / the number of operating cash desks out of cash knot;

x_7 – число кредитно-кассовых офисов / the number of credit-and-cash offices;

x_8 – число операционных офисов / the number of operational offices;

x_9 – число передвижных пунктов кассовых операций / the number of mobile stations for cash operations.

И, как следствие перечисленного, высокая содержательная ясность полученных результатов классификации, что обусловило их применение для решения задач исследования.

Спектр банковских подразделений достаточно разнообразен. В качестве параметров кластеризации были использованы данные о количестве всех законодательно допустимых[5] банковских структурных подразделений.

С целью выявления сильных статистических зависимостей и исключения дублирующих параметров на начальном этапе исследования была построена матрица коэффициентов взаимной корреляции (*k*) между исходными параметрами (*табл. 1*). Из совокупности анализируемых кредитных организаций исключен ПАО Сбербанк, так как имеет значения параметров, значительно отличающиеся от остального массива данных (выброс). Математические расчеты выполнены в пакете "Statistica".

Данные корреляционного анализа, представленные в *табл. 1*, демонстрируют нецелесообразность исключения каких-либо параметров: большинство параметров характеризуется крайне слабым и слабым уровнем положительной корреляции (от 0,01 до 0,50), либо крайне слабой отрицательной корреляцией (k = –0,01). Средняя корреляция наблюдается между числом дополнительных офисов и представительств за рубежом (k = 0,54) и числом филиалов в РФ и дополнительных офисов (k = 0,66). Сильные корреляционные связи между анализируемыми параметрами отсутствуют.

На следующем этапе необходимо принять решение о нормировании исследуемых данных. Нормирование подразумевает, что в качестве результата исследователя в большей степени интересует кластеризация, основывающаяся на сходстве профилей кластеризуемых параметров, нежели чем на собственно расстояниях между ними. В случае

[5] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 (в ред. от 13.07.2015) «О банках и банковской деятельности». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.11.2015).

Таблица 2 / Table 2

Описательная статистика параметров / Descriptive statistics of the parameters

Параметр / Parameter		Среднее значение / Average value	Миним. / Min	Максим. / Max	Стандартн. откл. / Stand. Dev.
Филиалы в РФ / Branches in Russia	x_1	2,41301	0,00	78,00	5,90560
Филиалы за рубежом / Branches abroad	x_2	0,00756	0,00	2,00	0,10271
Представительства в РФ / Representative offices in Russia	x_3	0,38578	0,00	76,00	3,64039
Представительства за рубежом / Representative offices abroad	x_4	0,05900	0,00	5,000	0,37879
Дополнительные офисы / Additional offices	x_5	16,78669	0,00	1138,00	58,13332
Операционные кассы вне кассового узла / Operating cash desks out of cash knot	x_6	3,25719	0,00	177,00	10,04462
Кредитно-кассовые офисы / Credit-and-cash offices	x_7	3,09228	0,00	316,00	19,57756
Операционные офисы / Operational offices	x_8	12,29349	0,00	1147,00	67,99420
Передвижные пункты кассовых операций / Mobile stations for cash operations	x_9	0,00303	0,00	1,00	0,05496

если масштаб изменения переменных (величина стандартного отклонения) сильно варьируется от переменной к переменной, то нормирование может значительно повлиять на результат. Описательная статистика исследуемых параметров представлена в *табл. 2*.

Представленные в *табл. 2* данные демонстрируют значительное отличие величин стандартных отклонений параметров и нецелесообразность нормирования параметров.

На основе указанных параметров осуществлен кластерный анализ 661 российского банка на основе алгоритмов восходящей иерархической кластеризации методом Уорда, метрика расстояния — евклидово расстояние. Метод Уорда широко применяется и положительно зарекомендовал себя в экономических исследованиях. Он нацелен на формирование кластеров примерно равных размеров с минимальной внутриклассовой дисперсией. Евклидово расстояние, представляя собой геометрическое расстояние в многомерном пространстве, является наиболее популярной метрикой в кластерном анализе. Дендрограмма, формируемая в процессе иерархической кластеризации, позволяет визуально контролировать процесс объединения в кластеры и оценивать оптимальное для исследования количество кластеров. Результаты реализации алгоритма кластеризации представлены в виде дендрограммы на *рис. 2*.

Анализ дендрограммы на *рис. 2* позволил выделить 5 кластеров, содержащих различное количество банков.

Для проверки устойчивости полученных результатов была осуществлена кластеризация на основе других методов и метрик расстояний. Применение других методов кластеризации, в том числе методов полной связи (complete linkage), одиночной связи (single linkage), невзвешенное попарное среднее (unweighted pair-group average), взвешенное попарное среднее (weighted pair-group average), метрика расстояния — евклидово расстояние, а также других метрик расстояния при кластеризации методом Уорда, не привело к формированию наполненных, свободно поддающихся экономической интерпретации кластеров.

Потенциальная неоднозначность группировки объектов, получаемых в процессе кластеризации, отмечается специалистами как допустимое явление в силу возможной сложности выявляемой структуры, ее изначальной неопределенности и наличия у значительной части объектов характерных черт различных классов [10].

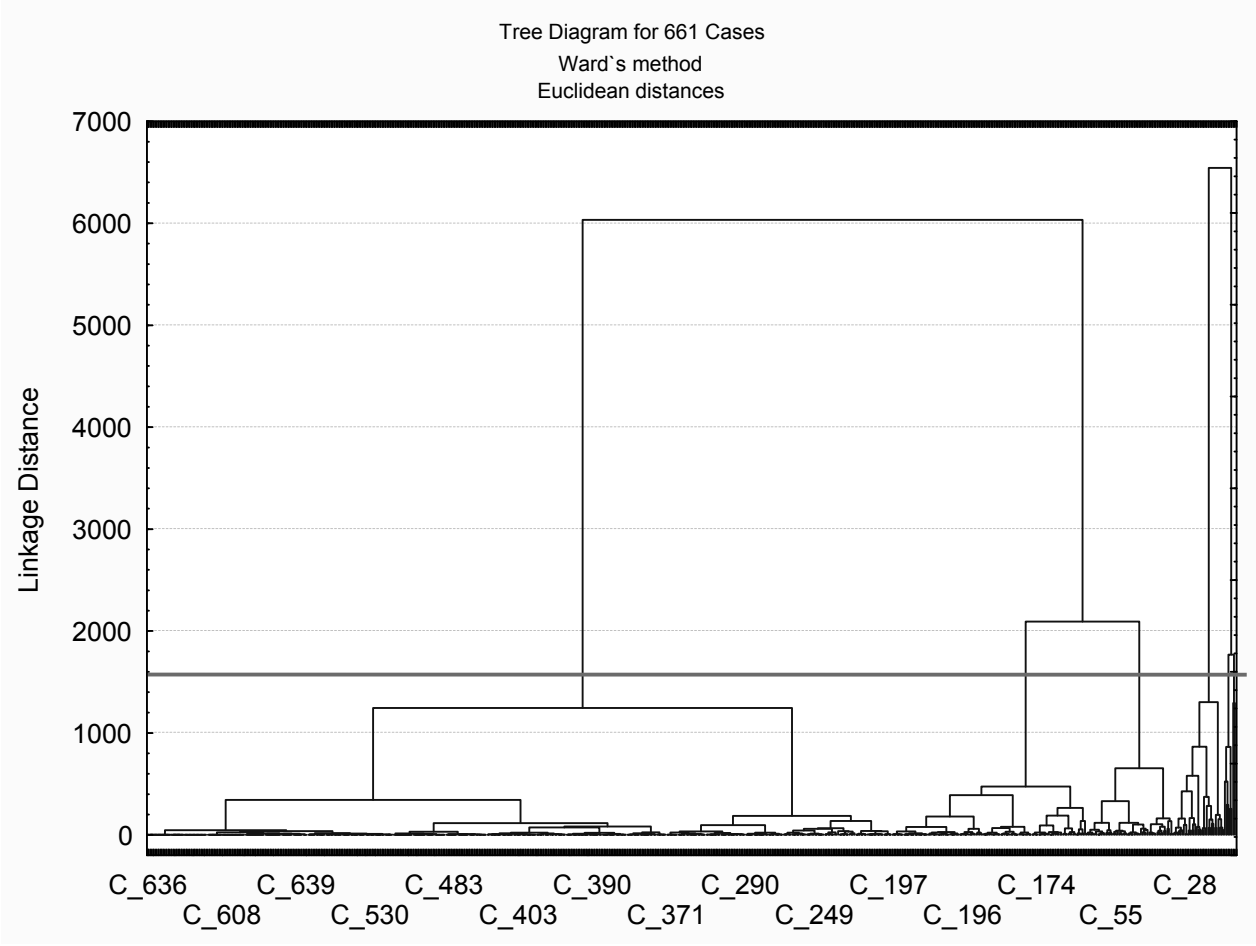


Рис. 2 / Fig. 2. **Дендрограмма кластеризации (метод Уорда, метрика расстояния – евклидово расстояние) / Tree diagram (Ward's method, the distance metric – Euclidean distances)**

Таким образом, на основе дендрограммы на *рис. 2* было выделено 5 кластеров банков, имеющих филиалы и подразделения. Отдельный кластер образован Сбербанком, исключенным на начальном этапе из анализируемой совокупности банков как выброс. Состав банков в выделенных кластерах представлен в *табл. 3*.

Средние значения параметров банков в каждом из кластеров представлены в *табл. 4*.

Первый кластер представлен Сбербанком, имеющим самую развитую сеть филиалов и внутренних подразделений. Сбербанк имеет максимальное число филиалов, дополнительных и операционных офисов среди российских коммерческих банков: 94, 11 672 и 649 соответственно. Фактически этот банк осуществляет свою деятельность во всех, даже самых труднодоступных уголках страны: Сбербанк является единственным банком, практикующим такую форму внутренних подразделений, как передвижные пункты кассовых операций (195 пунктов). Характерной чертой Сбербанка является отсутствие среди его структурных подразделений представительств в РФ, функции которых выполняются многочисленными филиалами.

Второй кластер включает Россельхозбанк, который имеет также значительное число филиалов и подразделений: количество филиалов Россельхозбанка значительно и сопоставимо с количеством филиалов Сбербанка (78 филиалов), однако по числу дополнительных и операционных офисов и операционных касс он значительно уступает Сбербанку (1138 дополнительных офисов и 121 операционный офис).

Третий выделенный кластер образован четырьмя крупными банками, сеть подразделений которых сформирована, прежде всего, за счет структурных подразделений, не имеющих статуса филиала: дополнительных и операционных офисов. Общее количество внутренних структурных подразделений этих банков приближается к количеству структурных подразделений Россельхозбанка, а среднее число операционных офисов у банков данного

Таблица 3 / Table 3

Состав банков в выделенных кластерах / Banks in the selected clusters

Кластер / Cluster	Количество / Quantity	Наименование банков / Name of banks
1	1	Сбербанк
2	1	Россельхозбанк
3	4	Восточный экспресс банк, ВТБ24, Росгосстрах Банк, Хоум Кредит энд Финанс Банк
4	30	АВАНГАРД, Азиатско-Тихоокеанский Банк, АК БАРС, Альфа-Банк, Банк Москвы, Банк Русский Стандарт, Банк содействия коммерции и бизнесу, БАНК УРАЛСИБ, БИНБАНК кредитные карты, БИНБАНК, ВТБ, Газпромбанк, ГЕНБАНК, МДМ Банк, Московский Индустриальный банк, ОТП Банк, Пойдем!, ПРОБИЗНЕСБАНК, Промсвязьбанк, Райффайзенбанк, Ренессанс Кредит, РОСБАНК, РОССИИСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК, Русфинанс Банк, Совкомбанк, Социнвестбанк, ТРАСТ, Уральский банк реконструкции и развития, Ханты-Мансийский банк Открытие, ЭКСПРЕСС-ВОЛГА
5	146	Банк ЗЕНИТ, СДМ-Банк, Почтобанк, РЕНЕССАНС, СОЮЗ и другие
6	480	АВТОВАЗБАНК, БИНБАНК, ГУТА-БАНК, МЕТКОМБАНК и другие

Таблица 4 / Table 4

Средние значения параметров в кластерах ($\overline{x_i}$) / Average values of parameters in the clusters ($\overline{x_i}$)

Параметр / Parameter	1 кластер / Cluster 1	2 кластер / Cluster 2	3 кластер / Cluster 3	4 кластер / Cluster 4	5 кластер / Cluster 5	6 кластер / Cluster 6
Филиалы в РФ, $\overline{x_1}$	94	78	8	9	5	1
Филиалы за рубежом, $\overline{x_2}$	1	0	0	0	0	0
Представительства в РФ, $\overline{x_3}$	0	0	12	1	1	0
Представительства за рубежом, x_4	2	5	0	1	0	0
Дополнительные офисы, $\overline{x_5}$	11672	1138	273	108	27	4
Операционные кассы вне кассового узла, x_6	4456	2	2	9	9	1
Кредитно-кассовые офисы, $\overline{x_7}$	0	0	18	45	3	0
Операционные офисы, $\overline{x_8}$	649	121	784	94	10	2
Передвижные пункты кассовых операций, $\overline{x_9}$	195	0	0	0	0	0

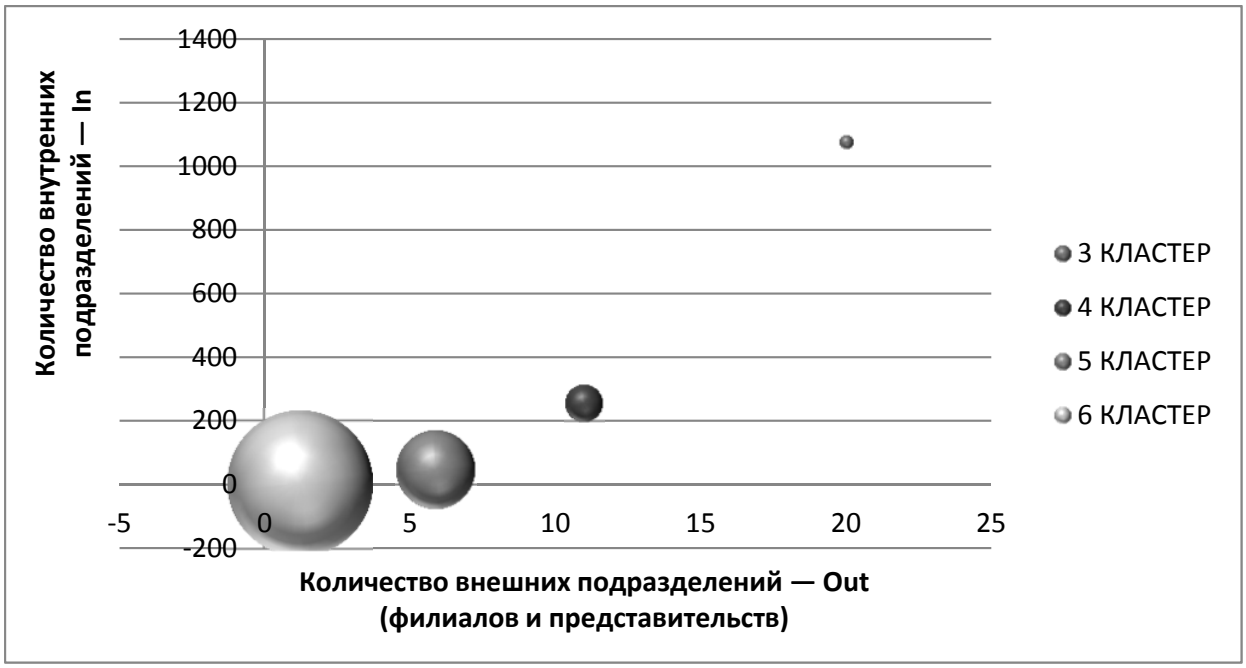


Рис. 3 / Fig. 3. **Рассеяние кластеров 3–6 по количеству внутренних и внешних подразделений / The scatterplot of the clusters 3–6 the number of internal and external units**

кластера превышает число операционных офисов Сбербанка. Для полноценного представления и защиты своих интересов на всей территории оказания банковских услуг в отсутствии филиалов банки этого кластера вынуждены открывать значительное количество представительств.

Четвертый кластер содержит 30 банков, среднее количество филиалов которых сопоставимо с числом филиалов третьего кластера. Число структурных подразделений в этом кластере значительно меньше, но остается достаточным, чтобы говорить о том, что эти банки достаточно широко представлены на рынке.

Пятый кластер включает в себя 146 банков с незначительным числом филиалов и несколькими десятками структурных подразделений.

480 банков шестого кластера — подавляющее количество анализируемых банков — имеют крайне незначительное количество филиалов и подразделений.

С учетом искчительного положения, которое занимают банки 1 и 2 кластера (Сбербанк Россельхозбанк) в национальной банковской системе по числу внутренних внешних структурных подразделений, диаграмма рассеяния кластеров 3–6 по среднему количеству внутренних и внешних структурных подразделений в банках кластера представлена на *рис. 3*, где

In — количество внутренних структурных подразделений:

$$In = \sum_{i=5}^{9} \overline{x_i};$$

Out — количество внешних структурных подразделений:

$$Out = \sum_{i=1}^{4} \overline{x_i}.$$

На основе представленных данных можно наблюдать четкую тенденцию последовательного уменьшения числа банков в кластере вместе с увеличением среднего количества структурных подразделений: от максимального по численности 6 кластера, представленного 480 банками с крайне незначительным количеством подразделений, до 3 кластера, содержащего всего 4 значимых филиальных банка со значительным количеством внутренних и внешних структурных подразделений.

В результате проведенного анализа данных кластеризации на основе дальнейшего объединения полученных кластеров представляется возможным сформировать типологию банков, имеющих филиалы и подразделения, в банковской системе России (*табл. 5*).

К мультифилиальным банкам, имеющим многочисленные филиалы и подразделения во всех, даже труднодоступных регионах РФ, можно отнести

Таблица 5 / Table 5

Типы банков, имеющих филиалы и подразделения, в банковской системе РФ / Types of branch banks in the banking system of the Russian Federation

Тип банка / Type of bank	I. Мультифилиальные банки / I. Multifilial banks	II. Многофилиальные банки / II. Multi-branch banks	III. Банки с малым количеством филиалов / III. Banks with few branches
Кластеры / Clusters	1, 2 кластеры / 1, 2 clusters	3, 4 кластеры / 3, 4 clusters	5, 6 кластеры / 5, 6 clusters
Количество (состав) банков / Number (composition) of banks	Сбербанк РФ, Россельхозбанк / Sbierbank, Russian Agricultural Bank	34 банка /34 banks	626 банков / 626 banks
Характеристика / Description	Значительное количество филиалов и подразделений / Significant number of branches and units	Достаточное количество филиалов и значительное количество подразделений / Sufficient number of branches and a significant number of units	Незначительное (малое) количество филиалов и подразделений / Minor (small) number of branches and divisions

банки первого и второго кластеров: Сбербанк РФ и Россельхозбанк.

К многофилиальным банкам относятся банки третьего и четвертого кластеров, имеющие достаточное, но меньшее по сравнению с мультифилиальными банками количество филиалов: в среднем 8–9 филиалов и значительное количество структурных подразделений. Третий тип банков — это банки с малым количеством филиалов и подразделений.

Таким образом, на основе математических методов кластерного анализа осуществлено построение типологии банков в банковской системе России по числу их филиалов и подразделений и фактически выделен тип многофилиальных банков.

С целью подтверждения возможности существования предложенной типологии альтернативным методом было осуществлено разделение исследуемой совокупности банков с использованием нейронной сети, обучаемой алгоритмом обратного распространения ошибки. Гипотеза, поставленная на разрешение сети, состоит в следующем: если предложенная выше типология не соответствует действительности, то сеть не обучится либо будет делать ошибки, соответствующие «выпадениям» из классификации.

Технически нейросеть реализована с использованием библиотеки pybrain[6] и класса BackpropTrainer[7]. Для проведения эксперимента написана программа на языке Python 3[8]. Алгоритм программы показан на *рис. 4*.

Как можно видеть, работа программы условно делится на три стадии. Во-первых, происходит подготовка данных из формата csv[9] во внутреннее представление языка Python 3, удобное для дальнейшей работы. На этом этапе формируются списки *X* и *Y*, имеющие столько элементов, сколько есть записей в обучающей выборке. Их списков *X* и *Y* создается обучающая выборка D, являющаяся экземпляром класса ClassificationDataSet пакета pybrain.

Во-вторых, производится создание и обучение сети обратного распространения. Создается экземпляр класса BackpropTrainer, с помощью которого сеть обучается в цикле с условием $\varepsilon_i > 0,001 \wedge i < E_{min}$. Таким образом, гарантируется минимум E_{min} эпох обучения. В случае если сеть не обучается за E_{max} эпох, то обучение прерывается и выводится сообщение об ошибке. Структура сети представлена на *рис. 5*.

В-третьих, обученной сети предъявляются элементы как из обучающей выборки, так и не вошедшие в нее. Для каждого банка сеть выводит строку вида:

[6] PyBrain. Welcome to PyBrain's documentation! URL: http://pybrain.org/docs/ (дата обращения: 20.02.2017).

[7] PyBrain работаем с нейронными сетями на Python. URL: https://habrahabr.ru/post/148407/ (дата обращения: 17.03.2017).

[8] Python. URL: https://www.python.org/ (дата обращения: 20.02.2017).

[9] Общий формат и MIME — тип для файлов значений, разделенных запятыми (CSV). URL: http://tradeincome.ru/useful-content/RFC%204180%20rus.pdf (дата обращения: 15.04.2017).

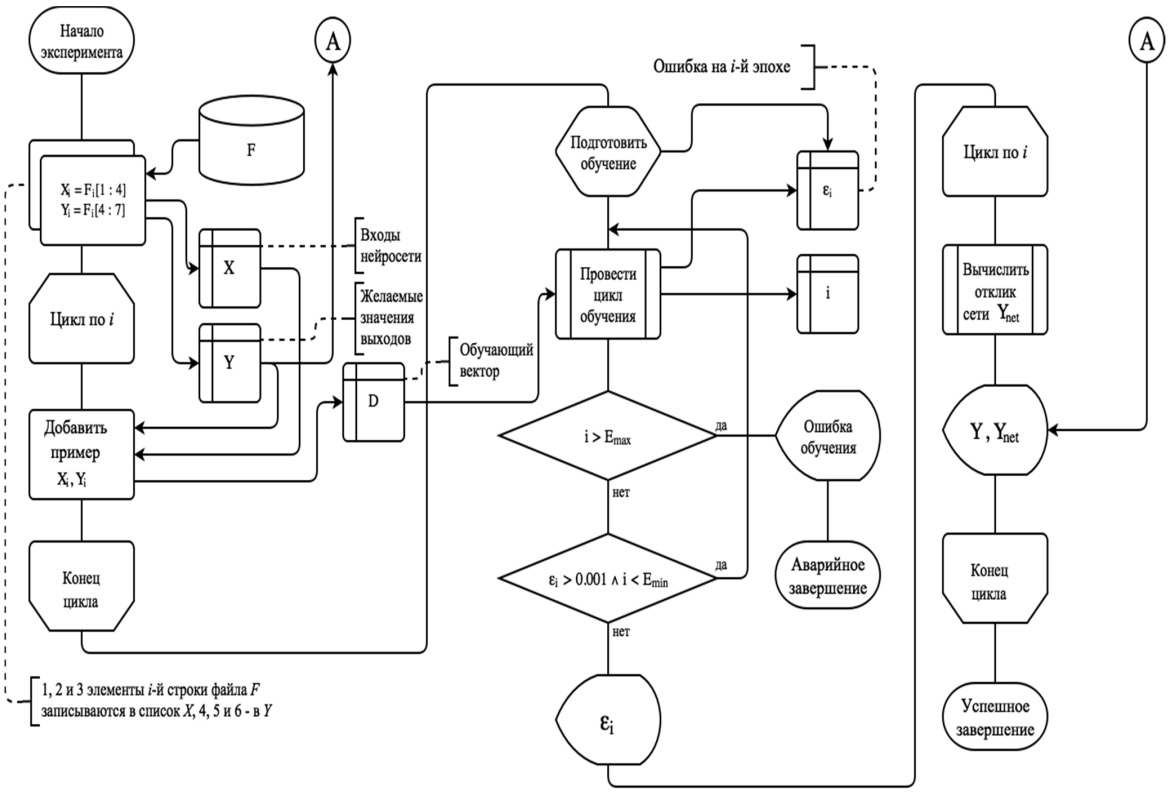


Рис. 4 / Fig. 4. **Алгоритм программы / Program algorithm**

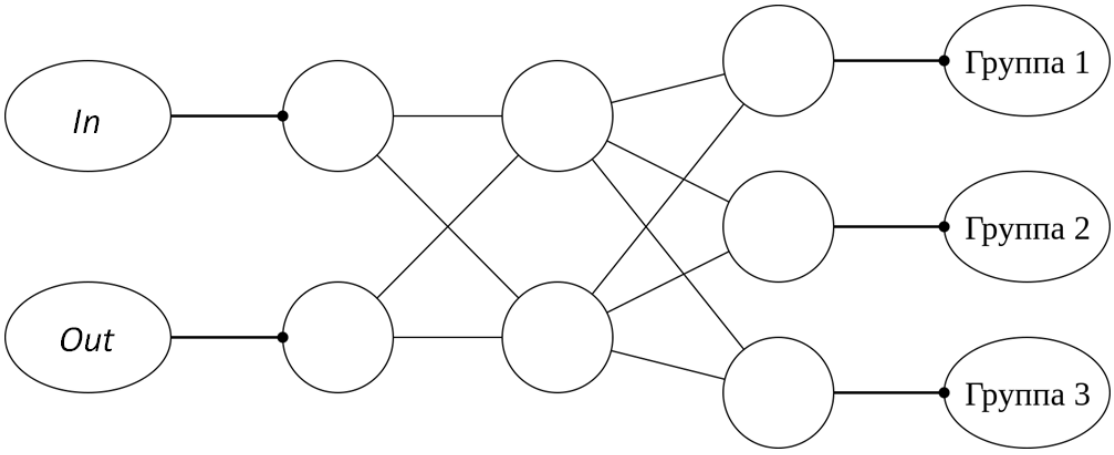


Рис. 5 / Fig. 5. **Структура сети / Network structure**

$$Банк, \underbrace{[0.00, 0.00, 0.00]}_{Y_{net}}, \underbrace{[0,0,0]}_{Y}$$

Оценка адекватности полученных данных производилась вручную.

Формирование обучающей выборки было реализовано путем отбора характерных представителей банков каждого типа (*табл. 6*).

Результат работы нейронной сети подтвердил поставленную на разрешение гипотезу: совокупность исследуемых банков может быть разделена на три предложенные группы: мультифилиальные, многофилиальные и банки с незначительным количеством подразделений.

Результатом исследования является выделение в совокупности коммерческих банков, имеющих филиалы и подразделения, трех типов банков: мультифилиальные, многофилиальные и банки с незначительным количеством филиалов и подразделений.

К мультифилиальным банкам, имеющим многочисленные филиалы и подразделения во всех,

Таблица 6 / Table 6

Характерные представители банков / Typical representatives of the banks

Тип банка / Type of bank	Кластеры / Clusters	Характерный представитель / Typical representative	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9
I	1	Сбербанк	94	1	0	2	11672	4456	0	649	195
	2	Россельхозбанк	8	0	43	0	422	0	37	1147	0
II	3	ВТБ24	10	0	0	0	366	6	8	679	0
		Восточный экспресс банк	8	0	0	0	167	0	0	754	0
		$\overline{x_i}$	8	0	12	0	273	2	18	784	0
	4	ОТП Банк	7	0	6	0	87	26	101	65	0
		Промсвязьбанк	8	1	0	4	119	14	1	140	0
		Райффайзенбанк	7	0	0	0	123	4	5	84	0
		$\overline{x_i}$	9	0	1	1	108	9	45	94	0
III	5	ЛОКО-Банк	5	0	0	0	24	0	0	27	0
		Балтийский Инвестиционный Банк	6	0	0	0	28	6	0	13	0
		Абсолют Банк	6	0	0	0	25	1	0	12	0
		СОЮЗ	7	0	0	0	22	3	0	7	0
		$\overline{x_i}$	5	0	1	0	27	9	3	10	0
	6	Русский Славянский банк	1	0	0	0	4	0	12	4	0
		Волго-Окский коммерческий банк	1	0	1	0	9	0	2	4	0
		Выборг-банк	1	0	0	0	5	7	1	2	0
		$\overline{x_i}$	1	0	0	0	4	1	0	2	0

даже труднодоступных регионах РФ, относятся Сбербанк РФ и Россельхозбанк. Это политически и экономически значимые государственные банки, главной задачей которых является не получение прибыли от коммерческой деятельности, но обеспечение устойчивости банковской системы страны и повсеместной доступности банковских услуг. Сбербанк и Россельхозбанк, являясь крупнейшими банками с государственным участием и обладая числом филиалов и подразделений, значительно превышающим все прочие банки, образуют «каркас» национальной банковской системы.

На основе математических методов кластерного анализа осуществлено построение типологии банков в банковской системе России по числу их филиалов и подразделений и фактически выделен тип многофилиальных банков.

К многофилиальным банкам относятся банки, имеющие достаточное, но меньшее по сравнению с мультифилиальными банками количество филиалов и значительное количество структурных подразделений. Это банки, имеющие широкую географию присутствия и работающие преимущественно по всей территории России. В англоязычной терминологии банки этого типа обычно обозначаются как банки: “to big, to fail” («слишком большие, чтобы умереть»), что говорит об их значимости для банковской системы страны.

Третий тип банков — это банки с малым количеством филиалов и подразделений. Количественное большинство банков РФ, имеющих филиалы и подразделения, принадлежит этому типу. Качественно (по размеру активов, собственного капитала, рискованности деятельности и т.д.) их состав неоднороден и роль этих банков в банковской системе страны неоднозначна.

ВЫВОДЫ

В результате исследования на основе экономико-математических методов построена типология банков по числу их филиалов и структурных подразделений, подтверждена гипотеза о существовании в банковской системе РФ группы многофилиальных банков и фактически выделена эта группа, дано краткое описание каждого типа. Полученная типология представляет интерес для дальнейшего исследования особенностей их функционирования указанных типов банков в банковской системе России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верников А.В. Сравнительный анализ российской и китайской моделей банковских систем: пять лет спустя // Проблемы прогнозирования. 2015. № 2. С. 108–120.
2. Верников А.В., Мамонов М.Е. Сравнительный анализ эффективности госбанков и частных банков в России: новые расчеты // Деньги и кредит. 2015. № 7. URL: https://www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/vernikov_07_15.pdf (дата обращения: 10.02.2017).
3. Кихаева Е.Н., Чанышева В.А. Стратегическое управление в многофилиальном коммерческом банке // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: сб. ст. по матер. XXXIX междунар. науч.-практ. конф. № 7 (39). Новосибирск: СибАК, 2014. URL: https://sibac.info/conf/econom/xxxix/38766 (дата обращения: 20.03.2017).
4. Потемкин С.А., Новикова Н.Г., Ларина Т.А. Подходы к управлению экономической надежностью многофилиального банка // Финансы и кредит. 2010. № 35 (419). С. 2–10.
5. Тюкавкин А.В., Смольянинова Е.Н. Стратегия управления многофилиального коммерческого банка / Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 1. С. 141–145.
6. Ахматов Х.А., Дубова С.Е. Методика оценки эффективности деятельности многофилиального банка // Известия высших учебных заведений. Серия: экономика, финансы и управление производством. 2012. № 3. С. 3–7.
7. Долгова Е.В., Васильева Е.Е. Проблемы выделения категории многофилиальных банков в банковской системе РФ // Сибирская финансовая школа. 2016. № 2 (115). С. 30–35.
8. Долгова Е.В., Васильева Е.Е. Математическое описание категории многофилиальных банков РФ на основе кластерного анализа // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 1. С. 138–144.

9. Мандель И.Д. Кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1988. 176 с.
10. Анализ данных / под. ред. В.С. Мхитаряна. М.: Издательство Юрайт, 2016. 490 с.

REFERENCES

1. Vernikov A.V. Comparative analysis of Russian and Chinese models of banking systems: five years later. *Problemy prognozirovaniya = problems of forecasting*, 2015, no. 2, pp. 108–120. (In Russ.).
2. Vernikov A.V., Mamonov M.E. Comparative analysis of the efficiency of state-owned banks and private banks in Russia: new calculations. *Den'gi i kredit = Money and credit*, 2015, no. 7. URL: https://www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/vernikov_07_15.pdf. (accessed 10.02.2017). (In Russ.).
3. Kichaeva E.N., Chanysheva V.A. Strategic control in multi-branch commercial Bank. In *Economics and modern management: theory and practice*. Collection of papers of XXXIX International Conference, no. 7(39). Novosibirsk, Russia: SibAK, 2014. URL: https://sibac.info/conf/econom/xxxix/38766 (accessed 20.03.2017). (In Russ.).
4. Potemkin S.A., Novikova N.G., Larina T.A. The approaches to the management of economic reliability of a multi-branch bank. *Finansy i kredit = Finance and credit*, 2010, no. 35 (419), pp. 2–10. (In Russ.).
5. Tyukavkin A.V., Smolyaninova E.N. Management strategy in the multi-branch bank. The territory of new opportunities. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa = Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, 2012, no. 1, pp. 141–145. (In Russ.).
6. Akhmatov H.A., Dubova S.E. The methodology of assessing the performance of the multi-branch bank. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom = News of higher educational institutions. Series: Economics, finance and production management*, 2012, no. 3, pp. 3–7. (In Russ.).
7. Dolgova E.V., Vasilyeva E.E. Problems of determination of the category of multi-branch banks in the banking system of the Russian Federation. *Sibirskaya finansovaya shkola = Siberian financial school*, 2016, no. 2 (115), pp. 30–35. (In Russ.).
8. Dolgova E.V., Vasilyeva E.E. A mathematical description of the category of multi-branch banks of the Russian Federation on the basis of cluster analysis. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of PNIPU. Socio-economic science*, 2016, no. 1, pp. 138–144. (In Russ.).
9. Mandel I.D. Cluster analysis. Moscow: Finances and statistics, 1988. 176 p. (In Russ.).
10. Mkhitaryan V.S. (Ed.). Data analysis. Moscow: Publishing house Yurayt, 2016. 490 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Даниил Сергеевич Курушин — кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий и автоматизированных систем, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
dan973@yandex.ru
Екатерина Елисеевна Васильева — старший преподаватель кафедры экономики и финансов, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
VasilevaEE@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Daniil S. Kurushin — Cand. Sci (Tech.), Associate Professor, Department of information technology and automated systems, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
dan973@yandex.ru
Ekaterina E. Vasilyeva — Senior lecturer of the Department of Economics and Finance, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
VasilevaEE@list.ru

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-20–33
УДК 336.77.067.22
JEL G18, G24, O38

Усиление роли институтов развития в механизме банковского проектного финансирования

И.А. Езангина,
Волгоградский государственный технический университет,
Волгоград, Россия
https://orcid.org/0000-0002-9441-4401

Н.А. Сторожилов,
Волгоградский государственный технический университет,
Волгоград, Россия
https://orcid.org/0000-0002-9510-4325

АННОТАЦИЯ

Предмет. В настоящее время особую актуальность приобретают вопросы, связанные с расширением объемов финансирования инвестиционных проектов, которые характеризуются высоким уровнем социальной и инфраструктурной значимости для национальной экономики. В перспективе они обеспечат устойчивый экономический рост и диверсификацию экономики. В связи с этим актуализируется значимость институтов развития, деятельность которых направлена на преодоление «провалов рынка», на стимулирование банковского частного инвестирования, развитие инфраструктуры с использованием механизмов государственно-частного партнерства.

Цель работы. Раскрыть ключевое значение институтов развития и инструментов проектного финансирования в реализации стратегии промышленного и инновационного развития современного государства.

Методология. Для проведения исследования были использованы общенаучные методы и приемы: методы научной абстракции, аналогии, анализа, синтеза и сравнения, системно-структурный подход к анализу предмета исследования.

Результаты. В доказательство становления рынка проектного финансирования охарактеризованы в динамике его состояние и структура. Выявлены проблемы, риски, направления развития отечественного рынка с позиции усиления интереса банковских организаций. Наряду с традиционными услугами, предоставляемыми заемщику в рамках проектного финансирования, акцентировано внимание на развитии в российской банковской практике перспективных направлений (синдицированное кредитование, мезонинное и бридж-финансирование).

Выводы. Сделан вывод о необходимости актуализации механизма государственно-частного партнерства, в особенности роли институтов развития. Доказана перспективность мероприятий, реализуемых в настоящем Фондом развития промышленности и государственной корпорацией «Внешэкономбанк», а именно: запуска системы «одного окна», формирования государственной информационной системы промышленности, развития модели региональных фондов развития промышленности, организации работы банковских синдикаций и совершенствования базы их регулирования, инициирования работы Фабрики проектного финансирования. Совокупность обозначенных мероприятий обеспечит перманентную модернизацию российской промышленности и вместе с тем развитие банковского сектора, обладающего уникальными технологиями, компетенциями, ликвидными и доходными активами.

Ключевые слова: инвестиционный проект; проектное финансирование; рынок проектного финансирования; коммерческий банк; мезонинное финансирование; бридж-финансирование; синдицированное кредитование; государственно-частное партнерство; институт развития

Для цитирования: Езангина И.А., Сторожилов Н.А. Усиление роли институтов развития в механизме банковского проектного финансирования // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 20–33.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-20–33
UDC 336.77.067.22
JEL G18, G24, O38

Strengthening the Role of Development Institutions in the Banking Project Financing

I.A. Ezangina,
Volgograd state technical University,
Volgograd, Russia
https://orcid.org/0000-0002-9441-4401

N.A. Storozhilov,
Volgograd state technical University,
Volgograd, Russia
https://orcid.org/0000-0002-9510-4325

ABSTRACT

Topic. Currently, the particular relevance gains questions associated with the expansion of the amount of funding of investment projects, which are characterized by a high level of social and infrastructural importance to the national economy. It will also provide sustainable economic growth and diversification of the economy in the long term. In this regard, it actualizes the importance of development institutions, whose activities are aimed at overcoming 'market failures', to encourage the private investment by banks, and infrastructure development with use of mechanisms of state-private partnership.

Purpose. The purpose of this work is an attempt to reveal the key importance of institutions and instruments of project financing in the implementation of the strategy of industrial and innovative development of the modern state.

Methodology. To conduct the study there were used general scientific methods and techniques: methods of scientific abstraction, analogy, analysis, synthesis and comparison, the system-structural approach to the analysis of the research subject.

Results. In the proof of the formation of the market of project financing, it was described in the dynamics its status and structure. There were identified issues, risks, and directions of development of the domestic market for stimulation of interest of banking organizations. Along with the traditional services provided to the borrower under the project financing, the attention is focused on the development of the Russian banking practice of promising areas (syndicated loans, mezzanine and bridge financing).

Conclusions. We state the necessity of actualization of the mechanism of state-private partnership, particularly the role of development institutions. It has been proved the perspectivity of activities carried out at present by Industry Development Fund and State Corporation "Vnesheconombank", namely: run the system of 'one window', the formation of the state information system of industry, development of the model of regional development funds for industry, an organization of banking syndicated loans, improvement of database management, launching operation of the "Factory of project financing". The totality of the identified events will provide a permanent modernization of the Russian industry, and, along with the development of the banking sector with unique technology and knowledge, liquid and profitable assets.

Keywords: investment project; project financing; project financing market; commercial bank; mezzanine financing; bridge financing; syndicated lending; public-private partnerships; development institute

Citation: Ezangina I.A., Storozhilov N.A. Strengthening the role of development institutions in the banking project financing. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 20–33. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Повышение инвестиционной привлекательности как одно из у словий обеспечения экономического роста является ключевой задачей большинства современных рыночных макросистем, интегрированных в глобальные хозяйственные отношения. На фоне мирового уровня развития инновационного сектора Россия стоит перед необходимостью выбора и реализации стратегии «инновационного прорыва»: концентрации усилий общества, государства, реального производственного сектора на освоении принципиально новых, конкурентоспособных технологий и продуктов, инновационного обновления морально и физически устаревшего производственного потенциала. Создание благоприятного инвестиционного климата неотъемлемо связано с реализацией эффективных инвестиционных проектов, финансирование которых осуществляется в виде корпоративного, венчурного, государственного финансирования [1, с. 45]. Одна из наиболее востребованных мультиинструментальных форм воспроизводства реальных инвестиций — проектное финансирование, позволяющее на долгосрочной целевой основе аккумулировать значительные финансовые ресурсы из разных источников, а также элиминировать риски инвестиционного проекта путем их перераспределения между участниками, перманентно взаимодействующими на протяжении всего периода реализации проекта [2, с. 48].

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Речь идет об инициаторах проекта (инвесторах, заказчиках, спонсорах), проектной компании, эмитентах финансовых инструментов, кредиторах проекта, международных финансовых институтах, генеральном подрядчике, поставщиках активов проекта, исполнителях (оператор, агенты), покупателях проекта, страховых компаниях, консультантах и экспертах, органах государственной власти и пр. [3, с. 19].

Доказательством институционализации модели проектного финансирования выступает примерная схема его структурированной сделки, предлагаемой в части организации подразделением Sberbank CIB (*рис. 1*).

Вместе с тем ключевой особенностью проектного финансирования является акцент на объекте кредитования — собственно инвестиционном проекте, его эффективности, способности обслуживать кредит, проектных рисках. В качестве основного источника погашения задолженности и выплаты дохода рассматриваются денежные потоки, генерируемые в результате реализации инвестиционного проекта, а активы проекта при кредитовании становятся залогом.

СТАНОВЛЕНИЕ РЫНКА ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Широкое применение проектного финансирования в инфраструктурных, инновационных проектах, реализации глобальных мегапроектов, многообразие источников инвестиций и инвестиционных моделей, усиление роли государства как инвестора и растущая роль нормативного регулирования позволяет сделать вывод о становлении организованного масштабного рынка проектного финансирования в мировых масштабах и границах национальных экономических систем.

В продолжение исследования, анализируя крупнейшие мировые сделки проектного финансирования в 2016 г., выделяем Yanbu Aramco Sinopec Refining — совместное предприятие аравийского Yasref и китайского Sinopec по переработке нефти. Последнее обеспечено кредитом 26 местных, региональных и международных финансовых институтов в размере 4,7 млрд долл. на рефинансирование средств акционеров, которые были использованы для строительства.

Liwa Plastics Plant — промышленный проект, знаковый для оманской экономики, был профинансирован в размере 3,8 млрд долл. шестью экспортными кредитными агентствами, представляющими правительства Германии, Италии, Кореи, Нидерландов и Великобритании, а также 19 международными, региональными и местными коммерческими кредиторами. Данный проект является самым крупным из трех стратегических проектов роста, осуществляемых компанией Orpic с целью построения интегрированного оманского нефтеперерабатывающего и нефтехимического бизнеса в регионе Сахары.

В России за период 2013–2017 гг. предпринят ряд знаковых шагов, направленных на развитие нормативно-правового поля регулирования и стимулирования развития рынка проектного финансирования. Он включает в себя установление новых понятий и инструментов в сфере проектного финансирования для российского законодательства, а именно:

- создание специализированных обществ — проектных компаний;
- введение соглашений кредиторов;
- установление механизма уступки обязанностей и прав по договору;

Рис. 1 / Fig. 1. **Примерная схема сложноструктурированной сделки проектного финансирования в ПАО Сбербанк / An approximate scheme for the complex structured transaction of project financing in PJSC Sberbank**

Источник / Source: URL: http://sberbank-cib.ru/rus/getfinance/loans/project_financing.wbp (дата обращения: 23.11.2016).

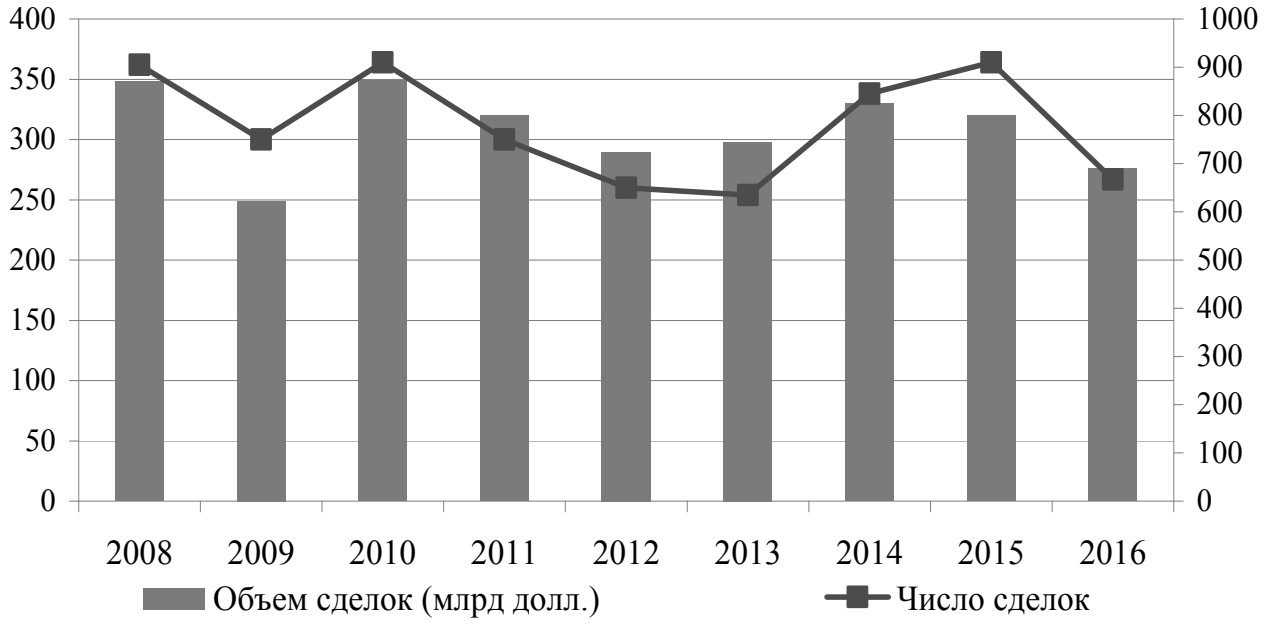


Рис. 2 / Fig. 2. **Динамика объема и количества сделок проектного финансирования в мире в 2008–2016 гг. / Dynamics of the volume and number of transactions of project financing in the world in 2008–2016**

Источник / Source: URL: http://ijglobal.com/uploads/Full%20Year%202016%20Global%20Project%20Finance%20League%20Tables.pdf (дата обращения: 25.02.2017).

Таблица 1 / Table 1

Объем и количество сделок проектного финансирования в странах Восточной Европы в 2015–2016 гг. / The volume and number of transactions of project financing in the countries of Eastern Europe in 2015–2016

Страна Восточной Европы	2016		2015		Изменения, %
	Сумма сделок, млрд долл.	Количество сделок	Сумма сделок, млрд долл.	Количество сделок	
Восточная Европа всего:	24309,3	38	13493,1	32	80,2
Российская Федерация	19081,2	12	622,9	4	2963,3
Турция	3446,6	17	10194,5	13	–66,2
Республика Словения	1077,8	1	123,1	1	775,5
Хорватия	284,6	1	–	–	–
Джорджия	177,0	2	250,0	1	–29,2
Польша	131,8	2	785,5	7	–83,2
Македония	69,0	1	–	–	–
Литва	41,3	2	95,4	1	–56,7

Источник / Source: URL: http://dmi.thomsonreuters (дата обращения: 12.02.2017).

• введение новых видов залогов (будущих прав, прав по договору);

• установление института, управляющего залогом.

Следует отметить важность внедрения в 2014 г. Правительством РФ постановления № 1044 об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории РФ на основе проектного финансирования в контексте взаимодействия субъектов реального и финансового секторов российской экономики. В Документе обозначены инструменты государственного регулирования, а также функционал инфраструктуры банковского проектного финансирования, в том числе закрепление перечня банков, уполномоченных кредитовать данную область, требования к ним.

В целом рынок проектного финансирования постоянно подвержен колебаниям и зависит от цен на сырье, доступа к финансированию и глобальным политическим изменениям. В 2016 г. было заключено 667 сделок общей стоимостью около 276 млрд долл. (*рис. 2*).

В 2016 г. в странах Восточной Европы было заключено 38 сделок в области проектного финансирования на сумму 24309,3 млрд руб., из которых 19081,2 млрд руб. (78,5%) приходится на 12 сделок России (*табл. 1*).

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Основными отраслями, которые использовали сделки с участием проектного финансирования в 2016 г., выступают энергетическая (48%), нефтегазовая (19,2%) и транспортная (16,5%) (*табл. 2*). Эти достаточно капиталоемкие сектора составляют существенную часть национальной инфраструктуры, имеют предсказуемые источники доходов, что делает их подходящими для проектного финансирования. С другой стороны, отмечаются снижающиеся объемы проектного финансирования в нефтегазовой отрасли, что, предположительно, вызвано значительным прогрессом в исследованиях и ожидаемому переходу к альтернативным нефти и газу источникам энергии [4, с. 69].

ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ БАНКОВСКИЙ ПРОДУКТ

В этих условиях объективно усиливается интерес и роль банковских институтов, для которых идеология проектного финансирования привлекательна с позиции долгосрочной доходности, развития механизмов совместного управления инвестиционными рисками, диверсификации направлений деятельности, прямой и косвенной поддержки

Таблица 2 / Table 2

Мировые сделки проектного финансирования в разрезе отраслей в 2015–2016 гг. / World transactions of project financing in the context of industries in 2015–2016

Сектор экономики	2016			2015			Изменение доли рынка, %
	Доходы, млрд долл.	Доля рынка, %	Количество сделок	Доходы, млрд долл.	Доля рынка,%	Количество сделок	
Энергетическая отрасль	110 871,5	48,0	471	106 746,8	38,5	501	9,5
Нефтегазовая отрасль	44 311,6	19,2	61	56 127,1	20,2	71	(1,0)
Транспортная отрасль	38 160,1	16,5	121	62 826,1	22,6	109	(6,1)
Нефтехимия	14 485,2	6,3	10	13 372,1	4,8	10	1,5
Сфера досуга	7683,7	3,3	60	10 413,9	3,8	45	(0,5)
Промышленность	6142,5	2,7	9	12 097,1	4,4	16	(1,7)
Добыча полезных ископаемых	4058,5	1,8	9	8737,3	3,2	20	(1,4)
Водоснабжение и канализация	3371,1	1,5	12	6049,1	2,2	18	(0,7)
Телекоммуникации	995,5	0,4	7	794,5	0,3	4	0,1
Мусоропереработка	851,1	0,4	5	312,00	0,1	5	0,3
Общее по секторам	230 930,9	100,0	765	277 475,9	100,0	799	–

Источник / Source: URL: http://ijglobal.com/uploads/Full%20Year%202016%20Global%20Project%20Finance%20League%20Tables.pdf (дата обращения: 12.02.2017).

государства, использования юридически оправданных инструментов стратегического, оперативного и текущего планирования, в особенности — финансового и налогового [5, с. 171]. Кроме того, практика такова, что инвестиционный цикл проекта часто выступает компетенцией банковского сектора, превращая проектное финансирование в комплексный банковский продукт, включающий шесть последовательных стадий:

- поиск объектов вложений;
- оценка рентабельности и риска проекта;
- разработка схемы кредитования;
- заключение взаимоувязанных соглашений с участниками проектного финансирования;
- выполнение производственной, коммерческой и финансовой программы до полного погашения кредитов;
- оценка финансовых результатов проекта и их сопоставление с запланированными показателями [6, с. 67].

В традиционный портфель банковских кредитных продуктов, предоставляемых заемщику в рамках проектного финансирования, входят: инвестиционный кредит (кредитная линия); межбанковское связанное финансирование импортных поставок оборудования или услуг с участием экспортных кредитных (страховых) агентств стран-поставщиков; финансовый лизинг; торговое финансирование; документарные операции; различные комбинации стандартных кредитных продуктов [7, с. 134]. Среди перспективных инструментов проектного финансирования в настоящем подлежат рассмотрению банковские синдикации, мезонинное и бридж-финансирование (*рис. 3*) [8, с. 144].

Рис. 3 / Fig. 3. **Вид банковских кредитных продуктов, доступных в рамках проектного финансирования / Type of bank loan products available under project financing**

Таблица 3 / Table 3

Оценка степени участия ПАО Сбербанк в проектном финансировании в 2013–2016 гг. / Evaluation of the degree of participation of PJSC Sberbank in project financing in 2013–2016

Год	Инструмент проектного финансирования	Функция	Степень участия
2014	Синдцированный кредит AGROCOR	Кредитор	600 млн евро
	Бридж-финансирование ООО «Ямал-Развитие»	Кредитор	97,556 млрд руб.
	Синдицированный кредит для Усольского калийного комбината	Кредитор Уполномоченный ведущий организатор	750 млн долл.
	Бивалютная синдицированная кредитная линия Московскому кредитному банку	Уполномоченный ведущий организатор Букраннер	500 млн долл.
2015	Синдцированный кредит ЕвроХим	Уполномоченный ведущий организатор	750 млн долл.
	Синдицированный предэкспортный кредит для ТОО «Актюбинская медная компания»	Уполномоченный организатор	200 млн долл.
	Синдицированный кредит БеларусьКалий	Организатор	550 млн евро
	Банковское сопровождение проекта «Сооружение АЭС Ханхикиви-1» в Финляндии	Финансовый консультант	150 млрд руб.
2016	Финансирование строительства инфраструктуры ТЭЦ в г. Советская Гавань	Кредитор	5,6 млрд руб.
	Финансирование строительства арктических танкеров Совкомфлот	Кредитор	340 млн долл.
	Синдицированный кредит Металлоинвест	Ведущий уполномоченный организатор, координатор	400 млн долл.

Источник / Source: URL: http://sberbank-cib.ru/index_rus.jsp (дата обращения: 01.07.2017).

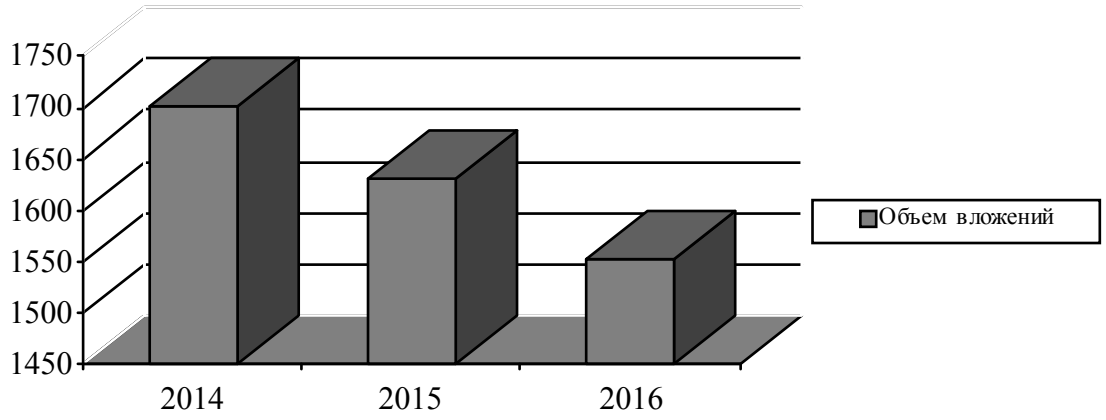


Рис. 4 / Fig. 4. **Динамика объема проектного финансирования группы ВТБ в 2014–2016 гг., млрд руб. / Dynamics of the volume of project financing of VTB Group in 2014–2016, billion rubles**

Источник / Source: URL: http://file.emitbase.rbc.ru/named/files/91/22/d853118071a7297e5bced1f05c43fc0d.pdf/b0e4ca8dc00d2b4abd258ff678ea1246402d0bef/4%20кв%202016.pdf (дата обращения: 01.07.2017).

Действительно, несмотря на сложность экономических условий, в настоящее время российские банки принимают участие в проектном финансировании и выполняют многообразные функции: организатора финансирования, кредитора, кредитного агента, агента ЭКСАР, финансового консультанта, банка счета инкассо, распределяя ответственность по различным аспектам деятельности (документация, финансовое моделирование, страхование, инжиниринг и т.д.) (*табл. 3*).

Вместе с тем специфические условия российской экономики порождают некоторые особенности проектного финансирования. Финансирование проектов под силу лишь крупным банкам и их консорциумам.

ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ И РОССИЙСКИЙ БАНКОВСКИЙ СЕКТОР

В настоящее время проектным финансированием занимаются системообразующие банки, имеющие соответствующие департаменты проектного финансирования (Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк, Газпромбанк, Альфа-Банк и др.). Лидерами в проектном финансировании являются Сбербанк и ВТБ, включенные в 2015 г. в Перечень российских банков, отобранных для участия в программе поддержки инвестиционных проектов на территории России. Так, объемы проектного финансирования группы ВТБ в динамике 2014–2016 гг. представлены на *рис. 4*.

Согласно данным *рис. 4* объем финансирования инвестиционных проектов в группе ВТБ в 2016 г. составил 1553,0 млрд руб. (на 151,7 млрд руб., или на 9% меньше, чем в 2014 г.), что может быть опосредованно связано с нестабильностью экономической системы России и колебанием валютных курсов.

АО «Газпромбанк» является одним из лидеров российского рынка проектного и структурного финансирования, о чем свидетельствует существенная доля сделок (более 20%) в кредитном портфеле банка. Газпромбанк финансирует инвестиционные проекты в различных отраслях: машиностроении, металлургии, нефтегазовом и агропромышленном секторах, недвижимости, энергетике и др. Занимаясь проектным финансированием уже более 10 лет, АО «Газпромбанк» принял участие в более 122 проектах. Следует отметить, что в 2016 г. АО «Газпромбанк» выступил организатором и кредитором проекта «Ямал СПГ», вошедшего в Топ-10 крупнейших сделок проектного финансирования в мире, и выделил средства в размере 19 млн долл.*

Вместе с тем существует большое количество факторов, препятствующих эффективному развитию проектного финансирования в России:

- неразвитость рыночной и инвестиционной инфраструктур;
- отсутствие единой информационной базы;
- высокий уровень проектных и экологических рисков, неразвитая система управления ими;
- низкий уровень корпоративного управления;
- дефицит источников длинного и дешевого финансирования;
- отсутствие единых методик и практических навыков в системе реализации сделок по проектному финансированию, что увеличивает вероят-

* URL: http://www.gazprombank.ru (дата обращения: 08.07.2017).

Рис. 5 / Fig. 5. **Планируемые ключевые показатели проектов, курируемых ФРП в 2015–2022 гг. / The planned key indicators of projects supervised by the IDF in 2015–2022**

Источник / Source: URL: http://frprf.ru/download/prezentatsiya-fonda-na-russkom-yazyke.pdf (дата обращения: 01.07.2017).

ность возникновения неопределенности и рисков в рамках проектов и ставит в полную зависимость от качества менеджмента банков, их оценивающих [9, с. 374];

- большая инвестиционная фаза проектов, низкое качество прогнозирования рынка из-за длительности проектов и волатильности рынков;
- Disruptive technologies — быстрое устаревание технологий;
- концентрация бюджетных средств в определенных отраслях и вместе с тем слабая отраслевая экспертиза, отсутствие отраслевых компетенций. Речь идет, в частности, о деятельности традиционных инфраструктурных монополий, проекты которых значительны по объему, имеют длительные сроки окупаемости [10, с. 38].

Кроме того, при множественности инструментов реализации проектного финансирования, весомости их преимуществ и перспектив отмечается принципиальный недостаток, касающийся всех ранее рассмотренных позиций,— отсутствие гарантий покрытия кредитных платежей за счет основной деятельности предприятия. Данный недостаток приобрел особое звучание в условиях современной российской экономики: под влиянием санкций значительно возросли препятствия, с которыми сталкиваются российские производственные комплексы в своей зарубежной инвестиционной деятельности. Наложенные технологические ограничения являются причиной приостановки многих крупномасштабных инвестиционных проектов. В условиях санкций банковский сектор также крайне лимитирован в части финансовых ресурсов. При имеющихся кризисных явлениях в экономике и дефиците бюджетных средств использование механизма государственно-частного партнерства (ГЧП) как формы проектного финансирования при реализации инфраструктурных проектов приобретает все большее значение. При этом функционал государственных структур многообразен: прямое финансирование, обеспечение институциональной среды реализации проекта, организационной структуры, оптимизация рисков путем гарантий.

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В ПРОЕКТНОМ ФИНАНСИРОВАНИИ

Отдельно следует отметить важность актуализации институтов развития в исследуемой области. Среди направлений деятельности в данном ключе выделяем следующие:

- нефинансовая поддержка («Агентство стратегических инициатив»);
- заемное финансирование (ВЭБ, корпорация МСП);
- прямые инвестиции (Российский фонд прямых инвестиций);
- грантовая поддержка (Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере);
- венчурное финансирование (РВК);

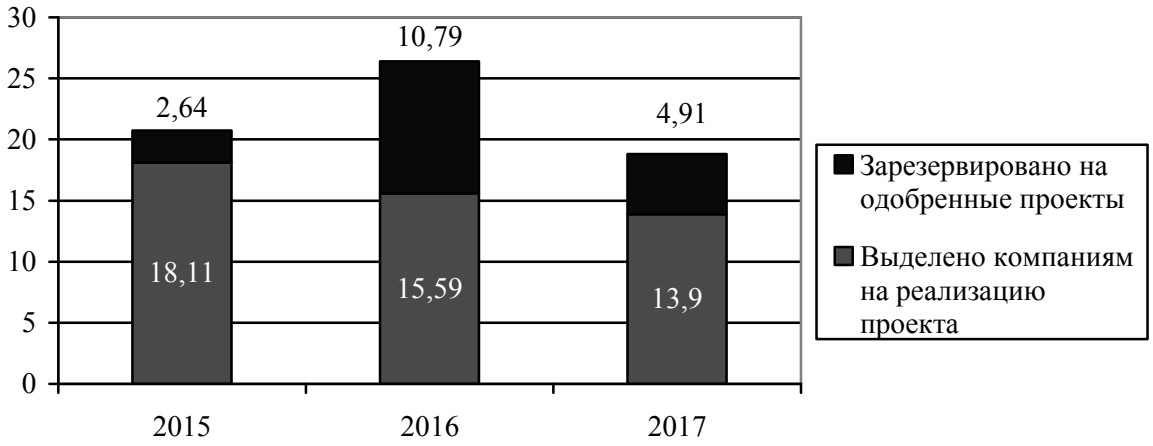


Рис. 6 / Fig. 6. **Динамика объема средств, направленных на финансирование проектов ФРП в 2015–2017 гг., млрд руб. / Dynamics of the volume of funds allocated to finance projects of the IDF in 2015–2017, billion rubles**

Источник / Source: URL: http://frprf.ru/press-tsentr/novosti/frp-profinansiroval-150-promyshlennykh-predpriyatiy (дата обращения: 05.07.2017).

• промышленные площадки [Ассоциация индустриальных парков, Российские особые экономические зоны (РосОЭЗ), Ассоциация кластеров и технопарков].

В 2014 г. по инициативе Министерства промышленности и торговли РФ путем преобразования Российского фонда технологического развития создан Фонд развития промышленности (ФРП). Цель деятельности Фонда — развитие инструментов финансирования модернизации российской промышленности, организации новых производств и обеспечения импортозамещения. В настоящее время на базе ФРП запущена система «одного окна» государственной поддержки промышленных предприятий. В контексте решения проблемы отсутствия единой информационной базы важно дальнейшее совершенствование на базе Фонда технологий государственной информационной системы промышленности (ГИСТ) как одного из существенных элементов инфраструктуры обеспечения реализации промышленной политики страны. Система позволяет перейти на новый качественный уровень при планировании, мониторинге реализации промышленной политики, а также скорости, транспарентности и эффективности взаимодействия органов власти и субъектов деятельности в сфере промышленности. В 2016 г. модель ФРП получила развитие в регионах: региональные фонды развития промышленности созданы в 16 субъектах Российской Федерации.

Финансовые меры поддержки Фонда включают: совместные с Банком России программы финансовой поддержки; прямое участие в капитале промышленных предприятий, в том числе с привлечением стратегических частных и государственных инвесторов; софинансирование предприятий совместно с региональными фондами развития промышленности.

Вместе с тем значимы и нефинансовые меры поддержки: организация работы по заключению специальных инвестиционных контрактов; помощь российским и зарубежным инвесторам в определении оптимальной площадки для размещения производства в России; обеспечение централизованного спроса на продукцию компаний — заемщиков ФРП со стороны крупного бизнеса; запуск ГИСП для автоматизации процессов сбора и обработки информации, что необходимо для корректировки промышленной политики.

В связи с этим планируемые ключевые показатели проектов, финансируемых (курируемых) Фондом в 2015–2022 гг., представлены на *рис. 5*.

За период активной деятельности ФРП профинансировал проекты российских промышленников на общую сумму займов 38,8 млрд руб., из них 12,9 млрд руб. пришлось на отрасль машиностроения, 6,7 млрд руб.— на медбиофарму, 4 млрд руб.— на металлургию и металлообработку, 3,8 млрд руб.— на электрическое оборудование, 2,8 млрд руб.— на химию и по 2,6 млрд руб.— на отрасли электроники и легкой промышленности. Объем средств, направленных на финансирование проектов ФРП в динамике 2015–2017 гг., представлен на *рис. 6*.

Способствовать долгосрочному экономическому развитию России за счет поддержки промышленности высоких переделов и проектов в высокотех-

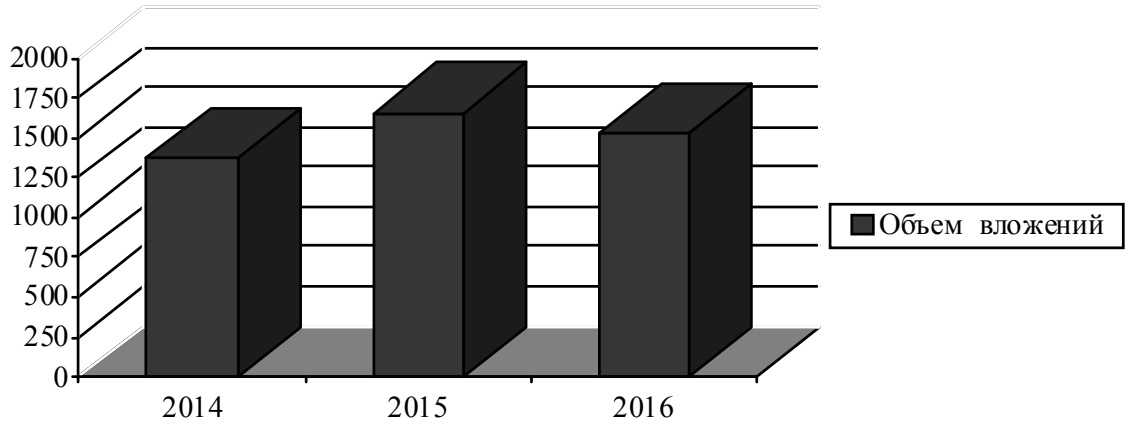


Рис. 7 / Fig. 7. **Динамика объема вложений Внешэкономбанка в проектное финансирование в 2014–2016 гг., млрд руб. / Dynamics of Vnesheconombank's investment in project financing in 2014–2016, billion rubles**

Источник / Source: URL: http://veb.ru/common/upload/files/veb/msfo/ifrs_2016_ru.pdf (дата обращения: 06.07.2017).

Рис. 8 / Fig. 8. **Перспективные направления деятельности ВЭБ на рынке проектного финансирования / Vnesheconombank's perspective activities in the project finance market**

Источник / Source: URL: http://veb.ru/common/upload/files/veb/news/2017/0424_p1.pdf (дата обращения: 01.07.2017).

нологичной сфере, поддержки экспорта и развития инфраструктуры, обеспечивающей рост экономики,— такова официальная миссия государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк, ВЭБ, Банк), декларируемая в Стратегии развития до 2021 года и бизнес-модели деятельности ВЭБ.

ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ГК «ВНЕШЭКОНОМБАНК»

Деятельность ВЭБ дополняет работу коммерческих банков в рамках инвестиционной деятельности, при этом ВЭБ может входить в проекты с коммерческими банками на принципах

Рис. 9 / Fig. 9. **Схема работы «Фабрики проектного финансирования» как нового продукта ВЭБ / Scheme of work of the "Project Finance Factory" as a new product of Vnesheconombank**

Источник / Source: URL: http://veb.ru/common/upload/files/veb/news/2017/0424_p1.pdf (дата обращения: 01.07.2017).

софинансирования. Общий объем средств, направленных ВЭБ в проектное финансирование в динамике 2014–2016 гг., представлен на *рис. 7*.

Так, в Стратегии развития до 2021 года ВЭБ видит возможности привлечения синдицирования от коммерческих банков в реализуемые им проекты, работая в двух направлениях: создание синдикатов и совершенствование регулирования синдикаций. Синдикация позволяет участникам рынка получить достаточный объем средств в проектное финансирование. Важен также механизм субсидирования ставки, качественный отбор проектов на самом входе и квалифицированная отраслевая экспертиза, реализуемые ВЭБ. В настоящем предлагаемая ВЭБ схема финансирования проектов предусматривает синдикацию 80/20, где 20% — акционерный капитал, 80% — заемные средства, синдицированные через транши для снижения рисков участников проекта. На *рис. 8* обобщены пути решения ВЭБ проблем проектного финансирования.

Положительным моментом для реализации проектного финансирования является и утвержденная в ВЭБ новая структура корпоративно-инвестиционного блока (КИБ), и разработка плана внедрения нового инвестиционного процесса. Работа блока будет построена с использованием модели гибкого управления проектами — agile-подход, ориентированного на сокращение срока рассмотрения заявок вдвое до 120 дней и отслеживание реализации проектов. Структура КИБа предполагает формирование проектных команд и персональную ответственность менеджеров среднего звена за проект. Менеджмент будут иметь отраслевые компетенции, опыт структурирования и сопровождения проектов. Доказательством усиления горизонтального взаимодействия выступает тот факт, что при работе с проектами КИБ будет тесно взаимодействовать с блоком «Отраслевые бизнес-решения», основной задачей которого является координация процесса формирования пула проектов для финансирования, их предварительная экспертиза и оценка бизнес-моделей. Расширение деятельности новой структуры особенно значимо в условиях сложившихся проблем в области качества управления проектами на соответствующем рынке проектного финансирования, а именно: дефицит квалифицированных управленческих команд, низкое качество проработки проектов, неучастие кредиторов в управлении, недооценка рисков, срыв сроков реализации проектов, превышение затрат.

Кроме того, новая структура и компетенции бизнес-блока поддерживают реализацию нового решения института — «Фабрики проектного финансирования», схема которого предполагает несколько этапов:

- центр компетенции проводит маркетинговый анализ и помогает в создании бизнес-модели;

• центр структурирования формирует оптимальную структуру сделки и механизм синдикации. Предполагается, что ставка для заемщика будет рассчитываться как инфляция в 4% плюс доходность ОФЗи премия (не более 3,5%). В итоге ставка не должна превысить 10% годовых. В рамках финансирования проектов «Фабрики проектного финансирования» 20% будет составлять акционерный капитал (доля ВЭБ в нем не превысит треть, остальные средства предоставляют инициаторы проекта), 80% — заемные средства, синдицированные через транши для снижения рисков участников проекта. При этом ВЭБ ориентирован на актуализацию госгарантий для повышения надежности инвестиций по одному из траншей, а также в случае возможного изменения процентной ставки в рамках «Фабрики проектного финансирования»;

• центр мониторинга следит за исполнением кредитного соглашения и ситуацией на рынке, помогает в актуализации финансовой модели и бизнес-плана (*рис. 9*).

Наконец, ВЭБ формирует новую модель работы с регионами. Речь идет об обучении сертифицированных менеджеров (в 23 пилотных регионах России), которые ориентированы на поиск и первичную оценку инвестпроектов в регионах, агрегировать все возможные инструменты региональной господдержки или инструменты региональных корпораций развития, чтобы сделать финансовую модель привлекательнее, а также сопровождать проект на этапе прохождения более глубокой экспертизы совместно с КИБ Банка.

ВЫВОДЫ

Таким образом, для увеличения объемов проектного финансирования необходимо увеличение объема привлеченных средств и прибыли кредитных организаций при неизменных прочих условиях. Подобные меры позволят ускорить развитие проектного финансирования, но качественный скачок в условиях ограниченности ресурсов коммерческих банков данные методы совершить не позволят. В связи с этим для полноценного внедрения проектного финансирования в российскую банковскую практику необходимо его комплексное институциональное обеспечение со стороны государства на принципах привлечения рыночного фондирования и софинансирования, развития нормативно-правового сопровождения, оказания консультационной, аналитической поддержки при разработке документов стратегического планирования и определении приоритетов пространственного развития. Деятельность институтов развития, тем самым, означает продвижение новой бизнес-модели, ориентированной на многостороннюю реализацию интересов и задач участников: государства, производственного сектора, банковского сообщества, страхового бизнеса, частных инвесторов и пр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сысоева А. А., Смулов А. М. Развитие системы банковского проектного финансирования инновационной деятельности в Российской Федерации: монография. М.: Издательство «Перо», 2016. 162 с.
2. Булатова Э. И. Проектное финансирование: проблемы и перспективы развития в России // Казанский экономический вестник. 2016. № 4 (24). С. 48–52.
3. Езангина И. А., Хмурова Т. В. Перспективные инструменты проектного финансирования: современный взгляд // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 20. С. 18–32.
4. Трушина И. А. Ретроспективный анализ проектного финансирования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 2 (25). С. 66–72.
5. Никулина О. В., Баклажкова К. В. Специфика банковского проектного финансирования инвестиционной деятельности предприятий различных отраслей экономики России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4 (31). С. 164–175.
6. Никонов И. А. Проектный анализ и проектное финансирование. М.: Альпина Паблишер, 2012, 154 с.
7. Руденко С. А. Проблемы и перспективы развития банковского проектного финансирования // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2015. № 12. С. 133–136.
8. Sazonov S. P., Ezangina I. A., Vaysbeyn K. D., Gorshkova N. V., Makarova E. A. Alternative sources of Business Development: Mezzanine Financing // Scientific Papers of the University of Pardubice. Series D: Faculty of Economics and Administration. 2016. Т. 23. № 37. С. 143–155.
9. Хмурова Т. В., Езангина И. А. Анализ особенностей развития проектного финансирования в России / В сборнике: Поколение будущего: Взгляд молодых ученых — 2015. Сборник научных ста-

тей 4-й Международной молодежной научной конференции: в 4-х томах / отв. редактор А.А. Горохов. Курск, 2015. С. 372–375.
10. Сильвестров С.Н., Кузнецов Н.В., Шестак В.П. Проектное финансирование инфраструктурных монополий в новой модели экономики России: монография. М.: Издательство «Когито-Центр», 2017. 174 с.

REFERENCES

1. Sysoeva A.A., Smulov A.M. Development of the system of banking project financing of innovation activities in the Russian Federation. Monograph. Moscow: Publishing House "Pero", 2016. 162 p. (In Russ.).
2. Bulatova E.I. Project Financing: problems and perspectives of development in Russia. *Kazanskii ekonomicheskii vestnik = Kazan economic bulletin*, 2016, no. 4(24), pp. 48–52. (In Russ.).
3. Ezangina I.A., Khmurova T.V. Promising tools for project financing: a modern view. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: problems and solutions*, 2016, no. 20, pp. 18–32. (In Russ.).
4. Trushina I.A. Retrospective analysis of the project financing. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Vector of the science of Togliatti State University. Series: Economy and management*, 2016, no. 2 (25), pp. 66–72. (In Russ.).
5. Nikulina O.V., Baklazhkova K.V. The specifics of the banking project financing of investment activities of enterprises in various sectors of the Russian economy. *Vestnik Permskogo universiteta = Perm University Bulletin*. Series: Economics, 2016, no. 4 (31), pp. 164–175. (In Russ.).
6. Nikonov I.A. Project analysis and project financing. Moscow: Alpina Publisher, 2012. 154 p. (In Russ.).
7. Rudenko S.A. Problems and prospects of development of bank project financing. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Works of young scientists of the Altai State University*, 2015, no. 12, pp. 133–136. (In Russ.).
8. Sazonov S.P., Ezangina I.A., Vaysbeyn K.D., Gorshkova N.V., Makarova E.A. Alternative sources of Business Development: Mezzanine Financing. Scientific Papers of the University of Pardubice. Series D: Faculty of Economics and Administration, 2016, vol. 23, no. 37, pp. 143–155.
9. Khmurova T.V., Ezangina I.A. The analysis of features of the development of project financing in Russia. In A.A. Gorokhov (Ed.) *The Generation of the future: a view of young scientists — 2015*. Collection of scientific articles of the 4th International youth scientific conference. 1–4 vol. Kursk, 2015, pp. 372–375. (In Russ.).
10. Silvestrov S.N., Kuznetsov N.V., Shestak V.P. Project financing of infrastructure monopolies in the new model of the Russian economy. Monograph. Moscow: Publishing House "Kogito-Center", 2017. 174 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Александровна Езангина — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и финансов производственных систем и технологического предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
ezangirina@rambler.ru
Николай Андреевич Сторожилов — магистрант, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
n.lopuhow@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Ezangina — Can. Sci. (Econ.), Associate Professor of management and finance, production systems and technological entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
ezangirina@rambler.ru
Nikolai A. Storozhilov — graduate student, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
n.lopuhow@gmail.com

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-34–49
УДК 336.225(045)
JEL E62, H21, H22, H26

Совершенствование системы налогового администрирования в России

В.А. Цветков,
Институт проблем рынка, Российская академия наук, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0002-7674-4802

А.А. Шутьков,
Институт проблем рынка Российская академия наук, Москва, Россия
https://orcid.org/0000-0001-7143-3995

М.Н. Дудин,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0001-6317-2916

Н.В. Лясников,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0003-2599-0947

АННОТАЦИЯ

Предмет. В статье исследуется действующая система налогового администрирования. Авторами были решены задачи аналитические (оценка эффективности деятельности налоговых органов) и исследовательские (определены проблемы и оптимальные пути их устранения).

Цель. Определение основных направлений модернизации и совершенствования налогового администрирования в Российской Федерации.

Методы исследования. В статье использованы: контент-анализ нормативно-правовой базы и научных публикаций по вопросам развития фискальной сферы, экономико-статистический анализ динамики результативности деятельности органов, осуществляющих налоговое администрирование и фискальный контроль.

Результаты. Реформы в налоговой сфере создали необходимую базу для модернизации российского фискального института, но одновременно с этим сохраняется ряд организационно-правовых и финансово-экономических аспектов, которые не позволяют существенно оптимизировать налоговое администрирование. Дальнейшая оптимизация налогового администрирования должна осуществляться системно и предполагать устранение пробелов в правовом регулировании и повсеместную интеграцию цифровых технологий в коммуникационные процессы между налоговыми органами и налогоплательщиками. Практическое назначение и научная ценность статьи заключается в построении целостно-логического видения в решении ряда проблем организации налогового администрирования и повышении результативности фискального контроля в России.

Выводы. Выделен ряд латентных факторов, которые ограничивают возможности (а следовательно, снижают эффективность) налогового администрирования в малом и среднем предпринимательстве. Это требует не только технологического обновления средств коммуникации между налоговыми органами и налогоплательщиками, но и пересмотра экономико-правовых подходов к использованию налоговых режимов, ориентированных на снижение доли «серого» и теневого предпринимательства в национальной экономике.

Ключевые слова: налоговое администрирование; налоговый контроль; фискальный контроль; налогообложение; учет налогоплательщиков

Для цитирования: Цветков В.А., Шутьков А.А., Дудин М.Н., Лясников Н.В. Совершенствование системы налогового администрирования в России // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 34–49.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-34–49
UDC 336.225(045)
JEL E62, H21, H22, H26

Improvement of the Tax Administration System in Russia

V.A. Tsvetkov,
Market Economy Institute of RAS, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0002-7674-4802

A.A. Shut'kov,
Market Economy Institute of RAS, Moscow, Russia
https://orcid.org/0000-0001-7143-3995

M.N. Dudin,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
http://orcid.org/0000-0001-6317-2916

N.V. Liasnikov,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
http://orcid.org/0000-0003-2599-0947

ABSTRACT

The subject of the research in this article is the current system of tax administration. The authors have solved analytical problems (assessment of efficiency of activity of tax authorities) and research ones (identify issues and optimal ways of their elimination).

The purpose of this article is to define the main directions of modernization and improvement of tax administration in the Russian Federation.

Research methods. In the article are used: a content analysis of the regulatory and legal framework, and scientific publications on the development of the fiscal sector; economic and statistical analysis of the performance dynamics of bodies carrying out tax administration and fiscal control.

Results. Reforms in the tax sphere has created the necessary basis for the modernization of the Russian fiscal institution, but at the same time, there are a number of organizational, legal and financial-economic aspects, which do not allow significantly to optimize tax administration. Further optimization of tax administration should be carried out systemically and to imply: elimination of gaps in the legal regulation and the widespread integration of digital technologies in communication processes between tax authorities and taxpayers. A practical purpose and scientific value of the article lie in building a holistically-logical vision in the solution of some problems of organization of tax administration and increasing the effectiveness of fiscal control in Russia.

Conclusions. There are selected number of latent factors that limit the ability (and, consequently, reduce the efficiency) of the tax administration in small and medium business. It requires not only technological modernization of the means of communication between tax authorities and taxpayers, but also revising the economic and legal approaches to the use of tax regimes aimed at reducing the share of 'grey' and shadow entrepreneurship in the national economy.

Keywords: tax administration; tax control; fiscal control; taxation; taxpayers

Citation: Tsvetkov V.A., Shutkov A.A., Dudin M.N., Lesnikov N.V. Improvement of the tax administration system in Russia. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 34–49. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В конце 2016 г. Президент Российской Федерации в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию говорил о необходимости «настройки налоговой системы», которая должна работать на стимулирование деловой активности, рост экономики и инвестиций, создание конкурентных условий развития предприятий. Глава государства заявил о необходимости отказаться от неэффективных инструментов, используемых в рамках данной системы[1]. Принимая во внимание вышесказанное, можно констатировать, что тема статьи, посвященная совершенствованию налогового администрирования, актуальна. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов[2] предусматривают послабление уровня налоговой нагрузки на добросовестных налогоплательщиков, а также интенсификацию мер по сокращению теневого и «серого» сектора, качественное изменение администрирования доходных поступлений и повышение собираемости налогов. При этом государство в настоящее время планирует устранить неравномерность конкуренции, которую можно считать одним из факторов, ограничивающих рост производительности труда, сдерживающих процессы модернизации и инновационной активности. По мнению ректора РАНХиГС В. А. Мау, повышение собираемости налогов без резких скачков ставок, усложнение налогового администрирования, изменение налогового законодательства — это то, что, в частности, можно считать ключевым благом для налоговой системы России[3].

Легитимное предпринимательство и легальный бизнес должны получить новые инструменты оптимизации затрат и в первую очередь транзакционных издержек. Именно для этого и предполагается развитие применения новых информационных технологий в налоговом администрировании.

Отмечено, что в период с 2015 по 2017 г. активно развивались новые инструменты фискального контроля, помогавшие совершенствовать налоговое администрирование и контроль, увеличивать их эффективность: АСК НДС-2, ЕГАИС, онлайн-кассы, межведомственный информационный обмен, межстрановой информационный обмен, «Личный кабинет налогоплательщика», электронная налоговая отчетность. Кроме этого, с 2017 г. в ведение Федеральной налоговой службы было передано администрирование страховых взносов во внебюджетные фонды (пенсионный, социального и медицинского страхования). Это, безусловно, способствует достижению поставленной цели (сокращению теневого и «серого» сектора в экономике), а также будет стимулировать рост собираемости налогов. Дальнейшее совершенствование налогового администрирования связано с реализацией системы АСК НДС-3, которая, помимо контроля над начислением НДС, сможет интегрировать и иную информацию: данные о движении средств по счетам налогоплательщиков (физических и юридических лиц), об объектах налогообложения, систему оценки рисков. Можно будет отслеживать взаимозависимость граждан (физических лиц) посредством использования информационной базы отделов ЗАГС[4].

В «Стратегии-2030»[5], которая была разработана Торгово-промышленной палатой РФ, также предусматривается снижение расходов на налоговое администрирование за счет унификации отчетности и перехода на электронный документооборот. Этому была дана положительная оценка представителями РАН. Так, например, член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг в конце 2016 г. говорил о том, что оптимизация и модернизация налогового администрирования положительно скажется на темпах экономического роста[6].

Комплексная автоматизация налогового администрирования (направленная на снижение издержек в предпринимательской деятельности), интеграция данных, связанных с финансово-хозяйственной деятельностью налогоплательщиков, объектами налогообложения,— это все то, что должно способствовать росту собираемости налогов в стране, повышению

---

[1] Послание Президента Федеральному Собранию (2016) // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379 (дата обращения: 21.09.2017).

[2] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов (проект) (2017) // Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам. URL: http://komitet-bn.km.duma.gov.ru/upload/site7/ONBNiTTP_v_GD_03.07.17(2).pdf (дата обращения: 21.09.2017).

[3] Владимир Мау — о налогах на богатых, неравенстве, повышении пенсионного возраста и Трампе (2017) // Налоги России. URL: http://www.taxru.com/blog/2017–01–30–24997 (дата обращения: 21.09.2017).

[4] Пономарева О. (2017). АСК НДС-3: новый «комплекс слежения» за бизнесом // Регфорум 29.07.2017. URL: http://regforum.ru/posts/3260_ask_nds_3_novyy_kompleks_slezheniya_za_biznesom/ (дата обращения: 21.09.2017).

[5] Принципы Стратегии экономического развития России до 2030 года (разработана ТПП РФ) (2016). // ПравдаИнформ. URL: http://trueinform.ru/modules.php?name=Laid&sid=5869 (дата обращения: 21.09.2017).

[6] Руслан Гринберг: «Стратегия 2030 — серьезный успех!» (2016) // ПравдаИнформ. URL: http://trueinform.ru/modules.php?name=Laid&sid=6086 (дата обращения: 21.09.2017).

налоговых доходов бюджетов всех уровней. Кроме того, совершенствование налогового администрирования можно и нужно рассматривать как очередную «ступень легализации» бизнеса, о необходимости которой ученые заговорили более 10 лет назад [1].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Прежде всего, необходимо привести уточнение термина «налоговое администрирование» и его взаимосвязь с налоговым контролем, уплатой налогов, формированием налоговых доходов бюджета. Если обратиться к нормам Налогового кодекса РФ[7] (далее — НК РФ), то в нем понятие «налоговое администрирование» отсутствует. Но в этот законодательный акт включено понятие «налоговый контроль», который определяется как «деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением налогоплательщиками, налоговыми агентами и плательщиками сборов, плательщиками страховых взносов законодательства о налогах и сборах» (п. 1 ст. 82 НК РФ). И уже только для обеспечения налогового контроля в нормах части 1 НК РФ идет речь об учете организаций и физических лиц в качестве налогоплательщиков, плательщиков страховых взносов (ст. 83–85 НК РФ). При этом собственно термин «налоговое администрирование» используется в нормативно-правовых актах, но его значение не раскрывается, и это неоднократно было указано в научных трудах, опубликованных ранее [2].

При этом как специалисты, осуществляющие свою деятельность в системе налоговых органов, так и ученые не имеют единого мнения по определению термина «налоговое администрирование». В частности, А.В. Угрюмова отмечает, что данный термин «применяется бессистемно, отсутствует единое понимание его содержания» [3]. Более того, данный термин не раскрыт ни в одном российском подзаконном или нормативном акте, а в федеральном законодательстве это понятие исключено из терминологического аппарата. Однако в 2006 г. Правительством Российской Федерации был внесен в Государственную Думу проект закона «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования», где данное понятие применено. Используется оно и в таких документах, как «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики» с 2007 г. И именно налоговому администрированию в этих нормативно-правовых документах уделяется достаточно много внимания, несмотря на то, что содержательная часть этого понятия не раскрывается.

Поэтому в научной и публицистической сфере можно встретить ряд различных (весьма часто диаметрально противоположных) трактовок понятия «налоговое администрирование». Так, А.М. Мамуров определяет его как «…усиленное налоговое управление, регулируемое нормативными актами в сфере налогообложения, которое обеспечивает налогообложение определенных объектов в условиях рыночной экономики…» [4]. В свою очередь, М.С. Мишенина и Л.В. Максимова понимают под налоговым администрированием совокупность процедур, которые обеспечивают государственное управление в сфере налогообложения. Налоговое администрирование имеет целевую направленность на исполнение налогового законодательства [5].

Стоит отметить, что О.А. Толкачев определяет налоговое администрирование как инструмент реализации налоговой политики и включает в систему налогового администрирования, в частности, инструменты налогового (фискального) контроля, в том числе возможности контроля налогоплательщиков, «Личный кабинет налогоплательщика», системы контроля НДС, онлайн-кассы и прочие системы, созданные с применением IT-технологий [6]. Э.Г. Шурдумова и Д.М. Канкулов понимают налоговое администрирование как организационную систему, помогающую реализовать налоговую политику государства [7]. Очевидно, что здесь налоговое администрирование рассматривается с точки зрения его организационной функции, работы налоговых органов по обеспечению поступления налоговых доходов в бюджет и налогового контроля.

По мнению Л.И. Гончаренко, налоговое администрирование является лишь составным элементом такого широкого понятия, как «управление налоговой системой». А последнее стоит рассматривать в широком (как деятельность государства, направленная на управление каждым элементом налоговой системы) и в узком (как управление налоговыми органами) смысле [8]. Отсюда можно сделать вывод, что налоговое администрирование базируется на нормативно-правовых актах (налоговом законодательстве), организационной деятельности налоговых органов по реализации налоговой политики и на налоговом контроле.

Достаточно интересен подход, представленный В.Г. Князевым и Л.Я. Маршавиной, где налоговое администрирование является частью процесса управления, имеющего определенные особенные черты, среди которых выделяются «инженерия налоговых

[7] Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в редакции от 18.07.2017 № 173-ФЗ) // Информационно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 25.09.2017).

отношений», процедурное (институциональное) опосредование и превалирование контрольной функции [9].

При этом Е.А. Федоров в соавторстве с другими исследователями [10] определяет систему налогового администрирования как комплекс, включающий:

- планирование и прогнозирование налогового бремени на основе учета налогоплательщиков (физических и юридических лиц);
- контроль, включающий систему контрольных мероприятий (контроль своевременности предоставления деклараций, налоговые проверки, налоговый мониторинг, контроль сделок);
- анализ, связанный с изучением эффективности налогообложения и работы налоговых органов, способствующий выработке мер, направленных на совершенствование налогообложения и налогового администрирования.

Становится очевидным, что налоговый контроль в данном определении выступает элементом налогового администрирования, а налоговое администрирование является комплексом мероприятий.

В научных трудах А.В. Грищенко, который обобщил результаты о сущности и трактовке понятия «налоговое администрирование», данные другими авторами, обосновано, что налоговое администрирование является системной деятельностью уполномоченных (специализированных) органов государственной власти. В данном контексте деятельность направлена на исполнение и совершенствование налогового законодательства, на обеспечение эффективного функционирования налоговой системы и налогового контроля [11]. По его мнению, налоговое администрирование намного шире понятия «налоговый контроль», оно включает не только регистрацию, учет, контроль налогоплательщиков, объектов налогообложения, но и связано с анализом эффективности налогообложения, налоговой нагрузки, разработкой изменений в налоговой системе. Поэтому следует отличать налоговое администрирование от понятия «администрирование налога», что указано в трудах А.В. Угрюмовой, где администрирование налога предлагается рассматривать как разработку «…систематизированных и упорядоченных процедур решения возникающих проблем в практике реализации действующего механизма исчисления и уплаты конкретного налога…» [3].

Таким образом, можно сделать выводы, что администрирование налога представляет собой определенную организационную технологию, которая направлена на:

- контроль своевременности подачи налоговой отчетности по налогу, уплаты налога со стороны налогоплательщика;
- получение сведений об объекте налогообложения из иных источников (например, Росреестр, ГИБДД, коммерческий банк, ОФД), в том числе для исчисления налогов (для физических лиц) и для налогового контроля;
- проведение камеральных налоговых проверок относительно правильности начисления и уплаты данного налога (при необходимости — и на проведение выездных налоговых проверок).

При этом налоговый учет налогоплательщиков не является администрированием налога, а представляет собой лишь основу для последующего администрирования и контроля. В аналогичном смысле стоит рассматривать и прием финансовой отчетности, который также ведется налоговым органом (он не направлен на администрирование какого-либо конкретного налога). Именно поэтому предлагается рассматривать налоговое администрирование:

- в широком смысле (как функционирование и деятельность специализированных органов власти по исполнению и совершенствованию налогового законодательства);
- в узком смысле (как работа налогового органа, связанная с учетом налогоплательщиков, администрированием конкретных видов налогов, общим контролем над соблюдением налогоплательщиками налогового и связанного с ним законодательства: о кассовых операциях, обороте алкогольной и иной продукции, финансовой отчетности в том числе).

Учитывая вышесказанное, мы считаем необходимым графически отобразить широкую и узкую трактовку термина «налоговое администрирование». В широком понимании данный термин представлен в виде структурно-логической схемы на *рис. 1.*

Модель, представленная на *рис. 1,* работает как комплексная система управления налогами в стране. Работа налоговых органов по реализации налоговой политики и обеспечению исполнения налогового законодательства — лишь одно из звеньев данной системы. Схема же организации налогового администрирования в узком смысле может быть представлена в соответствии с *рис. 2.*

Принимая во внимание вышеизложенное и обобщая научные исследования относительно сущности, функций, целей и задач налогового администрирования, можно прийти к выводу, что оно может рассматриваться в широком и узком понимании. В широком понимании налоговое администрирование является комплексным управлением налоговой системой со стороны государства (разработка налогообложения, обеспечение поступления налогов, анализ и изменение системы налогообложения). В узком

Рис. 1 / Fig. 1. **Организация налогового администрирования в России (в широком понимании термина «налоговое администрирование») / Organization of tax administration in Russia (in the broadest sense of the term 'tax administration)**

Источник / Source: разработано авторами / elaborated by the authors.

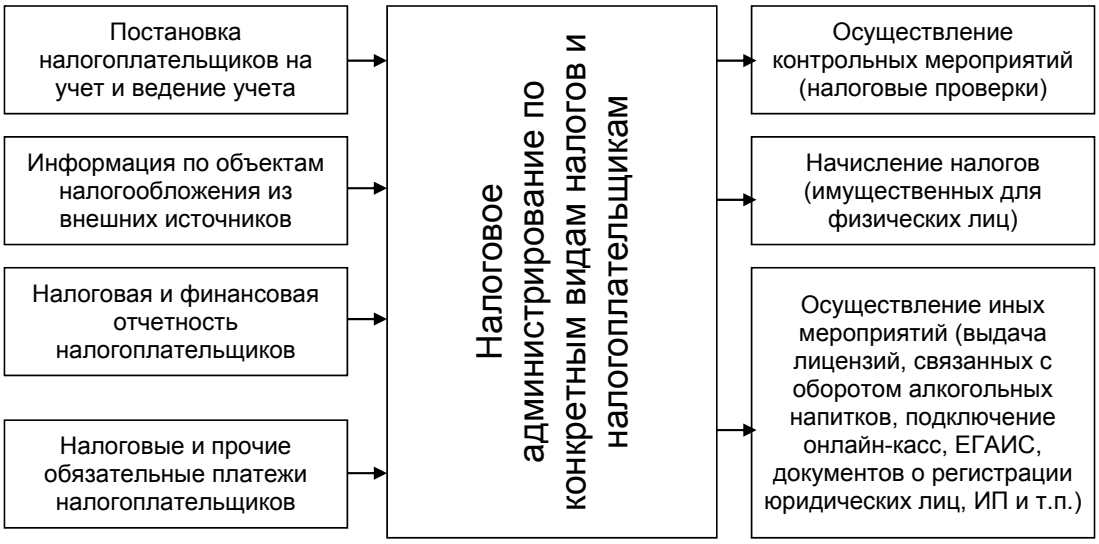


Рис. 2 / Fig. 2. **Организация налогового администрирования в России (в узком понимании термина «налоговое администрирование») / Organization of tax administration in Russia (in the narrow sense of the term 'tax administration')**

Источник / Source: разработано авторами / elaborated by the authors.

понимании налоговое администрирование — это деятельность налоговых органов, направленная на обеспечение исполнения налогового законодательства юридическими и физическими лицами. Она включает в себя налоговый учет, прием налоговой и финансовой отчетности, в ряде случаев — и расчет налогов, контроль над отчетностью и уплатой налогов, иные меры, которые также тесно связаны с обеспечением поступления налогов в бюджетную систему, исполнением норм налогового законодательства. Налоговый контроль тесно связан с налоговым администрированием, он возможен при наличии системы налогового администрирования и рассматривается как ее элемент.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель данной статьи состоит в определении результативности налогового контроля и налогового администрирования (за период с 2015 по 2017 г.) с учетом сложившейся структурной иерархии государственной фискальной системы. Для этого использованы методы:

- статистический анализ в виде исследования рядов динамики;
- анализ мнений экспертов (описанный в научных статьях и публицистике).

Информационной базой для проведения анализа стали данные, опубликованные Федеральной налоговой службой в виде отчетов о своей деятельности за рассматриваемые аналитико-статистические периоды, а также данные, представленные Правительством Российской Федерации в проекте Основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов. При этом в институциональном контексте авторами учитываются изменения в налоговом администрировании в связи с применением следующих инструментов:

- во-первых, это использование системы оценки рисков для проведения выездных налоговых проверок (на основе приказа ФНС «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок»[8]);
- во-вторых, это использование ЕГАИС, которая предназначена для контроля за оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Не только в оптовых, но и в розничных продажах она применяется с начала 2016 г., стала системой сплошного (сквозного) учета алкогольной продукции;
- в-третьих, система контроля над начислением и уплатой НДС (на основе уже действующей АСК НДС-2 и внедряемой АСК НДС-3). Данная система предоставляет возможность сопоставления книг покупок и продаж плательщиков НДС, которые сдаются в электронном виде вместе с декларацией, и одновременно служит инструментом камеральных проверок по НДС.
- в-четвертых, это система онлайн-касс, которая внедряется с 2017 г. Она связана с изменениями в законодательстве о налично-денежном обороте. До настоящего времени из системы онлайн-касс исключены налогоплательщики, использующие ЕНВД и патентную систему налогообложения, но в 2018 г. эти налогоплательщики будут включены в перечень субъектов, которые обязаны использовать онлайн-кассы. Обеспечение работы онлайн-касс связано с применением специальных кассовых аппаратов с выходом в Интернет (сертифицированы ФНС 53 модели на конец 2016 г.), а также личных кабинетов операторов фискальных данных (ОФД), которых в настоящее время пять;
- в-пятых, немаловажным является и снижение расходов на налоговое администрирование посредством применения специальных налоговых режимов субъектами малого и среднего предпринимательства — это упрощенная система налогообложения, применение единого налога на вмененный доход (далее — ЕНВД), единого сельскохозяйственного налога (далее — ЕСХН) и патентной системы налогообложения (далее — ПСН).

Исследование проводилось в два этапа. На первом исследованы статистические показатели и сделаны выводы по изменению эффективности налогового администрирования, а на втором — проанализированы мнения экспертов, опубликованные в периодических и информационных изданиях, а также обозначены проблемы, связанные с применением инструментов налогового администрирования и налогового контроля.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование показателей эффективности налогового администрирования было начато с анализа кадрового обеспечения работы ФНС РФ, расходов на работу ФНС, а также результатов контрольной деятельности ФНС (доначисленные в бюджеты всех уровней налоги, наложенные штрафы, пени на налогоплательщиков). Данные представлены в *табл. 1*.

Очевидно, что при росте бюджетных ассигнований на налоговые органы за два года на 21,6% доначисленные налоги и штрафы в результате контрольных мероприятий увеличились на 30,79%. При этом существенный рост бюджетных ассигнований в 2016 г. был связан с необходимым увеличением заработной платы служащим ФНС России, с приобретением услуг по разработке современного программного обеспечения и модернизацией автоматизированных систем, а также с переходом на новые инструменты налогового контроля, что в совокупности требует достаточно больших материальных затрат.

Важно отметить, что применение автоматизированных систем и системы управления рисками в налоговых органах помогли увеличить эффективность выездных налоговых проверок, что показано в *табл. 2*.

[8] Приказ ФНС РФ «Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок» от 30.05.2007 № ММ-3–06/333@ (в ред. от 10.05.2012 № ММВ-7–2/297@) // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn77/taxation/reference_work/conception_vnp/ (дата обращения: 25.09.2017).

Таблица 1 / Table 1

Расходы на организацию деятельности ФНС России по налоговому администрированию и результаты контрольной деятельности* / The costs of organizing activities of Federal tax service of Russia on tax administration and the results of control activities

Показатель	Период анализа по годам			Темп прироста, %		
	2014	2015	2016	2015 к 2014	2016 к 2015	2016 к 2014
Фактическая численность сотрудников, выполняющих функции налогового администрирования и контроля, тыс. чел.	17,7	17,5	16,6	–1,13	–5,14	–6,21
Бюджетные ассигнования на финансирование деятельности налоговых органов, млрд руб.	121,3	110,0	147,5	–9,32	34,09	21,60
Доначисленные налоги и штрафы по результатам проверок, млрд руб.	347,7	354,0	454,8	1,80	28,47	30,79

* *Источники:* Доклад об осуществлении ФНС России государственного контроля (надзора) в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля за 2015 год. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/doc/doclad_fnskont15.pdf (дата обращения: 21.09.2017); Доклад об осуществлении ФНС России государственного контроля (надзора) в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля за 2016 год. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/doc/doclad_fnskont16.pdf (дата обращения: 21.09.2017).

Таблица 2 / Table 2

Показатели эффективности и результативности проведения выездных проверок ФНС России* / Indicators of efficiency and effectiveness in conducting on-site inspections of FTS of Russia

Показатель	Период анализа по годам			Темп прироста, %		
	2014	2015	2016	2015 к 2014	2016 к 2015	2016 к 2014
Количество выездных налоговых проверок, тыс. ед.	34,2	29,4	24,9	–14,04	–15,31	–27,19
Средняя эффективность на одну выездную налоговую проверку (доначисления, штрафы), млн руб.	8,5	9,2	14,2	8,24	54,35	67,06

* Доклад об осуществлении ФНС России государственного контроля (надзора) в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля за 2015 г. // ФНС России. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/doc/doclad_fnskont15.pdf (дата обращения: 21.09.2017); Доклад об осуществлении ФНС России государственного контроля (надзора) в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля за 2016 г. // ФНС России. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/doc/doclad_fnskont16.pdf (дата обращения: 21.09.2017).

Данные *табл. 2* говорят о том, что снижение количества выездных налоговых проверок позволило увеличить эффективность в среднем от каждой такой проверки.

Одновременно с этим, руководствуясь критериями риска[9], налоговые проверки были отменены в тех хозяйствующих субъектах, целесообразность выезда в которые была минимальной.

Снижение количества проверок не уменьшает объемы доначисления налогов и начисления штрафных санкций по их результатам. Данные представлены на *рис. 3*.

Иные показатели, которые характеризуют эффективность налогового контроля в рамках налогового администрирования в России за 2014–2016 гг., представлены в *табл. 3*.

Из приведенных данных видно, что налоговые органы увеличили эффективность контрольной работы: при фактическом снижении проверок, связанных с пресечением правонарушений, количество возбужденных дел и наложенных административных

[9] Приказ ФНС РФ «Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок» от 30.05.2007 № ММ-3–06/333@ (в ред. от 10.05.2012 № ММВ-7–2/297@) // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn77/taxation/reference_work/conception_vnp/ (дата обращения: 25.09.2017.

Рис. 3 / Fig. 3. **Доначисления по результатам налоговых проверок / The additional accrual according to the results of tax audits**

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами / compiled and calculated by authors.

Таблица 3 / Table 3

Эффективность контрольной деятельности (налогового администрирования и налогового контроля) ФНС России* / The effectiveness of the control activities (tax administration and tax control) of the FTS of Russia

Показатель	Год			Изменение, %		
	2014	2015 г.	2016 г.	2015 к 2014 г.	2016 к 2015 г.	2016 к 2014 г.
Количество проверок, связанных с пресечением нарушений, тыс. ед.	183,7	186,5	167,3	1,52	–10,29	–8,93
Количество выявленных нарушений, тыс. ед.	204,7	210,5	187,0	2,83	–11,16	–8,65
Возбуждено дел об административных правонарушениях, тыс. ед.	145,5	148,5	135,5	2,06	–8,75	–6,87
Наложено административных наказаний, тыс. ед.	137,3	142,5	127,4	3,79	–10,60	–7,21
Удовлетворение жалоб налогоплательщиков на действия сотрудников ФНС, %	34,9	33,9	34,0	–1,0	0,1	–0,9
Доля проверок, результаты которых были признаны недействительными, %	0,66	0,54	0,47	–0,1	-0,1	–0,2
Доля проверок, по результатам которых были выявлены правонарушения	84,2	88,4	90,7	4,2	2,3	6,5

* Доклад об осуществлении ФНС России государственного контроля (надзора) в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля за 2015 г. // ФНС России. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/doc/doclad_fnskont15.pdf (дата обращения: 21.09.2017); Доклад об осуществлении ФНС России государственного контроля (надзора) в соответствующих сферах деятельности и об эффективности такого контроля за 2016 г. // ФНС России. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/doc/doclad_fnskont16.pdf (дата обращения: 21.09.2017).

наказаний уменьшилось не так существенно, сократилось удовлетворение жалоб налогоплательщиком, признание недействительными проверок, существенно увеличилась доля тех проверок, по результатам которых правонарушения были выявлены. Иными словами, налоговый контроль за последние три года действительно стал более эффективным, что в равной степени можно отнести и к налоговому администрированию.

Если рассматривать эффективность применения современных автоматизированных инструментов

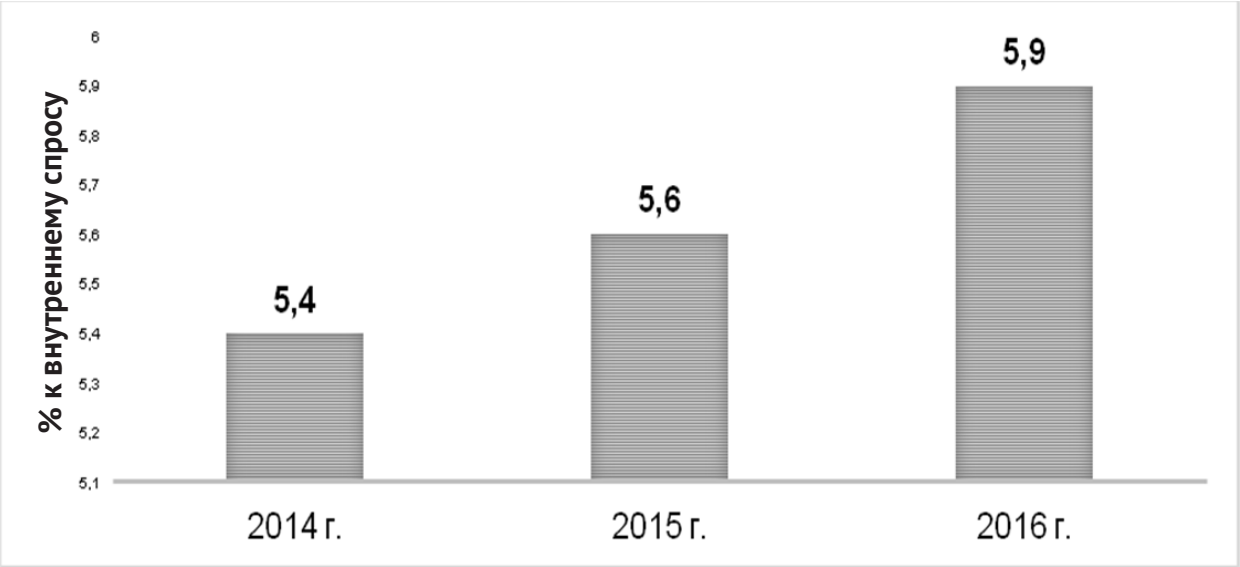


Рис. 4 / Fig. 4. **Динамика собираемости НДС (в % к конечному внутреннему спросу) / The dynamics of collection of VAT (in % to domestic final demand)**

Источник / Source: составлено авторами по материалам Минфина РФ / compiled by the authors according to the materials of the Ministry of Finance of the Russian Federation*.

* Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов (проект) (2017) // Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам. URL: http://komitet-bn.km.duma.gov.ru/upload/site7/ONBNiTTP_v_GD_03.07.17(2).pdf (дата обращения: 21.09.2017).

налогового контроля, то итоги, подведенные Министерством финансов Российской Федерации за 2014–2016 гг., могут быть описаны следующим образом.

Во-первых, внедрение и развитие использования АСК-НДС (АСК-НДС-2) позволило даже в условиях экономического спада увеличить собираемость НДС примерно на 0,5 п.п. к ВВП. В целом поступления НДС выросли с 5,4% от конечного внутреннего спроса (налогооблагаемой базе НДС в целом по стране) в 2014 г. до уровня в 5,9% в 2016 г. Также отмечено, что и в 2017 г. поступления НДС растут опережающими темпами по сравнению с внутренним спросом. Изменение собираемости НДС представлено на *рис. 4*.

Во-вторых, внедрение и развитие систем прослеживаемости (контроля над производством и оборотом) существенно сократило долю теневого сектора ряда рынков. В частности, внедрение ЕГАИС в розничные продажи с 2016 г. существенно ограничило возможности реализации алкоголя (нелегально произведенного или нелегально ввезенного в Россию) через розничную сеть.

Поэтому на фоне стагнации объема официально регистрируемого потребления алкоголя поступление акцизов увеличилось в 2016 г. на 28%, в январе — апреле 2017 г.— на 35% (*рис. 5*).

Становлению электронного документооборота без использования бумажных носителей между налоговыми органами и налогоплательщиками способствует развитие «Личного кабинета налогоплательщика» как комплексной системы, позволяющей обмениваться информацией с налоговыми органами (для физических лиц — это еще и возможность совершать онлайн оплату налогов). По данным на ноябрь и декабрь 2016 г. количество пользователей, которые были зарегистрированы на сервисе «Личный кабинет налогоплательщика — физического лица», составило 18 млн чел., что больше на 5 млн чел. по состоянию на конец 2015 г. При этом на конец 2017 г. личными кабинетами пользовались 6566 организаций и 12066 индивидуальных предпринимателей (на середину 2017 г. количество увеличилось до 9513 и 16536 соответственно)[10]. Очевидно, что такой обмен способствует более оперативному извещению налогоплательщиков, а также получению информации налоговыми органами (и ее последующей обработки, если, например, через личный кабинет сдаются в электронном виде декларации и иные формы отчетности).

Но внедрение онлайн-касс, которое активно началось с 2017 г., еще не дало определенно положительных результатов, поскольку лишь небольшая часть налогоплательщиков перешла на новые формы оплаты в течение 2016 г. В 2017 г. этот переход стал более массовым в связи с вступлением в силу новых

[10] Увеличилось количество пользователей электронных «личных кабинетов налогоплательщика» // ФНС России. URL: https://www.nalog.ru/rn54/news/activities_fts/6762824/ (дата обращения: 21.09.2017).

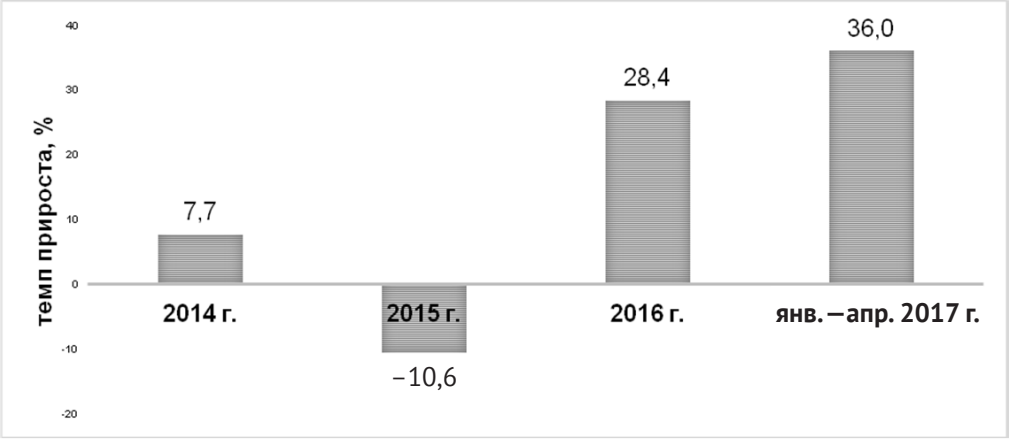


Рис. 5 / Fig. 5. **Динамика поступления в бюджеты акцизов от продажи крепких алкогольных напитков / Dynamics of the revenues of excise taxes from the sale of strong alcoholic beverages**

Источник / Source: составлено авторами по материалам Минфина РФ / compiled by the authors according to the materials of the Ministry of Finance of the Russian Federation.

норм закона о применении контрольно-кассовой техники.

Следует отдельно рассмотреть возможности применения патентной системы налогообложения в России. Фактически она начала свое действие с 2010 г. как упрощенная система налогообложения (УСН) на основе патента. А с 2013 г. начал действовать отдельный специальный налоговый режим — патентная система налогообложения (ПСН). Ее сущность заключается в упрощении налогового администрирования для субъектов микробизнеса (имеющих до 15 работников), и применима она только для индивидуальных предпринимателей. Сумма налога фиксированная, не зависящая от выручки (кроме лимита для применения, который в настоящее время составляет значительную для микробизнеса сумму в 60 млн руб. в год).

Исследователи этого вопроса, тем не менее, отмечают в России достаточно небольшой вес индивидуальных предпринимателей, перешедших на эту систему: 4,2% в 2015 г. и порядка 6% в 2017 г. [12]. Вместе с тем именно этот налоговый режим в большей мере способствует снижению нагрузки на специалистов ФНС в связи с проведением камеральных и выездных проверок (микробизнес выводится за зону риска, поскольку сумма платежа фиксирована). Причины, по которым микробизнес не так широко применяет ПСН:

- ограничения по среднесписочной численности персонала и по видам деятельности;
- отсутствие процесса минимизации налога на сумму уплаченных страховых взносов [в отличие от единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), единого налога на вмененный доход (ЕНВД), и УСН];
- достаточно высокие оценки потенциальной суммы дохода по некоторым видам деятельности.

Также не до конца понятна позиция законодателя, почему ПСН неприменима к юридическим лицам (таким же субъектам микробизнеса), а использовать систему налогообложения с уплатой ЕНВД разрешено [13]. ЕНВД по своей сути является таким же налогом, рассчитываемым от «вмененного» дохода (фиксированный платеж) и также значительно сокращающим необходимость контроля за субъектами микробизнеса. Но и для ЕНВД существует масса ограничений (главное — перечень видов экономической деятельности), которые не делают данную систему налогообложения такой востребованной, какой бы ей следовало быть [14].

Применение упрощенной системы налогообложения или режима с уплатой ЕСХН также избавляет налоговые органы от излишнего контроля, связанного с НДС и налогом на прибыль, однако здесь контроль все-таки необходим (за формированием доходов и при применении ЕСХН и УСН с объектом «доходы, уменьшенные на величину расходов» — еще и расходов). Аналогично не ясно, почему налоговым законодательством не предусмотрено применение ЕСХН с объектом «доходы» по примеру УСН (это бы могло избавить многие сельскохозяйственные предприятия от излишней нагрузки в связи с учетом расходов). Специалисты отмечают и проблему, связанную с невозможностью предприятий, работающих на ЕСХН, добровольно стать плательщиками НДС (поскольку при покупке у них сельскохозяйственной продукции крупные компании-экспортеры могли бы делать возмещение НДС по экспорту).

Если рассматривать иные проблемы, которые выделяются в налоговом администрировании и в налоговом контроле, то их перечень можно структурировать следующим образом. Во-первых, до сих пор не решены все проблемные вопросы с применени-

ем Единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС) при продаже алкогольной продукции. Непродуманной является работа системы с ресторанами, кафе, барами, так как в этих заведениях в настоящее время нет возможности продажи алкогольных напитков порциями, поскольку любая открытая бутылка должна быть списана немедленно. Если такое вскрывается при проверке, это считается грубым нарушением, за которое предусмотрен штраф. Эти моменты в последнее время широко освещены в научных изданиях, в частности в статьях А.Е. Бабушкина [15], Н.П. Широковой [16], Е.А. Левутиной и Е.В. Першиковой [17].

Во-вторых, имеются сомнения, связанные с эффективностью применения онлайн-касс субъектами микробизнеса, работающими на ЕНВД и патентной системе. Их выручка не зависит от объема продаж, лимит выручки для применения систем достаточно большой для микробизнеса, а контроль выполнения лимита можно производить и с применением бланков строгой отчетности, как это было раньше. При этом затраты на приобретение, регистрацию, обслуживание онлайн-кассы, оплата оператору фискальных данных за ведение личного кабинета для таких субъектов достаточно велики. Компенсация же в пределах 18 тыс. руб. в год от стоимости патента может и вовсе рассматриваться в этом ключе как необоснованное недополучение региональными и местными бюджетами сумм данных налогов (стоимости патентов и ЕНВД). Поэтому принятие такого решения выглядит крайне сомнительным. Сомнительна и в целом эффективность внедрения онлайн-касс с точки зрения контроля за оборотом наличности, поскольку они контролируют только поступление выручки, но не все движение наличных денег (расходование, сдачу в банк, поступление по иным операциям и т.п.).

Неясным остается вопрос, для чего в «кассовых операциях» учитывать оплату банковскими картами (этот вопрос был актуален и до онлайн-касс) и интернет-эквайринг (с 2017 г.), поскольку с движением наличных денег данные операции не связаны, а доходы учитываются при поступлении денег от операторов эквайринга на расчетный счет получателя. Такие проблемы обозначены, в частности, в статьях К.А. Косовой и Е.В. Храповой [18], Н.С. Белогиной и Д.А. Истомина [19], Л.С. Гринкевич и И.Ю. Жалонкиной [20]. Поэтому однозначно положительно оценивать данный инструмент фискального контроля пока что рано.

В-третьих, некоторые сомнения вызывают и «нововведения» в части налогового администрирования, связанные с тем, что организации, работающие по упрощенной системе налогообложения, обязаны вести в полной мере бухгалтерский учет и формировать (хотя только раз в год и по упрощенной форме) финансовую отчетность. Данные положения были введены вступившим в силу с 2013 г. новым законом о бухгалтерском учете[11], хотя прежний закон этого не предусматривал (в прежнем законе казалось странным исключение из числа сдающих такую отчетность организаций, применяющих только УСН, а не ЕНВД). В результате для многих малых предприятий увеличился объем учетной работы и формируемой отчетности. Смысл же данной отчетности для налоговых органов сводится к нулю — она никоим образом не влияет на налоги, начисленные кассовым методом или от вмененного дохода налогам, практически не используется для налогового контроля [21].

В-четвертых, до сих пор не ясно, почему в условиях интеграции и информационного взаимодействия ряд документов для одних и тех же субъектов (в первую очередь физических лиц) формируется и выдается разными органами, что требует административной работы большого количества специалистов. В первую очередь это СНИЛС и ИНН. Первый является регистрационным номером физического лица в ПФР, одновременно используется как код доступа к системе «Госуслуги». Второй — номер налогоплательщика в реестре, который ведется налоговым органом. Эти документы выдаются параллельно разными организациями одному и тому же субъекту пожизненно, их учет ведется в разных базах.

Здесь очевидным кажется совмещение СНИЛС и ИНН и администрирование их выдачи одним органом — ФНС России.

РЕЗУЛЬТАТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕШЕНИЙ

Полученные результаты свидетельствуют о том, что реформы налогового администрирования в России в первую очередь направлены на снижение нагрузки на налоговые органы в части осуществления налогового контроля. Налоговый контроль в форме налоговых проверок должен проводиться лишь с учетом высоких рисков в деятельности налогоплательщика и только тогда, когда налоговый орган уверен в получении результата, превосходящего затраты на проверку.

В иных случаях, как предполагает Министерство финансов РФ в основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики[12], доста-

[11] Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (в ред. от 18.07.2017 № 160-ФЗ) // Информационно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 25.09.2017).

[12] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 год и плановый период

точными будут камеральные проверки с получением пояснений при необходимости (возможности для камеральных проверок при росте информационного взаимодействия и интеграции информационных систем сильно расширились), предпроверочная работа (вызов на беседы налогоплательщиков, по которым имеются определенные риски, но нет уверенности в эффективности проверок) [22].

Повышение эффективности налогового администрирования можно связать и с упрощением налогового контроля по ряду налогоплательщиков (прежде всего, по субъектам малого предпринимательства, контрольные мероприятия по которым обычно малоэффективны). Для этих целей вполне достаточным будет максимальное исключение таких субъектов из «зоны налоговых рисков» посредством развития применения патентной системы налогообложения (даже для юридических лиц) и ЕНВД либо упрощенной системы и ЕСХН, но с объектами «доходы» (когда в камеральной проверке нуждаются только доходы, что значительно ее упрощает). Об одном из недостатков патентной системы налогообложения в статье С.П. Свистуна и Н.П. Алексеева указывается невозможность ее применения для юридических лиц [23], с чем трудно не согласиться. Анализируя положения, изложенные в трудах А.А. Сорокиной и соавторов [24], нельзя не согласиться с тем, что применение патентной системы было бы эффективным в некоторых сферах (например, сдача жилья в наем), если бы граждан не обязали регистрироваться как индивидуальных предпринимателей, которые должны вносить фиксированные платежи в социальные внебюджетные фонды. Требуется изменить и законодательство, регулирующее кассовые операции. В частности, оптимальным решением была бы отмена обязательности подключения онлайн-касс для субъектов, работающих на ЕНДВ, ПСН. Оптимальным было бы и изменение принципа работы самих онлайн-касс: внедрение «виртуальных касс», работающих только от стандартных программ вроде «1С: Предприятие» без подключения кассового аппарата. Тем более, что технические возможности для реализации этого уже есть. Конечно, следует исключить из кассовых операций оплату банковскими картами и через Интернет, поскольку смысла контроля здесь нет (денежные средства поступают от оператора эквайринга на расчетный счет и все равно будут учтены как доходы, движения же наличных денег здесь нет). А вот введение контроля над расходом наличных денег при помощи таких онлайн-касс могло бы, напротив, улучшить налоговое администрирование.

Наконец, отмена документарных СНИЛС и ИНН, замена их единым документом, а еще лучше — перевод в бездокументарный режим с отметкой данных номеров (или единого идентификационного номера) в паспорте (как это предлагается в рамках «Российской общественной инициативы»[13]) также может стать оптимальным решением. Тем более, вариант замены всех этих документов единым (единым номером) уже рассматривался неоднократно[14].

ВЫВОДЫ

Таким образом, современная система налогового администрирования связана с разработкой налоговой политики, ее эффективной реализацией. На сегодняшний день налоговые органы имеют четкий курс на повышение эффективности налогового контроля. В этом важная роль отводится оценке рисков и интеграции информации, информационному взаимодействию с другими органами. При снижении количества выездных проверок увеличиваются возможности проведения камеральных проверок (в частности, при внедрении АСК НДС, онлайн-касс, ЕГАИС и иных инструментов), автоматизируется работа и информационный обмен с физическими и юридическими лицами. Все это повышает эффективность налогового администрирования (увеличивает собираемость налогов, результативность проверок, обеспечивает интеграцию в легитимную экономическую среду теневого и «серого» сектора).

Однако имеется ряд проблем в осуществлении налогового администрирования, которые были обозначены в статье (при применении онлайн-касс, ЕГАИС, специальных налоговых режимов). Решение данных задач может быть обеспечено посредством внесения изменений в налоговое законодательство, а также в ряд взаимосвязанных нормативно-правовых (в том числе и подзаконных) актов. Совершенствованием процедур налогового контроля можно нивелировать указанные выше недостатки в налоговом администрировании, еще в большей мере увеличив эффективность в целом всей фискальной системы государства.

2019 и 2020 годов (проект) (2017) // Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам. URL: http://komitet-bn.km.duma.gov.ru/upload/site7/ONBNiTTP_v_GD_03.07.17(2).pdf (дата обращения: 21.09.2017).

[13] Указывать ИНН и СНИЛС в паспорте (штампом/печатно) (2017) // Российская общественная инициатива. URL: https://www.roi.ru/34000/ (дата обращения: 21.09.2017).

[14] В России упразднят ИНН и СНИЛС и введут для каждого человека идентификационный номер (2016) // AltaPress. URL: http://altapress.ru/story/v-rossii-uprazdnyat-inn-i-snils-i-vvedut-dlya-kazhdogo-cheloveka-identifikatsionniy-nomer-184000 (дата обращения: 21.09.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радаев В.В. Российский бизнес на пути к легализации // Неприкосновенный запас. 2003. № 3 (29). URL: http://history90.ru/Soc/Mod90/Society/Entrepreneurship/Radaev_2003.pdf (дата обращения: 21.09.2017).
2. Куклина Т.В. Налоговое администрирование в РФ: сущность, принципы и основные проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 179–181.
3. Угрюмова А.В. К вопросу о содержании понятий «налоговое администрирование» и «администрирование налога» // Вестник финансовой академии. 2008. № 4. С. 150–154.
4. Мамуров А.М. Управление налогообложением в налоговой системе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2013. № 10. С. 139–145.
5. Мишенина М.С., Максимова Л.В. Налоговая безопасность и налоговое администрирование в системе мер обеспечения экономической безопасности // Академический вестник. 2012. № 2 (20). С. 239–241.
6. Толкачев О.А. Налоговое администрирование как современный этап налоговой реформы // Молодой ученый. 2014. № 17. С. 330–333.
7. Шурдумова Э.Г., Канкулова Д.М. Налоговое администрирование как основа реализации налоговой политики государства // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2013. № 22. С. 130–135.
8. Гончаренко Л.И. К вопросу о понятийном аппарате налогового администрирования // Налоги и налогообложение. 2010. № 2. С. 22–29.
9. Князев В.Г., Маршавина Л.Я. Налоговое администрирование в транзитивной экономике. М.: Волтерс Клувер, 2010. 432 с.
10. Федоров Е.А., Баранова Л.Г., Федорова В.С. Налоговый контроль как элемент налогового администрирования // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2014. № 3. С. 176–182.
11. Грищенко А.В. Дискуссионные вопросы понятийного аппарата налогового администрирования // Известия Уральского государственного экономического университета. 2015. № 5 (61). С. 32–36.
12. Илларионова М.О. Влияние патентной системы налогообложения на развитие малого бизнеса и налоговые доходы // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 6. С. 28–35.
13. Лобова Т.Г. Патентная система налогообложения — недостатки // Актуальные вопросы развития экономики: Материалы международной научно-практической конференции / под ред. В.В. Карпова, А.И. Ковалева. Омск: Омский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, 2015. С. 205–209.
14. Нечкина Е.В. Специальные налоговые режимы: анализ и оценка применения в РФ // Состояние и перспективы инновационного развития АПК: Сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова». Саратов, 2013. С. 365–375.
15. Бабушкин А.Е. Учет и контроль алкогольной продукции через систему ЕГАИС // Экономика и социум. 2017. № 2 (33). С. 211–213.
16. Широкова Н.П. Розничная торговля алкоголем: оценка ЕГАИС // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. 2013. Т. 1. № 11. С. 90–93.
17. Левутина Е.А., Першикова Е.В. Единая государственная информационная система (ЕГАИС) как эффективный способ борьбы с алкогольной фальсифицированной продукцией // Товаровед продовольственных товаров. 2017. № 5–6. С. 32–37.
18. Косова К.А., Храпова Е.В. Спорные вопросы применения онлайн ККТ для малого и среднего предпринимательства // Актуальные вопросы развития экономики: Материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 84–87.
19. Белогина Н.С., Истомин Д.А. Проблемы и направления развития контроля операций с денежными средствами // Инновации в науке. 2017. № 3 (64). С. 63–66.
20. Гринкевич Л.С., Жалонкина И.Ю. Новый порядок применения контрольно-кассовой техники: причины введения и последствия // Сибирская финансовая школа. 2017. № 3 (122). С. 60–64.
21. Хрусталева А.А., Щеглова О.Г. Основные недостатки действующей системы налогообложения // Молодой ученый. 2017. № 6. С. 309–313.
22. Егорова Е.Н., Савин Д.А. Совершенствование проведения предпроверочного анализа в целях увеличения результативности выездных налоговых проверок // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 26 (164). С. 39–44.
23. Свистун С.П., Алексеев Н.П. Патентная система налогообложения и пути ее совершенствования // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. № 50–2. С. 49–53.

24. Сорокина А.И., Пригожин В.Л., Огнев Д.В. Анализ и совершенствование налогового администрирования патентной системы налогообложения сделок с недвижимостью // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 9 (104). С. 212–216.

REFERENCES

1. Radaev V.V. The Russian business on the path to legalization. *Neprikosnovennyi zapas = Emergency reserve*, 2003, no. 3 (29). URL: http://history90.ru/Soc/Mod90/Society/Entrepreneurship/Radaev_2003.pdf (accessed 21.09.2017). (In Russ.).
2. Kuklina T.V. Tax administration in the Russian Federation: the essence, principles and main problems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2009, no. 329, pp. 179–181. (In Russ.).
3. Ugryumova A.V. To the question about the meaning of 'tax administration' and 'administration of tax'. *Vestnik finansovoi akademii = Bulletin of Financial Academy*, 2008, no. 4, pp. 150–154. (In Russ.).
4. Mamyrov A.M. Tax management in the tax system. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences*, 2013, no. 10, pp. 139–145. (In Russ.).
5. Mishenina M.S., Maksimova L.V. Tax security and tax administration in the system of measures of economic security. *Akademicheskii vestnik = Academic Bulletin*, 2012, no. 2 (20), pp. 239–241. (In Russ.).
6. Tolkachev O.A. Tax administration as a modern stage of tax reform. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2014, no. 17, pp. 330–333. (In Russ.).
7. Shurdumova E.G., Kankulov D.M. Tax administration as the basis for the implementation of state tax policy. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad = Modern trends in economics and management: a new look*, 2013, no. 22, pp. 130–135. (In Russ.).
8. Goncharenko L.I. To the question of the conceptual apparatus of the tax administration. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and taxation*, 2010, no. 2, pp. 22–29. (In Russ.).
9. Knyazev V.G., Marshavina L. Ya. Tax administration in transition economies. Moscow: Walters Kluwer, 2010. 432 p. (In Russ.).
10. Fedorov E.A., Baranova L.G., Fedorova V.S. Tax control as an element of tax administration. *Izvestiya Peterburgskogo universiteta putei soobshcheniya = Bulletin of St. Petersburg University of Railway Tracks*, 2014, no. 3, pp. 176–182. (In Russ.).
11. Grishchenko A.V. Discussion questions of the conceptual apparatus of the tax administration. *Izvestiya Peterburgskogo universiteta putei soobshcheniya = Bulletin of the Ural State Economic University,* 2015, no. 5 (61), pp. 32–36. (In Russ.).
12. Illarionova M.O. The influence of the patent system of taxation on small business development and tax revenues. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik = International student scientific bulletin*, 2016, no. 6, pp. 28–35. (In Russ.).
13. Lobova T.G. [Patent system of taxation — disadvantages]. *Aktual'nye voprosy razvitiya ekonomiki Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod redaktsiei V.V. Karpova i A.I. Kovaleva* [V.V. Karpov and A.I. Kovalev (Eds.). Actual problems of development of economy. Materials of international scientific-practical conference]. Omsk, Russia: Omsk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 2015, pp. 205–209. (In Russ.).
14. Nechkina E.V. [Special tax regimes: analysis and assessment of the application in Russia]. *Sostoyanie i perspektivy innovatsionnogo razvitiya APK: Sbornik nauchnykh statei po materialam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu FGBOU VPO «Saratovskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet im. N.I. Vavilova»* [State and prospects of innovative development of the agroindustrial complex: collected articles of the II International scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of Vavilov Saratov State Agrarian University]. Saratov, Russia, 2013, pp. 365–375. (In Russ.).
15. Babushkin A.E. Accounting and control of alcoholic beverages using the system EGAIS. *Ekonomika i sotsium = Economy and society*, 2017, no. 2 (33), pp. 211–213. (In Russ.).
16. Shirokova N.P. Retail alcohol: evaluation of EGAIS. *Genezis ekonomicheskikh i sotsial'nykh problem sub''ektov rynochnogo khozyaistva v Rossii = Genesis of the economic and social problems of the market economy in Russia*, 2013, vol. 1, no. 11, pp. 90–93. (In Russ.).

17. Levutina E.A., Pershikova E.V. The unified state information system (EGAIS) as an effective way of dealing with alcohol counterfeit products. *Tovaroved prodovol'stvennykh tovarov = Commodity expert of food products*, 2017, no. 5–6, pp. 32–37. (In Russ.).
18. Kosova K.A., Khrapova E.V. [Controversial issues of online application of cash registers for small and medium enterprises]. *Aktual'nye voprosy razvitiya ekonomiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of economy development: Materials of international scientific-practical conference], 2016, pp. 84–87. (In Russ.).
19. Belogina N.S., Istomin D.A. Problems and directions of development of monitoring of cash transactions. *Innovatsii v nauke = Innovations in science*, 2017, no. 3 (64), pp. 63–66. (In Russ.).
20. Grinkevich L.S., Zhalonkina I. Yu. New order of application of cash registers: causes and consequences of introduction. *Sibirskaya finansovaya shkola = Siberian financial school*, 2017, no. 3 (122), pp. 60–64. (In Russ.).
21. Khrustaleva A.A., Shcheglova, O.G., The main weaknesses of the current system of taxation. *Molodoi uchenyi = A young scientist*, 2017, no. 6, pp. 309–313. (In Russ.).
22. Egorova E.N., Savin D.A. Improving the conduct of pre-audit analysis in order to increase the effectiveness of field tax audits. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya. = Financial Analytics: problems and solutions*, 2013, no. 26 (164), pp. 39–44. (In Russ.).
23. Svistun S.P., Alekseev N.P. The patent system of taxation and ways of its improvement. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Topical issues of economic sciences*, 2016, no. 50–2, pp. 49–53. (In Russ.).
24. Sorokina A.I., Prigozhin V.L., Ognev D.V. Analysis and improvement of tax administration of the patent system of taxation of real estate transactions. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Technical University*, 2015, no. 9 (104), pp. 212–216. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Валерий Анатольевич Цветков — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор, Институт проблем рынка Российской академии наук (ИПР РАН)
tsvetkov@ipr-ras.ru
Анатолий Антонович Шутьков — доктор экономических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник лаборатории стратегического развития АПК, Институт проблем рынка РАН
a.a.shutkov@yandex.ru
Михаил Николаевич Дудин — доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института менеджмента и маркетинга, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
dudinmn@mail.ru
Николай Васильевич Лясников — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник (Институт менеджмента и маркетинга), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
acadra@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Valery A. Tsvetkov — Dr. Sci. (Econ.), Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor, Director of Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences (IWP RAS)
tsvetkov@ipr-ras.ru
Anatoly A. Shut'kov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Academician of **Russian Academy of Sciences**, chief researcher of the laboratory of strategic development of agro-industrial complex in Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences (IWP RAS)
a.a.shutkov@yandex.ru
Mikhail N. Dudin — Dr. Sci. (Econ.), Professor, chief researcher of the Institute of management and marketing in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
dudinmn@mail.ru
Nikolai V. Liasnikov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, leading researcher of the Institute of management and marketing in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
acadra@yandex.ru

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-50–59
УДК 338.22
JEL M21

Эффективность государственной поддержки малого предпринимательства в России

Ю.В. Кузнецов,
Санкт-Петербургский государственный университет
http://orcid.org/0000-0002-9060-0493

Н.В. Быкова,
Санкт-Петербургский государственный университет
http://orcid.org/0000-0003-4875-5261

АННОТАЦИЯ

Предмет. В статье анализируется проблема эффективности государственной политики в области финансирования малого предпринимательства, что приобретает все большую актуальность. В текущих экономических условиях повышение роли государственной поддержки малого предпринимательства обусловливает необходимость оценки эффекта от затрачиваемых ресурсов. Отмечается, что решение этой проблемы, которая имеет большое практическое значение, пока разработано слабо. Авторы связывают это в первую очередь с отсутствием ориентированного на результат управления. Подтверждается это тем, что в программах государственной поддержки федерального и регионального уровня малого предпринимательства отсутствуют единообразные критерии для оценки эффективности, что приводит к необоснованным мерам поддержки конкретных хозяйствующих субъектов. Поэтому в статье рассматривается и анализируется действующий процесс оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в субъектах Российской Федерации.
Цель. Комплексное авторское исследование процесса оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в России, подходов к формированию критериев эффективности в российских государственных программах и обоснование необходимости принципиально новых методик.
Методология. Исследование базируется на системном подходе, используются общенаучные и статистические методы. Применены табличные методы визуализации данных. Проведен мониторинг критериев эффективности государственной поддержки в российских региональных программах развития, а также представлена их систематизация.
Результаты. В статье рассмотрены подходы зарубежных и отечественных авторов к оценке эффективности господдержки. Проведен мониторинг критериев эффективности государственной поддержки в российских региональных программах развития, а также представлена их систематизация. Исследование всех региональных программ поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации позволило выявить, что в преобладающем большинстве субъектов РФ при оценке эффективности государственной поддержки применяются общие показатели развития малого предпринимательства.
Выводы. С целью усовершенствования существующих методик автор предлагает использовать для оценки эффективности государственной поддержки такие показатели, как количество предприятий, воспользовавшихся поддержкой и действующих на территории региона, прирост налоговых поступлений, обусловленный поддержкой; долю инновационных предприятий в общем объеме предприятий, воспользовавшихся поддержкой. Приведен пример с расчетами бюджетной эффективности государственной поддержки субъектов малого предпринимательства.

Ключевые слова: малое предпринимательство; государственная поддержка; финансирование; критерии эффективности; программы развития; комплексная система показателей

Для цитирования: *Кузнецов Ю.В., Быкова Н.В.* Эффективность государственной поддержки малого предпринимательства в России // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 50–59.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-50–59
UDC 338.22
JEL M21

The Effectiveness of State Support of Small Entrepreneurship in Russia

Yu.V. Kuznetsov,
Saint-Petersburg State University
http://orcid.org/0000-0002-9060-0493

N.V. Bykova,
Saint-Petersburg State University
http://orcid.org/0000-0003-4875-5261

ABSTRACT

Topic. The article analyzes the problem of efficiency of state policy in the field of financing of small business that is becoming increasingly important. In the current economic environment, increasing role of state support of small business needs an evaluation of the effect of the spent resources. It is noted that the solution to this problem, which is of great practical importance, is poorly developed. The authors attribute this, primarily, with the absence of results-based management. This is confirmed by the fact that for the state support programs of the federal and regional level of small business do not exist uniform criteria for evaluating the effectiveness. It leads to unreasonable measures to support specific businesses. Therefore, the article considers and analyses the current process of evaluating the effectiveness of state support of small entrepreneurship in the Russian Federation.

Purpose. The purpose of this paper is a comprehensive authors' study of the process of assessing the effectiveness of state support of small entrepreneurship in Russia, as well as approaches to the development of criteria of efficiency in the Russian state programs, and the rationale for fundamentally new techniques.

Methodology. The study is based on a systems approach and uses scientific and statistical methods. It has been applied tabular data visualization techniques. We evaluate the criteria of the efficiency of state support in the Russian regional development programs and present their classification.

Results. In the article, we reviewed approaches of foreign and domestic authors concerning evaluation the effectiveness of state support. A study of all the regional programs of support of small entrepreneurship in the Russian Federation has allowed revealing, that in the vast majority of subjects of the Russian Federation in assessing the effectiveness of public support shall apply the general indicators of development of small business.

Conclusions. With the aim of improving the existing methods, the authors propose to use in assessing the effectiveness of public support such indicators as the number of enterprises benefiting from support and operating in the territory of the region, increase of tax revenues, due to the support; the share of innovative enterprises in total enterprises benefiting from support. We present an example with calculations of the budget effectiveness of state support of subjects of small business.

Keywords: small business; state support; funding; performance criteria; development programs; a comprehensive system of indicators.

Citation: Kuznetsov Yu.V., Bykova N.V. The effectiveness of state support of small entrepreneurship in Russia. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Модернизация и перевод экономики России на инновационный путь невозможны без активного участия малого предпринимательства. Оно признано неотъемлемым элементом современной российской экономики. Необходимость его развития является одной из стратегических задач, поставленной в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. для формирования социально-экономической стабильности общества. В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2030 г. (далее — Стратегия), утвержденной Правительст-

вом Российской Федерации 02.06.2016 № 1083-р, в качестве цели заявлена поддержка данного сектора экономики как одного из факторов социальной стабильности и обеспечения высокого уровня занятости, а также инновационного развития и улучшения отраслевой структуры экономики. Стратегия направлена на создание гибкой, адаптивной и конкурентоспособной экономики, обеспечивающей высокую скорость технологического обновления и стабильную занятость населения. В ней отмечается, что приоритетное направление государственной политики в сфере развития малого и среднего предпринимательства — вывод на новый качественный уровень инструментов и мер поддержки данного сектора экономики.

Зарубежные авторы подчеркивают, что в программах государственной поддержки должны быть комплексно определены критерии эффективности, включающие экономические, социальные, бюджетные, коммерческие и научно-технические показатели.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСПОДДЕРЖКИ

В текущих экономических условиях особую актуальность приобретает вопрос эффективности государственного финансирования малого предпринимательства. В Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее — Закон № 209) поддержка малого предпринимательства трактуется как деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и функционирование инфраструктуры поддержки субъектов малого предпринимательства, направленные на реализацию мероприятий, которые предусмотрены программами развития малого предпринимательства. Поэтому, исходя из данного определения в Законе № 209, эффективность поддержки малого предпринимательства необходимо оценивать как эффективность реализации государственных программ поддержки.

В действующих российских законодательных актах (Закон № 209) закреплена необходимость расчета эффективности всех мероприятий, реализуемых в программах развития малого предпринимательства на разных уровнях государственной власти, однако единые систематизированные критерии эффективности не приведены.

ВЗГЛЯДЫ УЧЕНЫХ

В научной литературе российских и зарубежных авторов критерии эффективности государственной поддержки малого предпринимательства исследованы более подробно, чем в нормативных документах. В трудах Н. П. Ильиной система показателей оценки эффективности поддержки малого предпринимательства должна включать: обобщающий показатель бюджетной эффективности региональной программы, долю малых предприятий в налоговых доходах бюджета, плотность малых предприятий в регионе, долю работающих в секторе малого предпринимательства в экономически активном населении региона [1]. В этом наборе критериев присутствует нестандартный показатель плотности малых предприятий. Этот показатель подходит для сравнения уровня развития малого предпринимательства в регионах, так как отвечает принципу сопоставимости, в отличие от общепринятого показателя количества малых предприятий.

По мнению А. З. Дадашева, рекомендуется применять показатели экономической эффективности малого предпринимательства на региональном уровне: прирост коэффициента эффективности (общей рентабельности), равный отношению суммы балансовой прибыли (или объема произведенной продукции, оказанных услуг) к полным затратам с условным выделением доли поддержки; интегральный уровневый показатель частных показателей с применением формулы многомерной средней [2]. Недостатком данного подхода является отсутствие значений предлагаемых показателей, характеризующих эффективность государственной поддержки. В трудах М. В. Васильевой утверждается, что целевые ведомственные программы должны включать в себя критерии оценки эффективности с учетом функциональных особенностей малых предприятий, а именно: социальные, экономические и бюджетные критерии. Об эффективности реализации программы может свидетельствовать степень достижения целевых индикаторов [3].

В практике зарубежного опыта авторы выделяют в целевых комплексных программах систему PART (Program assessment rating tool), которая применяется в США и направлена на мониторинг и оценку эффективности господдержки [4, 5]. Данный инструмент, позволяющий оценить по рейтингу программы, основан на комплексном подходе изучения и оценки программ с применением широкого круга показателей-факторов. По результатам проверки каждые полгода представляется отчет об оценке эффективности госпрограмм поддержки, которые анализируются независимыми экспертами на стадиях формирования, развития и завершения. В 2015 г. по данным исследований 40% федеральных государственных программ поддержки малого предпринимательства, оцененных с помощью системы PART, имели статус безрезультатных, поскольку не имели целевого эффекта [6]. Зарубежные авторы подчеркивают, что в программах государственной поддержки должны быть комплексно определены критерии эффективности, включающие экономические, социальные, бюджетные, коммерческие и научно-технические показатели. Т. Фуллер вводит в своих исследованиях дополнительный показатель эффективности программ господдержки — значимость программы среди реципиентов [7].

В российской и зарубежной литературе обсуждаются разнообразные наборы критериев оценки эффективности государственной поддержки. Большая часть критериев с некоторыми вариациями повторяется в разных работах. Однако, на наш взгляд, ни один из рассмотренных наборов критериев не обладает системностью, позволяющей использовать его в качестве универсального инструмента для анализа программ поддержки на государственном уровне.

КАК ОЦЕНИВАЮТ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСПОДДЕРЖКИ В РОССИИ

Необходимость организации мониторинга действующих критериев эффективности в российских государственных программах возникает с целью понимания реальной практики оценки эффективности. Во всех субъектах Российской Федерации разработаны и утверждены программы поддержки малого предпринимательства. Анализ региональных программ 85 субъектов Российской Федерации показал наличие большого разнообразия указываемых в них «ожидаемых конечных результатов». В большинстве программ наблюдается сочетание количественной и качественной форм представления ожидаемых результатов. Поэтому систематизируем критерии по двум группам признаков: способу оценки и содержанию результатов [8–10].

Выявлен и такой существенный недостаток применяемых критериев оценки государственной поддержки, как отсутствие внимания к инновационности предприятий — актуальной в процессе реструктуризации экономики функции малого предпринимательства.

По способу оценки результатов выделены количественные и качественные критерии. По содержанию результатов: экономические, социальные и бюджетные критерии, где:

1) экономические — отражают влияние государственной программы на решение общих проблем экономики;

2) социальные — определяют изменения социальных показателей;

3) бюджетные — отражают влияние реализации программы на доходы и расходы федерального и регионального бюджетов.

В процессе систематизации исследованы критерии, примененные в региональных программах. Общая систематизация критериев эффективности с частотой их упоминаниях в государственных программах представлена в *табл. 1*.

С помощью предложенной систематизации 298 критериев, используемых в региональных программах, они сведены к 20, что позволяет наглядно представить результаты. Следует обратить внимание, что только 30,2% ожидаемых результатов относятся к социальным функциям малого предпринимательства. Однако в государственных программах приоритетными выделены именно социальные функции малого предпринимательства.

Выявлен и такой существенный недостаток применяемых критериев оценки государственной поддержки, как отсутствие внимания к инновационности предприятий — актуальной в процессе реструктуризации экономики функции малого предпринимательства.

Таблица 1 / Table 1

Систематизация критериев эффективности государственной поддержки малого предпринимательства и частота их упоминания в региональных программах / Systematization of criteria of efficiency of state support of small business and the frequency of their mention in the regional programs

Содержание результатов / The contents of the results	Критерий / Criterion	Способ оценки / Method of assessment		Частота / Frequency
		Количественный / Quantitative	Качественный / Qualitative	
Экономическая эффективность / Economic efficiency	Количество субъектов малого предпринимательства / The number of small businesses entities	37	6	147
	Количество субъектов малого предпринимательства, охваченных государственной поддержкой / The number of small businesses entities covered by state support	2	1	
	Доля МП в ВВП/ВРП / The share of small businesses entities in GDP/GRP	20	1	
	Объемы продукции, работ и услуг малого предпринимательства / The volume of products, works and services of small business	27	6	
	Эффективность и производительность труда в малом предпринимательстве / Efficiency and productivity in small business	2	0	
	Создание объектов инфраструктуры поддержки МП / The provision of infrastructure support of small businesses entities	6	1	
	Количество предприятий, улучшивших финансово-экономические показатели / The number of businesses improving financial and economic indicators	2	1	
	Увеличение оборота малых предприятий / The increase in turnover of small enterprises	17	1	
	Увеличение объема продаж / The increase in sales	5	0	
	Привлечение инвестиции в основной капитал субъектов малого предпринимательства / The investment in fixed capital of small businesses	12	2	

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Содержание результатов / The contents of the results	Критерий / Criterion	Способ оценки / Method of assessment		Частота / Frequency
		Количественный / Quantitative	Качественный / Qualitative	
Социальная эффективность / Social efficiency	Численность занятых на малых предприятиях / The number of employed at small enterprises	53	4	96
	Число созданных рабочих мест / The number of jobs created	21	2	
	Число трудоустроенных безработных / The number of employed unemployed	0	4	
	Размер среднемесячной заработной платы на малых предприятиях / Average monthly wages in small enterprises	6	5	
	Социальная рентабельность МП / Social profitability small enterprises	0	2	
	Снижение социальной напряженности / Reduction in social tensions	0	1	
Бюджетная эффективность / Budget efficiency	Объем налоговых поступлений / The volume of tax revenues	38	12	55
	Объем поступлений от экспорта / The amount of tax revenues	2	0	
	Объем налоговых поступлений по отношению к объему средств, выделенных на поддержку МП / The amount of tax revenues relative to the amount of funds allocated for support of small enterprises	3	0	
	Налогооблагаемая база / The tax base	0	2	

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Как следует из анализа данных региональных программ, 25% критериев указано без ожидаемых количественных значений, что относит их в категорию качественных показателей. Следовательно, оценку эффективности программы по этим критериям провести оказывается затруднительным. При этом большинство установленных критериев могли бы служить элементами оценки эффективности, если бы выражались в количественной форме.

При систематизации критериев эффективности, используемых в программах, выявлено, что для оценки государственной поддержки малого предпринимательства крайне редко встречаются результаты, позволяющие отделить эффекты, обусловленные поддержкой от внешних факторов. Почти все исследуемые критерии отражают развитие малого предпринимательства в общем и только 6,5% относятся к государственной поддержке.

Таблица 2 / Table 2

Расчет бюджетной эффективности государственной поддержки субъектов малого предпринимательства / Estimation of budget effectiveness of state support of subjects of small business

№ / No.	Соответствие приоритетным видам деятельности / Compliance to priority activities	Направления / Directions	Количество предприятий / Number of enterprises	Сумма субсидий / The amount of subsidies	Прирост налоговых поступлений, руб. / The increase in tax revenues, rub.	Бюджетная эффективность / Budget efficiency
1	Не соответствуют / Do not match	Оптовая и розничная торговля / Wholesale and retail trade	14	1 319 155	1 907 242	1,4
2	Соответствуют / Match	Производство / Production	7	1 048 259	1 357 911	1,2
3		Услуги населению / Services to the public	12	3 824 590	3 089 508	0,8
4		Строительство / Construction	5	2 267 490	3 387 861	1,5
5		Сельское хозяйство / Agriculture	1	87 413	73 154,3	0,8
6		Пищевая промышленность / Food industry	2	457 326	658 549,4	1,4

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

В научной литературе встречаются критерии, которые позволяют преодолеть некоторые недостатки программных формулировок, однако они в полной мере не оценивают эффекты малого предпринимательства как сектора экономики, ввиду чего не могут служить методической базой для оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства [11–13].

Анализ программ государственной поддержки малого предпринимательства привел к убеждению, что также наиболее актуальным проблемным полем является отсутствие приоритетности мер господдержки конкретных хозяйствующих субъектов. Было выявлено, что в Положениях о конкурсной документации на получение господдержки в субъектах Российской Федерации не описана процедура оценки заявленных проектов по перечисленным критериям. Не ясно, какие из критериев приоритетны в региональном отборе.

С точки зрения экономической теории общественного сектора, государственная поддержка малого предпринимательства, как и любая другая программа общественных расходов, должна ориентироваться на помощь предприятиям, которые

демонстрируют наибольшие социально- экономические эффекты.

Очевидно, что государственная поддержка должна носить, во-первых, стимулирующий, во-вторых, выборочный характер ввиду ограниченности бюджетных ресурсов. Имеет смысл стимулировать жизнеспособные хозяйственные субъекты, деятельность которых наиболее эффективна и отвечает целям социально-экономической политики территории [14]. Таким образом, требуется четкая адресность и социально-экономическая обоснованность оказания государственной поддержки с целью выявления наиболее перспективных субъектов малой предпринимательской деятельности, а также эффективного распределения государственных финансовых ресурсов.

Приведем пример оценки бюджетной эффективности государственной поддержки субъектов малого предпринимательства. В связи с тем, что большую часть функций по поддержке и развитию малого предпринимательства осуществляют региональные органы власти, для оценки эффективности выбран Выборгский муниципальный район Ленинградской области города Санкт-Петербурга. Расчеты произведем на основании сведений Муниципального фонда поддержки малого предпринимательства Выборгского района о выделении средств по долгосрочной целевой программе «Развитие и государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Ленинградской области на 2016–2017 годы».

Бюджетную эффективность государственной поддержки малого предпринимательства рассчитаем как отношение экономического эффекта от реализации программных мероприятий (прирост налоговых поступлений) к необходимым для ее достижения бюджетным затратам (сумма субсидии). Также в *табл. 2* определим соответствие субъектов приоритетным видам деятельности на территории региона.

Расчеты показали, что наибольшим приростом налоговых поступлений в бюджет, а также показателем бюджетной эффективности обладают следующие направления: строительство, пищевая промышленность, производство, оптовая и розничная торговля, хотя последняя не является приоритетным направлением оказания государственной поддержки в регионе. Таким образом, данный показатель рассмотренных направлений свидетельствует об эффективности государственной поддержки. Выделенные средства субсидирования по направлениям сельского хозяйства и услуг населению не продемонстрировали положительных показателей бюджетной эффективности государственной поддержки. Однако данные направления входят в число приоритетных видов деятельности в регионе и могут показать положительные эффекты по иным критериям эффективности господдержки. Это еще раз подтверждает необходимость разработки комплексной системы показателей оценки эффективности государственной поддержки субъектов малого предпринимательства.

ВЫВОДЫ

В настоящих экономических условиях рассчитываемые с разной степенью периодичности и статистической точности показатели характеризуют состояние и развитие малого предпринимательства, однако их относят к эффективности государственной поддержки. На наш взгляд, следует использовать такие показатели, которые имеют отношение к государственной поддержке: количество предприятий, воспользовавшихся поддержкой и действующих на территории слаборазвитых районов, прирост налоговых поступлений, обусловленный поддержкой; бюджетная эффективность; доля инновационных предприятий в общем объеме предприятий, воспользовавшихся поддержкой. Измерение этих показателей даст более реальное представление об эффективности государственной поддержки.

Государственная поддержка малого предпринимательства, как и любая другая программа общественных расходов, должна ориентироваться на помощь предприятиям, которые демонстрируют наибольшие социально- экономические эффекты.

Итак, несмотря на наличие довольно значительного числа существующих показателей в государственных программах, характеризующих состояние и развитие малого предпринимательства, комплексная система показателей, пригодная для целей управления программами

поддержки, до сих пор не сформирована. Это объясняется, во-первых, простотой и удобством их определения и оценки, во-вторых, тем, что внедрение управления деятельностью органов государственной власти, ориентированного на результат, утвердилось и нашло свое отражение в приоритетах государственных программ относительно недавно. Также существуют затруднения в разработке комплексной системы показателей, характеризующих результативность и эффективность государственной поддержки по развитию малого предпринимательства, которая отвечала бы требованиям объективности, подконтрольности и современным принципам оценки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильина Н.П. Методические подходы к оценке эффективности поддержки малого предпринимательства // Российский экономический журнал. 2015. С. 113.
2. Дадашев А.З. Эффективность поддержки малого предпринимательства // Вопросы экономики. 2016. № 7. С. 127.
3. Васильева М.В. Оценка эффективности использования государственных средств // Корпоративный менеджмент. 2015. № 4. С. 112.
4. Adaman F., Devine P. Reconsideration of the Theory of Entrepreneurship: a **p**articipatory approach. // Review of Political Economy. 2014, vol. 14, no. 3, pp. 229–355. doi:10.1080/09538250220147877.
5. Fuller T., Moran P. Small enterprises as complex adaptive systems: a methodological question? // Entrepreneurship & Regional Development. 2016, no. 13, pp. 47–63. doi:10.1080/089856201750046801.
6. Sternberg R. Innovation Networks and Regional Development — Evidence from the European Regional Innovation Survey (ERIS): Theoretical Concepts, Methodological Approaches, Empirical Basis and Introduction to the Theme Issue // European Planning Studies. 2017, vol. 8, no. 4, p. 389. doi:10.1080/713666420.
7. Богачкова Л.Ю. Регулирование развития малого и среднего бизнеса в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. 2016. № 3. С. 52.
8. Ewaldovna N. Evaluation of Small Business Effectiveness // Economic development quarterly, 2015, vol. 11, no. 7, pp. 313–321. doi: 0.5539/ass.v11n7p98.
9. Волкова М.А. Оценка эффективности государственного механизма управления экономикой региона в сфере поддержки малого бизнеса // Вестник Сибирского государственного университета имени академика М.Ф. Решетнева. 2013. № 2. С. 439.
10. Гамидуллаев Р.Б. Разработка методики оценки эффективности государственной поддержки малого инновационного предпринимательства в РФ // Государственное управление: электронный вестник. 2016. № 32. С. 4.
11. Киреенко А.П., Санина Л.В. Применение программно-целевого метода для государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в регионах Сибирского федерального округа // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 4 (96). С. 117–132.
12. Колесников А.Н. Малый и средний бизнес: эволюция понятий и проблема определения // Вопросы экономики. 2011. № 7. С. 46.
13. Кузнецов Ю.В., Капустина Н.В. Организационные принципы проектирования структур малого и среднего бизнеса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 6. № 3. С. 56.
14. Пророков А.Н. Тенденции развития российского малого предпринимательства // Вестник Финансового университета. 2017. Т. 21. № 2. С. 62.

REFERENCES

1. Ilina N.P. Methodological approaches to evaluating the effectiveness of small business support. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian economic journal*, 2015, p. 113. (In Russ.).
2. Dadashev A.Z. The effectiveness of small business support. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*, 2016, no. 7, p. 127. (In Russ.).
3. Vasilyeva M.V. The assessment of the efficiency of public funds. *Korporativnyi menedzhment = Corporate management*, 2015, no. 4, p. 112. (In Russ.).
4. Adaman F., Devine P. Reconsideration of the Theory of Entrepreneurship: a participatory approach. *Review of Political Economy*, 2014, vol. 14, no. 3, pp. 229–355. doi:10.1080/09538250220147877.

5. Fuller T., Moran P. Small enterprises as complex adaptive systems: a methodological question? *Entrepreneurship & Regional Development*, 2016, no. 13, pp. 47–63. doi:10.1080/089856201750046801.
6. Sternberg R. Innovation Networks and Regional Development — Evidence from the European Regional Innovation Survey (ERIS): Theoretical Concepts, Methodological Approaches, Empirical Basis and Introduction to the Theme Issue. *European Planning Studies*, 2017, vol. 8, no. 4, p. 389. doi:10.1080/713666420.
7. Bogachkova L. Yu. Regulation of development of small and medium business in Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3 Ekonomika = Bulletin of Volgograd State University. Series 3 Economy*, 2016, no. 3, p. 52. (In Russ.).
8. Ewaldovna N. Evaluation of Small Business Effectiveness. *Economic development quarterly*, 2015, vol. 11, no. 7, pp. 313–321. doi: 0.5539/ass.v11n7p98.
9. Volkova M.A. Evaluation of the effectiveness of the state mechanism of management of economy of the region in the sphere of support of small business. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of the Siberian State University*, 2013, no. 2, p. 439. (In Russ.).
10. Gamidullaev R.B. The development of methods of estimation of efficiency of state support of small innovative entrepreneurship in Russia. *Gosudarstvennoe upravlenie: elektronnyi vestnik = State management: Electronic Bulletin*, 2016, no. 32, p. 4. (In Russ.).
11. Kiriyenko A.P., Sanina L.V. Application of a program-target method for the state support of small and medium enterprises in the regions of the Siberian Federal District. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Bulletin of Irkutsk State Academy of Economics*, 2014, no. 4 (96), p. 117–132. (In Russ.).
12. Kolesnikov A.N. Small and medium business: evolution of concepts and definition issue. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*, 2011, no. 7, p. 46. (In Russ.).
13. Kuznetsov Yu.V., Kapustina N.V. Organizational principles of design of structures of small and medium business. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Leningrad State University*, 2011, vol. 6, no. 3, p. 56. (In Russ.).
14. Prorokov A.N. Trends of development of Russian small business. *Vestnik Finansovogo universiteta = The Bulletin of the Financial University*, 2017, vol. 21, no. 2, p. 62. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрий Викторович Кузнецов — доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой управления и планирования социально-экономических процессов, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет
y.kuznetsov@spbu.ru
Наталья Витальевна Быкова — аспирант кафедры управления и планирования социально-экономических процессов экономического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
bykova_natalia@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yurii V. Kuznetsov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored worker of higher school of Russia, Head of the chair of management and planning of socio-economic processes, Economic faculty, Saint-Petersburg State University
y.kuznetsov@spbu.ru
Natalia V. Bykova — Ph.D. student, Department of management and planning of socio-economic processes, Economic faculty, Saint-Petersburg State University
bykova_natalia@bk.ru

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-60–69
УДК 31
JEL J46

Неформальная занятость населения России: оценка масштаба и влияния на государственные финансы страны

В.Н. Салин,
Финансовый университет, Москва, Россия
http://orcid.org/ 0000-0002-3124-3625

В.В. Нарбут,
Финансовый университет, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0003-1551-5114

АННОТАЦИЯ

Предмет. Объект исследования статьи — неформальная занятость населения Российской Федерации и ее влияние на государственные финансы страны. Авторами дана оценка масштабов этого явления за период с 2005 по 2015 г. Проведен анализ возрастной структуры, образовательного уровня, статуса населения, вовлеченного в неформальную деятельность. Исследованы региональные особенности распространения этого явления и осуществлена группировка регионов России по доле занятых в неформальном секторе. Проведен отбор демографических, экономических, социальных и финансовых факторов, оказывающих влияние на долю населения, занятого неформальной деятельностью.

Цель. Установление зависимости между отобранными показателями и уровнем неформальной занятости, а также оценка влияния неформальной занятости на социально-экономическое развитие страны и состояние государственных финансов.

Методология. Исследование базируется на статистических, эконометрических методах: группировки данных, анализа рядов динамики, дисперсионного анализа. Оценка связи между признаками осуществлялась на основе непараметрических методов. Расчеты производились с использованием надстройки Attestat программы Microsoft Excel 2010, пакета статистических программ STATISTICA 10.

Результаты. Авторами выявлена прямая зависимость между долей неформально занятых и уровнем безработицы и обратная связь с величиной среднедушевых денежных доходов населения, ВРП, величиной инвестиций на душу населения, уровнем развития малого предпринимательства, объемом поступлений налогов и сборов в бюджет на душу населения. Неформальная занятость крайне негативно отражается на собираемости налогов, сборов и иных платежей. Региональные бюджеты ежегодно недополучают значительные суммы. В 2015 г. в регионах с низкой долей неформальной занятости (до 10%) с каждого жителя поступило 214 298 руб. налогов, сборов и платежей, а с высокой долей неформальной занятости (свыше 50%) — почти в 25 раз меньше, всего 8703 руб.

Выводы. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что на сегодняшний день наиболее актуальными в сфере социально-трудовых отношений становятся вопросы сокращения масштабов неформальной занятости населения России и легализация занятости. Ситуация, когда значительная часть трудящихся не оплачивает налоги и обязательные платежи, но пользуется социальными благами, требует решения этой проблемы. Для этого необходимо принять меры по сокращению безработицы в регионах, где ее масштабы велики, по повышению уровня жизни населения и развитию малого предпринимательства.

Ключевые слова: неформальная занятость; государственные финансы; уровень занятости; легализация занятости; поступление налогов и сборов в бюджет; неформальный сектор

Для цитирования: Салин В.Н., Нарбут В.В. Неформальная занятость населения России: оценка масштаба и влияния на государственные финансы страны // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 60–69.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-60–69
UDC 31
JEL J46

Informal Employment of the Population of Russia: Assessment of the Scale and the Impact on Public Finances of the Country

Salin V.N.,
Financial University, Moscow, Russia
http://orcid.org/ 0000-0002-3124-3625

Narbut V.V.,
Financial University, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0003-1551-5114

ABSTRACT

Topic. The research object of the article is informal employment of the population of the Russian Federation. The authors assessed the magnitude of this phenomenon in the period from 2005 to 2015. We analyse the age structure, educational level, status of the population involved in informal activities, regional characteristics of the spread of this phenomenon, and made grouping of Russian regions by share of employed in the informal sector. At the end we make the final selection of the demographic, economic, social and financial factors influencing the proportion of the population engaged in informal activities.

Purpose. The purpose of the study is to establish dependence between the selected indicators and the level of informal employment, as well as assessment of the impact of informal employment on the socio-economic development of the country and the state of public finances.

Methodology. The study is based on statistical methods: data grouping, analysis of indexes' dynamics, one-factor analysis of variance. Evaluation of the relationship between variables was carried out based on the Spearman's rank correlation coefficient. The association was considered significant at $p<0.05$. Calculations were made using the Attestat add-in for Microsoft Excel 2010 and statistical software package STATISTICA 10.

Results. The authors identified a direct correlation between the share of informal employment and a level of unemployment, and reverse relation between the average money incomes of population per capita and GRP, the amount of investments per capita, level of development of small business, and income taxes per capita. Informal employment negatively affects the collection of taxes, fees and other payments. Regional budgets annually lose substantial amounts of revenues. In 2015, in the regions with a low share of informal employment (10%) revenues count for 214,298 rubles taxes, fees and charges per capita, and with a high share of informal employment (over 50%) it is almost 25 times less — only 8703 rubles.

Conclusions. The results of the study allow us to conclude that today reducing informal employment of Russia's population and the legalization of employment is the most relevant issues in the field of social and labour relations. Situation when a significant part of workers do not pay taxes and mandatory payments, but use social benefits, requires the solution. Given the results obtained, to solve the question of informal employment of Russia's population it is necessary to take measures to reduce unemployment, improve living standards and development of small business in regions where the incidence of that phenomenon is high.

Keywords: informal employment; public finances; employment rate; employment legalization; receipt of taxes and fees in the budget; informal sector

Citation: Salin V.N., Narbut V.V. Informal Employment of the Population of Russia: Assessment of the Scale and the Impact on Public Finances of the Country. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 60–69. (In Russ.).

Статистическая оценка занятости населения в неформальном секторе в России осуществляется на основе «Методологических положений по измерению занятости в неформальном секторе экономики»[1], разработанным с учетом резолюции, которая была принята 15-й Международной конференцией статистиков труда в 1993 г.[2]

В соответствии с этими методологическими положениями к занятым в неформальном секторе относятся лица, работающие на основной или дополнительной работе в производственных единицах, у которых отсутствует государственная регистрация в качестве юридического лица. К занятым в неформальном секторе причисляются индивидуальные предприниматели и лица, работающие у них по найму; помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; работающие на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена.

Непосредственное влияние на неформальную занятость оказывает уровень жизни населения. Величина среднедушевых денежных доходов в благополучных регионах в 2 раза превышает средний уровень по России и в 2,5 раза уровень доходов в регионах с развитой неформальной занятостью.

В настоящее время 20,5%[3] всех занятых в экономике России трудятся в неформальном секторе. В абсолютном выражении — это 14 827 тыс. чел., в том числе 8 244 тыс. чел. (55,6%) мужчин и 6 583 тыс. чел. (44,4%) женщин. На каждую 1000 занятых в формальном секторе приходится 258 занятых неформальной деятельностью.

За период с 2005 по 2015 г. численность занятых, вовлеченных в неформальный сектор, росла более быстрыми темпами, чем численность занятых формального сектора экономики (*рис. 1*). За 10 лет число трудящихся неформально увеличилось на 2 309 тыс. чел. (18,4%). Темп прироста занятых в формальном секторе был в 6 раз ниже.

Изменения численности населения, осуществляющего неформальную деятельность, внутри разных возрастных групп носили разнонаправленный характер [6]. В возрастных группах от 15 до 19 и от 20 до 24 лет она снижалась, особенно резко в группе до 19 лет — более чем на 60%. Напротив, в старших возрастных группах наблюдался существенный рост неформальной занятости, особенно в группе от 55 до 59 лет — более чем в два раза (*рис. 2*).

Такая динамика способствовала изменению возрастной структуры занятых в неформальном секторе в сторону уменьшения доли молодежи и росту доли лиц предпенсионного и пенсионного возраста [1].

Основная доля (более 1/3) занятых в неформальном секторе имеет общее среднее образование. Однако преобладающей тенденцией последних 10 лет стало повышение образовательного уровня неформально трудящихся. Доля занятых с высшим образованием увеличилась на 6,2% (с 10,9 до 17,1%). Со средним профессиональным образованием по программе подготовки специалистов среднего звена — на 1,4% (с 20,8 до 22,2%), со средним профессиональным по программе подготовки квалифицированных рабочих и служащих — на 2,7% (с 20,5 до 23,2%). А вот доли трудящихся с общим средним образованием, основным общим и без основного общего образования, напротив, уменьшились — на 1,1, 5,6 и 1,5% соответственно.

Существенно меняется и характер занятости в неформальном секторе. Численность занятых, осуществляющих деятельность только в неформальном секторе, за 10 лет увеличилась почти на 30%. А численность тех, кто трудится как в неформальном, так и формальном секторах, уменьшилась на 38%. Такая динамика способствовала росту доли занятых только в неформальном секторе с 83,6 до 91,4% и уменьшению доли тех, кто совмещает свою работу, с 16,4 до 8,6%.

Меняется и статус занятости в неформальном секторе [2]. Если в 2005 г. 49,7% трудящихся работали

[1] Методологические положения по статистике. Вып. 4, 2003. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 04.05.2017) / Methodological provisions statistically. Issue 4, 2003. URL: http://www.gks.ru (accessed 04.05.2017).

[2] Statistical definition of informal employment: Guidelines endorsed by the Seventeenth International Conference of Labour Statisticians (2003). Available at: http://ilo.org/public/english/bureau/stat/download/papers/def.pdf.

[3] Employment and unemployment (Labor Force Survey). URL: Eurostat http://ec.europa.eu/eurostat/data/database (accessed 04.05.2017).

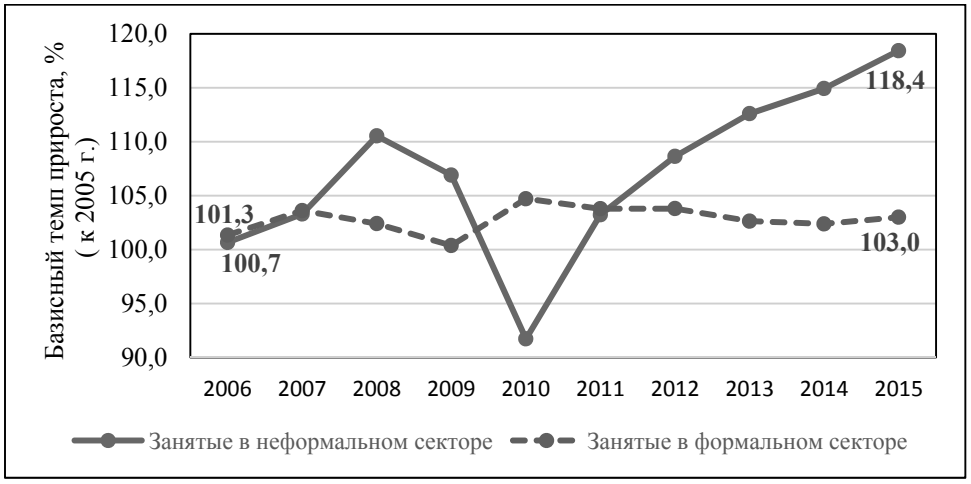
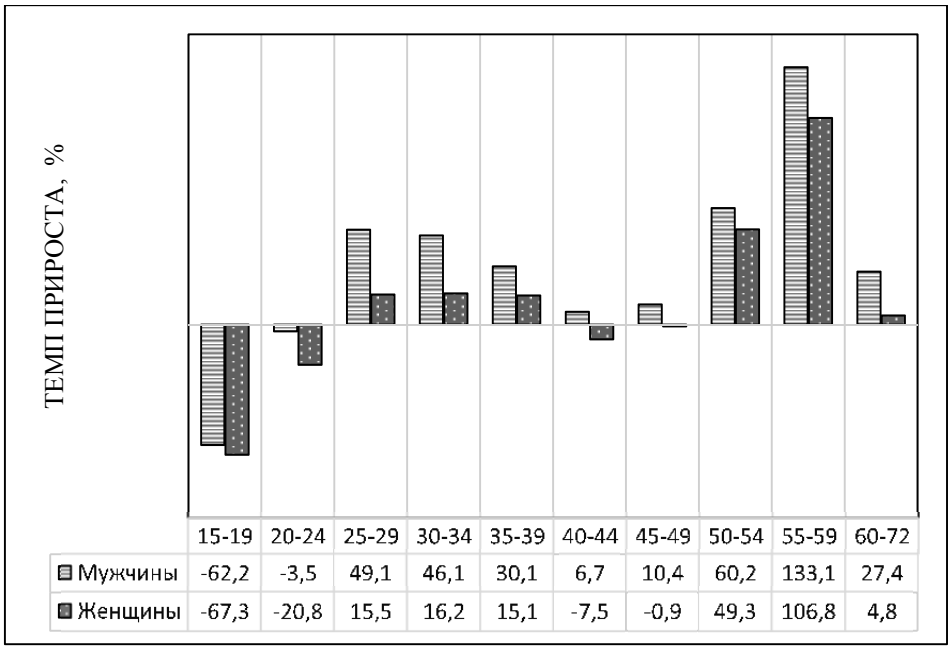


Рис. 1 / Fig 1. **Динамика численности занятых в формальном и неформальном секторах экономики России за период с 2006 по 2015 г. (по отношению к 2005 г.) / Dynamics of employed in formal and informal sectors of economy of Russia from 2006 for 2015 (to 2005)**

Источник / Source: данные Росстата* */ the data of Rosstat.*

* Социально-экономическое положение федеральных округов, 2016. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 04.05.2017) / Economic and social situation of federal districts, 2016. URL: http://www.gks.ru (accessed 04.05.2017).



	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-72
Мужчины	-62,2	-3,5	49,1	46,1	30,1	6,7	10,4	60,2	133,1	27,4
Женщины	-67,3	-20,8	15,5	16,2	15,1	-7,5	-0,9	49,3	106,8	4,8

Рис. 2 / Fig. 2. **Динамика численности занятых в неформальном секторе по полу и по возрастным группам в 2015 г. по сравнению с 2005 г. / Dynamics of employed in informal sector by sex and age in 2015**

Источник / Source: данные Росстата* */ the data of Rosstat.*

* «Социально-экономическое положение федеральных округов, 2016». URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 04.05.2017) / "Economic and social situation of federal districts, 2016". URL: http://www.gks.ru (accessed 04.05.2017).

по найму, то в 2015 г. их удельный вес увеличился до 58,6%.

В 2015 г. по сравнению с 2005 г. сокращение численности неформально занятых произошло только в двух видах экономической деятельности: сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве (на 21,7%) и рыболовстве (на 16,7%). Во всех остальных видах экономической деятельности наблюдался рост неформальной занятости. Наибольший рост произошел в финансовой деятельности — в 3,4 раза, в сфере операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг — в 2,4 раза,

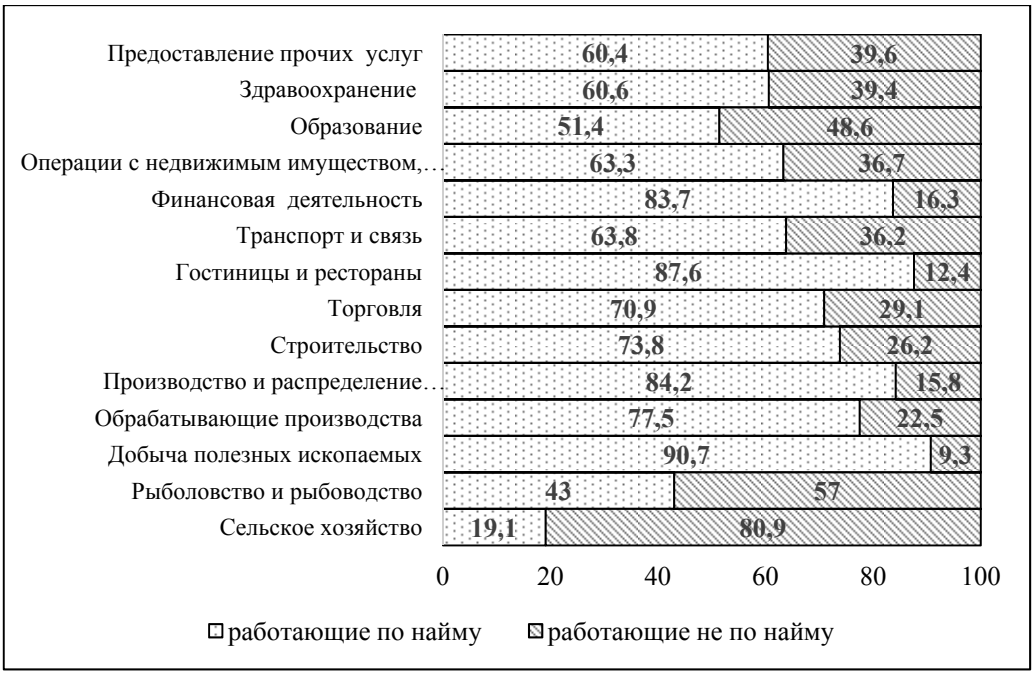


Рис. 3 / Fig. 3. **Статус занятых в неформальном секторе по видам экономической деятельности в 2015 г. / The status occupied in the informal sector by types of economic activity in 2015**

Источник / Source: данные Росстата* */ the data of Rosstat.*

* «Социально-экономическое положение федеральных округов, 2016». URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 04.05.2017) / "Economic and social situation of federal districts, 2016". URL: http://www.gks.ru (accessed 04.05.2017).

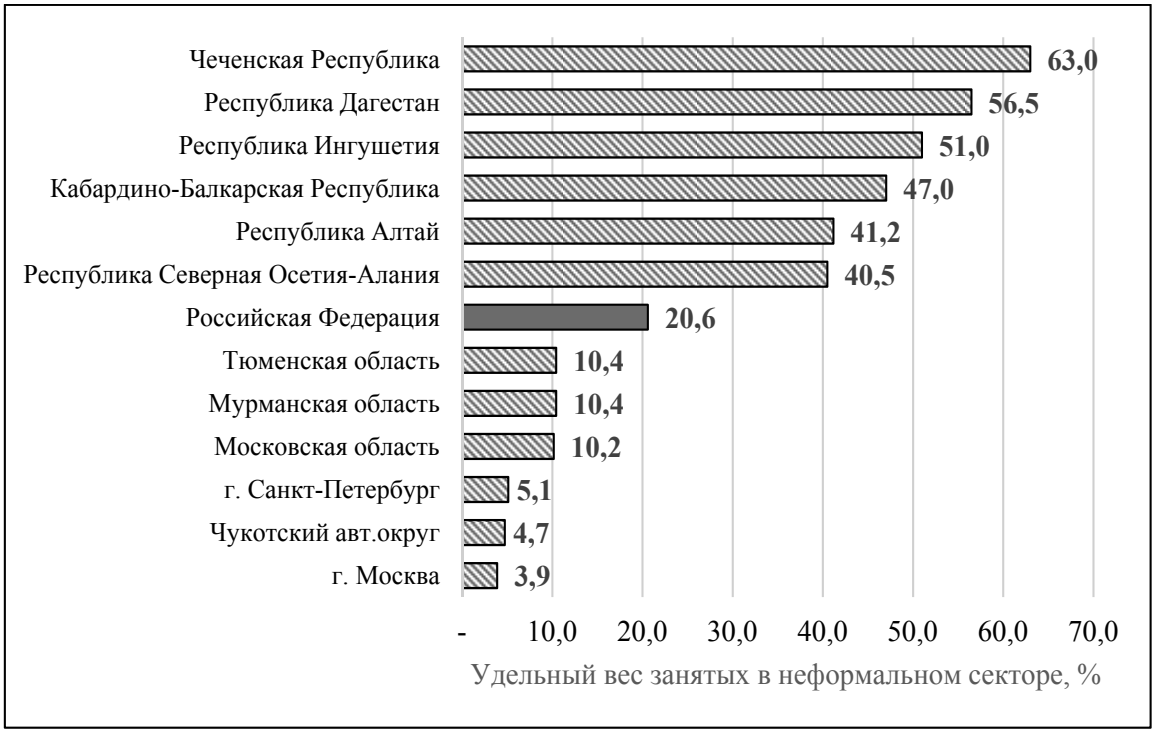


Рис. 4 / Fig. 4. **Регионы с наибольшими и наименьшими уровнями неформальной занятости в 2015 г. / Regions with the largest and smallest levels of informal employment in 2015**

Источник / Source: данные Росстата* */ the data of Rosstat.*

* «Социально-экономическое положение федеральных округов, 2016». URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 04.05.2017) / "Economic and social situation of federal districts, 2016". URL: http://www.gks.ru (accessed 04.05.2017).

Таблица 1 / Table 1

Группировка регионов России по доле занятых в неформальном секторе, 2015 г. / Group of regions of Russia on a share of employed in the informal sector, 2015

Удельный вес занятых в неформальном секторе,%	Количество регионов	Состав группы
до 10	3	Москва, Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ
10–20	22	Области: Амурская, Калужская, Кемеровская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Московская, Мурманская, Новосибирская, Рязанская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская, Челябинская, Ярославская. Края: Алтайский, Хабаровский, Камчатский. Республики: Карелия, Коми, Саха (Якутия)
20–30	43	Области: Архангельская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Еврейская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Орловская, Псковская, Ростовская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская. Края: Забайкальский, Краснодарский, Пермский, Приморский. Республики: Башкортостан, Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Хакасия, Удмуртская, Чувашская. Город: Севастополь
30–40	7	Области: Омская, Пензенская. Республики: Карачаево-Черкесская, Адыгея, Бурятия, Тыва. Края: Ставропольский
40–50	4	Республики: Алтай, Кабардино-Балкарская, Крым, Северная Осетия — Алания
50 и выше	3	Республики: Дагестан, Ингушетия, Чеченская
Итого	82	–

здравоохранении и предоставлении социальных услуг — в 2 раза, в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды — в 1,9 раза.

Видами деятельности российской экономики, в наибольшей степени охваченными неформальной занятостью, являются сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство (72,5% от общего числа занятых трудятся в неформальной сфере), торговля (41,0%), рыболовство и рыбоводство (39,4%), строительство (31,7%), гостиницы и рестораны (26,2%).

В двух видах деятельности — сельском хозяйстве и рыболовстве, рыбоводстве, преобладают работающие не по найму (*рис. 3*). Во всех остальных видах деятельности работающие в неформальной сфере трудятся по найму. Обращает на себя внимание большая доля работающих не по найму в сфере образования — 48,6%.

На региональном уровне доля занятых в неформальном секторе значительно варьирует и характеризуется неоднородностью (коэффициент вариации составляет 42,2%). Минимальная доля занятых в неформальной сфере — в Москве, Чукотском автономном округе, Санкт-Петербурге, Московской и Мурманской областях, максимальный — в Республиках Северной Осетии — Алании, Алтае, Кабардино-Балкарской, Ингушской, Чеченской (*рис. 4*).

Различия в доле занятых в неформальном секторе почти на 60% определяются территориальным фактором и специфическими экономическими

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь неформальной занятости населения с демографическими, экономическими и финансовыми показателями, 2015 год / Interrelation of informal employment of the population with demographic, economic and financial performance, 2015

Удельный вес занятых в неформальном секторе, %	Количество регионов	Уровень безработицы, %	Доля населения старше трудоспособного возраста, %	Среднедушевые денежные доходы, руб.	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Число МП на 100 тыс. чел. населения	Доходы от предпринимательской деятельности в составе общих доходов, %	ВРП на душу населения, руб.	Инвестиции на душу населения, руб.	Поступление налогов и сборов в бюджет на душу населения, руб.
до 10	3	2,6	21,9	53850	8,6	252	2,4	984453	133059	214298
10–20	22	5,8	23,8	32119	13,5	166	7,0	545166	146060	98502
20–30	43	6,0	25,6	24494	15,3	149	9,0	306970	73458	50573
30–40	7	9,8	21,7	21613	19,3	96	9,8	209164	43417	28168
40–50	4	9,1	21,6	18764	20,6	63	15,9	162998	35341	20628
50–60	3	19,5	11,2	21445	19,6	14	16,0	139499	53259	8703
Итого*	82	6,8	23,9	26977	15,3	144	8,9	374163	89954	64517
Коэффициент корреляции рангов Спирмена		0,491	–0,153	–0,638	0,461	–0,610	0,501	–0,729	–0,577	–0,676

* В итоговой графе, за исключением количества регионов, приводятся средние значения.

и социальными условиями, складывающимися в отдельных регионах страны. Высокие доли занятых в неформальном секторе в Северо-Кавказском, Южном, Сибирском и Крымском федеральных округах (*рис. 5*).

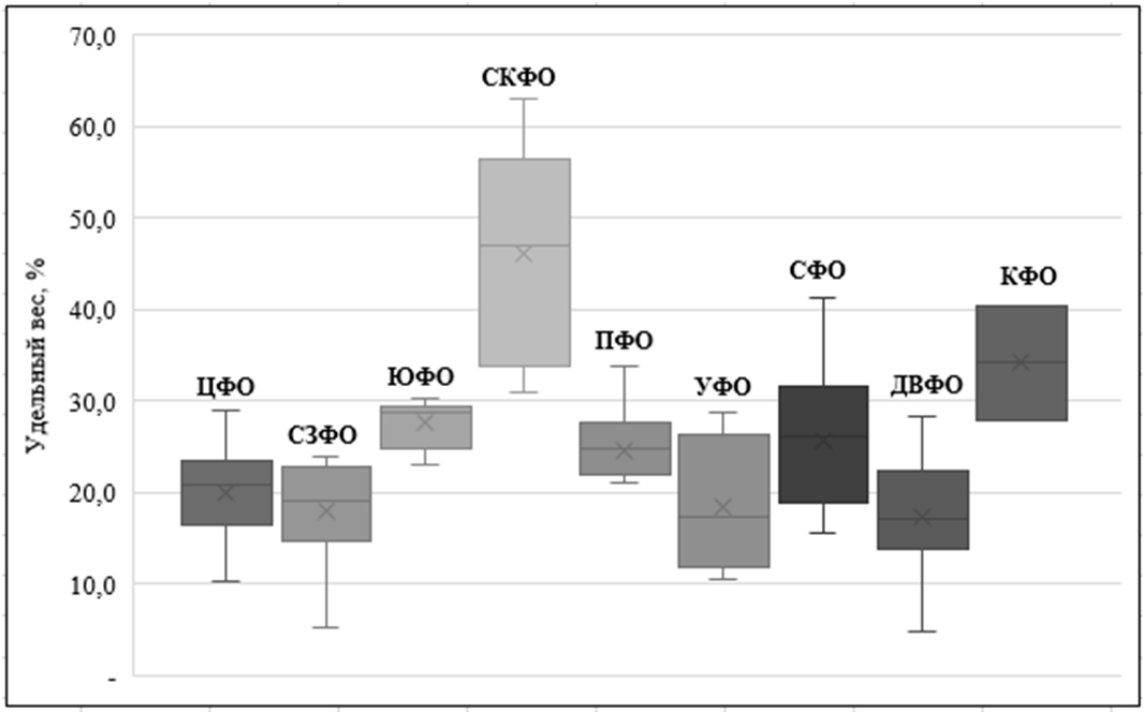
Группировка регионов по доле занятых в неформальном секторе (*табл. 1*), выполненная авторами на основе официальных данных Росстата об экономической активности населения[4], позволяет сделать вывод, что только три региона России характеризуются низким уровнем неформально работающих (менее 10%). В большинстве регионов России (в 65) неформальная занятость населения составляет 10–30% всех занятых. Высокий уровень (30–50%) неформальной занятости в 11 регионах России и крайне высокий (более 50%) — в трех.

Низкий, средний или высокий уровень неформальной занятости населения отдельных регионов страны складывается под влиянием демографических, экономических и социальных факторов [3, 4].

Логично предположить, что уровень неформальной занятости непосредственно связан с ситуацией на местных рынках труда, возрастной структурой населения, уровнем жизни населения регионов, уровнем развития малого предпринимательства, инвестиционной привлекательностью региона и состоянием государственных финансов [5–7].

Для оценки влияния этих факторов на масштаб занятых в неформальной сфере были отобраны показатели, собираемые Росстатом на уровне отдельных регионов России. В качестве показателя возрастной структуры населения взята доля населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения, в качестве индикаторов

[4] Экономическая активность населения, 2016. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 04.05.2017) / Economic activity of the population, 2016. URL: http://www.gks.ru (accessed 04.05.2017).



ЦФО — Центральный федеральный округ	УФО — Уральский федеральный округ
СЗФО — Северо-Западный федеральный округ	СФО — Сибирский федеральный округ
ЮФО — Южный федеральный округ	ДВФО — Дальневосточный федеральный округ
СКФО — Северо-Кавказский федеральный округ	КФО — Крымский федеральный округ
ПФО — Приволжский федеральный округ	

Рис. 5 / Fig 5. **Вариация доли занятых в неформальном секторе экономики по федеральным округам России в 2015 г. / Variation of a share of employed in the informal sector of economy on the federal districts of Russia in 2015**

Источник / Source: данные Росстата* */ the data of Rosstat.*

* «Социально-экономическое положение федеральных округов, 2016». URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 04.05.2017) / "Economic and social situation of federal districts, 2016". URL: http://www.gks.ru (accessed 04.05.2017).

состояния местных рынков труда — уровень безработицы, показателями, отражающими уровень жизни населения,— среднемесячные среднедушевые денежные доходы, а также доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. В качестве показателя структуры доходов домашних хозяйств выбран показатель — процент доходов от предпринимательской деятельности в общей структуре доходов. Показателем развития малого предпринимательства выступило число малых предприятий на 100 тыс. чел. жителей. Индикаторами состояния экономики послужили валовой региональный продукт, а также объем инвестиций на душу населения. В качестве индикатора состояния государственных финансов был взят показатель поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет в расчете на душу населения региона.

С целью установления зависимости между показателями для каждой группы регионов были рассчитаны средние значения перечисленных индикаторов, а также измерена их статистическая связь с показателем доли неформальной занятости с помощью коэффициента корреляции рангов Спирмена. Результаты вычислений представлены в *табл. 2*.

Для всех показателей, кроме доли населения старше трудоспособного возраста, связь с уровнем неформальной занятости оказалась статистически значимой при уровне $p \leqslant 0{,}05$.

Из этого следует сделать вывод, что рост или уменьшение доли лиц старше трудоспособного возраста не оказывают влияния на уровень неформальной занятости населения. А вот все остальные отобранные индикаторы тесно связаны с неформальной занятостью и определяют ее масштабы или, наоборот, существенно зависят от ее масштабов.

Прямая зависимость наблюдается между долей неформально занятых и уровнем безработицы: в регионах с низким уровнем неформальной занятости

безработица не превышает 3%, в регионах в очень высоким уровнем неформальной занятости уровень безработицы достигает почти до 20%.

Непосредственное влияние на неформальную занятость оказывает уровень жизни населения. Величина среднедушевых денежных доходов в благополучных регионах в 2 раза превышает средний уровень по России и в 2,5 раза уровень доходов в регионах с развитой неформальной занятостью. При этом следует отметить, что доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в благополучных регионах в 1,8 раза ниже, чем в целом по России и в 2,3 раза ниже, чем в регионах с большой численностью населения, занятого в неформальном секторе.

Существенная обратная зависимость наблюдается с уровнем развития малого предпринимательства. В регионах с низким и средним уровнями неформальной занятости число малых предприятий выше, чем в целом по России и составляет от 142 до 252 малых предприятий на 100 тыс. жителей. В регионах с самым высоким уровнем развития неформальной занятости этот показатель почти в 18 раз ниже и находится на уровне всего 14 малых предприятий на 100 тыс. чел. населения.

В структуре доходов в регионах с неформальной занятостью населения высока доля доходов от предпринимательской деятельности (почти 16%). Она в 5–7 раз выше, чем в регионах с низким и средним уровнем неформальной занятости.

Серьезно отстают регионы с высокой неформальной занятостью и в экономическом развитии. ВРП на душу населения в благополучных регионах достигает 984 453 руб. В регионах с развитой неформальной занятостью он не достигает и 200 000 руб.

Крайне негативно отражаются масштабы неформальной занятости населения на собираемости налогов, сборов и иных платежей. Региональные бюджеты ежегодно недополучают значительные суммы. В 2015 г. в регионах с низкой долей неформальной занятости (до 10%) с каждого жителя поступило 214 298 руб. налогов, сборов и платежей, а с высокой долей неформальной занятости (свыше 50%) — почти в 25 раз меньше, всего 8 703 руб. В среднем по России с каждого жителя в бюджет поступило 64 517 руб. в виде налогов, сборов и платежей.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее актуальными в сфере социально-трудовых отношений становятся вопросы сокращения масштабов неформальной занятости населения России и легализация занятости [8, 9]. Ситуация, когда значительная часть трудящихся не уплачивает налоги и обязательные платежи, но пользуется социальными благами, требует решения. Под руководством Министерства труда в субъектах Российской Федерации утверждены планы мероприятий, направленные на снижение неформальной занятости.

В проекте Торгово-промышленной палаты РФ «Принципы Стратегии экономического развития России до 2025 г.» от 13.01.2017[5] предлагается ввести целевую систему сборов с фонда оплаты труда, которая позволит снизить долю неформальной занятости с 20,6%, существующих сегодня, до 10,3%. При этом бюджет получит доходы в размере 300 млрд руб.

Для решения проблемы неформальной занятости населения России необходимо принятие мер по сокращению безработицы в регионах, где ее масштабы велики, повышению уровня жизни и развитию малого предпринимательства.

Не стоит упускать из виду, что неформальная занятость имеет двойственный характер и при определенных условиях в небольших масштабах может оказывать и положительное воздействие на экономику и социальную сферу. Анализ этого влияния и оценка максимально допустимых масштабов неформальной занятости, когда она оказывает стабилизирующее воздействие, являются актуальными для дальнейшей разработки темы и принятия комплексных мер, направленных на снижение уровня неформальной занятости в стране.

[5] Проект Совета ТПП РФ по промышленному развитию «Принципы Стратегии экономического развития России до 2025 г.». URL: http://tpprf.ru (дата обращения: 04.05.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салин В. Н., Глебкова И. Ю., Долбик-Воробей Т. А. Занятость пенсионеров (статистический анализ) // Финансы: теория и практика. 2016. Т. 20. № 5. С. 58–66.
2. Нестеров А. Ю. Неформальная занятость как стратегия достижения финансовой устойчивости домохозяйства // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 18. С. 113–118.
3. Stepanova E. G. Analysis the trend of employment sector of the economy // Информационные технологии. 2014. № 2. С. 651–654.
4. Williams C. C. Beyond the formal economy: evaluating the level of employment in informal sector enterprises in global perspective // Journal of Development Enterpreneurship. 2013. Т. 18. № 4. С. 1–21.

5. Ахмадеев Д.Р. Институциональные условия неформальной занятости в современной России. М., 2015. 200 с.
6. Кашепов А.В., Сулакшин С.С., Малчинов А.С. Рынок труда: проблемы и решения: монография. М.: Научный эксперт, 2008. 232 с.
7. Чернышова М.И. Занятость как важнейший элемент рынка труда. Неформальная занятость: проблемный аспект // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2016. № 4 (20). С. 25–30.
8. Кубишин Е.С. Неформальная занятость в России: причины, последствия, возможности легализации. Гуманитарные экономические и правовые проблемы современного общества. Сборник научных трудов сотрудников. М., 2015. С. 136–147.
9. Цхададзе Н.В. Социально-экономические последствия развития неформальной занятости в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4. С. 102–112.

REFERENCES

1. Salin V.N., Glebkova I. Yu., Dolbik-Vorobej T.A. Employment of pensioners (statistical analysis). *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2016, vol. 20, no. 5, pp. 58–66. (In Russ.).
2. Nesterov A.YU. Informal employment as strategy of achievement of financial stability of a household. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya) = Bulletin of the University (State university of management)*, 2013, no. 18, pp. 113–118. (In Russ.).
3. Stepanova E.G. Analysis the trend of employment sector of the economy. *Informatsionnye tekhnologii = Information technologies,* 2014, no. 2, pp. 651–654. (In Russ.).
4. Williams C.C. Beyond the formal economy: evaluating the level of employment in informal sector enterprises in global perspective. *Journal of Development Entrepreneurship,* 2013, vol. 18, no. 4, pp. 1–21. doi: 10.1142/S1084946713500271.
5. Ahmadeev D.R. Institutional conditions of informal employment in modern Russia. Moscow, 2015. 200 p. (In Russ.).
6. Kashepov A.V., Sulakshin S.S., Malchinov A.S. Labor market: problems and decisions. Monografiya. Moscow: Nauchnyj ehkspert, 2008. 232 p. (In Russ.).
7. Chernyshova M.I. Employment as the most important element of labor market. Informal employment: problem aspect. *Chelovecheskij kapital i professional'noe obrazovanie = Human capital and professional education*, 2016, no. 4 (20), pp. 25–30. (In Russ.).
8. Kubishin E.S. [Informal employment in Russia: reasons, consequences, possibilities of legalization]. *Gumanitarnye ehkonomicheskie i pravovye problemy sovremennogo obshhestva. Sbornik nauchnykh trudov sotrudnikov. Moskva*, 2015, pp. 136–147. (In Russ.).
9. Tskhadadze N.V. Social and economic consequences of development of informal employment in Russia. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo univesiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Series: Economy and management*, 2015, no. 4, pp. 102–112. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виктор Николаевич Салин — кандидат экономических наук, профессор Департамента учета, анализа и аудита, Финансовый университет, Москва, Россия
salvini@rambler.ru
Виктория Викторовна Нарбут — кандидат экономических наук, доцент Департамента учета, анализа и аудита, Финансовый университет, Москва, Россия
vvnarbut@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Viktor Nikolaevich Salin — Cand. Sci. (Econ.), Professor of the Accounting, Analysis and Audit Department, Financial University, Moscow, Russia
salvini@rambler.ru
Viktoriya Viktorovna Narbut — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Accounting, Analysis and Audit Department, Financial University, Moscow, Russia
vvnarbut@fa.ru

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-70–79
JEL Q01, Q18, Q5

The Global Agricultural System and Climate Change: Challenges and Opportunities for the Russian Federation*

Riccardo Valentini,
the University of Tuscia,
Italy
https://orcid.org/0000-0003-1810-0002

ABSTRACT

The article examines the dependence of the development of the global agricultural system against climate change of the planet. It is argued that agricultural production in the period beyond 2015 is playing an increasingly prominent role, and it will increase in future. The current vulnerability of climate system largely depends on a delicate balance between greenhouse gas emissions caused by human activities, a policy aimed at mitigating these harmful effects and the natural dynamics of the functioning of terrestrial and ocean systems. This, in turn, depends on the number of sources of greenhouse gases that affect climate. Unprecedented climate change seriously threatens agricultural production and food security. It is therefore essential the further development of new areas of science, including a reliable methodology for monitoring greenhouse gases, advanced modeling tools, collection and aggregation of big data. Despite the good preconditions for the development of the food sector, the risk of impacts of climate change on natural ecosystems remains high, even under favorable temperature conditions. Thus, solutions must be found in the change of our paradigms.

We must change the attitude towards agriculture as a separate component of the food system. Agriculture should be an important element in mitigating the effects of climate change and adaptive strategies. The author argues that Russia is a promising candidate among the boreal regions. Russia is able to take advantage of the situation and to turn from an importer of agricultural products into solid world exporter of food. The article presents several factors that can become the basis for a new agricultural and food strategy of Russia. But to fully take advantage of such capabilities it is required significant transformation. Taking into account some changes in the agricultural sector, the author provides recommendations that could enhance the role of the Russian Federation on the agro-food world markets.

Keywords: agrifood; greenhouse gases; climate change; boreal regions; food security; agriculture

Citation: Riccardo Valentini. The global Agrifood system and climate changes: challenges and opportunities for Russian Federation. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 70–79. (In Russ.).

* At the IV International forum of Financial University "What will the future bring", held on 28–30 November 2017, a lecture on current environmental issues was made by the Nobel Laureate Professor Riccardo Valentini. He has kindly offered us to publish his article. We hope that it will be of interest to our readers, as it concerns the future not only of Russia but the whole planet as well. (Ed.).

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-70–79
JEL Q01, Q18, Q5

Глобальная агропромышленная система и изменение климата: вызовы и возможности для Российской Федерации*

Риккардо Валентини,
Тосканский университет,
Италия
https://orcid.org/0000-0003-1810-0002

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется зависимость развития глобальной агропромышленной системы от изменения климата планеты. Утверждается, что сельскохозяйственное производство в период после 2015 г. играет все более заметную роль, и в дальнейшем она будет усиливаться. При этом нынешняя уязвимость климатической системы во многом зависит от тонкого баланса между выбросами парниковых газов, вызванных деятельностью человека, политикой смягчения этих пагубных последствий и естественной динамикой функционирования земных и океанских систем. Это, в свою очередь, зависит от количества источников парниковых газов, оказывающих влияние на климат. Беспрецедентное изменение климата серьезно угрожает производству сельскохозяйственной продукции и продовольственной безопасности. Поэтому крайне важно дальнейшее развитие новых направлений науки, включающих в себя надежные методологии мониторинга парниковых газов, передовые инструменты моделирования, сбора и статистической обработки больших данных. Несмотря на хорошие предпосылки для развития продовольственного сектора, риск воздействия климатических изменений на природные экосистемы остается высоким, даже при наличии благоприятных температурных условий. Таким образом, решения должны быть найдены в изменении наших парадигм. Мы должны изменить отношение к сельскому хозяйству как к отдельному компоненту продовольственной системы. Сельское хозяйство должно стать важным элементом смягчения последствий изменения климата и адаптивных стратегий. Автор утверждает, что Россия является перспективным кандидатом среди бореальных регионов, способным воспользоваться сложившейся ситуацией и превратиться из импортера сельскохозяйственной продукции в солидного мирового экспортера продовольствия. В статье представлено несколько факторов, которые могут стать основой новой агропродовольственной стратегии России. Но чтобы в полной мере воспользоваться такими возможностями, необходимы существенные преобразования. Подводя итоги некоторых изменений в аграрном секторе, автор дает рекомендации, которые могли бы повысить роль Российской Федерации на агропродовольственных мировых рынках.

Ключевые слова: агропромышленная система; парниковые газы; изменение климата; бореальные регионы; продовольственная безопасность; сельское хозяйство

Для цитирования: Риккардо Валентини. Глобальная агропромышленная система и изменение климата: вызовы и возможности для Российской Федерации // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 70–79.

* На IV Международном форуме Финансового университета «Что день грядущий нам готовит», состоявшемся 28–30 ноября 2017 г., с лекцией на актуальную экологическую тему выступил лауреат Нобелевской премии профессор Риккардо Валентини, любезно предложивший нам для публикации свою статью. Надеемся, что она вызовет живой интерес у наших читателей, поскольку касается будущего не только России, но и всей планеты (Ред.).

The concentrations of greenhouse gases in the atmosphere are at the highest they have been in the past 800 million years. Current levels of CO_2 have increased by 30% from 280 ppm in pre-industrial times to 401 ppm today (2015), and they continue to rise. Current levels of CH_4 of 2000 ppm are now nearly triple their pre-industrial value of 700 ppm. N_2O concentration reached 327 ppb in 2014 compared with the 280 ppb of pre-industrial time. These changes are mainly caused by human activities. Agriculture and food will play a prominent role in the post-2015 development agenda. The agrifood sector alone accounts for some 80 percent of total freshwater use, 30 percent of total energy demand, and 12–30 percent of man-made greenhouse gas emissions worldwide. With global food production expected to increase 70 percent by 2050 (coupled with meat dietary changes), the sector is facing unprecedented resource pressures and strong perturbations to the climate systems. However, only 45% on average of CO_2 from anthropogenic emissions has remained in the atmosphere while land and oceans have sequestered the other half, in approximately equal proportions. Thus the current climate system vulnerability is hanging on the delicate balance between human induced greenhouse gases emissions and mitigation options and the natural dynamics of land and ocean systems, which could alternate between a sink or source of greenhouse gases depending on the magnitude and sign of climate feedbacks.

In the recent COP21 climate conference in Paris, nearly 185 countries agreed to a global effort to reduce greenhouse gases emissions to a level well below the threshold of 2 °C which is considered harmful for the entire biosphere and human society. Currently the increase of GHG emissions is projected on a dangerous trajectory heading to a global warming at the end of the century of 3.2–5.4 °C (scenario RCP8.5). Following the pledges (Intended Nationally determined Contribution — INDC) of the Paris conference we are currently heading on the RCP6 scenario which forecast a global warming at the end of the century of 2.0–3.7 °C (likely at about 2.7 °C). The ideal trajectory which would put safely the biosphere and human activities is on the RCP2.6 scenario, which need a peak of GHG emissions at about 2020 with a rapid decrease until the end of century including negative emissions by 2080 (carbon sequestration). The family of IPCC projected trajectories of CO_2 emissions are represented in *Fig. 1*. Unfortunately the agree INDC in Paris are not enough to achieve a sustainable effect on Climate and on one hand this can be considered a failure of governments to show more ambition in their contributions. On another hand this is the first time that a so large number of countries (185) have agreed and committed to work together to limit global warming below 2 °C. In this respect, aided also by a financial boost of 100 billion US dollars a year in green economy technologies, the agreement can turn into a possible success in the future. However besides negative or positive evaluation of the outcome, monitoring and verification of the GHG emission targets is becoming the central component of the Paris agreement, as all countries have agreed it. This open an important new direction for science that includes sound and robust methodologies of greenhouse gases monitoring, advanced modelling tools and big data collection and statistical treatment. There are also new challenging questions to be addressed by the scientific community, for what concern natural ecosystems and food production systems. The twentieth century experienced the strongest warming trend of the last millennium, with average temperatures rising about 0.67 °C since pre-industrial times. The Intergovernmental Panel on Climate Change predicts that best estimates for average global temperatures, across all scenarios, will be between 1.5 °C to 4 °C, or higher, by the end of the twenty-first century. It is increasingly likely that by the end of this century some regional and local climates will include conditions not experienced at present ('novel' climates) and that some present climates may disappear. Changes in temperature and precipitation, without considering effects of CO_2, will contribute to increased global food prices by 2050, with estimated increases ranging from 3 to 84%. This unprecedented climate change strongly threatened food production and security. Currently we have about 800 million people suffering malnutrition with about 36 million dying for lack of food. Solving hunger is one of the greatest challenges of our time. The main detected effect of climate change on food production is a decrease of crop yield in most tropical areas where food insecurity is already strong (e.g. a decrease by 2050 of 17% of wheat and 15% sorghum yield is predicted in Africa). Water scarcity is predicted to increase where already agriculture is competing with domestic and industrial uses. However, in some regions of the world, particularly the boreal areas (i.e. Russia and Canada), new crops will become suitable for cultivation and an increased yield of traditional growing crops could be expected. Among the boreal region, Russia is a

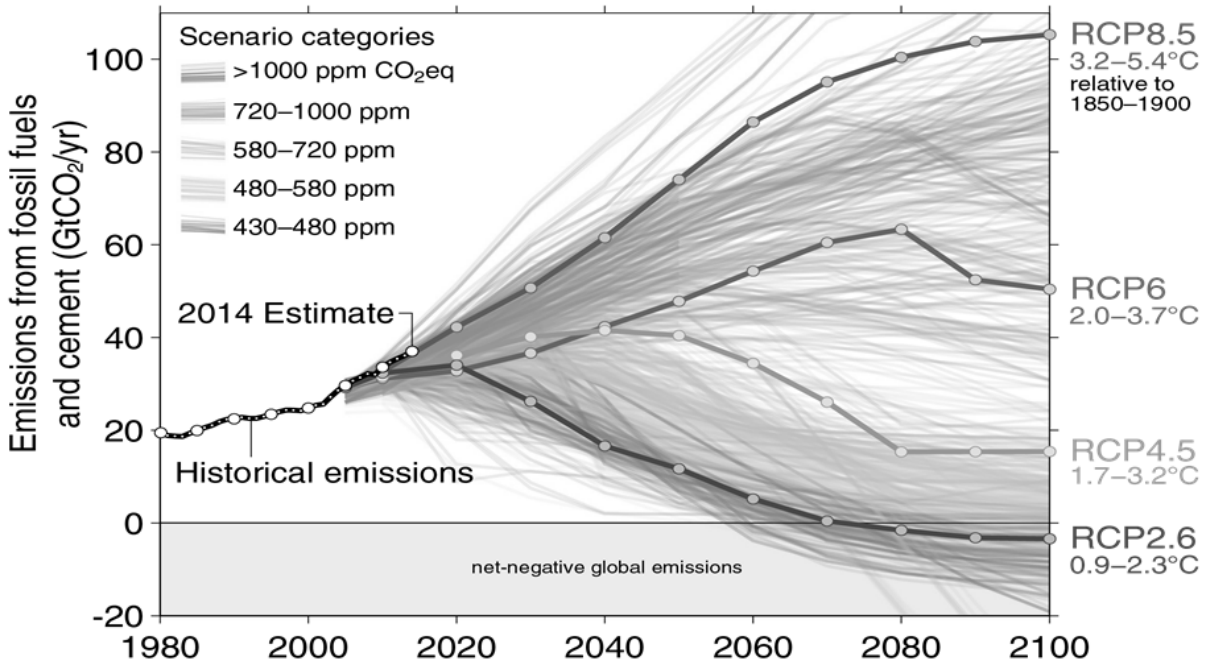


Fig. 1. **Emission from fossil/fuels and cement ($GtCO_2$/year)**

promising candidate to take this opportunity and changing from a net importer to a significant world food exporter. There are several factors that play in favour of the new Russia agrifood role. First of all, the large amount of available land that during *perestroika* was abandoned since non-profitable. These are about 40 million ha (Mha) that could be re-qualified for agriculture production considering more favourable climate conditions.

Secondly climate warming will expand northwards and eastwards crops that are today not suited for cultivation, in particular wheat, maize, sugar beets and sunflowers but also non-traditional woody crops such as wines, olive trees and temperate fruits in southern areas of Russia (*Fig. 2*).

Thirdly to establish a nationwide network of food certification standards, such as definition of organic products, sustainability and health indicators to enter in the EU and developed countries quality markets.

Fourthly the recent food sanctions, following Ukraine crisis, will stimulate Russian internal agriculture production. This will contribute to diversify economy in other sectors than energy, becoming urgent also in the light of the current oil price crisis. However, despite these favourable circumstances urgent and radical agriculture reforms are needed. It is needed to revamp high-quality food production, selecting the best crops which will be adapted to the new climate and investing in technology and precision farming. Furthermore, it is important to shift public funding in research and extension to farmers for improving selection of crop varieties yields and adaptation to climate changes. Finally, it is advisable to establish a nation-wide network of food certification standards, such as definition of organic products, sustainability and health indicators in order to enter in the EU and developed countries quality markets.

Despite such opportunities for the food sector, the risk of climate changes impacts on natural ecosystems remain high, even if thermal favourable conditions will occur. In this case the lack of adaptive capacity of natural species and ecosystems may play a limiting factor on their survival and distribution. There is a potentially high risk, especially in the Siberian and Far East region, of decline of forest trees, impacting forestry economic sector, as well as degradation of humid ecosystems such as wetlands. Extensive tree mortality and widespread forest dieback linked to drought and temperature stress is an increasing and emergent concern in all vegetated continents, although direct attribution of extensive tree mortality to warming or drying episodes is still under debate (IPCC AR5, 2015). Climate extremes are becoming frequent in the Boreal region, which may represent a vulnerable regional hotspot for forests ecosystems. However, the paucity of studies still makes a direct attribution of extensive tree dieback to climate extremes highly uncertain.

The current situation of climate impacts requires an important investment in research technology

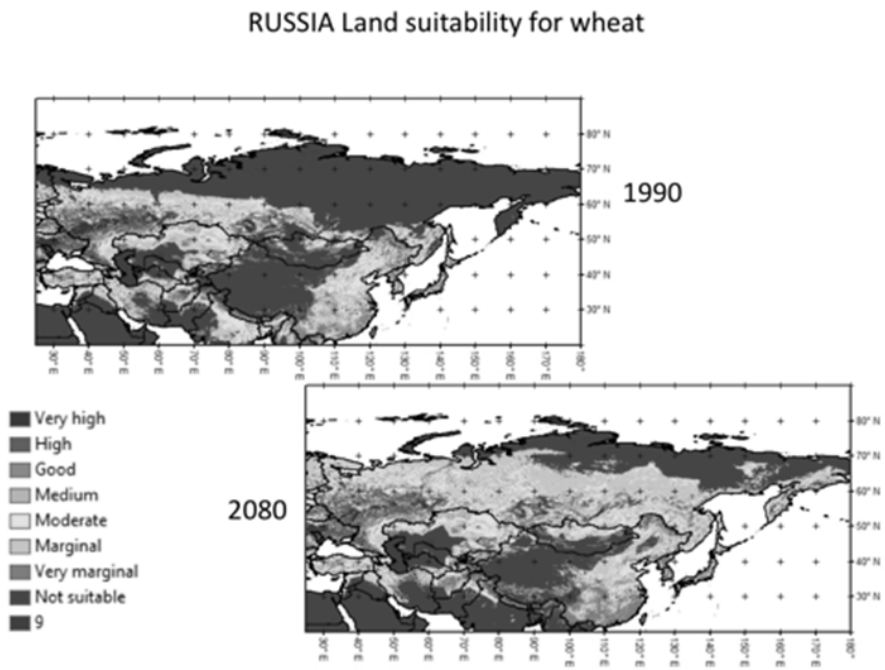


Fig. 2. **An example of climate impact scenario on wheat land suitability developed during LAMP project for Russia**

to develop robust ecological monitoring systems, coupled with state of the art of biogeochemical and crop models, to address such important questions.

The challenges facing agriculture today with future climate change are unlike anything we have experienced before. Increasing food production requires revolutionary sustainable approaches adapting agriculture to climate change to ensure that the crops can thrive in new climates and new conditions. On average, agronomic adaptation improves yields by the equivalent of ~15–18% of current yields but the effectiveness of adaptation is highly variable. Projected benefits of adaptation are greater for crops in temperate, rather than tropical, regions (with wheat- and rice-based systems more adaptable than those of maize. However, we have still to explore new research findings that are becoming more and more operational in real field conditions and potentially can increase our ability to cope with climate impacts.

First, we need to take advantage of the increasing information on weather and climate predictions. Weather predictions at three days forecast are now common everywhere but the next frontier is to provide seasonal climate predictions in the range of 15 days, 1 month up to 6 months. These predictions are today available, thanks to the amazing increase in computing power, at 2–4km resolutions. However, this information is not yet used in agricultural applications but they could provide useful information to improve calendar sowing, selection of varieties, irrigation and nutrient application planning.

More and more widely crop models are available with increasing yield prediction capability, although still more work is to be carried out on prediction of food quality and pest management. The combination of climate seasonal forecasts with advanced crop models can be a powerful tool to respond and adapt to climate change impacts.

New resilient crop varieties that are productive under such climate changes are needed. Although there are many approaches to improve selection, a promising solution is the use of crop wild relatives in breeding programs. Crop wild relatives contain genetically important traits due to their adaptation to various ranges of habitats. They provide an enormously diverse and potentially adaptive source of raw material for plant breeding programs to improve new crop varieties adapted to changing climates. New advances are also obtained by recent studies on perennial crops (grains or grasses) which are potentially more resilient to climate stresses, due to their deeper rooting system and their ability to improve soil fertility.

The new *climate-smart agriculture* should not only provide more resilient crops to climate impact but also itself to reduce greenhouse gases emissions into the atmosphere. A paradigm apparently difficult to reconcile (more productive and resilient agriculture with low environmental impacts), however we can

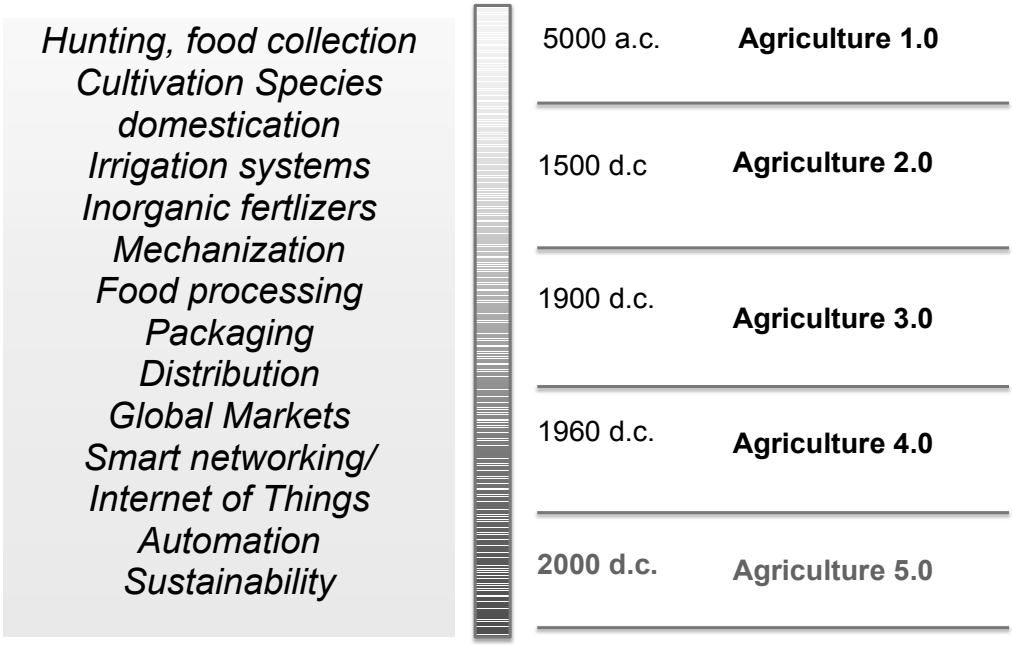


Fig. 3. **The long-lasting agriculture transformations since the beginning of human civilization**

take this challenge and there are many examples where the two objectives can be obtained in synergy. Reducing soil tillage may improve soil–plant microbial interactions and reduce carbon emissions, planning fertilizer application in time and space (precision farming) can improve yields and reduce N_2O emissions, calibrated water distribution according to crop requirements can respond to climate extremes and at the same improve water use efficiency. Furthermore, the entire food system can be designed to reduce food losses and improve food health, reducing energy consumption with more advanced energy efficiency approaches in transformation, packaging and transports.

Of relevance is the role of technology in precision farming application. Long-term and high-frequency data (sub-hour monitoring along seasonal and inter-annual scale) of plant function and structure in a significant number of experimental sites is today available to detect plant response to the environmental (biotic and abiotic) conditions. Normally this would imply huge efforts and expensive costs. Nevertheless, the innovative approach based on the Internet of Things (IoT) make this monitoring feasible, low power consuming and cost-effective.

IoT is a network of physical objects monitored by remote or proximal equipment and sensors wireless-connected to a computer-based system, and allows collecting the huge amount of data and information in almost real time without requiring human-to-human or human-to-computer interaction. The revolution in agriculture we are today envisaging is representing by Agriculture 5.0 which is the 5th step in agriculture transformation since the first sign of human civilization as suggested in *Fig. 3*.

Today our agriculture is facing a complex and difficult historical time. At the same time institutions, governments, industries and civil society are asking to the world farmers the global solutions to multiple demands from climate resilient to low greenhouse gases emission agriculture. This is a challenge that farmers can take but not without significant investments in technological innovation, risk management and financial support. Without them farmers alone will not be able to face the outstanding mission to feed our people every day for now and the future.

A recent debate, promoted by the Barilla Center for Food and Nutrition (BCFN, 2017), resulted in a list of 10 top burning issues to act on in order to achieve a constructive change in the agro-food sector:

Food prices are today not reflecting their true value in terms of positive and negative externalities.

Institutions are not working effectively. Governments and public institutions have the main responsibility to assure food and nutrition security to its citizens but they are not yet fulfilling their role.

Ecological public health, in terms of combining nutrition and environmental sustainability of food is not yet in place.

Agriculture is not only a driver of climate warming but can be turned into a solution in terms of mitigation and adaptation.

Technology, innovation, knowledge is not yet fully embedded in solutions along the food supply chain. There is not such an equivalent of Industry 4.0 transformation in the food system yet.

Concentration of business and market control is still in too few international companies, there is the need to increase Corporate governance.

Supply chain is still rather inefficient both in terms of food waste and food losses. In developed and developing countries food waste and food losses still accounting for about 40% of total food production.

Consumer's culture is still not fully developed, particularly at school level.

The big challenges of demography and urbanization are not yet captured by the global agro-food system and solutions are lacking.

A circular economy of the agrifood supply chain is not yet in place, acting at all level from reduction of consumption to recycling and upcycling of organic materials.

The solutions should be found in changing our paradigms. We should change our view of agriculture as a separate component of the food system. Full integration of production system along the food supply chain is fundamental to address nutrition, health, environment and socio-economic challenges associated with the food system as a whole. We need to change our food business model from "price to true value". We need to include in the food price the negative and positive externalities of the agro-food system along the supply chain. This requires a big change of our current economic model but progresses can be made in relation to the RIO+20 agreement on the natural capital value. We need to change the agro-food system in relation to the new urban food demand and the new "*Homo Urbanus*" (urban human). This implies farm production in urban and peri-urban areas, including protection of potential agricultural land in urban areas. New challenges need to be taken: diversification of food transformation to take into account different lifestyles, packaging to reduce waste and pollution, food and nutrition access to poor and cultural preservation of traditional food.

Agriculture should become an important element of climate mitigation and adaptation strategies. Carbon stored in agriculture soil is an important value which should be reflected in monetary (see true values) and non-monetary values. Protection and conservation of carbon stocks is more important than carbon emissions. This implies reduction of tropical deforestation and improving agriculture productivity per land area. On the other hand climate impacts adversely affect agriculture, forestry and fisheries sectors, thus adaptation is required to make more resilient the whole agro-food system. The new Paris climate agreement should include the whole agro-food system as a priority element, equally as energy, of the climate change protection strategy.

A complete transition to agro-ecology and circular economy of the agro-food system is urgently required. We need to decisively go for sustainable food systems both in terms of production and use of natural resources as well in preventing, recycling and up-cycling of waste and losses from the agricultural sector.

THE RUSSIAN FEDERATION INCREASING ROLE ON THE GLOBAL AGRIFOOD SYSTEM

The recent increase in Russian wheat production was already deeply discussed [1, 2] and explained mainly by the collapse of the livestock sectors after the Soviet-era and by the increase in wheat yields thanks to plentiful investments from a new class of large, vertically integrated enterprises that combine primary agriculture, processing, distribution and sometimes retail sale [2]. Both these factors were a consequence of the transition toward a more market-oriented land-use planning economy occurred after the collapse of the former Soviet Union [1].

Recent works suggested that the Russian agricultural sector is also likely affected by the global warming, which is shifting the areas bio-climatically suitable for agriculture to the northern latitudes by removing the cold-temperature constraints [3, 4] and increasing the frequency of heat waves and warm spells in the southern regions [5], where most of the grain production currently takes place [6, 7]. The balance of positive (expansion of suitable land) and negative consequences (extreme events in traditional agriculture land in southern Russia) is still under discussion, with a prevalence of positive factors (Di Paola et al., submitted 2017). In addition to favourable climate conditions, it is worthwhile recalling that about 40 Mha of arable land were estimated to be abandoned in Russia after the collapse of the former Soviet Union [8–11], nowadays providing a remarkable and relatively sustainable resource of suitable agricultural land [12]. Furthermore global

land availability is shrinking, we passed from 1.7 Ha of land per capita in 1960 to 0.7 ha per capita of today. Most of the land use changes is occurring in tropical regions with about 13 Mha of tropical deforestation per year in response to increase food demands, Thus tropical land is becoming less and less available for food production as well as is the most impacted region by climate change (IPCC AR5, 2015). In this context Russian federation land extension and more favourable conditions can lead to an increase role of Russian agriculture on the global food demand.

In order to take full benefits of such potentials however great transformations are needed. We can summarize some new actions in the agricultural sector which could improve Russian Federation leading role in the agrifood global markets.

1. New opportunities from climate changes and land availability for boosting the agricultural sector

New land and new crops may become profitable in the next coming decades in Russian Federation which is becoming the largest agricultural region of the world. However strategic planning and careful focused investments are required on the basis of advanced big data analytics and models. There is the need to include climate/economic scenarios in land use planning by development and use of decision support systems for best agricultural cost/benefits analysis, with a focus on assessing the real potential of the recovery of abandoned land with profitable crops. New agricultural models and the potential for the introduction of climate-smart crop varieties need to be developed. In this respect it is important to use state of the art climate projections to evaluate new land suitability and performing crops, as well as the availability of agricultural land which can become profitable in response of changing climate.

2. Modernization of agriculture

Precision farming with the development of robotics, automation and Internet of Things (IoT) monitoring is fundamental to increase agriculture competitiveness, reduce costs and at same time improve environmental quality. The only way to make profitable high quality, sustainable farming in comparison to traditional practices is to take advantage of new precision farming technologies which will optimize fertilization, protection from diseases and water use by crops. New technologies will also be useful to cope with adaptation to climate change and extremes (hot or cold waves, drought spells etc.). New frontiers in climate predictions, with the aid of supercomputing facilities, are today available to farmers to cope with the increasing impacts of climate changes and climate variability. Seasonal climate predictions are today available to predict in advance yields and quality. In this respect stabilization of farmer's income and thus ensuring a long-term profitability and positive investment trends, should be achieved with a new insurance / risk management strategy. Both insurance companies and farmers can find a win-win condition in managing the climate risk through more robust scientific analysis and predictions.

3. Improve the Agrifood industry

This is an area where Industry 4.0 new achievements need to be considered to reduce production costs and increase profitability. In particular, robotics and automation can be considered an area of rapid expansion also in the food industry sector. Food packaging today is an important component of consumer's choices but at the same time relevant for food conservation, cost of production and environmental impact on waste. In this respect organic and recyclable materials are becoming very popular in agroindustry. New technologies for storage under modified atmosphere can improve competitiveness for export also to distance market (i.e. Asia). Food safety and controls along the processing chain is becoming an international stringent requirement for expanding the export market, particularly in Europe and Asia. New foods are also today available coupled with health and nutrition demand, i.e. probiotics, nutrient-enhanced food, gluten free etc. Also traditional food can be improved in respect of safeness and technological transformations maintaining at the same time cultural aspects and innovative features more appealing in the modern society.

4. Develop an improved quality/sustainable food production

Health, environment sustainability and prices are intersecting at the level of markets and consumers and they should be addressed in an integrated framework. In Russian Federation, an important step forward concerning quality certification and transparency along the agriculture value chain from farm production to market retailers is needed. There is

the need to develop a nationwide system, with some regional specific adjustments, for food certification including both health and nutrition indicators as well as sustainable environmental impacts. Such certification schemes should be related to international standards in order to promote food exports.

5. Improve urban and peri-urban farming systems

Increasing urbanization and progressive reduction of rural population requires a specific programme for food in the cities. This requires the development of farming in urban and peri-urban proximal land with particular focus on high quality/healthy food. This would require also investments in new production systems (i.e. smart greenhouses, hydroponics etc.) but also new distribution and market systems (i.e. electronic online markets, purchasing citizen groups etc.). New form of tourism (agritourism) should be incentivized looking to citizens but also foreigners with a specific focus on traditional foods. Combination of food tours with visit to Russian heritage historical places is usually a successful strategy for tourism development.

6. Full transition to agro-ecology and circular economy

Agricultural waste can be an important source of energy and also new bio-based materials. In this respect green chemistry should be incentivized by the use of new material which could contribute to the development of circular economy and profitable derived products. The size and potentials of future Russian Federation agriculture can represent the largest world source of biomaterials. Bio-based materials are today greatly requested for building construction, insulating materials, plastic substitution (bioplastic), 3D printers primary material etc. These new materials parallel the traditional production of biomethane and bioethanol for energy sources as well as lingo-cellulosic products for bioenergy. Although reach in oil and gas energy sources Russian Federation rural areas are not grid connected and villages can benefit from such new form of energy coming from wasted biological material.

Also pharmaceutical products can be stimulated by agricultural waste processing, particular in nutraceutics (phenolic compounds) and natural new molecules.

7. Contribution to Climate Policy and Paris Agreement

New agro-ecology and forest management can represent an important contribution to reducing greenhouse gases emissions to atmosphere. High-quality food production is consistent with sustainable practices which can reduce impacts of agronomic practices and food processing on climate change. This new approach can also be an important marketing strategy for advanced consumers. At the same time carbon sequestration in soils following best agronomic practices may represent another element of contribution to climate policy. Furthermore new livestock management technologies (i.e. dietary changes, recover of methane gas etc.) can also contribute to the reduction of emissions. Overall integrating forest and agriculture carbon sequestration together with greenhouse gases emission reduction at farm level and food industry can represent an important contribution to the Paris agreement on climate and also an effective marketing strategy for those consumers which are interested on health and environmental impacts of agricultural products.

REFERENCES

1. Liefert W. M. & Liefert O. (2017). Russia's economic crisis and its agricultural and food economy. *Choices*, *30* (1), pp. 1–6.
2. Liefert W., Liefert O., Vocke G. & Allen E. (2010). Former Soviet Union region to play larger role in meeting world wheat needs. *Amber Waves*, *8* (2), pp. 12–19.
3. Zabel F., Putzenlechner B. & Mauser W. (2014). Global agricultural land resources–a high-resolution suitability evaluation and its perspectives until 2100 under climate change conditions. *PloS one*, *9* (9). URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0107522 (see Correction: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0114980 (December 2, 2014)).
4. Ramankutty N., Foley J. A., Norman J. & McSweeney K. (2002). The global distribution of cultivable lands: current patterns and sensitivity to possible climate change. *Global Ecology and Biogeography*, *11* (5), pp. 377–392. DOI:10.1046/j.1466–822x.2002.00294.x.
5. Perkins S. E., Alexander L. V. & Nairn J. R. (2012). Increasing frequency, intensity and duration of observed global heatwaves and warm spells. *Geophysical Research Letters*, *39* (20). DOI:10.1029/2012GL053361, 2012.

6. Asseng S., Ewert F., Martre P., Rötter R. P., Lobell D. B., Cammarano D., ... Zhu Y. (2015). Rising temperatures reduce global wheat production. *Nature Climate Change*, *5* (2), pp. 143–147. DOI:10.1038/nclimate2470.
7. Teixeira E. I., Fischer, G., van Velthuizen, H., Walter, C. & Ewert, F. (2013). Global hot-spots of heat stress on agricultural crops due to climate change. *Agricultural and Forest Meteorology, 170*, 206–215. doi:10.1016/j.agrformet.2011.09.002.
8. Ioffe G. & Nefedova T. (2004). Marginal farmland in European Russia. *Eurasian Geography and Economics*, *45* (1), pp. 45–59.
9. Schierhorn F., Müller D., Beringer T., Prishchepov A. V., Kuemmerle T. & Balmann A. (2013). Post-Soviet cropland abandonment and carbon sequestration in European Russia, Ukraine, and Belarus. *Global Biogeochemical Cycles*, *27* (4), pp. 1175–1185. DOI:10.1002/2013GB004654.
10. Belelli M. L., Papale D., Reichstein M., Vuichard N., Tchebakova N. & Valentini R. (2007). Carbon balance assessment of a natural steppe of southern Siberia by multiple constraint approach. *Biogeosciences*, *4*, pp. 581–595. URL: https://doi.org/10.5194/bg-4–581–2007.
11. Vuichard N., Ciais P., Belelli L., Smith P. & Valentini R. (2008). Carbon sequestration due to the abandonment of agriculture in the former USSR since 1990. *Global Biogeochemical Cycles*, *22* (4), GB4018. DOI: 10.1029/2008GB003212.
12. Schierhorn F., Müller D., Prishchepov A. V., Faramarzi M. & Balmann A. (2014). The potential of Russia to increase its wheat production through cropland expansion and intensification. *Global Food Security*, *3* (3–4), pp. 133–141. URL: https://doi.org/10.1016/j.gfs.2014.10.007.

ABOUT THE AUTHOR

Riccardo Valentini — full Professor of the University of Tuscia, Italy (Department of Forest Science and Environment) and the Director of the Euro-Mediterranean Center on Climate Change (CMCC). In 2007 he was awarded the Nobel Peace Prize as a member of the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), which is engaged in the risk assessment of global climate change caused by man-made factors. Professor Valentini has also won other prestigious international awards: Norbert Gerbier-MUMM, European Research Council, European Ecological Federation, Marx Planck, Ernst Haeckel, and the title of Europe Best Ecologist 2015.
rik@unitus.it

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Риккардо Валентини — профессор, Тосканский университет, Тоскана, Италия; директор, Европейско-Средиземноморский центр по проблемам изменения климата, Лечче, Италия.
Лауреат Нобелевской премии мира 2007 г. в составе Межправительственной группы экспертов по изменению климата. Обладатель престижных международных наград: Norbert Gerbier-MUMM, Европейского исследовательского совета, Европейской экологической федерации, Института Маркса Планка, Эрнста Геккеля и титула лучшего эколога Европы 2015 г.
rik@unitus.it

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-80–93
УДК 339.9
JEL F21, K23

Особенности посткризисных векторов прямых иностранных инвестиций в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

В.В. Перская,
Финансовый университет, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0002-1988-4374

Э.П. Джагитян[a, b]***,***
[a]Финансовый университет, Москва, Россия; [b]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0003-3164-4696

АННОТАЦИЯ

Предмет. В статье анализируются особенности, движущие силы и риски современных международных инвестиционных процессов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Показано, что трудности посткризисного восстановления и неустойчивость макросреды обостряют волатильность международных инвестиционных процессов, в то время как вмешательство государств в сферу прямых иностранных инвестиций (ПИИ) снижает предсказуемость инвестиционной политики и усугубляет инвестиционный пессимизм. Отмечается, что разворот регулирования ПИИ в сторону инвесторов создает благоприятную почву для привлечения инвестиций, а в целом — повышает инвестиционную привлекательность национальной экономики. Исследуются вопросы прозрачности ПИИ в странах АТР; рассматриваются пути обеспечения эффективности инвестиционных инструментов макрофинансового управления, включая меры по обеспечению конкурентоспособности и защите инвестиций; анализируются особенности политики ПИИ в этих странах.

Цель. Исследование динамики современных ПИИ на примере стран АТР, являющихся активными реципиентами инвестиционного капитала и непосредственными участниками процесса либерализации инвестиционных режимов и стимулирования международных инвестиционных процессов. Анализ возможностей использования опыта привлечения ПИИ в странах АТР для России, в том числе с учетом негативного внешнего фона.

Методология. Исследование основано на системном анализе факторов, определяющих динамику ПИИ в странах АТР, и статистических методах анализа национальных особенностей движения ПИИ в посткризисный период.

Результаты. Показано, что движущей силой активизации ПИИ в посткризисный период является либерализация режимов ПИИ, что в некоторой степени тормозится ограничениями, введенными рядом стран АТР в связи с угрозой поглощения национальных компаний стратегической значимости. Сформулированы условия, необходимые для возврата инвестициям роли одного из фундаментальных факторов экономического роста: политика ПИИ должна быть основана на четких правилах, быть предсказуемой, инклюзивной и носить недискриминационный характер. На примере Китая и Монголии показаны проблемы и перспективы привлечения и оттока ПИИ, в том числе во взаимодействии с их основными торговыми партнерами. Выявлены основные факторы, ограничивающие либо снижающие объемы ПИИ, привлекаемых китайской экономикой, среди которых барьеры экономического (неоднозначная практика признания доходов иностранных инвесторов), правового (нечеткое толкование норм в части инвестиционных процессов) и административного (прямые ограничения и квоты, внутренние режимы лицензирования) характера. Проанализированы основные сферы и объекты ПИИ из Китая.

Выводы. На основе исследования сделаны выводы о необходимости инновационной составляющей в инвестиционном регулировании и о вспомогательной роли ПИИ в укреплении экономического потенциала страны — реципиента инвестиций. Одним из направлений дальнейшего исследования экономического потенциала ПИИ мог бы стать анализ влияния либерализации инвестиционных режимов на минимизацию рисков дисбалансов на макроуровне. Данный подход актуален для целей своевременной корректировки политики ПИИ в России и на евразийском пространстве с учетом негативных факторов и вызовов внешней среды, а также в связи с неизбежностью смещения приоритетов ПИИ в контексте достижения финансовой стабильности и устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции (ПИИ); регулирование инвестиций; инвестиционная политика; либерализация режима инвестиций; риски инвестиций; страны АТР; Китай; Монголия

Для цитирования: Перская В.В., Джагитян Э.П. Особенности посткризисных векторов прямых иностранных инвестиций в странах азиатско-тихоокеанского региона // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 80–93.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-80–93
UDC 339.9
JEL F21, K23

Peculiarities of the Vectors of Post-Crisis Foreign Direct Investment in the Asia-Pacific Region

V.V. Perskaya,
Financial University, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0002-1988-4374

E.P. Dzhagityan [a, b],
[a]Financial University, Moscow, Russia; [b]National Research University
"Higher School of Economics" (HSE), Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0003-3164-4696

ABSTRACT

Topic. The article analyzes the peculiarities, driving forces and risks of international investment processes in the Asia-Pacific region (APR). It is shown that the difficulties of post-crisis recovery and volatility in the macro environment exacerbate the volatility of international investment processes, while state interference in the sphere of foreign direct investment (FDI) reduces the predictability of investment policy and exacerbates pessimism as concerns investments. It is noted that the reversal of the regulation of FDI towards the investors creates a favorable ground for attracting investment and increases the investment attractiveness of the national economy. We analyze the issues of transparency of FDI in the countries of the Asia-Pacific region; examine the effectiveness of investment instruments of macro-financial management, including measures ensuring competitiveness and protection of investments; analyze the characteristics of FDI policy in these countries.

Purpose. The study of the dynamics of contemporary FDI in the countries of the Asia-Pacific region who are active recipients of investment capital and direct participants of the process of investment liberalization and promotion of international investment processes. The analysis of possibilities of using the experience of the countries of the Asia-Pacific region in attracting FDI for Russia, taking into account the negative external background.

Methodology. The study is based on systematic analysis of the determinants of FDI in the countries of the Asia-Pacific region, and on statistical methods of analysis of the national characteristics of the movement of FDI in the post-crisis period.

Results. It is shown that the driving force of enhancing FDI after the crisis is the liberalization of FDI regimes, which to some extent hampered by the restrictions imposed by a number of Asia Pacific countries in connection with the threat of takeovers of national companies of strategic importance. We formulate the conditions needed to return the role of investment as one of the fundamental factors of economic growth: FDI policies should be based on clear rules, be predictable, inclusive, and be non-discriminatory. On the example of China and Mongolia, we show problems and prospects of attraction and outflow of FDI, including cooperation with their major trading partners. There are indicated the main factors limiting or reducing the volume of FDI attracted by Chinese economy, including issues such as an economic barriers (ambiguous practice of a recognition of incomes of foreign investors), legal (fuzzy interpretation of the norms in the part of the investment process) and administrative (direct limits and quotas, domestic licensing regimes). We also analyzed the basic directions and objects of FDI from China.

Conclusions. On the basis of our studies, we made conclusions about the need of innovative component in the investment management and of the supporting role of FDI in enhancing the economic capacity of the recipient country of investment. One of the areas for further research of the economic potential of FDI could be an analysis of the impact of investment liberalization on minimization of the risks of imbalances occurring at the macro level. This approach is relevant for the purposes of prompt adjustments in the policy of FDI in Russia and on the Eurasian area, taking into account the negative factors and challenges of external environment, and also in connection with the inevitability of shifting priorities in FDI in the context of achieving financial stability and sustainable economic growth.

Keywords: foreign direct investment (FDI); regulation of investment; investment policy; investment liberalization; investment risks; Asia-Pacific region; China; Mongolia

Citation: Perskaya V.V., Dzhagityan E.P. Peculiarities of the Vectors of Post-Crisis Foreign Direct Investment in the Asia-Pacific Region. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 80–93. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) возникают при условии инвестирования компанией средств за пределами страны своей регистрации посредством приобретения, как правило, пакета акций, позволяющего контролировать управление и операционную деятельность дочерней организации. Цель ПИИ заключается в намерении такой компании извлечь синергетический эффект от географического расширения деятельности в течение продолжительного периода времени.

ПИИ играют важную роль в развитии национальных и региональных экономик: с увеличением объема и интенсивности инвестиционных процессов растут и совершенствуются торгово-экономические связи, расходы на научно-исследовательские работы, повышается продуктивность экономических агентов и результативность экономической политики государства. Движущими силами ПИИ выступают формирование / приобретение инновационных активов, производственной инфраструктуры и создание цепочек стоимости.

1. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Совокупный мировой объем ПИИ в 2016 г. составил 1,75 трлн долл., что на 2% ниже аналогичного показателя в 2015 г.,[1] в основном вследствие слабых темпов роста мировой экономики и возросших геополитических и экономических рисков. Более половины всех ПИИ приходится на промышленно развитые страны (962 млрд долл., или 55% мирового объема в 2015 г., и свыше 1 трлн долл., или 59% мирового объема в 2016 г.). Объем ПИИ, привлекаемых развивающимися странами, составил в 2016 г. 646 млрд долл. и снизился за год на 14%[2]; при этом ПИИ остаются основным внешним источником финансирования экономик развивающихся стран в сравнении с портфельными инвестициями, переводами физических лиц из третьих стран и межгосударственной помощью.

В 2015 г. объем ПИИ в добывающую промышленность вырос, а в обрабатывающую, наоборот, снизился, на что оказали влияние снижение капитальных вложений в связи с падением рыночных цен на товарно-сырьевые ресурсы, а также снижение суммы нераспределенной прибыли по причине сужения положительной маржи между доходами и расходами компаний. Мировая динамика ПИИ показана в *табл. 1*, структура ПИИ в разрезе ряда экономических объединений — в *табл. 2*.

Как ожидается, динамика ПИИ будет в дальнейшем находиться под давлением неопределенности ключевых показателей макросреды, слабого спроса, вялого роста экономики в странах, являющихся крупными экспортерами, политики, направленной на ограничение оптимизации налогообложения и резкого снижения доходности транснациональных корпораций (ТНК). При этом предполагается, что главным фактором оживления мировых ПИИ будет являться устойчивый рост мировой экономики.

Отличительной особенностью современного международного инвестиционного процесса является либерализация режима ПИИ, разворот их регулирования в сторону инвесторов и создание благоприятных условий для привлечения инвестиций. Наиболее активными участниками процесса инвестиционной либерализации стали страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), которая в 2015 г. затронула ряд отраслей национальных экономик. Так, Китай разрешил иностранным компаниям создавать подразделения по процессингу кредитных карт, снял ограничения на владение иностранными резидентами компаний в сфере электронной торговли, а также отменил ряд ограничений на иностранные инвестиции в сфере недвижимости. Либерализация в сфере иностранных инвестиций в Индии затронула сферу страхования и деятельности пенсионных фондов (увеличен верхний предел иностранных инвестиций с 26 до 49%), антимонопольного законодательства, а также 15 отраслей экономики (сельское хозяйство, гражданская авиация, строительство, оборона, ряд секторов добывающей и обрабатывающей промышленности), в которых были существенно сняты ограничения на привлечение инвестиций из-за рубежа.

Современная политика в сфере ПИИ формируется на фоне вызовов экономической неопределенности и нестабильности. Парадигма устойчивого экономического развития привносит в инвестиционную политику элементы многофакторности и дополнительные вызовы, что с учетом влияния процессов экономической глобализации вынуждает органы государственного управления в сфере инвестиций прибегать к разнонаправленным действиям. Данное обстоятельство, наряду с ростом вмешательства государств в международные инвестиционные процессы, снижает предсказуемость

[1] United Nations Conference on Trade and Development. 2016. World Investment Report. http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (дата обращения: 22.06.2017).

[2] Так, ПИИ в развивающиеся страны Азии (кроме стран, входящих в субрегион Южной Азии) снизились на 15% до 443 млрд долл. в 2016 г., что произошло впервые за пять лет.

Таблица 1 / Table 1

Объем прямых иностранных инвестиций, привлекаемых различными регионами мира / Foreign direct investment by core world regions

Регион	Объем прямых иностранных инвестиций, млрд долл. / Foreign direct investment, in billion U.S. dollars			
	2016	2015	2014	2013
Азия (развивающиеся страны) / Asia (emerging countries)	443	524	460	431
Европа / Europe	533	566	272	323
Северная Америка / North America	425	390	231	283
Латинская Америка и страны Карибского бассейна / Latin America and the Caribbean	142	165	170	176
Африка / Africa	71	61	59	52
Страны с переходной экономикой / Countries with transitional economies	57	38	68	85

Источники / Sources: United Nations Conference on Trade and Development. 2016. World Investment Report, p. 4. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (accessed 22.06.2017); United Nations Conference on Trade and Development. 2017. World Investment Report, p. 10. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (accessed 22.06.2017).

Таблица 2 / Table 2

Прямые иностранные инвестиции, привлекаемые рядом экономических объединений / Foreign direct investment by economic unions

	Прямые иностранные инвестиции: / Foreign direct investment:					
	2016		2015		2014	
	сумма, млрд долл. / amount, in billion U.S. dollars	в % к мировым ПИИ / as a share to world FDI	сумма, млрд долл. / amount, in billion U.S. dollars	в % к мировым ПИИ / as a share to world FDI	сумма, млрд долл. / amount, in billion U.S. dollars	в % к мировым ПИИ / as a share to world FDI
Группа 20 / G20	1147	66	888	50	926	53
АТР / Asia Pacific	926	53	913	51	953	54
БРИКС / BRICS	277	16	258	15	256	15

Источники / Sources: United Nations Conference on Trade and Development. 2016. World Investment Report, p. 8. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (accessed 22.06.2017); United Nations Conference on Trade and Development. 2017. World Investment Report, p.15. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (accessed 22.06.2017).

инвестиционной политики и, соответственно, выступает одним из главных факторов инвестиционного пессимизма.

Одновременно в рамках пересмотра условий и ключевых положений международных инвестиционных соглашений, проводимого под эгидой ЮНКТАД[3], страны самостоятельно определяют

[3] Конференция ООН по торговле и развитию *(United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD)*.

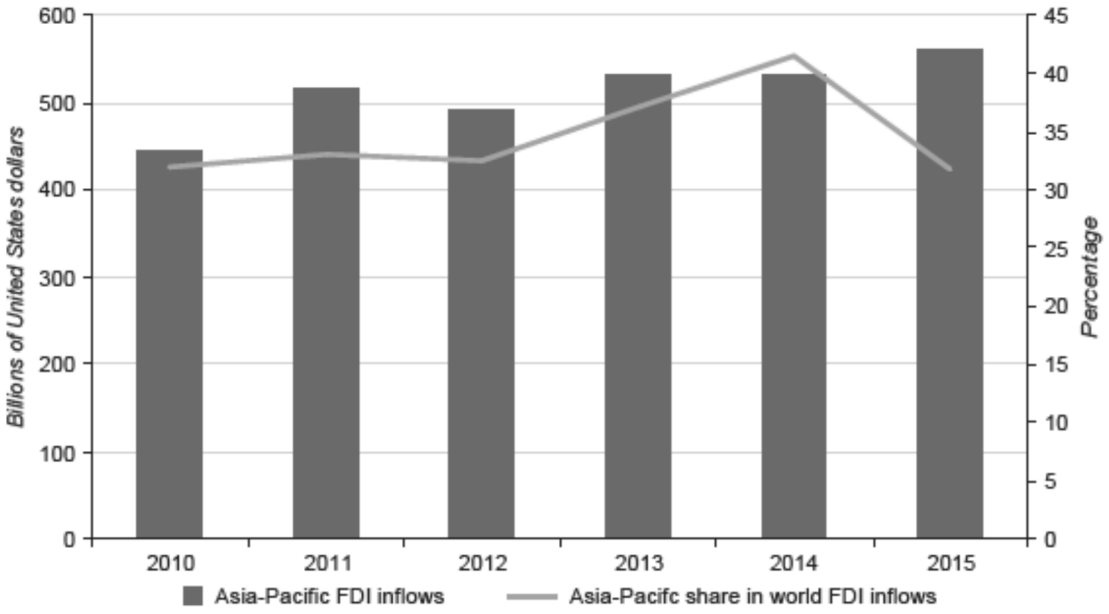


Рис. 1 / Fig. 1. **Приток ПИИ в страны АТР и их доля в общем объеме притока ПИИ в мире в 2010–2015 гг. / FDI inflow in the Asia Pacific countries and their share in the world FDI inflow, 2010–2015**

Источник / Source: Asia-Pacific Trade and Investment Report 2016 / Recent Trends and Developments. United Nations, 2016 (accessed 15.06.2017).

сферы реформирования и организационные и методологические подходы, формируют новые модели взаимных соглашений и совершенствуют их основные положения. Особое внимание уделяется системным рискам международных инвестиционных процессов, а также устранению недостатков дореформенных соглашений. При этом повестка дня глобального инвестиционного развития после 2015 г. предполагает активизацию нового инвестиционного «мышления» на национальном уровне: приоритеты инвестиционных процессов должны быть смещены с простого продвижения инвестиций (определение объектов инвестиций и обеспечение инвестиционных стимулов) на содействие инвестициям, включая облегчение условий инвестирования.

Другие меры, разработанные ЮНКТАД, направлены на повышение прозрачности инвестиционных действий экономических агентов, обеспечение доступности и своевременного получения информации для инвесторов, формирование и внедрение эффективных административных процедур в рамках политики инвестиционной либерализации, а также повышение предсказуемости инвестиционной политики, проводимой национальными органами макроэкономического управления. В рамках реформы предполагается, что, помимо модернизации инфраструктуры инвестиций на национальных уровнях, государства должны стимулировать международное сотрудничество в сфере инвестиций, в том числе посредством изменения условий международных инвестиционных соглашений.

Первые промежуточные результаты движения и динамики ПИИ в 2017 г. показывают, что приоритеты современной инвестиционной политики постепенно смещаются в сторону инвестиций, связанных с развитием цифровой экономики, которая становится заметным фактором экономического развития и роста. Основными преимуществами сферы цифровой экономики являются рост конкурентоспособности практически во всех секторах экономики, новые возможности для развития бизнеса и частного предпринимательства, а также дополнительные возможности для доступа к новым рынкам и участия в глобальных цепочках виртуальной стоимости.

Важной составляющей ПИИ являются меры по защите инвестиций, включающие, в том числе, право на трансграничное движение капитала, защиту вложений от возможных актов экономической экспроприации и гарантии сохранения национальных режимов инвестирования. При этом в случае, если данные права специально не гарантированы национальным законодательством, на защиту инвестиций могут распространяться отдельные положения других национальных законов.

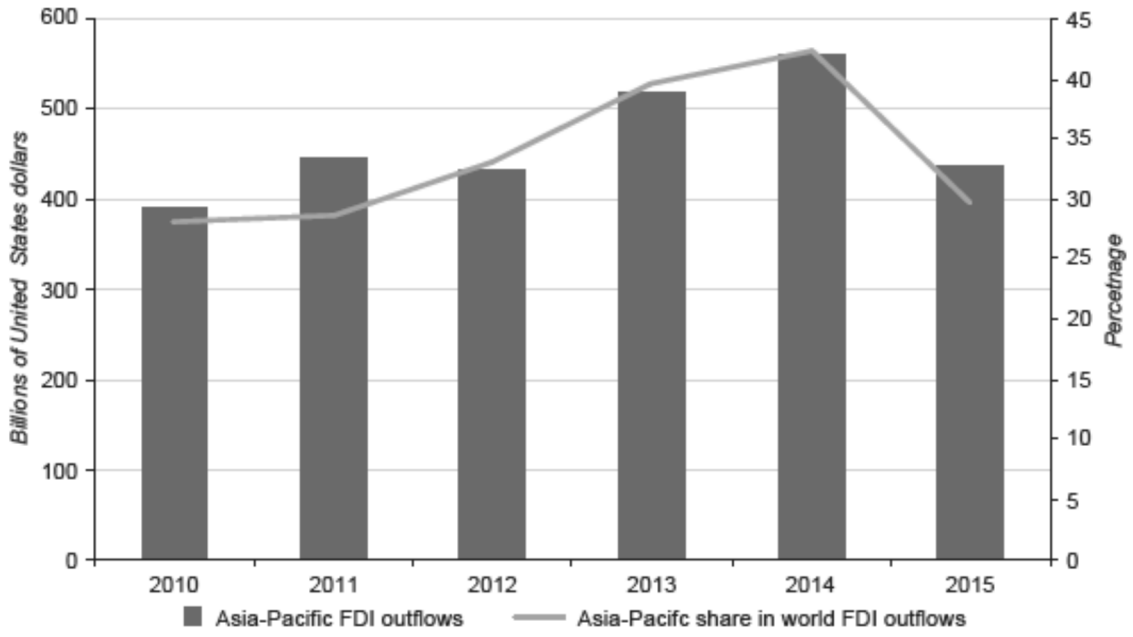


Рис. 2 / Fig. 2. **Инвестиции стран АТР и их доля в общем объеме ПИИ в мире / Asia Pacific investment and their share in the world FDI**

Источник / Source: Asia-Pacific Trade and Investment Report 2016/*Recent Trends and Developments*. United Nations, 2016. URL: http://www.unescap.org/sites/default/files/publications/aptir-2016-full.pdf (accessed 15.06.2017).

2. СПЕЦИФИКА ДВИЖЕНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СТРАНАХ АТР

ПИИ в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) имеют непреходящее значение для роста их экономик и осуществления структурных реформ, что приобретает особую актуальность в рамках усилий по пост-кризисному восстановлению. Будучи многофакторным процессом, динамика ПИИ практически не поддается прогнозированию, а среди главных факторов движения ПИИ доминируют состояние и перспективы развития глобальной торговли наряду с инвестиционной привлекательностью страны — реципиента инвестиций. Немаловажное значение имеет также и отток ПИИ, характеризующий инвестиционную активность страны на мировых рынках и, соответственно, ее инвестиционный потенциал. В этой связи, принимая во внимание значение стран АТР для развития мировой экономики, анализ состояния и динамики ПИИ в данном регионе представляет интерес для понимания эффективности региональных инвестиционных процессов на фоне усиления тенденций к экономической регионализации.

Доля ПИИ, поступающих в страны АТР, в мировом притоке ПИИ снизилась с 42% в 2014 г. до 32% в 2015 г. (*рис. 1*).

Состояние экономик стран АТР также не способствовало инвестированию в третьи страны: совокупный объем ПИИ составил 435 млрд долл. в 2015 г., уменьшившись на 22% по сравнению с предыдущим годом (*рис. 2*).

Низкий уровень инвестиционной активности в странах АТР является, по оценкам экспертов, следствием нестабильной динамики развития мировой экономики, волатильности глобальных финансовых рынков и слабого совокупного спроса на глобальном и региональном уровнях. Кроме того, снижение объемов ПИИ в 2015 г. стало результатом возврата к «историческому» среднему уровню инвестиций, хотя в 2013–2014 гг. их объемы были беспрецедентно высокими в сравнении с докризисным периодом, в частности, на фоне роста активности инвесторов из стран АТР в части финансирования как в виде ПИИ в рамках региона, так и вне его. Так, наибольшую активность проявили инвесторы из Индии и Гонконга; при этом Китай снизил инвестиционную активность в 2015 г., что во многом явилось следствием дисбалансов на макроуровне. Заметно выросли иностранные инвестиции в компании, создаваемые «с нуля»: приток в 2015 г. увеличился на 26%, что существенно превысило глобальный приток ПИИ в страны АТР, который вырос всего на 6%. Одновременно отток ПИИ из стран АТР в 2015 г. увеличился на 15% — до 263 млрд долл. В целом, по оценке экспертов, объемы инвестиций в страны АТР свидетельствуют о стабильности их экономик и, соответственно,

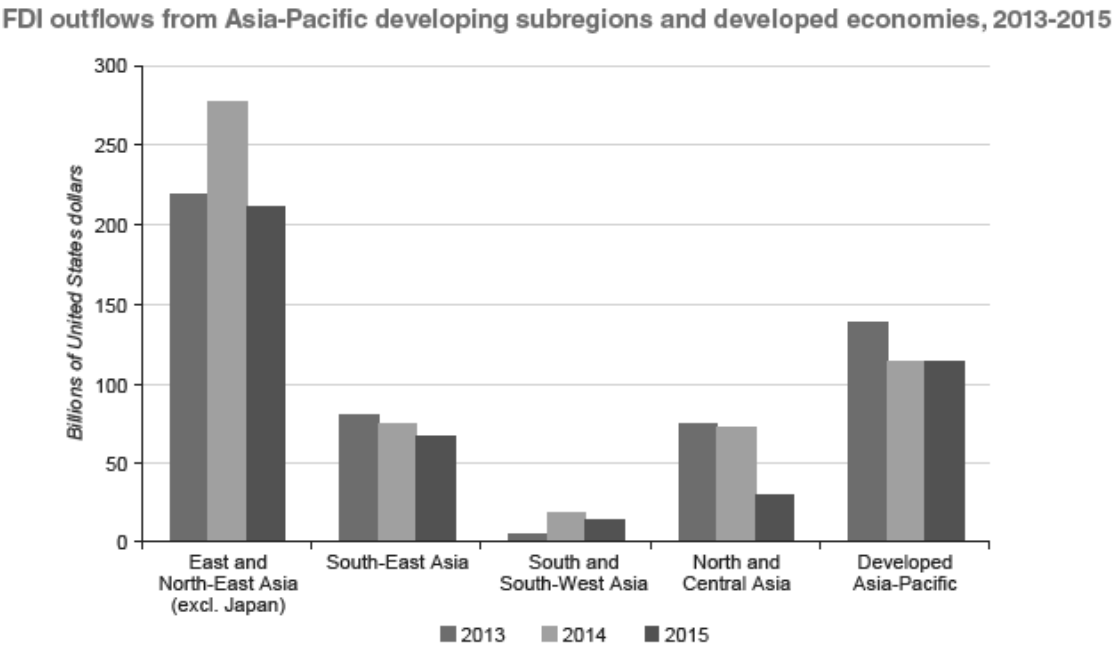


Рис. 3 / Fig. 3. **Отток ПИИ из стран АТР в развитые и развивающиеся экономики в рамках региона 2013–2015 гг. / Asia Pacific FDI outflow to the developed and developing economies within the same region in 2013–2015**

Источник / Source: Asia-Pacific Trade and Investment Report 2016 / *Recent Trends and Developments*. United Nations, 2016. URL: http://www.unescap.org/sites/default/files/publications/aptir-2016-full.pdf (accessed 15.06.2017).

о доверии инвесторов к инвестиционному климату в данном регионе[4].

Наибольший интерес с точки зрения инвестиционного потенциала АТР как доноров ПИИ представляет отток ПИИ из стран региона, объем которого составил около 78% от общего объема вывоза капитала из региона. Основным «внешним» инвестором выступает Китай, за которым следуют Гонконг и Япония (*рис. 3*). Характерной особенностью оттока является его движение в рамках региона, что связано со спецификой деловой активности инвесторов, а также их пониманием (и использованием) преимуществ долгосрочного инвестирования в странах АТР.

Современная инвестиционная политика стран АТР ориентирована на либерализацию и стимулирование инвестиций. Так, по данным ЮНКТАД, 46 стран АТР сформировали 96 направлений по совершенствованию и оптимизации национальной инвестиционной политики, упрощающих процедуру привлечения иностранных инвестиций в 2015 г. По сравнению с другими странами они лидируют в этом процессе (*рис. 4*). Из этих направлений 71 направление связано с либерализацией, поощрением и упрощением процедур инвестирования, но при этом 13 направлений представляют собой новые ограничения или изменения в национальное законодательство об инвестициях, которые в итоге ужесточают регулирование ПИИ со стороны государства (Китай, Таджикистан, Узбекистан). Кроме того, государства АТР традиционно ограничивают ПИИ в банковской сфере, телекоммуникационной области и индустрии культуры[5].

С другой стороны, привлекательность изменений в инвестиционной политике на национальном уровне заключается в либерализации отраслевых секторов и функционирования особых экономических зон (ОЭЗ), что, в свою очередь, в немалой степени способствует их интеграции в мировую экономику.

Приоритеты, проблематика и различия современных инвестиционных процессов в странах АТР являются основными причинами организационно-экономических асимметрий привлечения ПИИ

[4] United Nations Industrial Development Organization. 2016. Participants at Vienna event highlight role of quality foreign direct investment for growth, value addition and industrial development. 15 September. URL: http://ic-associates.com/wp-content/uploads/2016/09/UNIDO-Participants-at-Vienna-.pdf (accessed 22.06.2017).

[5] U.S. Department of State. 2016. 2016 investment climate statements. China. Bureau of Economic and Business Affairs. 5 July. URL: https://www.state.gov/e/eb/rls/othr/ics/2016/eap/254271.htm (accessed 23.06.2017).

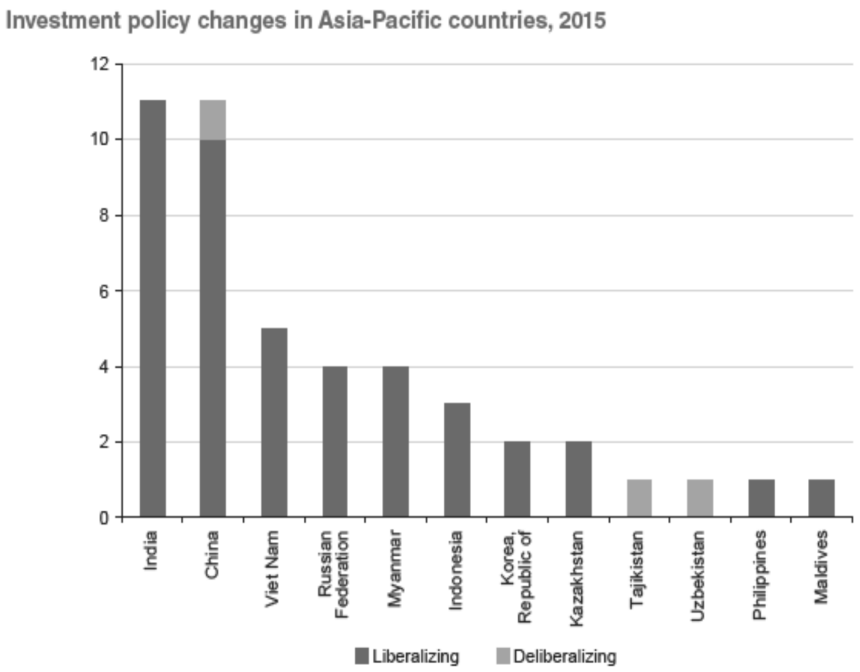


Рис. 4 / Fig. 4. **Изменения в национальных инвестиционных политиках стран АТР в 2015 г. / Changes in the investment policies of the Asia Pacific countries in 2015**

Источник / Source: United Nations Conference on Trade and Development (2016) World Investment Report. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_en.pdf (accessed 17.06.2017).

в страны данного региона. Вследствие разнокалиберности структурных компонентов ПИИ и целей их привлечения международные инвестиционные процессы в странах АТР рассмотрены на примере Монголии и Китая, которые не только являются его активными участниками, но и обладают опытом, который может представлять интерес для дальнейшего совершенствования механизма привлечения ПИИ в Россию.

2.1. Специфика движения ПИИ в Монголии

По оценке правительства Монголии, прямые иностранные инвестиции являются двигателем экономического роста страны. Приток ПИИ и объем накопленных ПИИ в последние годы значительно возросли, но остаются ниже потенциала монгольской экономики. В 2015 г. объем ПИИ сократился в связи с некоторым ухудшением делового климата и несвоевременностью принятия решений в горнодобывающей промышленности, являющейся основной сферой привлечения иностранных инвестиций. В целях активизации ПИИ монгольское правительство разработало программу по совершенствованию нормативно-правовой базы, регулирующей инвестиционные процессы. В частности, было принято решение отменить мораторий на новые лицензии на разведку и добычу полезных ископаемых. Тем не менее у иностранных инвесторов пока не восстановилась уверенность в эффективности будущих инвестиций, поскольку правительством Монголии приостановлены 106 разрешений, выданных в 2014 г., в связи с расследованием дел о коррупции. Другими барьерами ПИИ являются нестабильность экономической политики, недостаточная прозрачность принятия управленческих решений на высоком уровне, географическая изоляция страны, неэффективная транспортная система. При этом рейтинг страны с точки зрения ее делового климата неуклонно улучшается, и Монголия заняла 64-е место среди 189 стран в 2016 г.[6]

Иностранные инвестиции в Монголии привлекаются в добычу полезных ископаемых, а также нефтяную и строительную отрасли. В 2013 г. были запущены три крупных горнодобывающих проекта, в том числе новый золотой и медный рудники, совместно финансируемые с австралийской стороной. Реализация этого проекта, как ожидается, в обозримой перспективе составит ¼ ВВП страны. Тем не менее открытие горнодобывающего сектора для иностранных инвестиций не лишено риска для

[6] The World Bank. 2016. Doing business. Measuring business regulations. URL: http://www.doingbusiness.org/rankings (дата обращения: 14.06.2017).

Таблица 3 / Table 3

Сравнительный анализ положения иностранных инвесторов в Монголии и странах-донорах в Монголию (2017 г.) / Comparative analysis of investment environment in Mongolia and countries that invest to Mongolia (2017)

	Монголия / Mongolia	Страны Восточной Азии и АТР / East Asia and Asia Pacific countries	США / U.S.A.	Германия / Germany
Индекс прозрачности сделки* / Transaction transparency index	6,0	5,0	7,0	5,0
Индекс ответственности менеджеров** / Managers' responsibility index	8,0	5,0	9,0	5,0
Индекс защиты прав акционеров*** / Shareholders' power index	6,0	6,0	9,0	5,0
Индекс защиты прав инвесторов**** / Investor protection index	6,7	5,4	8,3	5,0

Источник / Source: Всемирный банк / The World Bank http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/mongolia (дата обращения: 17.06.2017).

Примечание / Note:

* Чем выше индекс, тем прозрачнее условия инвестиционных сделок / The higher the index, the more transparent the transaction.

** Чем выше индекс, тем выше личная ответственность менеджеров компаний, участвующих в инвестиционных процессах / The higher the index, the higher the managers' responsibility.

*** Чем выше индекс, тем шире права акционеров в части юридической защиты инвестиций / The higher the index, the easier for the owners to undertake legal proceedings.

**** Чем выше индекс, тем выше уровень защиты прав инвесторов / The higher the index, the more protected the investors.

национального предпринимательства, поскольку быстрое расширение строительного сектора может привести к перепроизводству, а недостаточный спрос неизбежно будет оказывать давление на внутреннее потребление. Основными инвестиционными партнерами Монголии являются Китай, Канада, Россия, Великобритания и США. В *табл. 3 и 4* приведены некоторые количественные показатели международного инвестиционного сотрудничества Монголии.

Какие-либо ограничения или обременения ПИИ в Монголии отсутствуют, однако монгольские уполномоченные органы нередко прибегают к административному вмешательству в инвестиционный процесс. Согласно прогнозным оценкам к 2020 г. объем ПИИ в экономику Монголии будет составлять около 9,2 млрд долл. ежегодно. При этом в соответствии с моделью развития глобальной торговой политики и глобальных макроэкономических ожиданий данный показатель в 2017 г. прогнозируется на уровне 11,3 млрд долл., однако усиление национального регулирования в инвестиционной сфере будет в дальнейшем способствовать сокращению притока ПИИ в страну (*рис. 5*).

В последнее время в рамках реализации инициативы большого Евразийского партнерства ожидается рост ПИИ из России и других государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС); при этом инвестиции будут направляться преимущественно на развитие проектов с высокой долей инновационной составляющей.

2.2. Специфика движения ПИИ в Китае

Китайская экономика, как и прежде, продолжает оставаться привлекательной для иностранных инвестиций. По данным министерства коммерции Китая, объем ПИИ в страну увеличился на 4,1% за

Таблица 4 / Table 4

Прямые иностранные инвестиции в Монголию в 2013–2015 гг. (млн долл.) / FDI to Mongolia (2013–2015), in million U.S. dollars

Прямые зарубежные инвестиции / Foreign direct investment	2013	2014	2015
Приток ПИИ / FDI inflow	2140,0	382	195
Накопленные ПИИ / FDI inflow stock	15 729,2	16 692,8	16 752,7
Количество инвестиций в компании «с нуля»* / Number of Greenfield investment	14,0	6,0	4,0
Приток ПИИ (в % от ВНОК)** / FDI inflow (in % to Gross Fixed Capital Formation)	43,3	11,0	9,1
Накопленные ПИИ (в % от ВВП) / FDI inflow stock (in % to GDP)	125,0	136,9	142,8

Источник / Source: ЮКНТАД / UNCTAD http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Country-Fact-Sheets.aspx (дата обращения: 17.06.2017).

Примечание / Note:

* Одна из форм ПИИ, когда головная компания вкладывает капитал в строительство за пределами страны регистрации / нахождения новых производственных объектов с нуля / This is one of the FDI types, where a parent company invests to the new operational facilities abroad from scratch.

** Валовое накопление основного капитала (ВНОК) представляет собой стоимость дополнительных основных средств, приобретенных предприятиями, государственными и домашними хозяйствами за вычетом выбытия основных средств, их распродажи или утилизации / GFCF measures additional fixed assets that are purchased by businesses, government companies, and households less disposals of fixed assets that are sold or scrapped.

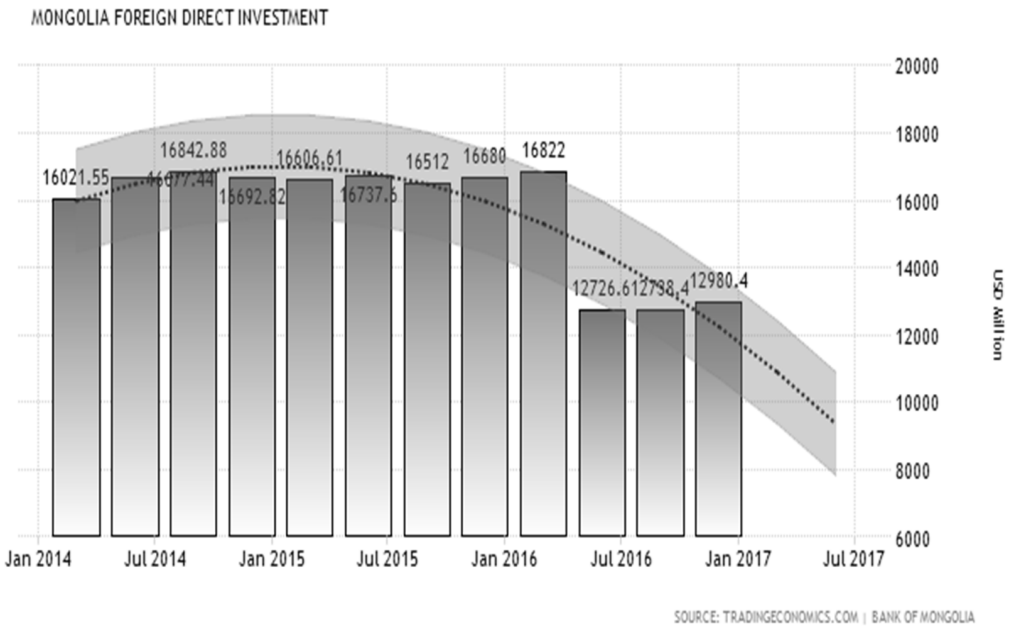


Рис. 5 / Fig. 5. **Приток ПИИ в Монголию / FDI inflow in Mongolia**

Источник / Source: Trading Economics. URL: https://tradingeconomics.com/mongolia/foreign-direct-investment (accessed 18.06.2017).

январь — октябрь 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, достигнув 118 млрд долл.[7] Так, рост ПИИ из США в Китай составил 180% за период 2002–2007 гг., хотя в последующие пять лет (2008–2013 гг.) они увеличились лишь на 11%.

Увеличение внешних ПИИ Китая связано с его политикой по обеспечению своих потребностей в минеральных и нефтяных ресурсах, с одной стороны, и ростом затрат на рабочую силу, с другой стороны. Дело в том, что китайские власти в 1999 г. инициировали стратегию вывоза капитала, согласно которой Китай сосредоточил свои ПИИ в областях, являющихся двигателем развития национальной экономики (добыча природных ресурсов, снижение издержек производства, а в последнее время — совершенствование технологической базы и повышение производительности труда в трудоемких секторах производства). Китай остается третьим по величине «внешним» инвестором в мире, в том числе в экономику развивающихся стран. При этом в связи с реализацией проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) инвестиции направляются также и в страны, присоединившиеся к данной инициативе.

Кроме того, после 2000 г. в Китае неоднократно обновлялась законодательная база, регулирующая привлечение ПИИ, которая, по сути, стала комплексной реформой экономико-правовой системы для иностранных инвестиций в Китае. Основное отличие нововведений заключалось во внедрении так называемого постинвестиционного надзора, который предусматривал, в том числе, обязательства инвесторов по представлению отчетности и национальной безопасности [1]. Фактически это свидетельствует о механизме одобрения инвестиций на индивидуальной основе со стороны китайских надзорных органов, хотя в целом режим ПИИ в Китае продолжает оставаться жестко регламентированным.

В то же время реализация ПИИ в Китае осуществляется через множество административных инстанций: инвестиционные проекты подлежат утверждению Национальной комиссией по развитию и реформам[8]. Они должны быть согласованы с Государственным управлением по промышленности и торговле[9]. При этом на администрации по промышленности и торговле в китайских провинциях возложена ответственность за регистрацию компаний и надзору за их функционированием. Кроме того, имеется немало ограничений и барьеров, объективно снижающих привлекательность китайской экономики для иностранных инвесторов, в том числе:

- двусмысленная практика признания доходов иностранных инвесторов и неоднозначное толкование прав на интеллектуальную собственность, что влечет за собой большое количество коммерческих споров;
- непоследовательность и нечеткость толкования и применения норм в части инвестиционных процессов;
- проблемы коррупции в условиях сложного и неопределенного режима регулирования предпринимательской деятельности, в том числе с участием иностранных инвесторов;
- отсутствие грамотного консалтинга в части правовой поддержки иностранных инвесторов в условиях постоянно меняющегося национального законодательства Китая. Дело в том, что китайские судебные органы зачастую выносят решения в пользу национальных участников инвестиционных процессов, что является следствием политики правового протекционизма [2] и игнорирования решений иностранных судебных инстанций;
- прямые ограничения и квоты, внутренние режимы лицензирования, принудительные меры локализации, создание исключительно совместных предприятий.

Немало ограничений существует и в сфере организационно-правового оформления ПИИ. В соответствии с требованиями китайского законодательства все компании с иностранным капиталом считаются китайскими резидентами и их разрешено создавать в форме компаний со 100%-ным иностранным капиталом (*Wholly Foreign-Owned Enterprise*, *WFOE*), кооперативных совместных предприятий (*Cooperative Joint Venture*, *CJV*) и долевых совместных предприятий (*Equity Joint Venture*, *EJV*). Очевидно, что данные ограничения являются своего рода демотиватором ПИИ, учитывая потенциальные риски иностранных инвестиций в китайскую экономику, о чем было сказано выше.

На фоне возможного изменения глобальных векторов ПИИ в связи с ожидаемой либерализацией налоговой политики в США Китай предпринимает дополнительные меры по укреплению инвестиционной привлекательности национальной экономики, в том числе за счет дальнейшего сокращения секторальных ограничений для иностранных ин-

[7] Ministry of Commerce of the People's Republic of China. 2016. Statistics of FDI in China in January–November 2016. URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigninvestment/201612/20161202165831.shtml (accessed 6.06.2017).

[8] *National Development and Reform Commission (NDRC).*

[9] *State Administration for Industry and Commerce (SAIC).*

весторов и снятия ограничений на репатриацию выручки от ПИИ [3]. Подобного рода «тектонические сдвиги» уже отразились на смене настроений инвесторов. Так, снижение объема ПИИ в экономическую инфраструктуру г. Шанхая в январе — марте 2017 г. составило 2,7 млрд долл., или 9,5% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [4], что произошло впервые за 17 лет. Вместе с тем перспективы роста ПИИ будут неизбежно зависеть от увеличения стоимости рабочей силы в Китае, что, в свою очередь, уже вынуждает иностранных инвесторов передислоцировать свои производства во Вьетнам и Бангладеш.

С другой стороны, китайские инвесторы проявляют большой интерес к инвестированию на рынках зарубежных стран: совокупный объем таких вложений может составить до 3 трлн долл. к 2025 г. [5]. Так, согласно экспертным данным, в первой половине 2016 г. китайские инвестиции в экономику США составили около 18,4 млрд долл. [5], что превышает объем накопленных китайских ПИИ в США за весь 2015 г. (15,3 млрд долл.). В период с 2000 г. по I квартал 2017 г. совокупный объем ПИИ Китая в 1436 проектов на территории США составил 119,4 млрд долл. Инвестиции в новые компании составляют 61% всех сделок и в 2015 г. достигли 1,8 млрд долл., увеличившись в 7 раз с 2010 г. Устойчивая положительная динамика китайских инвестиций в США объясняется отсутствием каких-либо законодательных ограничений [6].

Инвестиции китайских компаний за пределы Китая свидетельствуют о значительных выгодах для головной компании как в плане укрепления ее производственно-экономических характеристик и роста продуктивности [7, 8], так и оптимизации себестоимости, но при условии соблюдения четких правил в рамках регулирования инвестиционных процессов [9]. Основной сферой интересов китайских инвесторов являются передовые технологии, производство полупроводников, что реализуется в основном посредством сделок по слияниям и поглощениям (M&A). Китайские инвесторы ориентированы на отрасли, являющиеся приоритетными в соответствии с целями и задачами пятилетних планов развития Китая. Хотя большинство китайских инвесторов представлены частными компаниями, они пользуются государственной поддержкой в виде доступа к дешевым кредитам китайских банков. Соответственно угроза надлежащей конкуренции в отраслях экономики, связанных с ПИИ, является одной из главных причин отказа уполномоченными американскими органами в проведении ряда крупных сделок с участием китайских инвесторов [10], что предусмотрено соответствующими положениями Закона США о торговле 1974 г. и не нарушает обязательства США в рамках ВТО.

3. ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПИИ В СТРАНЫ АТР ДЛЯ РОССИИ

В последние годы объем ПИИ в Россию неуклонно снижается вследствие причин геополитического характера, включая внешние ограничения (санкции): с 64,2 млрд долл. в 2014 г. до 26,7 млрд долл. в 2016 г.[10] В условиях отсутствия четких перспектив развития российской экономики зарубежные инвесторы занимают выжидательную позицию либо находятся в ожидании более выгодных инвестиционных проектов. Ситуация усугубляется потенциальным расширением санкционного списка российских компаний, на сотрудничество с которыми, включая сферу ПИИ, вводятся жесткие ограничения. Этими же причинами объясняется и осторожность осуществления прямых инвестиций в экономику других государств — членов ЕАЭС в связи с высокой степенью взаимозависимости с российской экономикой.

Позитивной динамике ПИИ в российскую экономику препятствует также и ряд внутренних причин, связанных как с несовершенством законодательства, регулирующего инвестиционную сферу, так и с закрытостью некоторых секторов российской экономики, в том числе ввиду их отнесения к категории стратегически важных и лицензируемых. Кроме того, нередки случаи неоправданного затягивания согласования сделки с участием ПИИ. Перечисленные факторы являются источником дополнительных рисков как с точки зрения сохранности ПИИ, так и организационно-правовых аспектов деятельности в контексте ПИИ.

Уполномоченными российскими органами предпринимаются определенные меры по восстановлению инвестиционной привлекательности национальной экономики (оптимизация фискальной политики, осуществление инфраструктурных преобразований). Другим фактором, в определенной мере стимулирующим ПИИ, является относительная стабильность ключевых параметров российской экономики и стабилизация динамики финансовых рынков. Вместе с тем отсутствие фундаментальных факторов для активизации ПИИ будет и дальше являться одной из главных причин инвестиционного пессимизма на российском направлении.

[10] ОЭСР. 2017. URL: https://data.oecd.org/fdi/fdi-flows.htm#indicator-chart (дата обращения: 14.08.2017).

Хотя ПИИ оказывают ограниченное влияние на рост российского производственного сектора [11], либерализация режима ПИИ, при прочих равных условиях, могла бы стать одним из факторов минимизации негативного влияния и последствий экономической нестабильности на деятельность компаний с иностранным капиталом на российском рынке [12]. Вместе с тем одновременно с либерализацией режима ПИИ должны быть определены приоритетные сферы для инвестиций, которые отвечали бы как национальным интересам (в том числе по обеспечению развития региональных рынков), так и задачам экономической интеграции на евразийском пространстве. Одним из факторов оживления в сфере ПИИ в Россию и другие государства — члены ЕАЭС могли бы стать четкая политика по локализации производства и формирование многоцелевого инвестиционного фонда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование современного состояния и перспектив в сфере ПИИ свидетельствует о разнонаправленных аспектах международных инвестиционных процессов. С одной стороны, либерализация режима ПИИ, продвижение инвестиций и содействие в их привлечении стали основными драйверами активизации инвестиционных процессов в посткризисный период. С другой стороны, ограничения, введенные рядом стран АТР по привлечению ПИИ, были связаны, главным образом, с угрозой поглощения национальных компаний, относящихся к категории стратегически важных субъектов национальной экономики. Кроме того, нередки случаи прямого давления, оказываемого органами макрофинансового управления на потенциальных инвесторов с тем, чтобы минимизировать их заинтересованность в инвестициях за рубежом. В связи с этим в целях возврата инвестициям роли одного из фундаментальных факторов экономического роста и создания новых рабочих мест инвестиционная политика должна быть основана на четких правилах, быть предсказуемой, инклюзивной и носить недискриминационный характер. Для этого могли бы быть использованы принципы глобальной инвестиционной политики, принятые на саммите лидеров «Группы 20» в г. Гуанчжоу (Китай) в 2016 г.

В ходе исследования были выявлены факторы, тормозящие осуществление ПИИ, к числу важных из которых относятся излишнее регулирование, надзор и прямое административное вмешательство в инвестиционные процессы со стороны уполномоченных государственных органов и комиссий стран АТР. Одним из приоритетов регулирования должна оставаться инновационность инвестиций, которая обеспечивала бы оптимизацию издержек инвестиционных процессов и возможности расширения масштабов производственной деятельности на международных рынках. В связи с этим отличительной особенностью ПИИ должна стать их вспомогательная роль в укреплении экономического потенциала страны — реципиента инвестиций: ПИИ не решают (и не должны решать) проблему недофинансированности национальной экономики и не должны являться фактором стимулирования экономического развития и роста. Функциональность ПИИ должна заключаться в опосредованном воздействии инвестиций на экономические и деловые циклы, что, в свою очередь, создаст новые возможности по активизации деятельности рыночных участников. Данный подход, наряду с использованием опыта стран АТР по формированию привлекательных условий для ПИИ, мог бы в некоторой степени снизить уровень инвестиционного пессимизма среди потенциальных инвесторов в российскую экономику. С другой стороны, адаптация к новым экономическим реалиям должна предусматривать переформатирование механизма использования ПИИ в России, сдвинув инвестиционные приоритеты в развитие производственной локализации, а также в сферу инновационной и цифровой экономики.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья опубликована по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ 2017 г. на тему: «Анализ международного опыта привлечения и управления инвестициями (на примере КНР, Монголии, Японии): правовые, организационные вопросы, риски». Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was published on the results of research carried out at the expense of budget funds of the State task of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 2017 on the topic: “Analysis of international experience of attracting and managing investments (on the example of China, Mongolia, Japan): legal and organizational issues, and risks”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Yang L., Huang S. (2016). The pros and cons of China's new foreign investment law. FDI Intelligence, 14 April. URL: http://www.fdiintelligence.com/Locations/Asia-Pacific/China/The-pros-and-cons-of-China-s-new-Foreign-Investment-Law?ct=true (accessed 15.06.2017).
2. Allen C. W. (2017). Investing in China: Key challenges and mitigation strategy. Orrick. 13 April. URL: https://www.orrick.com/Insights/2017/04/Investing-in-China-Key-Challenges-and-Mitigation-Strategy (accessed 13.06.2017).
3. Tang F. (2017). Beijing doubles down on luring foreign investors back to China, but will they come? South China Morning Post, 30 June. URL: http://www.scmp.com/news/china/economy/article/2100659/beijing-doubles-down-luring-foreign-investors-back-china-will?utm_source=edm&utm_medium=edm&utm_content=20170630&utm_campaign=scmp_china (accessed 02.07.2017).
4. Ren D. (2017). Shanghai bears the brunt of anti-globalisation and protectionism with a sharp decline in FDI. *South China Morning Post*, 28 April. URL: http://www.scmp.com/business/global-economy/article/2091490/shanghai-bears-brunt-anti-globalisation-and-protectionism (accessed 06.06.2017).
5. Hanemann T., Gao C. (2016). Chinese FDI in the U.S.: Tripling down on America. Rhodium Group, 22 July. URL: http://rhg.com/notes/chinese-fdi-in-the-us-tripling-down-on-america (accessed 15.06.2017).
6. Harris J. M. (2017). Chinese investment in the United States: Time for new rules? Lawfare, 11 April. URL: https://www.lawfareblog.com/chinese-investment-united-states-time-new-rules (accessed 23.06.2017).
7. Huang Y., Zhang Y. How does outward foreign direct investment enhance firm productivity? A heterogeneous empirical analysis from Chinese manufacturing. *China Economic Review*, 2017, vol. 44, pp. 1–15.
8. Liang F. H. Does foreign direct investment improve the productivity of domestic firms? Technology spillovers, industry linkages, and firm capabilities. *Research Policy*, 2017, vol. 46, no. 1, pp. 138–159.
9. Mourao P. R. What is China seeking from Africa? An analysis of the economic and political determinants of Chinese outward foreign direct investment based on the stochastic frontier model. *China Economic Review*, 2017, In Press, Corrected Proof.
10. Le Corre P., Sepulchre A. (2016). China abroad: The long march to Europe. Brookings Institution, 27 June. URL: https://www.brookings.edu/research/china-abroad-the-long-march-to-europe, (accessed 01.07.2017).
11. Ito K. (2017). Dutch disease and Russia. *International Economics*. In press, corrected proof.
12. Bykova A., Jardon C. M. (2017). Lean against the wind: The moderation effect of foreign investments during the economic recession in Russia. *Journal of Economics and Business*, vol. 93, pp. 1–14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виктория Вадимовна Перская — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, директор Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
vprofessor7970@gmail.com

Эдуард Павлович Джагитян — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия; доцент Департамента мировой экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия
dzhagityan@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Viktoriya V. Perskaya — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Director of the Institute for Research on International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia
vprofessor7970@gmail.com

Eduard P. Dzhagityan — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Research on International Economic Relations, Financial University, Moscow, Russia;
Associate Professor of World Economy Department, National Research University "Higher School of Economics" (HSE), Moscow, Russia
dzhagityan@gmail.com

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-94–107
УДК 339.7
JEL C33, F22, F43

Место ремиттансов в финансовых потоках в развивающиеся экономики

А.А. Ткаченко,
Финансовый университет, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0002-8828-1761

А.Б. Гиноян,
Высшая школа организации и управления здравоохранением, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0003-4513-3635

АННОТАЦИЯ

Предмет. В статье исследуется воздействие ремиттансов на экономику стран-получателей на основе эконометрических моделей.

Цель. Авторы поставили цель обосновать точку зрения, в соответствии с которой влияние ремиттансов на экономический рост и объем инвестиций в странах СНГ находится в зависимости от изменения переменной финансового развития.

Методология. Исследование основано на интерпретации моделей, которая позволяет ответить на вопрос: каким образом уровень финансового развития в стране-получателе воздействует на меру влияния ремиттансов на экономический рост? Для оценки циклических свойств притоков ремиттансов была использована техника фильтрации Ходрика-Прескотта. Оценка этого влияния проведена в соответствии с расширенной версией неоклассической модели с использованием системного обобщенного метода моментов (S-GMM); использовалась также пороговая оценка в качестве альтернативного теста на устойчивость к ошибкам.

Результаты исследования. Приведены полученные результаты пороговой модели с пороговым параметром; предложено определение ремиттансов как проциклических, контрциклических и ациклических, исходя из видов корреляции между циклическими компонентами реальных ремиттансов и реальных ВВП в родных странах мигрантов. Получен вывод о том, что ремиттансы оказывают положительное влияние на экономический рост при менее развитых финансовых системах. Ремиттансы де-факто действуют в качестве заменителей «слабых» финансовых услуг, предоставляя населению возможность удовлетворить потребности в кредитовании и страховании, которые не в состоянии обеспечить рынок. С другой стороны, ремиттансы оказывают отрицательное влияние на экономический рост в странах с более развитым финансовым сектором.

Выводы. В большинстве стран СНГ ремиттансы являются проциклычными в различной степени: при улучшении экономической ситуации в стране выхода мигранты более склонны отправлять ремиттансы с целью поиска инвестиционных возможностей.

Ключевые слова: ремиттансы; прямые иностранные инвестиции; официальная помощь в целях развития; экономический рост; финансовые потоки; денежные переводы, регрессионная модель роста; эконометрические модели

Для цитирования: Ткаченко А.А., Гиноян А.Б. Место ремиттансов в финансовых потоках в развивающиеся экономики // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 94–107.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-94–107
UDC 339.7
JEL C33, F22, F43

The Place of Remittances in Financial Flows into Developing Economies

***A.A. Tkachenko*,**
Financial University, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0002-8828-1761

***A.B. Ginoyan*,**
Higher School of Organization and Management
of Healthcare, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0003-4513-3635

ABSTRACT

Topic. This article examines the impact of remittances on the economy of recipient countries on the basis of econometric models.

Purpose. The authors set the aim to justify a point of view, according to which the influence of remittances on economic growth and investment in the CIS countries is dependent on the change of financial development variable.

Methodology. The research methodology is based on the interpretation of models, which allows answering following question: how does the level of financial development in the recipient country affect the degree of influence of remittances on economic growth. For assessment of the cyclical properties of remittances' flows, we used Hodrick-Prescott filter technique. The evaluation of this impact has been conducted in accordance with the extended version of the neoclassical model using the system generalized method of moments (S-GMM). We also used a threshold estimation as an alternative test for resistance to errors.

Results. We present threshold model with a threshold parameter. We also propose a definition of pro-cyclical, counter-cyclical and acyclic remittances, based on the types of correlation between the cyclical components of real remittances and real GDP in the home countries of migrants. The resulting conclusion states that remittance has a positive impact on economic growth in less developed financial systems. Remittance de facto act as substitutes for the 'weak' financial services, giving people the opportunity to meet the needs in lending and insurance, which are not able to provide by the market. On the other hand, remittance has a negative impact on economic growth in countries with more developed financial sectors.

Conclusions. It is concluded that in most CIS countries, remittance is pro-cyclical ones yet in varying degrees: while improving the economic situation in the migrants' country they are more inclined to send remittance in search of investment opportunities.

Keywords: remittance; foreign direct investment; official assistance for development; economic growth; financial flows; money transfers, regression growth model; econometric models

Citation: Tkachenko A.A., Ginoyan A.B. The place of remittances in financial flows into developing economies. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 94–107. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя экономическая миграция в XXI в. находится в центре внимания не только участвующих в ней стран, но и международных организаций. Она играет заметную роль в экономиках стареющих обществ и в уменьшении давления избыточной рабочей силы в быстроразвивающихся экономиках. Значительную роль в оценке экономической и финансовой составляющей этой миграции играют Всемирный банк и Международный валютный фонд. В зарубежных исследованиях вопросы миграции рабочей силы активно обсуждаются уже в течение нескольких десятилетий, а построение моделей — с 1990-х гг. В отечественной литературе публикуется крайне мало работ, рассматривающих эконометрические модели зависи-

мости миграционных и экономических процессов. Оценка по тесту Ареллано-Бонда использовалась, например, в работе Е. С. Вакуленко и соавторов [1], но она касалась только миграции между регионами России и не затрагивала проблемы ремиттансов. В работе Ю. Андриенко, С. Гуриева [2] динамическая модель рассматривала миграцию по парам российских регионов с добавлением двух макроэкономических переменных. Работ, связанных с международными потоками ремиттансов как важнейшего явления XXI в. в сфере финансов и экономического роста развивающихся экономик в отечественных публикациях практически нет. Цель этой статьи — восполнить пробел и оценить характер потоков ремиттансов между странами СНГ, а также во Вьетнаме в связи с его новой ролью в сотрудничестве с ЕАЭС. Необходимо проанализировать взаимосвязи между ремиттансами как относительно новым финансовым институтом, который привлек к себе внимание не только как стимулятор роста экономики и уровня жизни стран — получателей значительных объемов, но и как институция со сложным и неоднородным воздействием на развитие финансового сектора стран выхода мигрантов, которое до сих пор не получило однозначной оценки.

1. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН В 2010-Е ГГ.

В Российской Федерации продолжает уменьшаться миграционный прирост населения в результате внешней миграции. За первое полугодие 2017 г. миграционное сальдо населения составило 102,3 тыс. чел, что на 27,9% меньше, чем за аналогичный период 2016 г. (141,9 тыс. чел.)[1]. Это происходит на фоне вновь усилившегося процесса отрицательного естественного прироста, поэтому внешняя миграция остается единственным источником *компенсации* снижения численности населения России. В 2017 г. она составила 85,7% и соответственно численность населения России при нулевой миграции сократилась бы не на 17 тыс. чел., а на 119 тыс. Негативным, с нашей точки зрения, является и тот факт, что основные потери в снижении миграционного прироста Россия несет в миграционном обороте со странами СНГ: число прибывших из этих стран уменьшилось за полгода на 12,3 тыс. чел., что составило 72% общего уменьшения числа прибывших, а число выбывших увеличилось на 22,6 тыс. чел. Внешняя миграция важна не только для России как страны со стареющим населением и депопуляцией, но и для стран СНГ и ЕАЭС. Особенно тех из них, в которых наблюдается избыток предложения на национальном рынке труда, и экономическая эмиграция из которых является важным источником внешнего финансирования. Выдвигая гипотезы о будущем экономики России, о возможностях ускорения экономического роста, нельзя забывать о необходимости и возможностях интеграционных процессов на пространстве ЕАЭС, включая свободное движение рабочей силы между странами.

Эффективность миграционных процессов в этих странах многомерна и должна осуществляться на взаимовыгодной основе. Необходимо показать роль экономической миграции в экономическом росте как принимающих, так и отдающих рабочую силу стран. Значительный интерес представляет и сравнение роли внешней миграции в экономическом развитии стран СНГ, включая Россию, с аналогичной ситуацией во Вьетнаме, стране, подписавшей Соглашение со странами ЕАЭС[2], которое является долгосрочным стратегическим документом о сотрудничестве. Снижение миграционных потоков между Россией и другими странами СНГ происходило на фоне рекордного роста в мире недобровольной миграции, которая достигла в 2016 г. 65,7 млн чел[3].

Перед странами выхода значительных потоков трудовых мигрантов возникает проблема соотношения этой динамики с динамикой численности и доли населения трудоспособного возраста. Так, эмиграция экономических мигрантов уменьшит прирост трудоспособного населения Вьетнама в 2015–2020 гг. ежегодно на 160 тыс. чел., или 0,23% всего трудоспособного населения[4]. Поэтому для рынка труда это практически незаметная величина, но для сохранения притока ремиттансов во вьетнамскую экономику наличие такого стабильного потока трудовых эмигрантов важно.

В начале 2010-х гг. около 500 тыс. вьетнамских мигрантов работают в более 40 странах в 30 про-

[1] Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Раздел VIII Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 19.09.2017).

[2] «Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны». Федеральный закон РФ о ратификации Соглашения от 02.05.2016 (kremlin.ru/acts/news/51852).

[3] Global Trends — Forced displacement in 2016. UNHCR, 2017, p. 2.

[4] Рассчитано по: World Bank staff estimates using the World Bank's total population and age/sex distributions of the United Nations Population Division's World Population Prospects. SP. POP. 1564. TO.

Таблица 1 / Table 1

Табличное представление определений ремиттансов в BPM6 / A tabular view of the definitions of remittance in BPM6*

<table>
<tr><td colspan="6">Общая сумма ремиттансов и трансфертов НКОДХ*: a + b + c + d + e + f</td></tr>
<tr><td colspan="4">Общая сумма ремиттансов: a + b + c + d</td><td>e</td><td>f</td></tr>
<tr><td colspan="3">Личные ремиттансы: a + b + c</td><td>d</td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td></tr>
<tr><td>a
Личные трансферты (часть текущих трансфертов)</td><td>b
Оплата труда работников за вычетом налогов, отчислений на социальные нужды, транспорта и поездок</td><td>c
Капитальные трансферты между домашними хозяйствами</td><td>Социальные пособия</td></tr>
<tr><td colspan="4"></td><td>Текущие трансферты в пользу НКОДХ</td><td>Капитальные трансферты в пользу НКОДХ</td></tr>
</table>

Примечание / Note. Личные трансферты представляют собой стандартный компонент; остальные статьи являются дополнительными / Personal transfers are a standard component; the remaining articles are optional.

* НКОДХ — сектор некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства / The NPISHs — the sector non-profit institutions serving households.

Источник / Source: International Monetary Fund. International Transactions in Remittances: Guide for Compilers and Users, 2009, p. 20 / International Monetary Fund. International Transactions in Remittances: Guide for Compilers and Users, 2009, p. 20.

* Balance of payments and international investment position manual. Sixth Edition (BPM6). Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2009, p. 273–274. Russian. Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. 2012.

фессиях и областях [3, с. 252]. Это значительно превышает объемы экономической миграции из стран Центральной Азии, но необходимо помнить, что совокупная численность населения трудоспособного возраста всех стран Центральной Азии составляет 46,2 млн чел., или 66% от аналогичной численности Вьетнама. Численность таджикских трудовых мигрантов в России в конце 2000-х гг. составляла около 400 тыс. чел., или 5,4% от всего населения Таджикистана, что на порядок выше показателя Вьетнама, и поэтому играет столь значительную роль для таджикского рынка труда и благосостояния таджикских домохозяйств, из которых эмигрирует эта рабочая сила.

2. РОЛЬ РЕМИТТАНСОВ ДЛЯ СТРАН СНГ И ВЬЕТНАМА

Россия остается ключевым источником ремиттансов для стран СНГ, несмотря на снижение объема выходящих ремиттансов (personal remittances, paid) в 2,26 раза по сравнению с максимальным показателем 2013 г., и крупнейшим их получателем (personal remittances, received) среди стран СНГ в объеме 6 434 млн долл. в 2016 г., опережая Украину лишь на 4,4%. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что ремиттансы будут демонстрировать устойчивость по сравнению с чистыми притоками *прямых иностранных инвестиций* (foreign direct investment, FDI, ПИИ) и официальной помощью в целях развития (ОПР)[5], и, таким образом, будут продолжать влиять на экономическую ситуацию в странах СНГ [4, с. 448], а следовательно, должны приниматься во внимание как важнейшая часть финансовых потоков между странами приема (входа) и выхода экономических мигрантов.

Данные о личных ремиттансах, которые используются в данной работе, включают в себя сумму трех компонентов платежного баланса: оплата труда работников (1), личные трансферты мигрантов (2) и капитальные трансферты между домашними хозяйствами (3).

Многие страны — получатели значительных объемов ремиттансов относятся к странам, получившим название группы быстроразвивающихся экономик (fastest growing economies). К этой группе относится Вьетнам с ежегодным темпом прироста более 6%. Из стран СНГ такие же высокие темпы

[5] Official development assistance, далее — ODA.

Таблица 2 / Table 2

Объемы финансовых потоков в страны СНГ / The volume of financial flows to CIS countries

Страна / A country	Входящие ремиттансы, 2016 / Incoming remittance, 2016		Максимальная доля ремиттансов / The maximum share of remittance		FDI млн долл., 2015	ODA млн долл., 2015
	доля в ВВП, %	объем млн долл.	к ВВП, в %	год		
Киргизия / Kyrgyzstan	30,476	1996,6	31,056	2013	1139,3	769
Таджикистан / Tajikistan	28,863	1867,4	49,29	2008	344,1*	425,86
Молдова / Moldova	21,704	1464,9	34,499	2006	124,4*	312,56
Армения / Armenia	13,106	1382,3	22,019	2004	338,0*	347,64
Грузия / Georgia	10,406	1491,5	12,886	1999	1571	447,7
Украина / Ukraine	6,605	6160,6	6,605	2016	3050	1457,65
Вьетнам / Vietnam	6,605	13 383,3	7,983	2007	11 800	3157,4

* — *2016.*

Источник / Source: составлено авторами на основании базы данных «Показатели мирового развития» Всемирного банка / Compiled by the authors on the basis of World Bank's World Development Indicators Database.

ежегодного прироста ВВП имеют (в порядке возрастания) Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, в последнем темп прироста близок к 8%. Туркменистан, по предварительным прогнозам, по темпам роста ВВП даже опережал Индию, Китай, Вьетнам и другие быстрорастущие экономики Южной и Юго-Восточной Азии, входящие в топ-20[6]. В то же время он не вошел в наше исследование из-за отсутствия данных по большинству основных переменных модели экономического роста. Вьетнам сближает со странами СНГ, включенными в наши модели и расположенными в Центральной Азии, целый ряд характеристик: высокая доля сельского населения и аграрного сектора, значительный избыток рабочей силы, высокий ежегодный естественный прирост населения и высокий уровень рождаемости, молодая структура населения и преобладание группы до 30 лет, отрицательное сальдо миграции в результате отъезда на заработки за рубеж как массового явления. Результатом последнего являются значительные объемы ремиттансов, которые в ряде стран составляют весомую долю по отношению к ВВП. Приведем основные характеристики этих стран по показателям трех видов финансовых потоков из-за рубежа (*табл. 2*).

Все страны СНГ, присутствующие в *табл. 2*, имеют более 1 млрд долл. в год притока иностранной валюты за счет денежных переводов и других поступлений от мигрантов на родину. Украина, в которой эти поступления росли с 2004 по 2013 г., — более 6 млрд долл., а Вьетнам, имеющий самый выраженный тренд роста поступлений, получил в 2016 г. более 13 млрд долл. При этом во всех рассматриваемых странах, кроме Грузии, по уточненным данным за 2016 г., ремиттансы превышают по объему ПИИ; кроме того, их поступления более устойчивы во времени по сравнению с ПИИ. На пространстве СНГ, кроме России, лишь 2 страны имеют объем ремиттансов, практически не играющий роли в экономическом развитии и влиянии на финансовый рынок: это Казахстан (0,231% к ВВП) и Туркменистан (0,025%), в которых объем поступивших в 2016 г. ремиттансов составил 308 млн и 9 млн долл. соответственно. Киргизия уже много лет занимает 1-е место в мире или делит его с Ли-

[6] The fastest shrinking and growing economies in 2016. World GDP forecasts / The Economist. 2016, 02.01.2016.

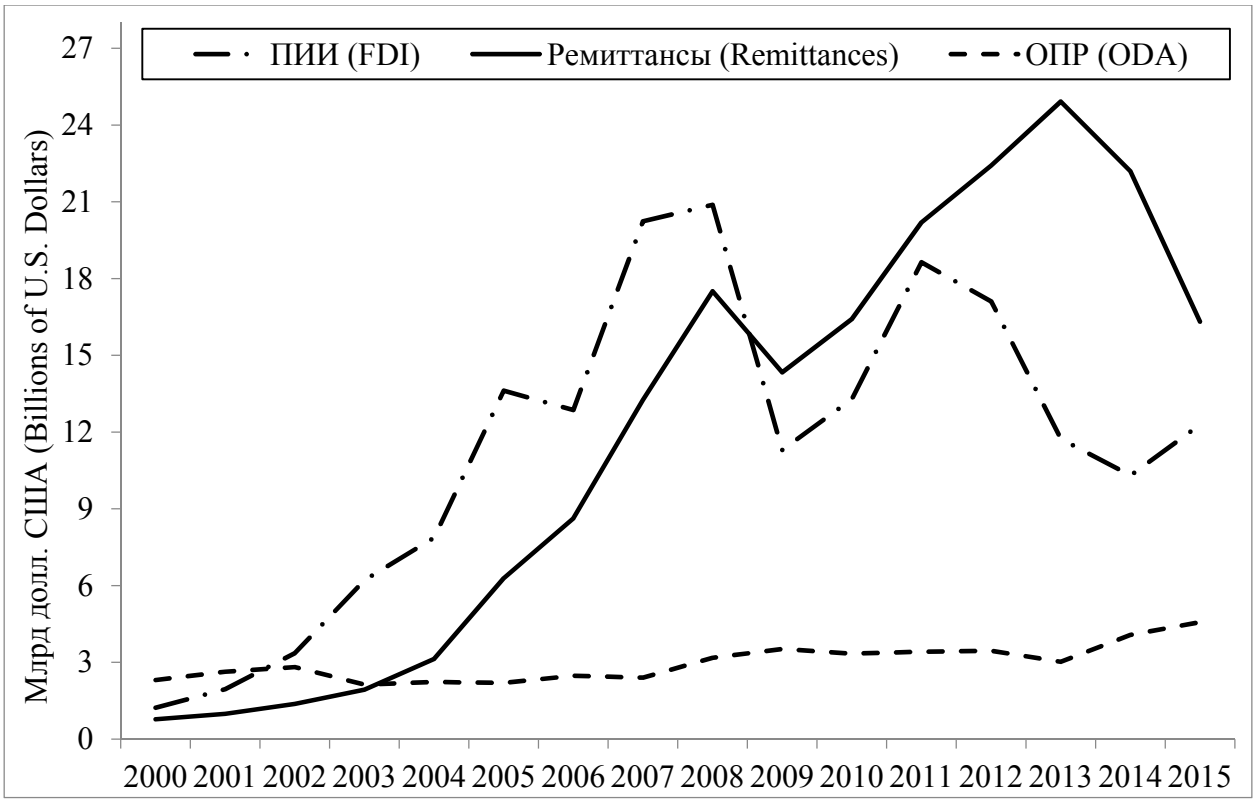


График / Graph. **Последние тенденции зарубежных финансовых притоков в страны СНГ, 2000–2015 гг. / Recent trends in foreign financial inflows to the CIS countries, 2000–2015**

Источник / Source: составлено авторами на основании базы данных «Показатели мирового развития» Всемирного банка / Compiled by the authors based on World Bank's World Development Indicators Database.

берией, отставая лишь на десятые доли процента, по соотношению ремиттансов и ВВП, отражающему наиболее рельефно роль ремиттансов в экономическом развитии.

Стремительный рост зарубежных финансовых притоков в страны СНГ, темпы которого оценивались как чрезмерные, отражал общемировые тенденции расширения сетей «индустрии ремиттансов», отмеченные в работе [5, с. 3], включая снижение затрат на денежные переводы, рост численности мигрантов и их доходов (*график*). Влияние российской рецессии на поток ремиттансов из России в страны СНГ является исключением из глобальной тенденции увеличения объемов ремиттансов и прекратится, по нашему мнению, с началом роста российской экономики. В источниках финансовых поступлений в Армению, Киргизию, Молдову и Таджикистан ремиттансы преобладают среди трех форм внешнего финансирования начиная с 2003 г. Как показал кризис 2008–2009 гг., они являются более стабильным и надежным источником иностранных финансовых притоков для стран СНГ, так как послекризисный объем ремиттансов восстановился в течение одного года, в то время как приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) находился на низком уровне, так и не достигнув предкризисного объема. Снижение объемов ремиттансов в 2009 г. (–18%) по сравнению с 2008 г. значительно меньше, чем снижение объемов ПИИ (–46%). Ремиттансы также в значительной мере опережали объемы официальной помощи в целях развития (ODA) и после мирового экономического кризиса занимали 1-е место по иностранным финансовым притокам в страны СНГ.

Сравним наглядно различия в объемах ремиттансов и их доли в ВВП, которые представлены на *рис. 1*.

В последние годы вышел ряд работ, посвященных особенностям миграционных процессов и исследованиям ремиттансов не только как финансово-экономического феномена, но анализирующие их культурную и социальную ценность на основе междисциплинарного подхода [6–9]. В этой связи нам представляется важным развивать и это направление эконометрических исследований взаимосвязей института ремиттансов и экономической миграции в целом с этнокультурным и социальным положением домохозяйств и семей в стра-

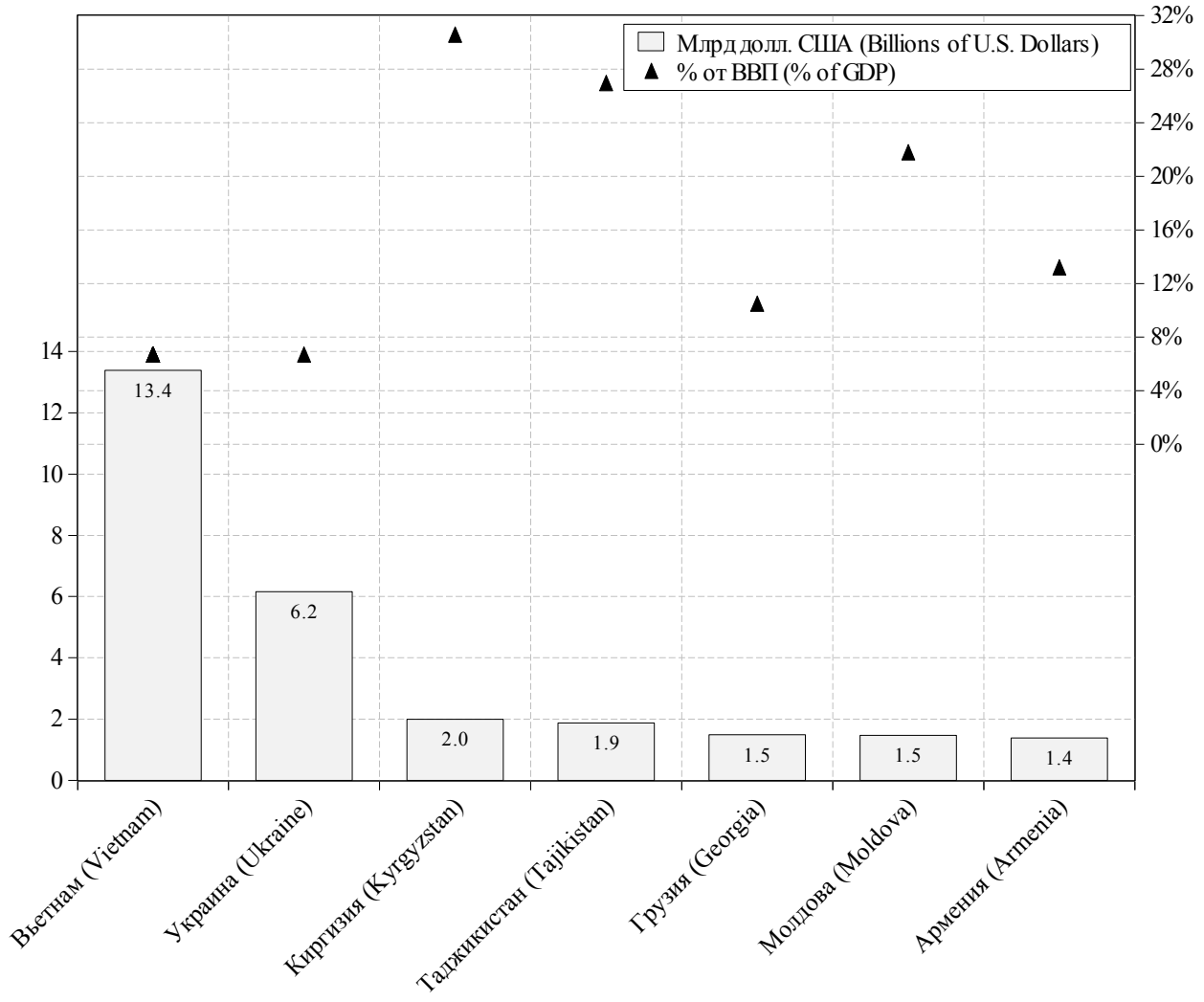


Рис. 1 / Fig. 1. **Крупнейшие получатели ремиттансов в 2016 г. / The largest recipients of remittances in 2016**

Источник / Source: составлено авторами на основании базы данных «Показатели мирового развития» Всемирного банка / Compiled by the authors on the basis of World Bank's World Development Indicators Database.

нах — получателях денежных переводов и других составляющих ремиттансов, изучать, как предлагает J. H. Cohen, культурную и социальную ценность ремиттансов, а также способы создания благодаря им транснационального пространства [10, с. 103].

3. МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ РЕМИТТАНСОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ

Попытаемся обосновать нашу точку зрения с помощью трех моделей, включающих как прямое воздействие ремиттансов на экономику, так и эффект воздействия через изменение влияния ремиттансов на экономический рост и объем инвестиций в зависимости от изменения переменной финансового развития. Интерпретация моделей должна ответить на вопрос: каким образом уровень финансового развития в стране-получателе воздействует на меру влияния ремиттансов на экономический рост? В качестве репрезентативных данных о финансовом развитии стран выхода мигрантов были использованы показатели: денежный агрегат M2 (в % от ВВП) и общая сумма вкладов до востребования, срочных, сберегательных депозитов, депозитов в иностранной валюте (в % от ВВП), отобранные из банка данных ВБ.

Априори можно было предположить и на основе расчетов удалось показать, что в большинстве стран СНГ ремиттансы являются контрцикличными: трудовые мигранты отправляют больше ремиттансов на родину, когда экономическая ситуация там ухудшается. Наличие косвенной корреляции между ремиттансами и экономическим ростом подтверждается в работе J. Jongwanich на примере стран Азиатско-Тихоокеанского региона, где на ос-

нове использования расширенной версии неоклассической модели сделан вывод, что иностранные финансовые притоки оказывают положительное и существенное влияние на внутренние инвестиции, человеческий капитал и сокращение бедности в странах выхода мигрантов [11, с. 12].

Чтобы эмпирически определить влияния ремиттансов на экономический рост, используем две модели. В частности, будем оценивать как прямое воздействие ремиттансов, так и эффекты их воздействия: изменение влияния ремиттансов на экономический рост в зависимости от изменения переменной финансового развития (FinD). В отличие от стандартных исследований экономического роста, при которых период выборки обычно усредняется и разделяется на несколько неперекрывающихся периодов, оценки данной работы основаны на наборе панельных данных восьми стран СНГ[7], охватывающих ежегодные данные за период 2000–2015 гг.

Понятие «ремиттансы» (personal remittances) значительно шире понятия «денежные переводы мигрантов» (personal transfers) и количественно включает в себя, например, и трансфер капиталов между домохозяйствами, поэтому оно вошло в русский язык без перевода [12, с. 685].

В качестве отправной точки мы будем оценивать влияние ремиттансов на экономический рост в соответствии с расширенной версией неоклассической модели, используя системный обобщенный метод моментов (system generalized method of moments — S-GMM). В качестве инструментов были использованы первые лаговые разности и вторые лаговые уровни всех эндогенных переменных. Кроме того, мы провели оценку по тесту Ареллано-Бонда для серийной корреляции второго порядка значений остаточного члена и тесту Саргана на критерий сверхидентифицирующих ограничений. Оба теста не опровергли нулевую гипотезу, что в целом подразумевает пригодность и уместность инструментов и отсутствие серийной корреляции второго порядка в разностях значений остаточного члена. Для примера в первую регрессию не включаются переменные финансового развития. Таким образом, уравнение регрессии имеет следующий вид:

$$\Delta GDP_{it} = \beta_0 + \beta_1 GDP_{i,t-1} + \beta_2 REM_{it} + \beta_3 X_{it} + \varsigma_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где зависимая переменная обозначает рост реального ВВП на душу населения; GDP_{it-1} — изначальный уровень ВВП на душу населения (в логарифмической форме); REM_{it} — доля ремиттансов в ВВП (в %); X_{it} — матрица контрольных переменных, которые рассматриваются в качестве определяющих факторов экономического роста [13]; ς_{it} — это ненаблюдаемый фиксированный эффект конкретной страны; ε_{it} — остаточный член.

В *табл. 3* (столбец 1) представлены результаты, которые показывают, что ремиттансы имеют положительное, но статистически не значимое влияние на экономический рост в странах СНГ. При этом значение коэффициента ремиттансов увеличивается и становится статистически значимым после исключения переменной инвестиций из спецификации модели, что свидетельствует о существовании инвестиционного канала, через который ремиттансы влияют на экономический рост (столбец 2).

Во втором наборе регрессий будет рассмотрена связь между ремиттансами и экономическим ростом, которая работает через финансовую систему. С этой целью в уравнения были включены переменные взаимодействия ремиттансов с уровнем финансового развития[8]. Уравнение регрессии, которое было оценено, имеет следующий вид:

$$\Delta GDP_{it} = \beta_0 + \beta_1 GDP_{i,t-1} + \beta_2 REM_{it} + \beta_3 FinD_{it} + \\ + \beta_4 (REM_{it} \times FinD_{it}) + \beta_5 X_{it} + \varsigma_{it} + \varepsilon_{it}. \quad (2)$$

Была также проведена оценка по тесту Ареллано-Бонда[9], который использовался в отечественных работах по миграции, названных во введении, для серийной корреляции второго порядка значений остаточного члена, и тесту Саргана на критерий сверхидентифицирующих ограничений. Оба теста

[7] Наш анализ охватывает восемь стран СНГ, входивших в него в начале образования Содружества: Армению, Азербайджан, Беларусь, Грузию, Киргизию, Молдову, Таджикистан и Украину (Грузия и Украина сохранены в анализе, так как значительную часть анализируемого периода входили в СНГ и имеют сходства экономической структуры). Узбекистан и Туркмения не вошли в расчеты из-за отсутствия данных по большинству основных переменных модели экономического роста.

[8] Отрицательный коэффициент будет означать, что ремиттансы как новое и важное явление мировой экономики и мирового глобального рынка являются более эффективными в стимулировании экономического роста в странах с менее развитыми финансовыми системами. Другими словами, отрицательный коэффициент свидетельствует о взаимозаменяемости ремиттансов и показателей финансового развития. С другой стороны, положительный коэффициент переменной взаимодействия ремиттансов с финансовым развитием будет означать, что они являются взаимодополняющими и что хорошо функционирующая финансовая система усиливает положительное влияние ремиттансов на экономический рост.

[9] Впервые предложен М. Арельяно и С. Бондом в 1991 г. в работе [14].

Таблица 3 / Table 3

Ремиттансы и экономический рост / Remittance and economic growth

Зависимая переменная:	Рост ВВП на душу населения, ΔGDPit			
	S-GMM			
Независимые переменные	1	2	3	4
Ремиттансы (% от ВВП)	0,080 (0,087)	0,148 (0,071)2	0,075 (0,127)	0,095 (0,120)
Инвестиции (% от ВВП)	0,238 (0,090) 2	–	0,210 (0,138)	0,308 (0,146)2
Госрасходы (% от ВВП)	0,019 (0,235)	−0,038 (0,279)	0,047 (0,276)	−0,044 (0,241)
Из. уровень ВВП на душу населения (ln)	−12,011 (5,341)2	−10,709 (5,584)1	−11,524 (5,030)2	−14,519 (6,597)2
Инфляция (%)	−0,068 (0,013)3	−0,058 (0,018)3	−0,063 (0,024)2	−0,066 (0,013)3
Открытость экономики (% от ВВП)	0,108 (0,046)2	0,100 (0,041)2	0,109 (0,047)2	0,099 (0,042)2
Человеческий капитал (%)	0,040 (0,103)	0,036 (0,124)	−0,020 (0,130)	−0,112 (0,082)
Рост населения (%)	−1,459 (2,060)	−3,215 (1,763)1	−1,600 (1,930)	−1,667 (1,833)
Банковские депозиты (% от ВВП)	–	–	–	0,203 (0,168)
Ремиттансы × Банковские депозиты	–	–	–	−0,003 (0,006)
M2 (% от ВВП)	–	–	−0,049 (0,150)	–
Ремиттансы × M2	–	–	0,001 (0,006)	–
Постоянная	87,345 (34,270)2	80,180 (34,930)2	83,810 (32,000)2	107,179 (43,760)2
Число наблюдений	109	111	109	109
Тест Саргана, p-значение	1,000	1,000	1,000	1,000
AR (1), p-значение	0,211	0,242	0,196	0,200
AR (2), p-значение	0,621	0,591	0,550	0,625

Примечания / Notes: устойчивые стандартные ошибки в скобках; 1 — имеет значение при 10%; 2 — имеет значение при 5%, 3 — имеет значение при 1%. Одношаговая оценка. В качестве инструментов были использованы первые лаговые разности и вторые лаговые уровни ремиттансов, инвестиций, госрасходов, изначального уровня ВВП на душу населения, инфляции, открытости экономики, человеческого капитала и роста населения / robust standard errors in brackets; 1 — has a value when equal to 10%; 2 — has a value when equal to 5%, 3 — has a value when equal to 1%. One-step estimation. As instruments were used the first lagged difference and the second lagged levels of remittances, investment, government spending, initial level of GDP per capita, inflation, openness of the economy, human capital and population growth.

Источник / Source: расчеты авторов / authors' calculations.

не опровергли нулевую гипотезу, что подтверждает пригодность и уместность инструментов и отсутствие серийной корреляции второго порядка в разностях значений остаточного члена.

В *табл. 3* (столбцы 3 и 4) представлены результаты оценок, в которых для измерения уровня финансового развития были использованы два разных показателя, характеризующих финансовое развитие[10]. Ключевая переменная, представляющая соотношение ремиттансов и ВВП, производит

[10] В качестве репрезентативных данных о финансовом развитии стран выхода мигрантов были использованы две показатели: денежный агрегат M2 (в % от ВВП) и общая сумма вкладов до востребования, срочных, сберегательных депозитов, депозитов в иностранной валюте (в % от ВВП).

положительные, но статистически не значимые коэффициенты β. При этом коэффициенты переменных, характеризующих финансовое развитие и их взаимодействия с ремиттансами, не показывают статистически значимых результатов, что, собственно говоря, свидетельствует о существовании неких пороговых уровней этих показателей, после достижения которых начинают преобладать противоположные эффекты.

Чтобы пролить свет на эти вопросы, авторами проведен анализ устойчивости к ошибкам, который состоит в разбивке выборки в соответствии с уровнем финансового развития страны и сравнивании влияний ремиттансов в полученных группах стран (подвыборках). Мы предполагаем более значительное влияние ремиттансов в группе с менее развитой финансовой системой. Для анализа выборка была раздроблена двумя способами: экзогенно по медианному уровню и на основе эндогенно определенного порога.

В *табл. 4* представлены полученные оценки S-GMM для стран с уровнем финансового развития выше и ниже медианы.

Полученные результаты проливают некоторый свет на характер динамики рассматриваемых показателей. Как установлено, влияние ремиттансов положительно в выборке стран с менее развитыми финансовыми системами (ниже медианного уровня) и отрицательно для стран с более развитыми финансовыми системами.

Следуя работам Б. Хансена [15, 16], используем пороговую оценку в качестве альтернативного теста на устойчивость к ошибкам. Пороговые оценки[11] дают возможность эндогенным образом определить пороговый уровень финансового развития, по которому выборка должна быть раздроблена. Это позволяет нам считать ее более эффективным методом определения порогового уровня финансового развития, при котором функциональная зависимость между экономическим ростом и притоками ремиттансов меняется. Уравнения пороговых оценок имеют следующий вид:

$$\Delta GDP_{it} = \beta_0 + \beta_1 GDP_{i,t-1} + \beta_2 REM_{it} + \\ + \beta_3 FinD_{it} + \beta_4 X_{it} + \varsigma_{it} + \varepsilon_{it} \qquad FinD_{it} \le \delta, \tag{3}$$

$$\Delta GDP_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 GDP_{i,t-1} + \alpha_2 REM_{it} + \\ + \alpha_3 FinD_{it} + \alpha_4 X_{it} + \varsigma_{it} + \varepsilon_{it} \qquad FinD_{it} > \delta, \tag{4}$$

где FinD — пороговая переменная, которая используется для раздробления выборки на две группы; δ — эндогенно определяемый пороговый уровень. Эта модель допускает расхождения в параметрах регрессии в зависимости от значений переменной FinD.

Результаты пороговой модели с пороговым параметром представлены в *табл. 5*.

Результаты регрессионной модели роста по каждой группе выборки показывают, что пограничное влияние ремиттансов отрицательное в группе с высоким уровнем развития финансовой системы[12]. В группе стран с менее развитыми финансовыми системами ремиттансы, напротив, имеют положительное влияние намного меньше по сравнению с отрицательным.

Проведенные проверки устойчивости с раздроблением выборки, как экзогенным образом, так и эндогенно определяемым пороговым уровням, в соответствии со степенью финансового развития подтверждают полученный вывод о том, что ремиттансы оказывают положительное влияние на экономический рост при менее развитых финансовых системах. Другими словами, ремиттансы де-факто действуют в качестве заменителей «слабых» финансовых услуг, предоставляя населению возможность удовлетворить потребности в кредитовании и страховании, которые не в состоянии обеспечить рынок. С другой стороны, ремиттансы оказывают отрицательное влияние на экономический рост в наиболее развитых в финансовом отношении странах.

Для определения движущих сил (стимулов) ремиттансов для девяти стран СНГ и для Вьетнама мы проверили их на проциклическую. Если эти капитальные притоки движимы стремлением к прибыли, например, посредством развития семейных предприятий или превращения домохозяйства в самодостаточное, они должны положительно коррелировать с динамикой основного показателя развития национальной экономики страны выхода мигранта — ВВП, т.е. быть проциклическими. В случае, когда они отправляются по альтруистическим соображениям, чтобы помочь

[11] В отличие от экзогенного выбора подвыборки на основе медианного уровня финансового развития пороговые оценки позволяют эндогенным образом определить пороговый уровень финансового развития, по которому выборка должна быть раздроблена. Для определения пороговых уровней нами использовался простой метод наименьших квадратов.

[12] Бутстрап-значение p пороговой модели очень близко к нулю в каждом конкретном случае с использованием 1000 бутстраповских репликаций, что свидетельствует об изменении режима на определенном уровне финансового развития.

Таблица 4 / Table 4

Влияние ремиттансов на экономический рост при уровнях финансового развития ниже и выше медианного уровня / The influence of remittances on economic growth at levels of financial development below and above the median

Зависимая переменная:	Рост ВВП на душу населения, ΔGDPit			
	S-GMM			
	Банковские депозиты		Денежный агрегат M2	
Независимые переменные	выше медианы	ниже медианы	выше медианы	ниже медианы
Ремиттансы (% от ВВП)	−0,314 (0,184)1	0,192 (0,097)1	−0,342 (0,163)2	0,127 (0,049)2
Инвестиции (% от ВВП)	0,609 (0,291)2	0,354 (0,169)2	0,411 (0,256)	0,393 (0,138)3
Госрасходы (% от ВВП)	−0,301 (0,129)2	0,099 (0,139)	0,097 (0,141)	0,147 (0,092)
Из. уровень ВВП на душу населения (ln)	−43,183 (13,360)3	−2,780 (5,423)	−40,485 (8,047)3	−4,201 (4,188)
Инфляция (%)	−0,099 (0,046)2	−0,023 (0,024)	0,066 (0,076)	−0,044 (0,018)2
Открытость экономики (% от ВВП)	0,203 (0,037)3	0,092 (0,032)3	0,339 (0,058)3	0,094 (0,026)3
Человеческий капитал (%)	−0,185 (0,082)2	−0,218 (0,218)	−0,268 (0,033)3	−0,138 (0,104)
Рост населения (%)	12,537 (4,653)2	−10,659 (1,507)3	9,477 (1,933)3	−7,818 (1,868)3
Банковские депозиты (% от ВВП)	0,530 (0,158)3	−0,461 (0,461)	–	–
M2 (% от ВВП)	–	–	0,606 (0,106)3	-0,137 (0,086)
Постоянная	342,184 (100,900)3	20,735 (32,320)	291,642 (56,660)3	27,237 (23,840)
Число наблюдений	58	51	55	54
Тест Саргана, p-значение	1,000	1,000	1,000	1,000
AR (1), p-значение	0,520	0,169	0,562	0,169
AR (2), p-значение	0,514	0,053	0,152	0,065

Примечания / Notes: устойчивые стандартные ошибки в скобках; 1 — имеет значение при 10%; 2 — имеет значение при 5%, 3 — имеет значение при 1%. Одношаговая оценка. В качестве инструментов были использованы первые лаговые разности и вторые лаговые уровни ремиттансов, инвестиций, госрасходов, изначального уровня ВВП на душу населения, инфляции, открытости экономики, человеческого капитала и роста населенияго / bust standard errors in brackets; 1 — has a value when equal to 10%; 2 — has a value when equal to 5%, 3 — has a value when equal to 1%. One-step estimation. As instruments were used the first lagged difference and the second lagged levels of remittances, investment, government spending, initial level of GDP per capita, inflation, openness of the economy, human capital and population growth.

Источник / Source: расчеты авторов / authors' calculations.

семье, родственникам на родине, то они должны отрицательно коррелировать с ВВП родной страны, т.е. быть контрцикличны.

Для оценки циклических свойств притоков ремиттансов была использована техника фильтрации Ходрика-Прескотта, которая состоит в разложении временных рядов реальных ВВП и реальных ремиттансов на их стохастический тренд и циклический компонент. Реальный ВВП и реальные ремиттансы в постоянных ценах 2010 г. (долл. США) рассчитывались с использованием соответствующих индексов: индекса-дефлятора и индекса потребительских цен на товары и услуги. Ремиттансы определялись как проциклические, контрциклические и ациклические, исходя из видов корреляции (отрицательная, положительная или статистически не значимая) между циклическими компонентами реальных ремиттансов и реальных ВВП.

Таблица 5 / Table 5

Пороговые оценки уровней финансового развития / Threshold assessment of levels of financial development

Зависимая переменная:	Рост ВВП на душу населения, ΔGDPit			
Независимые переменные	**Dep_GDP ≤ 10,89%**	**Dep_GDP > 10,89%**	**M2_GDP ≤ 24,79%**	**M2_GDP > 24,79%**
Ремиттансы (% от ВВП)	0,120 (0,099)	−0,189 (0,143)	0,133 (0,053)2	−0,429 (0,129)3
Инвестиции (% от ВВП)	0,308 (0,179)1	0,439 (0,220)1	0,433 (0,123)3	0,397 (0,216)1
Госрасходы (% от ВВП)	−0,008 (0,155)	−0,102 (0,057)1	0,053 (0,117)	−0,187 (0,187)
Из. уровень ВВП на душу населения (ln)	−0,298 (8,466)	−29,733 (7,381)3	−5,319 (3,143)1	−40,193 (11,600)3
Инфляция (%)	0,009 (0,017)	−0,200 (0,042)3	−0,033 (0,019)1	0,188 (0,115)
Открытость экономики (% от ВВП)	0,035 (0,027)	0,264 (0,042)3	0,090 (0,033)3	0,279 (0,065)3
Человеческий капитал (%)	−0,376 (0,443)	−0,080 (0,055)	−0,110 (0,094)	−0,342 (0,112)3
Рост населения (%)	−12,019 (2,333)3	8,317 (3,335)2	−8,939 (1,644)3	10,453 (1,881)3
Банковские депозиты (% от ВВП)	−0,494 (0,546)	0,307 (0,128)2	–	–
M2 (% от ВВП)	–	–	−0,125 (0,122)	0,624 (0,103)3
Постоянная	14,933 (47,850)	213,492 (53,650)3	34,013 (15,900)2	301,114 (81,030)3
Коэффициент детерминации (R2)	0,82	0,59	0,80	0,60
Число наблюдений	45	64	58	51
Бутстрап-значение p	0,003	–	0,005	–

Примечание / Note: устойчивые стандартные ошибки в скобках; 1 — имеет значение при 10%; 2 — имеет значение при 5%; 3 — имеет значение при 1% / robust standard errors in brackets; 1 — has a value when equal to 10%; 2 — has a value when equal to 5%; 3 — has a value when equal to 1%.

Источник / Source: расчеты авторов / authors' calculations.

Как видно из *рис. 2*, ремиттансы являются процикличными в различной степени в большинстве стран СНГ (Украина, Армения, Беларусь, Азербайджан, Молдова и Грузия). В трех странах СНГ (Узбекистане, Таджикистане и Киргизии) они были контрцикличны, а во Вьетнаме ацикличны (статистически незначимы).

Таким образом, мы пришли к выводу, что в большинстве стран СНГ ремиттансы являются процикличными в различной степени — при улучшении экономической ситуации в стране выхода мигранты, как правило, более склонны отправлять ремиттансы, скорее всего, с целью поиска инвестиционных возможностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье было выявлено влияние кризиса 2008–2009 гг. и послекризисной рецессии российской экономики на динамику ремиттансов, направляющихся из России в страны СНГ, сделан вывод об отличии этой субрегиональной ситуации от мировых тенденций. Показано место и роль ремиттансов в экономическом развитии стран СНГ, среди которых выделены быстроразвивающиеся экономики. В то же время ежегодный отток рабочей силы из ряда стран СНГ и Вьетнама для работы за рубежом не отражается негативно на экономике отдающих стран, так как составляет десятые доли процента. С 2009 г. объем ремиттансов, получаемых рассматриваемыми в моделях странами СНГ, превышает другие финансовые поступления из-за рубежа — прямые иностранные инвестиции и официальную помощь в целях развития, что подтверждает их важность для экономического роста, развития финансового сектора и повы-

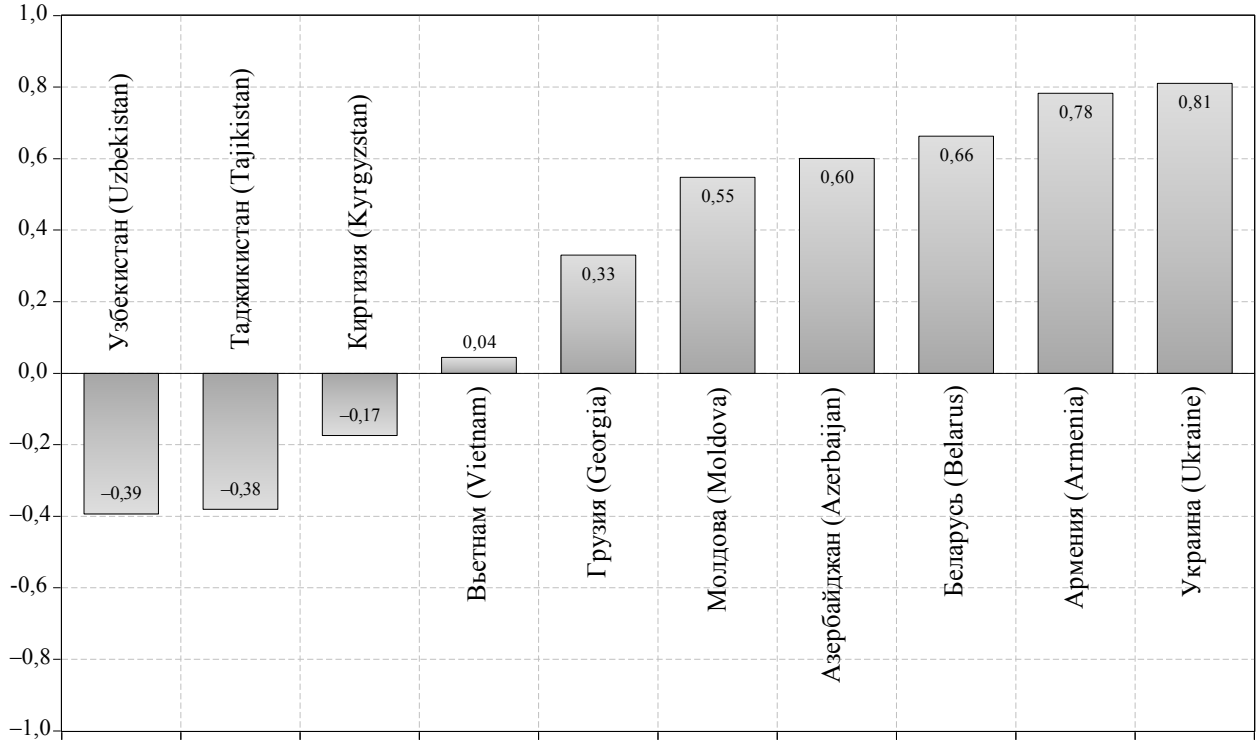


Рис. 2 / Fig. 2. **Корреляции между циклическими компонентами реальных ремиттансов и реальных ВВП в странах СНГ и во Вьетнаме, 2002–2016 гг. / Correlations between the cyclical components of the real remittances and real GDP in CIS countries and in Vietnam, 2002–2016**

Примечание / Note: данные по Узбекистану за 2006–2016 гг. / data on Uzbekistan for 2006–2016 years.

Источник / Source: расчеты авторов на основании базы данных «Показатели мирового развития» Всемирного банка / World Bank, World Development Indicators and authors' calculations.

шения уровня жизни домохозяйств в получающих странах.

Анализ на основе эконометрических моделей позволил сделать вывод о более значительном влиянии на экономический рост ремиттансов в группе с менее развитой финансовой системой. В работе были определены пороговые оценки, что дало возможность эндогенным образом определить пороговый уровень финансового развития, по которому должна быть раздроблена анализируемая выборка. Это позволяло авторам считать ее более эффективным методом определения порогового уровня финансового развития, при котором функциональная зависимость между экономическим ростом и притоками ремиттансов меняется. В работе построены уравнения пороговых оценок, на основе которых определялись пороговые уровни.

Полученные результаты регрессионной модели роста по каждой группе выборки показывали, что пограничное влияние ремиттансов было отрицательным в группе стран с высоким уровнем развития финансовой системы. В группе стран с менее развитыми финансовыми системами ремиттансы, напротив, имеют положительное влияние. В работе сделан аргументированный анализом вывод о том, что ремиттансы де-факто действуют в качестве заменителей недостаточно или слаборазвитой системы финансовых услуг, предоставляя населению возможность удовлетворить потребности в кредитовании и страховании, которые не в состоянии обеспечить национальный рынок.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета 2017 г. Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds of the state task of the Financial University in 2017. Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Vakulenko E.S., Mkrtchyan N.V. and Furmanov K.K. Econometric Analysis of Internal Migration in Russia. *Montenegrin Journal of Economics*, 2011, vol. 7, no. 2, pp. 21–33.
2. Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia. *The Economics of Transition*, 2004, vol. 12, iss. 1, pp. 1–27.
3. Динь Ха Ми. Социально-экономические условия миграции из Вьетнама в Россию // Вестник Иркутского государственного технического университета 2015. № 4 (99). С. 251–255.
   Dinh Ha Mi. Socio-economic conditions of migration from Vietnam to Russia. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Technical University*, 2015, no. (99), pp. 251–255. (In Russ.).
4. O'Hara S., Artjoms I. and Gentile M. The Impact of Global Economic Crisis on Remittances in the Commonwealth of Independent States. *Eurasian Geography & Economics*, 2009, vol. 50, no. 4, pp. 447–463.
5. Ratha D., Mohapatra S. and Xu Z. Outlook for Remittance Flows 2008–2010: Growth Expected to Moderate Significantly, but Flows to Remain Resilient. *Migration and Development Brief,* 2008, no. 8, November 11, 14 p.
6. Cohen Jeffrey H. Transnational Migration in Rural Oaxaca, Mexico: Dependency, Development, and the Household. *American Anthropologist,* 2008, no. 4, 103 (4), pp. 954–967.
7. Kim K. and Cohen J. Determinants of International Migration Flows to and from Industrialized Countries: A Panel Data Approach Beyond Gravity. *International Migration Review,* 2010, vol. 44, no. 4, pp. 899–932.
8. Kazuhiro K. Migration Tajik Labour Migrants and their Remittances: Is Tajik Migration Pro-Poor? *Global COE Hi-Stat Discussion Paper Series*. Tokyo: Institute of Economic Research Hitotsubashi University, 2011. 32 p.
9. Kazuhiro K. (2016). Interregional Migration: Analysis of Origin-to-Destination Matrix. In Karabchuk, T., Kumo, K., & Skoglund, E. *Demography of Russia: From the Past to the Present* (pp. 261–314). London, UK: Palgrave Macmillan.
10. Cohen Jeffrey H. Migration, Remittances, and Household Strategies. *Annual Review of Anthropology,* 2011, vol. 40, pp. 103–114.
11. Jongwanich J. Workers' Remittances, Economic Growth and Poverty in Developing Asia and the Pacific Countries. *UNESCAP Working Paper*. 2007, no. WP/07/01. 27 p.
12. Ткаченко А.А. Измерение бедности и трудовой миграции в странах ЕАЭС и СНГ: различия методологических подходов // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2017. Ч. 1. 984 с.
    Tkachenko A.A. Measuring Poverty and Labor Migration in the EAEU and CIS Countries: Differences in Methodological Approaches. = Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 12 / otv. red. V.I. Gerasimov. Moscow: INION RAN Publ., 2017. Ch. 1. 984 p. (In Russ.).
13. Barro R. & Sala-i-Marin M. Economic Growth. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 672 p.
14. Arellano M., Bond S. Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *The Review of Economic Studies*, 1991, vol. 58, iss. 2, pp. 277–297.
15. Hansen B. Inference When a Nuisance Parameter Is Not Identified Under the Null Hypothesis. *Econometrica,* 1996, vol. 64, no. 2, pp. 413–430.
16. Hansen B. Sample Splitting and Threshold Estimation. *Econometrica,* 2000, vol. 68, no. 3, pp. 575–603.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Александрович Ткаченко — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
alaltkachenko@gmail.com
Аргишти Багратович Гиноян — научный сотрудник, Высшая школа организации и управления здравоохранением, Москва, Россия
mweneli89@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Tkachenko — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director of the Institute for studies of international economic relations, Financial University, Moscow, Russia
alaltkachenko@gmail.com
Argishti B. Ginoyan — researcher, Higher School of Organization and Management of Healthcare, Moscow, Russia
mweneli89@gmail.com

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-108–117
УДК 339.94
JEL F21, F23

Особенности инвестиционной стратегии Японии и перспективы сотрудничества с Россией

А.В. Кузнецов,
Финансовый университет,
Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0001-9021-3234

АННОТАЦИЯ

Предмет. Япония обладает избыточными финансовыми ресурсами и с конца 2000-х гг. занимает место второго крупнейшего прямого иностранного инвестора в мире после США (за исключением 2014 и 2016 гг., когда Япония опускалась на 4-е место). При этом Япония не входит в состав 20 крупнейших реципиентов прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Такая диспропорция объясняется сочетанием экспансии японских транснациональных корпораций (ТНК) на внешние рынки с традиционной защитой внутреннего рынка от иностранной конкуренции, что качественно отличает Японию от других крупных игроков Азии, в первую очередь Китая, Гонконга и Сингапура. Подобный синтез открытости вовне и закрытости изнутри во многом позволил Японии создать и сохранить собственную уникальную самодостаточную культуру хозяйствования и внедрять западные институты без опасения утраты особого национального характера.

Цель. Анализ современных тенденций развития экономики и инвестиционных процессов Японии с особым акцентом на рассмотрении проблем и перспектив российско-японского инвестиционного сотрудничества.

Методология. Использованы методы научной абстракции, статистического анализа и логического обобщения.

Результаты. Масштабное стимулирование внутреннего спроса за счет инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики не привело к ожидаемому оживлению японской экономики. Причина стагнации заключается в консервативном подходе к внедрению инноваций при сохранении приверженности традиционным методам производства. Опыт Японии представляет интерес для России. Преследуя стратегию опережающего развития внешнеэкономического сектора в условиях финансовой глобализации, Япония уделяет первостепенное внимание повышению внутреннего платежеспособного спроса, развитию национального финансового рынка, а также созданию региональных производственных сетей. Являясь крупнейшим нетто-инвестором в мире, Япония постоянно диверсифицирует сферы зарубежного инвестирования.

Выводы. Направление российско-японского сотрудничества в сферу совместной реализации значимых инновационных проектов может иметь долгосрочный мультипликативный эффект для возвращения экономик обеих стран на траекторию устойчивого роста.

Ключевые слова: Япония; абэномика; прямые иностранные инвестиции; государственно-частное партнерство; инфраструктурные проекты; российско-японское сотрудничество; инвестиционный климат

Для цитирования: Кузнецов А.В. Особенности инвестиционной стратегии Японии и перспективы сотрудничества с Россией // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 108–117.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-108–117
UDC 339.94
JEL F21, F23

Peculiarities of Investment Strategies of Japan and the Prospects of Cooperation with Russia

A.V. Kuznetsov,
Financial University,
Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0001-9021-3234

ABSTRACT

Topic. Japan has excess financial resources and since the late 2000s is the second largest direct foreign investor in the world after the United States (except in 2014 and 2016, when Japan was down to 4th place). At the same time, Japan is not included in the 20 largest recipients of foreign direct investment (FDI). This imbalance is due to a combination of the expansion of Japanese multinational corporations (MNCs) in foreign markets with the traditional protection of domestic market from foreign competition, what differentiates Japan from other major players in Asia, primarily China, Hong Kong and Singapore. Such a synthesis of openness to the outside and closing from the inside largely allowed Japan to create and save your own unique self-contained culture of management and to introduce Western institutions without fear of the loss of a special national character.

Purpose. Analysis of modern tendencies of economic development and investment processes of Japan with special emphasis on reviewing problems and prospects for Russian-Japanese investment cooperation.

Methodology. There were used methods of scientific abstraction, statistical analysis, and logical generalization.

Results. Large-scale stimulation of domestic demand through monetary, credit, and budgetary policies have not led to the expected recovery of the Japanese economy. The reason for the stagnation lies in a conservative approach to innovation while maintaining adherence to traditional production methods. The experience of Japan is of interest to Russia. Pursuing a strategy of advanced development of foreign trade sector in conditions of financial globalization, Japan attaches high priority to boosting domestic demand, to the development of the national financial market, and to the establishment of regional production networks. As the largest net investor in the world, Japan constantly diversifies sphere of foreign investments.

Conclusions. The direction of Russian-Japanese cooperation in the sphere of joint implementation of significant innovative projects can have a long-term multiplier effect for the return of both economies to a trajectory of sustainable growth.

Keywords: Japan; Abenomics; foreign direct investment; public-private partnership; infrastructure projects; Russian-Japanese cooperation; investment climate

Citation: Kuznetsov A.V. Peculiarities of investment strategies of Japan and the prospects of cooperation with Russia. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 5, pp. 108–117. (In Russ.).

ЭКОНОМИКА ЯПОНИИ

Япония является одной из четырех стран Азии, которые по классификации ООН включены в состав развитых стран, входит в Группу семи (G7) и является единственным азиатским государством, вступившим в постиндустриальную эру. В 1980-х гг. Япония по своей экономической мощи вышла на 2-е место в мире после США, что произошло во многом благодаря стратегии развития производств, ориентированных на завоевание внешних рынков, когда доля Японии в мировом экспорте достигала 10%.

Либерализация валютной политики и счета движения капиталов в 1980-х гг. привели

к формированию и схлопыванию одного из крупнейших в мировой истории финансовых пузырей на японском фондовом рынке и рынке недвижимости. Падение цен на землю и акции, начавшееся в 1990 г., привело к потере национального богатства в размере 15 трлн долл., что было эквивалентно трехлетнему ВВП Японии. Несмотря на снижение процентных ставок до нулевого значения, последующие 15 лет японские фирмы потратили на выплату долгов, практически полностью отказавшись от привлечения заемных средств в банках и на рынках капитала [1, с. 30–36].

В 1980-х гг. Япония по своей экономической мощи вышла на 2-е место в мире после США, что произошло во многом благодаря стратегии развития производств, ориентированных на завоевание внешних рынков, когда доля Японии в мировом экспорте достигала 10%.

В 2010 г. Япония уступила место Китаю как вторая крупнейшая экономика мира. В последние годы доля Японии в мировом экспорте не превышает 4%.

С целью восстановления утраченной динамики экономического роста в 2013 г. либерально-демократическое правительство, возглавляемое премьер-министром С. Абэ, приняло амбициозную программу макроэкономического регулирования (абэномика). Три направления («три стрелы») данной программы включают экспансионистскую денежную политику, призванную противодействовать дефляции, гибкую политику бюджетных расходов, направленную на стимулирование спроса, и структурные реформы, нацеленные на восстановление долгосрочного экономического роста. Однако за четыре года реализации абэномики задачи обеспечения устойчивого роста на уровне 2–3% и инфляции на уровне 2% в год решены не были [2, с. 79]. Опережающий рост денежной массы (прирост денежного агрегата M1 с января 2013 по июнь 2017 г. составил свыше 160 трлн иен) не позволил правительству полностью преодолеть дефляционные тенденции (см. *таблицу*).

Несмотря на то что структурные реформы были обозначены как одно из трех направлений (стрел) абэномики, производительность на японском рынке труда остается примерно на четверть ниже уровня производительности половины наиболее развитых стран ОЭСР. Доля «нерегулярных» работников (без гарантий занятости и с существенно более низкими доходами) увеличилась с 16% в 1985 до 38% в 2016 г., что приводит к росту относительной бедности[1].

Причинами стагнации японского ВВП являются: замедление темпов роста экономики в Китае; население, стареющее самыми быстрыми темпами в мире; высокая доля граждан свыше 65 лет, что является источником значительных социальных расходов. Другая проблема неэффективности абэномики заключается в неспособности Японии создать новое поколение инновационных компаний, которые смогли бы занять место традиционных японских фирм на внешних рынках. В отличие от Японии США смогли обеспечить преемственность поколений высокотехнологических компаний. Так, на смену IMB пришли Microsoft и Intel, а их, в свою очередь, сменили Google и Apple. В Японии же корпорациям Sony и Panasonic не нашлось достойных преемников. С 1946 г. в списке 20 крупнейших японских производителей электронной аппаратуры не появилось ни одной новой компании [3, p. 133–134].

Сегодня Япония находится в активном поиске новых рыночных сегментов для возможности реализации своих сравнительных конкурентных преимуществ. В 2013 г. правительство премьер-министра С. Абэ представило Стратегию глобального превосходства, предполагающую продвижение за рубеж передовых японских технологий в сфере развития инфраструктуры. Инвестиции в инфраструктуру представляются одним из основных локомотивов экономического роста в обозримом будущем. По данным *McKinsey Global Institute*, для поддержания ожидаемых темпов экономического роста в мире в период 2016–2030 гг. инвестиции в экономическую инфраструктуру должны составить в среднем 3,3 трлн долл. в год (около 3,8% мирового ВВП)[2]. По экспертным оценкам,

[1] Сайт OECD. OECD Economic surveys: Japan, April 2017. URL: http://www.oecd.org/eco/surveys/economic-survey-japan.htm (accessed 20.07.2017).

[2] Сайт McKinsey Global Institute. Bridging Global Infrostructure Gaps. June 2016. URL: file:///C:/Users/Alex%20Freeman/Downloads/Bridging-Global-Infrastructure-Gaps-Full-report-June-2016.pdf (accessed 18.07.2017).

Таблица / Table

Некоторые макроэкономические показатели Японии и их прогноз / Selected macroeconomic indicators of Japan and projections

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП / GDP	2,0	0,3	1,2	1,0	1,2	0,8
Потребление / Consumption						
Домашние хозяйства / Private	2,4	–0,9	–0,4	0,4	0,7	0,7
Правительство / Government	1,5	0,5	1,6	1,5	0,3	–0,2
Инвестиции в основной капитал / Gross fixed investment						
Государство / Public	6,7	0,7	–2,2	–3,0	0,2	–6,1
Бизнес / Business	3,7	5,2	1,2	1,4	3,4	2,4
Инфляция / Inflation	0,4	2,7	0,8	–0,1	0,9	1,1

Источник / Source: составлено по данным: OECD Economic surveys: Japan. OECD, 2017. URL: http://www.oecd.org/eco/surveys/economic-survey-japan.htm (дата обращения: 20.07.2017) / compiled from data: OECD Economic surveys: Japan. OECD, 2017. URL: http://www.oecd.org/eco/surveys/economic-survey-japan.htm (accessed 20.07.2017)

к 2020 г. японские корпорации могут заработать около 30 трлн иен от продаж на международном рынке инфраструктурных проектов, а проекты в сфере медицинских технологий и услуг могут принести еще 1,5 трлн иен. Кроме того, планируется продвижение японских технологий «умного города» для обеспечения экологически здоровой, комфортной и дружественной жизни людей в больших городах [4].

Одним из ключевых элементов абэномики является государственно-частное партнерство в сфере развития инфраструктуры. Наиболее распространенной формой сотрудничества между государством и бизнесом в Японии выступает частная финансовая инициатива (ЧФИ)[3], в рамках которой в настоящее время реализуются более 400 проектов общей стоимостью 23,5 млрд долл. Объектами ЧФИ являются аэропорты, водопроводные и канализационные сети, проекты строительства, реконструкции и модернизации «доходопроизводящих» общественных сооружений, таких как городские магистрали.

Причинами стагнации японского ВВП являются: замедление темпов роста экономики в Китае; население, стареющее самыми быстрыми темпами в мире; высокая доля граждан свыше 65 лет, что является источником значительных социальных расходов.

Финансирование проектов ЧФИ до сих пор осуществлялось в основном в форме долгосрочных кредитов и выпуска облигаций с льготным периодом выплаты процентов, что снижало заинтересованность инвесторов в финансировании таких проектов. В качестве новых источников финансирования рассматривается листинг инфраструктурных фондов и трастов на фондовых

[3] В рамках частной финансовой инициативы права собственности на общественный объект остаются у государства, а частный оператор получает возможность эксплуатировать данный объект, взимать за него плату, развивать бизнес и повышать качество предоставляемых услуг.

рынках Токийской и Осакской бирж, привлечение в качестве инвестора крупнейшего в мире Государственного пенсионного фонда Японии, а также выпуск местных займов (миниоблигаций) [5, с. 33–39].

Характерной чертой японской внешнеэкономической политики является существование устойчивого и значительного превышения японских зарубежных инвестиций над инвестициями иностранных фирм внутрь страны.

Япония также обладает уникальным опытом функционирования частных железнодорожных компаний (ЧЖК). Большинство ЧЖК в Японии в дополнение к своему основному железнодорожному бизнесу осуществляет деятельность в таких секторах, как недвижимость, розничная торговля, такси и автобусы. ЧЖК как частные предприятия создают свои собственные бизнес-портфели, включая инвестиционное направление, и конкурируют с другими непрофильными компаниями в различных сегментах на рыночных условиях. Стратегия диверсификации японских ЧЖК в непрофильный бизнес является уникальной особенностью Японии по сравнению с другими странами и заслуживает внимательного изучения [6].

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯПОНИИ

На протяжении более трех десятилетий Япония остается одной из ведущих стран-инвесторов в мире. Стратегия зарубежного инвестирования Японии заключается в создании путем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) международных производственных сетей (глобальных цепочек стоимости). Японские инвестиции в страны Восточной Азии нацелены на регионализацию производства, формирование индустриальных сетевых кластеров, совмещающих догоняющую индустриализацию и интернационализацию местных экономик по принципу «стаи летящих гусей». Первоначально сети региональных филиалов японских ТНК не были связаны между собой. Со временем производство в этих сетях стало выстраиваться на основе межфирменных отношений по типу «кэйрецу» — объединения поставщиков и сборщиков в принимающих экономиках в кластеры. Однако в условиях усиливающейся глобальной конкуренции поддержание кластерных сетей стало затруднительным, что обусловило в дальнейшем создание региональных сетей уже путем объединения разрозненных филиалов и организации перекрестных закупок компонентов у других филиалов данного региона. После Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. производственные сети японских ТНК в Восточной Азии проходят период трансформации, связанный с необходимостью модернизации традиционных капиталоемких и трудоемких методов производства[4].

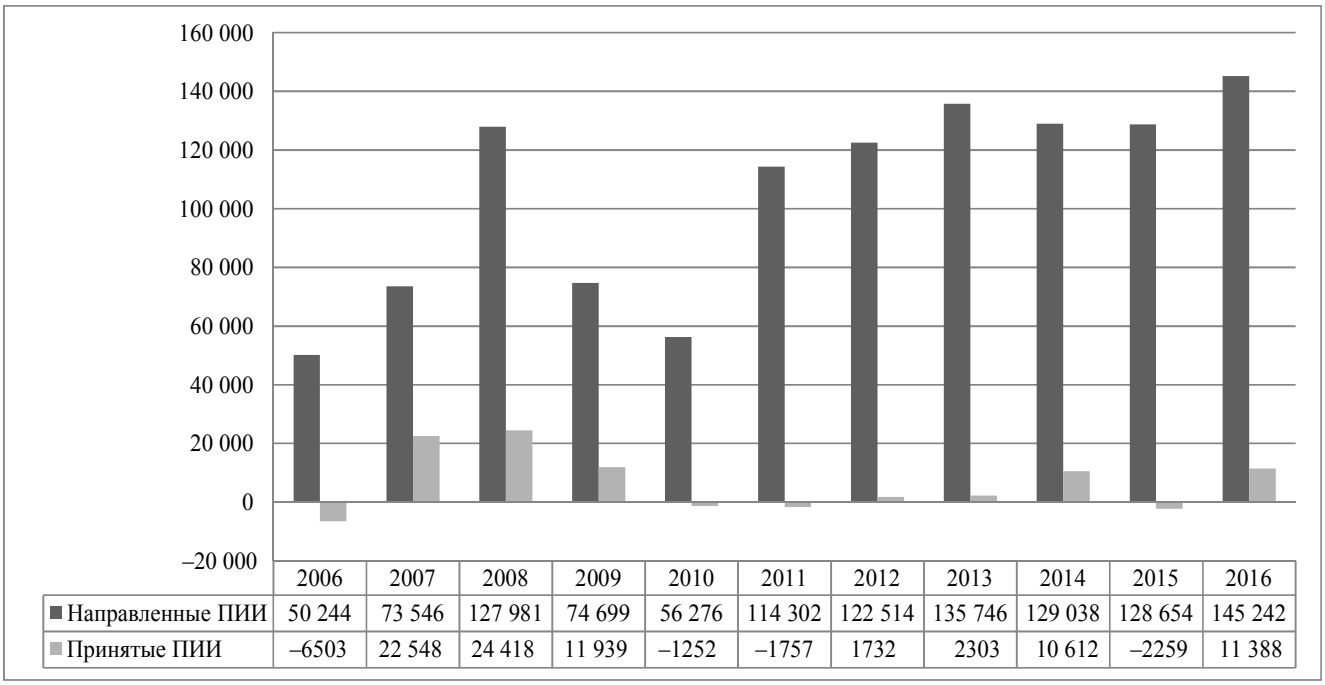
Международные инвестиционные связи Японии основываются на 29 двусторонних договорах инвестиционного сотрудничества, из которых действует 23 (включая договор с Россией). Положения о поощрении взаимных инвестиций содержатся также в двусторонних соглашениях об экономическом сотрудничестве, заключенных Японией с Монголией (2015 г.), Австралией (2014 г.), Индией (2011 г.), Швейцарией (2009 г.), Вьетнамом (2008 г.), Индонезией (2007 г.), Брунеем (2007 г.), Чили (2007 г.), Филиппинами (2006 г.), Малайзией (2004 г.), Сингапуром (2002 г.). Кроме того, Япония подписала соглашения о создании зон свободной торговли со странами АСЕАН (2008 г.) и Перу (2011 г.), а также принципиальное соглашение о членстве в Транстихоокеанском партнерстве (2016 г.)[5].

По данным японской организации содействия развитию внешней торговли ДЖЕТРО, в 2016 г. крупнейшими регионами — реципиентами японских ПИИ выступили: Северная Америка (34,6%), Азия (27,1%), Европа (25,0%). В пятерку лидеров стран — реципиентов японских ПИИ входят США, Великобритания, КНР, Нидерланды, Таиланд. В период 1996–2016 гг. среди крупнейших реципиентов японских ПИИ их наибольший относительный прирост приходится на КНР (1243,1%)[6]. Результаты исследований китайских

[4] Социально-экономическая география Японии: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. И.С. Тихоцкой. М.: Аспект-Пресс, 2016. С. 325–328.

[5] Сайт UNCTAD. Investment Policy Hub. URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/IIA/CountryOtherIias/105#iiaInnerMenu (accessed 22.07.2017)

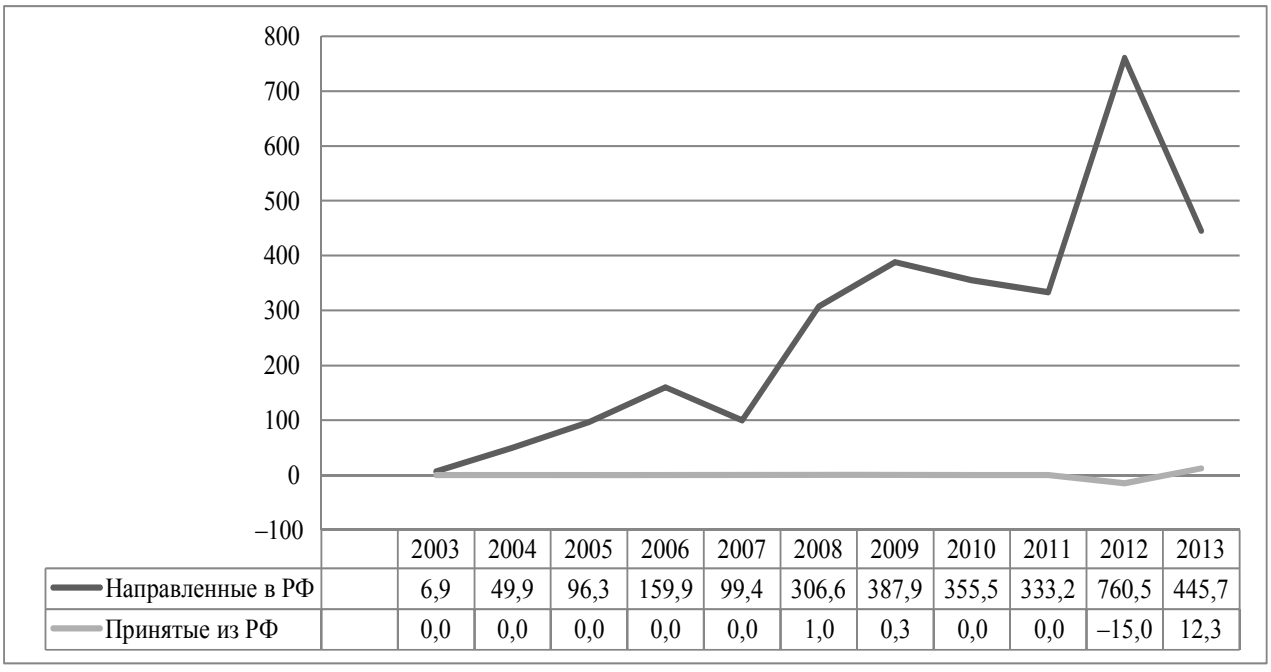
[6] Сайт JETRO. Japanese Trade and Investment Statistics. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/ (accessed 01.09.2017).



	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Направленные ПИИ	50 244	73 546	127 981	74 699	56 276	114 302	122 514	135 746	129 038	128 654	145 242
Принятые ПИИ	–6503	22 548	24 418	11 939	–1252	–1757	1732	2303	10 612	–2259	11 388

Рис. 1 / Fig. 1. **Ежегодные потоки принятых в Японию и направленных из Японии ПИИ, млн долл. США / Japan's annual inward and outward flows of FDI, millions of US dollars**

Источник / Source: составлено по данным: UNCTAD. World Investment Report 2017: Annex Tables. URL: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx (accessed 01.09.2017) / compiled from data: UNCTAD. World Investment Report 2017: Annex Tables. URL: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx (accessed 01.09.2017).



	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Направленные в РФ	6,9	49,9	96,3	159,9	99,4	306,6	387,9	355,5	333,2	760,5	445,7
Принятые из РФ	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0	0,3	0,0	0,0	–15,0	12,3

Рис. 2 / Fig. 2. **Ежегодные потоки ПИИ между Японией и Россией, млн долл. США / Japan's inward and outward flows of FDI in Russia, millions of US dollars**

Источник / Source: составлено по данным: JETRO. Japanese Trade and Investment Statistics. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/ (accessed 01.09.2017) / compiled from data: JETRO. Japanese Trade and Investment Statistics. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/ (accessed 01.09.2017).

ученых показывают, что быстрорастущий дефицит торгового баланса США с Китаем напрямую связан с ростом притока в Китай ПИИ японских транснациональных корпораций [7].

Одним из основных препятствий для развития долгосрочного инвестиционного сотрудничества с Японией является не вполне благоприятный инвестиционный климат в России, экономические санкции, затухание темпов экономического роста, а также недостаточный приток ПИИ.

Характерной чертой японской внешнеэкономической политики является существование устойчивого и значительного превышения японских зарубежных инвестиций над инвестициями иностранных фирм внутрь страны (*рис. 1*).

До 1980-х гг. такое положение вещей было обусловлено юридическими ограничениями на импорт капитала, которые были отменены в 1990-х гг., когда Япония приняла законодательство по либерализации внешнеэкономических связей, близкое к регулированию в других развитых странах. Однако барьеры для доступа иностранных фирм на внутренний рынок Японии сохраняются до сих пор в основном в виде нетарифных барьеров и внутренних правил, применяемых к зарубежным товарам и технологиям. Кроме того, препятствием для вхождения иностранных инвесторов на внутренний рынок Японии является сложность японского языка, а также невысокая норма прибыли от капиталовложений в сравнении с другими региональными лидерами, такими, например, как Китай, Сингапур и Гонконг. Также инвесторов отталкивает высокая стоимость активов японских корпораций (в первую очередь недвижимости) и высокая стоимость ведения бизнеса, ограниченная доступность венчурного капитала, трудности слияний и поглощений, сложности найма квалифицированных кадров, снижение конкурентоспособности японских компаний, низкое распространение иностранных языков, юридических, финансовых и транспортных услуг, ориентированных на иностранцев, а также жесткий миграционный контроль.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В 1998 г. между правительствами РФ и Японии было заключено Соглашение о поощрении и защите капиталовложений. В 2016 г. накопленный объем японских инвестиций в Россию составил 1,5 млрд долл. Хотя в период 2006–2016 гг. объем накопленных японских инвестиций в Россию увеличился в 5,8 раза, однако он составляет всего 0,11% от совокупного объема японских зарубежных инвестиций. Более 80% японских ПИИ сосредоточены в Сахалинской области, где главным объектом японских инвестиций является разработка нефтегазовых месторождений «Сахалин-1» и «Сахалин-2», и в строительстве завода по производству сжиженного природного газа на полуострове Ямал. При этом российские инвестиции в Японию находятся практически на нулевом уровне (*рис. 2*).

Другой сферой приложения японского капитала в России стало строительство автосборочных предприятий компаниями «Тоёта» и «Мазда» (Владивосток), «Тоёта» и «Ниссан» (Санкт-Петербург), «Мицубиси» (Калуга). Значительным препятствием для расширения сотрудничества в автомобильной отрасли является проблема с поставщиками. Тридцать из 100 крупнейших мировых поставщиков автомобильных компонентов представлены японскими компаниями, однако только 4 из них имеют производственные мощности в России. Это Asahi Glass в Нижнем Новгороде; Toyota Boshoku (дочерняя компания Toyota) в Санкт-Петербурге; Takata в Ульяновской области и один из ведущих мировых поставщиков автомобильных компонентов компания Denso, подписавшая Меморандум о промышленной сборке с Минэкономразвития России [8, p. 156]. В 2015–2016 гг. на российском автомобильном рынке наблюдалось резкое падение спроса и продаж. В связи с этим были свернуты некоторые проекты с участием японских инвесторов, например сборка внедорожников во Владивостоке.

Одним из основных препятствий для развития долгосрочного инвестиционного сотрудничества с Японией является не вполне благоприятный инвестиционный климат в России, экономические санкции, затухание темпов экономического роста, а также недостаточный приток ПИИ. Со-

гласно данным опроса, проведенного в 2015 г. среди членов Японского бизнес-клуба в Москве, среди негативных факторов ведения бизнеса в России отмечается быстрая смена россиянами потребительских предпочтений, которые сложно прогнозировать в долгосрочном периоде, высокая текучка и проблемы с наймом сотрудников, связанная с различиями в японской и российской корпоративной культурах, бюрократизм, сложность процедур прохождения таможенного контроля, длительный период регистрации компании или получения разрешения на строительство, а также высокая волатильность российского рубля [8, p. 157–158].

В направлении развития обоюдовыгодной инвестиционной деятельности Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и Японский банк для международного сотрудничества (Japan Bank for International Cooperation, JBIC) создают совместный инвестфонд с общим объемом 1 млрд долл. Доля РФПИ в фонде составит 49%, доля JBIC — 51%. Фонд будет осуществлять инвестиционные проекты в сельскохозяйственную, инфраструктурную и другие сферы (всего более 20 проектов), что позволит привлечь до 10 млрд долл. в экономику РФ [9].

Как член Группы семи ведущих развитых стран мира (G7) Япония поддерживает большинство инициатив, исходящих от стран Запада и касающихся глобального развития. Наиболее прочными узами долгосрочного стратегического союзничества Япония связана с США, перед которыми страна имеет долгосрочные политические обязательства. США выступают вторым после КНР важнейшим торговым партнером Японии и основным адресатом японских прямых и портфельных инвестиций. В частности, с октября 2016 г. Япония является крупнейшим инвестором в американские казначейские облигации (1,1 трлн долл. по состоянию на май 2017 г.). В соответствии с Американо-японским договором о взаимном сотрудничестве и безопасности со времени окончания Второй мировой войны на территории Японии непрерывно располагаются многочисленные военные базы и другие объекты военной инфраструктуры США (на середину 2015 г. численность военного персонала на базах США в Японии составила 48 828 чел., а вместе с гражданскими служащими — более 90 тыс. чел.). Все это свидетельствует о существенной политической, военной, экономической и финансовой зависимости Японии от США. Такой статус-кво, очевидно, сохранится в обозримом будущем, что является сдерживающим фактором в формировании и развитии доверительных отношений между Россией и Японией.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2015 г. Япония вышла на 10-е место после Великобритании, Китая и Ирландии по размеру ПИИ в Россию.

Энергобаланс Японии на 90% зависит от импорта энергоносителей. Соответственно, наибольший интерес для японско-российского двухстороннего сотрудничества представляет топливно-энергетическая отрасль. Зависимость Японии от поставок российских энергоносителей составляет 9% по нефти и углю и 10% по сжиженному природному газу (СПГ). В структуре российского экспорта доли поставок на японский рынок составляют 6% по нефти, 10% по углю и 77% по СПГ. Сотрудничеству России с Японией в данной отрасли благоприятствуют следующие факторы: смещение центра добычи энергоресурсов в Сибирский и Дальневосточный регионы; рост спроса на российские энергоресурсы в Азии при его сокращении в Европе; более высокий уровень цен в Азии по сравнению с Европой и Америкой; высокий спрос в Японии на СПГ; заинтересованность России в привлечении японских технологий, управленческого опыта и капитала.

В свою очередь, мотивация японских контрагентов в расширении сотрудничества с Россией заключается в следующем: снижение зависимости (в том числе ценовой) от нефти и газа Ближнего Востока; обеспечение стабильности поставок; возможность сбыта на российском рынке разнообразных японских энергетических технологий и оборудования. В настоящее время список объектов японско-российского энергетического сотрудничества включает: строительство завода по производству силовых трансформаторов (Санкт-Петербург), модернизация ТЭЦ (Нижний Новгород, Хабаровск), проектирование и строительство завода СПГ в рамках проекта «Ямал» (Ямало-Ненецкий автономный округ), установка ветрогенераторов (Камчатский край), геологоразведка и нефтедобыча (Иркутская область),

а также в перспективе возможное строительство прямого магистрального газопровода из Сахалина в Японию[7].

В 2016 г. крупнейшими регионами — реципиентами японских ПИИ выступили: Северная Америка (34,6%), Азия (27,1%), Европа (25,0%).

ВЫВОДЫ

Проблемы экономического роста в Японии во многом обусловлены приверженностью страны традиционным методам корпоративного управления, поддержкой компаний со сравнительно низким инновационным потенциалом и традиционной ориентацией внешнеэкономической политики на страны Запада, прежде всего, США. Изменение приоритетов внешнеэкономической стратегии с последовательным увеличением доли стран Восточной Азии во внешнеторговом обороте Японии пока не дало ощутимого эффекта в экономическом развитии страны [10]. Япония постоянно находится в поиске новых сфер приложения своих капиталов. Поэтому финансирование инфраструктурных проектов на принципах государственно-частного партнерства рассматривается в качестве одного из основных элементов современной инвестиционной стратегии Японии.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2015 г. Япония вышла на 10-е место после Великобритании, Китая и Ирландии по размеру ПИИ в Россию. Потенциальными сферами приложения японского капитала в России в среднесрочном периоде являются автомобилестроение, производство СПГ, совместное освоение ресурсов Сибири и Дальнего Востока с привлечением японских технологий, управленческого опыта и капитала, а также в перспективе строительство прямого магистрального трубопровода между Россией и Японией. Также представляет интерес опыт реализации Японией конкретных проектов государственно-частного партнерства в сферах управления аэропортами, медицины, робототехники, Интернета вещей, туризма, новейших энергетических технологий, разработки искусственного интеллекта. Важным является изучение опыта Токио как международного финансового центра, оперирующего преимущественно капиталами национального происхождения, а также как важнейшего участника глобальной сети мегаполисов. Кроме того, заслуживает внимания анализ функционирования бизнес-модели диверсификации инвестиций, практикуемой в Японии частными железнодорожными компаниями. Одним из основных факторов, способствующих развитию инвестиционного сотрудничества между Россией и Японией, должно стать расширение каналов по предоставлению необходимой и достаточной информации потенциальным японским инвесторам о российском рынке и российском деловом климате.

[7] Белов А.В. Япония: экономика и бизнес: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. С. 355–356.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Российской Федерации, госрегистрация № ГЗ-32–17 «Анализ международного опыта привлечения и управления инвестициями (на примере КНР, Монголии и Японии): правовые и организационные вопросы, риски».

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was prepared with financial support from the Government of the Russian Federation, state registration № GZ-32–17 “Analysis of international experience of attracting and managing of investments (as an example, China, Mongolia and Japan): legal and institutional issues, risks”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ку Р. Священный Грааль макроэкономики: уроки великой рецессии в Японии / пер. с англ. Ю. Кузнецова, А. Куряева, В. Егорова. М.: Мысль, 2014. 433 с.
2. Леонтьева Е.Л. Экономическая политика правительства Абэ Синдзо в условиях глобализации / Япония 2016. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 79–104.
3. Katz R. Voodoo Abenomics. Foreign Affairs, 2014, vol. 93, no. 4, p. 133–141.

4. Тимонина И. *Л.* Япония на мировом рынке: от промышленного экспорта к экспорту систем. Межрегиональная общественная организация «Ассоциация японоведов». 20.11.2013. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=361 (дата обращения: 17.07.2017).
5. Тимонина И. Л. Государственно-частное партнерство в Японии: стратегический подход // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 7. С. 30–41.
6. Song Y.-J., Shoji K. Effects of diversification strategies on investment in railway business: The cases of private railway companies in Japan. Research in Transportation Economics, 2016, no. 59, pp. 388–396.
7. He J., Gong X., Wang S. Causality Relationship between the US-China Trade Balance and the US and Japan Direct Investment in China. Systems Engineering — Theory & Practice, 2009, vol. 29, no. 6, pp. 6–18.
8. Ershova N. Investment climate in Russia and challenges for foreign business: The cases of Japanese companies. Journal of Eurasian Studies, 2017, vol. 8, no. 2, pp. 151–160.
9. Королева А. Японские инвестиции потекут в Россию // Эксперт. 16.12.2016. URL: http://expert.ru/2016/12/16/investitsii/ (дата обращения: 28.08.2017).
10. Tanaka A. Foreign direct investment and temporary workers in Japan. *Journal of Asian Economics,* 2017, no. 48, pp. 87–99.

REFERENCES

1. Koo R. C. The Holy Grail of Macroeconomics: Lessons from the Great Recession in Japan. Rus ed.: *Svyashchennyi Graal' makroekonomiki: uroki velikoi retsessii v Yaponii*. Moscow, Mysl', 2014. 433 p. (In Russ.).
2. Leont'eva E. L. Economic policy of the government of Abe Shinzo in the conditions of globalization. Japan 2016. Yearbook. Moscow: AIRO-XXI, 2016, pp. 79–104. (In Russ.).
3. Katz R. Voodoo Abenomics. *Foreign Affairs,* 2014, vol. 93, no. 4, pp. 133–141.
4. Timonina I. L. Japan in the world market: from industrial exports to the export of systems. Interregional public organization "Association of Japanologists". URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=361 (accessed 17.07.2017). (In Russ.).
5. Timonina I. Public-private partnership in Japan: a strategic approach. *Problemy teorii i praktiki upravlenija = Problems of management theory and practice*, 2016, no. 7, pp. 30–41. (In Russ.).
6. Song Y.-J., Shoji K. Effects of diversification strategies on investment in railway business: The cases of private railway companies in Japan. *Research in Transportation Economics,* 2016, no. 59, pp. 388–396.
7. He J., Gong X., Wang S. Causality Relationship between the US-China Trade Balance and the US and Japan Direct Investment in China. *Systems Engineering — Theory & Practice,* 2009, vol. 29, no. 6, pp. 6–18.
8. Ershova N. Investment climate in Russia and challenges for foreign business: The cases of Japanese companies. *Journal of Eurasian Studies,* 2017, vol. 8, no. 2, pp. 151–160.
9. Koroleva A. Japanese investments will flow to Russia. *Ekspert = Expert*, 16.12.2016. URL: http://expert.ru/2016/12/16/investitsii/ (accessed 28.08.2017). (In Russ.).
10. Tanaka A. Foreign direct investment and temporary workers in Japan. *Journal of Asian Economics,* 2017, no. 48, pp. 87–99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Кузнецов — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
kuznetsov0572@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei V. Kuznetsov — Dr. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Professor, Department of world economy and world finance, Financial University, Moscow, Russia
kuznetsov0572@mail.ru

DOI 10/26794/2587–5671–2017–21–6-118–127
УДК 658.14:005.342:67.404(075.4)
JEL O30

Финансово-правовое обеспечение инновационной активности

В.П. Шестак,
Финансовый университет,
Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0003-1358-9486

И.Г. Тютюнник,
Финансовый университет,
Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0003-0992-0666

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье анализируется финансово-правовое обеспечение процесса внедрения инноваций, связанного с переходом экономики на инновационную социально-ориентированную модель развития. Показано, что рентабельность инвестиций в инновации в России существенно превышает любое альтернативное вложение средств, поскольку специфика российского общества состоит не только в качестве человеческого потенциала, но и в когнитивном преимуществе перед конкурентами в плане способности генерировать новые идеи непрерывно и по конкурентной цене.

Предложено в качестве новеллы системное рассмотрение процесса внедрения инноваций на основе «инновационной цепочки», в которой каждое звено может быть рассмотрено как равноправный компонент в финансовом и правовом пространстве сегодняшней России. Процесс перевода новшества (идеи) в новый продукт (инновацию) требует затрат различных ресурсов, основными из которых являются финансовые инвестиции, а также устоявшиеся правила ведения бизнеса и социальных отношений. Последнее предполагает адекватное нормативное и правовое обеспечение всех звеньев цепи.

Цель и задачи. Проведен мониторинг ряда нормативных правовых актов, сопровождающих инновационную деятельность, а также формирование системного ряда этих актов, комплементарного «инновационной цепочке». К основным задачам исследования относится поиск пробелов законодательного обеспечения и формулировка предложений по их совершенствованию.

Методология. Авторами использован системный метод исследования путем поэтапного разложения «инновационной цепочки» на отдельные фазы процесса. При этом отдельно рассматривались компоненты инновационной цепочки, требующие либо финансового, либо правового обеспечения с отнесением их к определенным областям законодательства.

Результаты. Сформулированы предложения по систематизации нормативных актов, регулирующих финансовые и правовые отношения, возникающие при осуществлении инновационной деятельности, отличающиеся от проекта федерального закона от 26.03.2013 «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», который до сих пор не утвержден в установленном порядке.

Выводы. Предлагается система нормативных правовых актов, обеспечивающих инновационную активность.

Ключевые слова: инновации; инновационная активность; инновационная деятельность; инновационная цепочка; кадровый потенциал; финансирование инноваций; нормативные правовые акты

Для цитирования: Шестак В.П., Тютюнник И.Г. Финансово-правовое обеспечение инновационной активности // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 118–127.

DOI 10/26794/2587–5671–2017–21–6-118–127
UDC 658.14:005.342:67.404(075.4)
JEL O30

Financial and Legal Support of Innovative Activity

V.P. Shestak,
Financial University,
Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0003-1358-9486

I.G. Tyutyunnik,
Financial University,
Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0003-0992-0666

ABSTRACT

Introduction. The article analyses financial and legal support of the process of introduction of innovations associated with the transition of the economy to innovative socially-oriented development model. It is shown that the profitability of investment in innovation in Russia is much higher than any alternative investment since the specificity of the Russian society consists not only in the quality of human potential but also in a cognitive advantage over competitors in terms of the ability to generate continuously new ideas at a competitive price.

It is proposed as a novel systemic review of innovation process based on the 'innovation chain' in which each link may be considered as an equal component in the financial and legal areas of today's Russia. The process of innovations' (ideas) transition into a new product (innovation) requires different resources, including financial investment, as well as the creation of the established rules for business and social relations. The latter requires an adequate regulatory and legal coverage of all links in the chain.

The purpose and tasks. Monitoring of a number of normative legal acts accompanying innovative activity and formation of a system of a number of these acts, complementary to the 'innovation chain'. The main tasks of the study include the search for gaps in the legislative provision and the formulation of proposals for their improvement.

Methodology. The authors used a systematic method of study, by gradual decomposition of the 'innovation chain' into the individual phases of the process. Separately we focused our attention on the components of the innovation chain that require financial or legal support attributing them to specific areas of law.

Results. We suggest systematization of normative acts regulating the financial and legal relations arising in the implementation of innovative activities. It differs from the draft Federal law "On innovation activity in Russian Federation" dated 26.03.2013, which is still not approved in the prescribed manner.

Conclusions. We propose a system of regulatory legal acts, providing innovative activity.

Keywords: innovations; innovation activity; innovation work; innovation chain; human resources; financing of innovation; regulatory legal acts

Citation: Shestak V.P., Tyutyunnik I.G. Financial and legal support of innovative activity. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 5, pp. 118–127. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г. (далее — СИР 2020) утверждена в 2011 г.[1] К сожалению, базовые позиции ее контента за прошедшие 6 лет не изменились [1]. Ключевыми проблемами инновационного развития России остаются низкий спрос на инновации в российской экономике и его специфическая структура — избыточный перекос в сторону закупки готового оборудования за рубежом в ущерб внедрению собственных разработок. Ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций. Уровень инновационного развития значительно уступает показателям стран — лидеров в этой сфере [2].

За эти годы в России произошло формальное, судя по числу принятых нормативных правовых актов, институциональное и нормативное правовое улучшение инновационной сферы, сформировалось экономико-технологическое и нормативное пространство России [3], однако эффективность принятых мер оказалась недостаточной. Судя по занимаемым позициям в различных международных рейтингах (*рис. 1*), Россия за последние пять-шесть лет — со времени принятия СИР 2020 — не смогла совершить «инновационного рывка»[2]. Уровень развития инновационной системы России в сравнении с мировым представлен на *рис. 1*. Лучи диаграммы соответствуют международным рейтингам R_i, где $i = 1–10$, имеющим прямое отношение к инновационной деятельности. Значениями 1,0 на лучах отмечено положение мировых лидеров рейтингов. В результате образовалась окружность (пунктирная линия), представляющая собой фронтир мирового уровня инновационной деятельности; приведенные численные значения α, соответствующие положению в этих рейтингах России, определены по формуле $\alpha_i = 1 - \beta_i/N_i$, где β_i — место, занятое Россией в i-м рейтинге среди N_i стран участников рейтинга по данным 2015–2017 гг.

По двум лучам диаграммы «развитость финансового рынка» и «индекс верховенства закона» Россия находится в провальных позициях: на 95-й из 140 возможных (значение α_9 на диаграмме 0,22) и 92-я из 113 возможных (значение α_{10} на диаграмме 0,19) соответственно. Именно эти показания и актуализируют заявленную тему настоящей работы — финансово-правовое обеспечение инновационной активности.

Динамика формирования инновационной экономики в России не имеет явного тренда: по ряду показателей наблюдается рост, в частности государственный спрос на инновационную продукцию, исследовательская кооперация, однако другие ключевые показатели демонстрируют снижение, среди них: патентная активность, расходы на НИОКР, количество инновационных компаний, доля высокотехнологичной продукции.

Анализ мнений экспертов[3] [4] показал, что ключевая причина торможения формирования инновационной системы состоит в том, что государственные инициативы были направлены на области, воздействие на которые дает либо отложенный (наука, образование, инновационная инфраструктура и т.п.), либо ограниченный эффект в условиях разомкнутой инновационной системы (стартапы, венчурные инвестиции, инвестиционные проекты и т.п.). Как результат, количество экономических субъектов, осуществляющих инновационную деятельность, в период с 2013 по 2015 г. стабильно снижалось. Такую же тенденцию имела и выручка от реализации инновационных товаров, работ, услуг [5, p. 161].

Экономический рост невозможен без доступности для предприятий и организаций всех отраслей экономики инструментов финансового рынка, прежде всего, долгового и долевого финансирования, страхования рисков. Ликвидация многих внешних источников финансирования[4] усиливает внимание к внутренним источникам финансирования[5]. В результате задача по стимулированию внутреннего инвестора и созданию благоприятных условий для его деятельности на финансовом рынке выходит на первый план [6].

Авторы из института народнохозяйственного прогнозирования РАН (2017) [7] утверждают, что

[1] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-р.

[2] Национальный доклад об инновациях в России, РВК, Минэкономразвития России, «Открытое правительство». 2016. 118 с.

[3] Экспресс-информация от 18.10.2016. НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/10/18/1107774820/NTI_N_24_18102016.pdf (дата обращения: 24.07.2017).

[4] Новый (август 2017) пакет санкций США, в частности, запрещает американским компаниям и частным лицам кредитовать российские банки на срок более 14 дней (ранее он составлял 90 дней). Кроме того, документ ограничивает срок финансирования российских компаний нефтегазового сектора. Крайне серьезный ущерб может нанести запрет на покупку российских ценных бумаг.

[5] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов (Одобрено Советом директоров Банка России 26 мая 2016 г.).

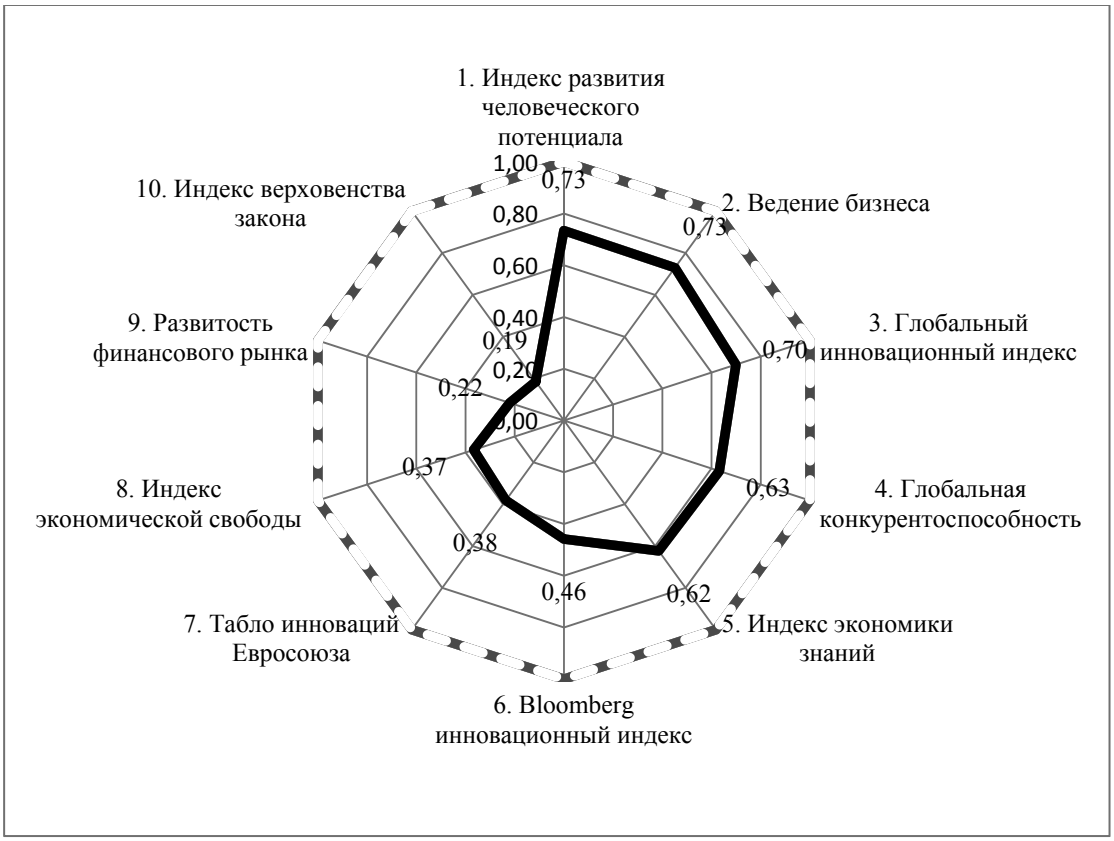


Рис. 1 / Fig. 1. **Уровень развития инновационной системы России в сравнении с мировым (2017) / The level of development of innovation system of Russia in comparison with the world's level (2017)**

Источник / Source: построено авторами по данным 10 международных рейтингов, по названиям которых именуются лучи диаграммы / constructed by the authors according 10 of the international rankings, the names of which are called the rays of the charts.

в России произошла «примитивизация производственно-технологических связей», в результате чего связи между сферами генерации и внедрения инноваций были разорваны. Например, следствием зависимости экономики от внешнеэкономических доходов стало «замещение импортом получаемых в России результатов НИОКР», что привело к масштабной деградации прикладной и фундаментальной науки, инжиниринговой деятельности и, естественно, снижению кадрового потенциала.

Нельзя сказать, что эти обстоятельства остались незамеченным руководством страны. На заседании президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России 18 июля 2017 г. (далее — Совет)[6] Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев акцентировал внимание на барьерах, которые тормозят инновации в России, в частности реализацию Национальной технологической инициативы (НТИ), задуманную как «локомотив инновационной системы России».

Первым барьером было названо «действующее нормативное правовое регулирование, консервативное в силу его природы». Этот тезис следует понимать как признание того, что отдельные нормы блокируют эффективное внедрение новых технологий путем предъявления избыточных требований по всем этапам их разработки и коммерциализации [8]. Задача, поставленная президиумом Совета, — сформировать нормативное пространство «максимально дружелюбное по отношению к инновациям».

Вторым барьером является избыточное разнообразие федеральных нормативных правовых актов (далее — НПА) в сфере инновационной деятельности[7]. При этом отсутствует алгоритмическое сочетание норм различных отраслей права

[6] URL: http://government.ru/news/28483/ (дата обращения: 22.07.2017).

[7] В настоящее время имеются около 1800 нормативных правовых актов федерального уровня, упоминающих в своем контексте словосочетания «инновации», «инновационная активность».

Таблица / Table

Финансово-правовое обеспечение инновационной активности (фрагмент) / Financial and legal provision of innovation activity (fragment)

№ п/п	Звено инновационной цепочки, требующее финансового и/или правового обеспечения	Функции, требующие финансового и/или правового обеспечения	Отрасль законодательства / акты нормативного правового обеспечения	Предложения по совершенствованию действующего законодательства
1	Идея — начальный креатив	Трудовой договор; процесс осуществления трудовой деятельности; правовые гарантии создания благоприятных трудовых условий; оплата труда при выполнении работ различной квалификации; материальные поощрения; профессиональный стандарт; восстановление нарушенных прав, их судебной защиты; квалификация	ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» ТРУДОВОЕ ПРАВО Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.07.2017)	Внести в ст. 1: о регулировании общественных отношений, возникающих в сфере образования в связи с формированием инновационной экономики (экономики знаний) Внести в ст. 1 гл. 1: основными задачами трудового законодательства являются создание необходимых правовых условий для достижения максимальной эффективности работников при переходе экономики на инновационную социально-ориентированную модель развития
2	Бизнес-проект	Отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность; конкурсы, тендеры, аукционы; инвестиции (венчурное финансирование, кредиты, субсидии, спонсорская поддержка)	ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2017) Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 07.06.2017) государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика»	В ст. 1 внести: …определяет понятия субъектов малого и среднего предпринимательства в процессе формирования инновационной экономики России В ст. 1 внести: Целями регулирования настоящего Федерального закона являются … создание условий для масштабного перехода к инновационной экономике. В цели программы следует внести: …обеспечение инновационного формата бизнеса в России

Окончание таблицы / End of Table

№ п/п	Звено инновационной цепочки, требующее финансового и/или правового обеспечения	Функции, требующие финансового и/или правового обеспечения	Отрасль законодательства / акты нормативного правового обеспечения	Предложения по совершенствованию действующего законодательства
3	Научно-конструкторская проработка идеи (НИОКР)	Создание нового изделия или технологии; планирование и финансирование; свобода творчества; получение предусмотренных результатов; заключение договоров о намерениях	Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 23.05.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)	В преамбуле внести: … Настоящий закон регулирует отношения между …субъектами промышленной политики… (далее по тексту)
4	Результат интеллектуальной деятельности (РИД)	1) Оформление результата интеллектуальной деятельности; 2) оплата регистрации результата интеллектуальной деятельности; 3) регистрация за рубежом; 4) охрана авторских прав; 5) регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности	ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (гл. 72 ГК РФ «Патентное право»)	В ГК РФ внести в ст. 1225: провести перегруппировку РИД на предмет выделения и усиления инновационного компонента интеллектуальной деятельности
5	Создание опытного образца продукта/технологии	Кадровое обеспечение; опытное производство; полевые испытания; рекламная акция; поиск и взаимодействие с институтами развития; выставочная деятельность	ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО Постановление Правительства Российской Федерации № 719 «О критериях отнесения промышленной продукции к продукции, не имеющей аналогов, произведенных в Российской Федерации» от 17.07.2015	К критериям отнесения промышленной продукции к промышленной продукции, не имеющей аналогов, произведенных в Российской Федерации, внести: … изготовленная в режиме реализации инновационной цепочки…
6	Промышленный выпуск новой продукции/технологии	Инвестиционный проект; производство; кадровое обеспечение; сертификация продукции; маркетинг; торговая сеть	ФИНАНСОВОЕ ПРАВО Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»	В ст. 3, разд.2 внести в определение промышленной политики — комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации: путем производства инновационной продукции

(в частности, гражданского, трудового, налогового, бюджетного, административного). Наблюдается несовпадение потребностей, необходимых для осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности с нормами, устанавливающими пределы при использовании бюджетных средств государственными образовательными и научными организациями[8] [9].

Третий барьер банален — финансирование. Именно структура финансирования способна показать степень заинтересованности всего общества в инновациях. Рост экономики невозможен без существенного увеличения инвестиций. В одном из майских указов 2012 г. была задана планка: доля объема инвестиций в ВВП к 2015 г. должна быть 25 и 27% к 2018 г. В реальности эта доля не достигает 20%, фактически ситуация не изменяется, организационные и финансовые основы для инновационной активности, к сожалению, пока не созданы [10]. Инновационная продукция всегда более дорогая, что при главном критерии тендеров — «текущая цена» — часто приводит к фактам несправедливого демпинга[9]. Нерешенным вопросом является и вопрос включения естественных монополий и компаний с государственным участием в реализацию программы закупок у малого и среднего бизнеса[10]. Нужно, чтобы покупка инновационной продукции регулировалась федеральными законами, например федеральными законами № 44 и № 224[11].

Крупнейшие литерные инновационные проекты России («Сколково» и «Национальная технологическая инициатива» — «НТИ», долина «Воробьевы горы»)[12] реализуются в основном за счет субсидий бюджетных средств в формате государственно-частного партнерства. По начальным расчетам (2013) вклад от проекта «Сколково» в ВВП к 2020 г. должен составить до 1,5 трлн руб. Для проекта «НТИ» сроки предоставления финансирования на возвратной основе в целях реализации проектов составляют от 5 до 10 лет. Предполагается (2017), что каждое из 10 направлений НТИ обеспечит выход на новые глобальные рынки емкостью не менее 6 трлн руб. в год. Долина «Воробьевы горы» это экосистема инноваций на базе МГУ — лучшего российского вуза. Срок создания — 2–3 года, стоимость — 149,9 млрд руб. (затраты Москвы — 3,9 млрд руб., остальное — средства инвесторов).

Для литерных проектов софинансирование проектов частными партнерами в обстановке экономического кризиса вызывает вполне объяснимые трудности.

Четвертым барьером является отсутствие стратегии развития интеллектуальной деятельности, использующей многокомпонентную концепцию конвергентности, например модель «тройной (квадро) спирали»[13]. Для сложного времени консолидация всех слоев общества условие критически необходимое [11].

Целью данной работы является формулировка предложений по системе нормативных правовых актов, обеспечивающих преодоление вышеуказанных барьеров и инновационную активность всех звеньев инновационной цепочки.

Помимо отсутствия технологических прорывов в промышленности, следует сказать и о том, что нет ярких примеров и социальной поддержки инноваций. В докладе ЦБ России (2016) «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2017 год и период 2018 и 2019 годов» утверждается, что вектор развития России будет зависеть от готовности всех членов общества перейти к инвестиционно-инновационной модели экономического роста. Необхо-

[8] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 18.07.2017). Ст. 34.

[9] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Ст. 37.

[10] Путин В.В. О консолидированных усилиях органов власти, бизнеса, институтов развития, структур гражданского общества по снятию существующих барьеров для предпринимательства // Материалы VII съезда ТПП. 2016. Март.

[11] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[12] Научно-технологическая долина МГУ «Воробьевы горы» — еще один литерный инновационный проект на базе кампуса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Над концепцией проекта работает фонд «Национальное интеллектуальное развитие». Стоимость долины — 149,9 млрд руб.

[13] Модель тройной спирали (Triple Helix Model) — это сетевой механизм согласования действий и формирования общественного консенсуса при принятии решений. Модель рассматривается как механизм формирования инновационной среды. Если добавить к трем спиралям четвертую — общество (society), на выходе мы получим квадроспираль. Необходимость добавления четвертого компонента обусловлена тем, что сегодня общество, конкретные люди играют слишком большую роль, чтобы их исключать из модели. Гражданское общество как четвертый столп архитектуры четырехзвенной спирали представляет перспективу формирования инновационной экономики «снизу вверх».

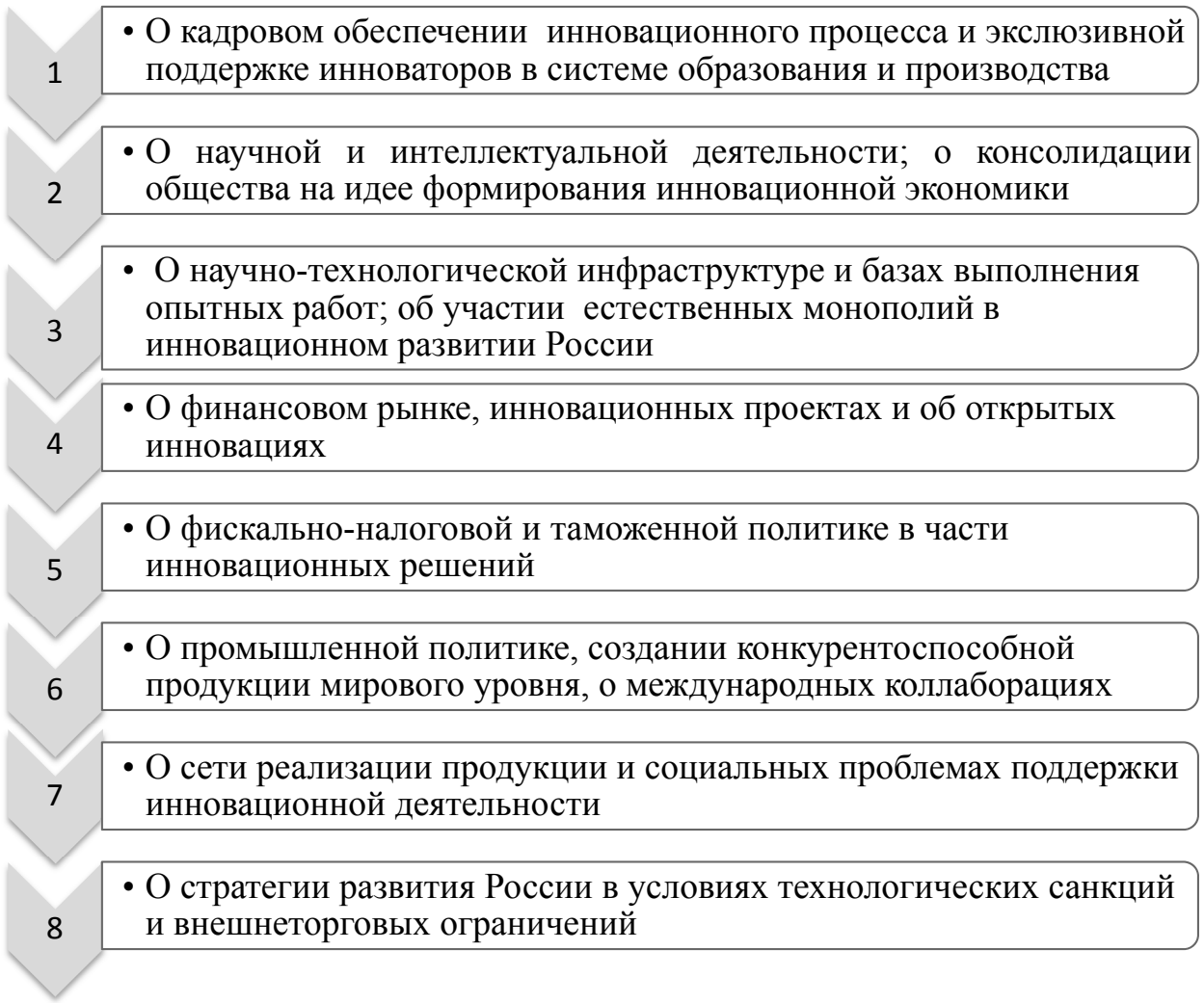


Рис. 2 / Fig. 2. **Структура системы нормативных правовых актов, обеспечивающих инновационную активность / The structure of the system of normative legal acts, providing of innovative activity**

димому единству мешает многое, в частности то, что устойчиво снижаются реальные доходы населения в сочетании с сокращением социальных расходов, а также усиливаются негативные тенденции на рынке труда. По данным Росстата, темпы падения реальных располагаемых доходов россиян достигли в 2016 г. 5,9% в годовом выражении после 3,2% в 2015 г. По классификации ОЭСР, Россия давно и однозначно относится к странам с высокой степенью социального неравенства. Сложившаяся сегодня в России модель социальной стратификации (прогнозный децильный коэффициент фондов на 2020 г. составляет 16 при критическом значении 10) характеризует в высшей степени дифференцированное общество, что может негативно отражаться на социальном самочувствии населения и вызывать чувство тотального отторжения инноваций.

Слабая потребительская активность населения ведет к падению доходов предприятий реального сектора экономики и снижению внутренних потенциальных источников инвестиций на фоне крайне низкой инвестиционной активности кредитных организаций (за 2015 г. инвестиции в основной капитал за счет кредитов банков снизились с 10,6 до 8,1%, или с 1098,7 до 849,8 млрд руб. в абсолютном выражении)[14]. За 2015–2016 гг. наметилось снижение реального уровня зарплат в бюджетном секторе и искусственное сохранение «кредитного голода» у предприятий реального сектора экономики, имеющих рентабельность существенно ниже действующих кредитных ставок. Падает доверие населения и бизнеса к финансовым посредникам, обеспечивающим движение денежных ресурсов в экономике.

[14] Сайт Росстата. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по источникам финансирования. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (дата обращения: 01.08.2017).

В *таблице* путем системного анализа звеньев инновационной цепочки, требующих финансового и/или правового обеспечения, рассмотрены их функции в составе инновационной цепочки, предложены соответствующие отрасли законодательства и примеры актов нормативного правового обеспечения; даны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Несмотря на большое число существующих концептуальных, программных и доктринальных документов, в финансовом и нормативном правовом пространствах России не образовался общий тренд (кластер) перехода от ресурсной экономики к инновационной (с перспективой перехода к экономике знаний).

С целью финансово-правового обеспечения инновационной активности предлагается Система нормативных правовых актов, обеспечивающих инновационную активность (далее — Система). Возможная структура подобной Системы, состоящей из 8 блоков, представлена на *рис. 2*.

ВЫВОДЫ

Представленная система нормативных правовых актов, обеспечивающих инновационную активность, может способствовать:

- комплексному регулированию основных принципов и процедур, обеспечивающих инновационную активность;
- установлению правил разрешения противоречий между правовыми актами (коллизий правовых актов);
- закреплению основ официального толкования правовых актов;
- введению основных положений об учете и систематизации правовых актов;
- увеличению прозрачности процесса разработки и принятия, экспертного сопровождения на всех этапах правотворчества;
- повышению эффективности экспертизы нормативных правовых актов;
- снижению уровня коррупции в системе нормотворчества.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2017 г. Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds of the state task of the Financial University in 2017, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sulekh C. J. (2008) Who Needs Innovations? URL: http://triplehelixinstitute.org/sites/default/files/uploaded/documents/summit2008/THX_Summit08_Sunday_7_Jain.pdf.
2. Satell G. (2017) The 4 Types of Innovation and the Problems They Solve. URL: https://hbr.org/2017/06/the-4-types-of-innovation-and-the-problems-they-solve?referral=03758&cm_vc=rr_item_page.top_right.
3. Кузнецов Н. В., Шестак В. П. Инфраструктурные монополии в экономико-технологическом пространстве России // Труды вольного экономического общества России. 2016. № 1. Т. 21. С. 452–466.
4. Кузнецова О. Н. Стимулирование инновационной активности экономических субъектов // Вестник финансового университета. 2017. № 1. С. 28–34.
5. Clayton M. Christensen (2016) The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail (Management of Innovation and Change) Harvard Business Revew Press, Boston, Massachusetts. P. 161.
6. Абрамова М. А., Дубова С. Е., Звонова Е. А., Красавина А. Н., Лаврушин О. И., Масленников В. В. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2017 год и период 2018 и 2019 годов: мнение экспертов // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 1. С. 6–10.
7. Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Широв А. А., Шокин И. Н. Основы структурно-инвестиционной политики в современных российских условиях // Вестник финансового университета. 2017. Т. 21. № 1. С. 6–15.
8. Better regulations for innovation-driven investment at EU level. EUROPEAN COMMISSION. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. URL: http://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/innovrefit_staff_working_document.pdf.
9. Гостева Н. А. Особенности нормативно-правового и финансового обеспечения. В книге: Инвестиции Инновационная деятельность и инновации в реальном секторе российской экономики: состояние и перспективы. М.: Финансовый университет, 2014. С. 146–154.

10. Городов О.А. Правовое обеспечение инновационной деятельности: монография. М.: Инфра-М, 2016, С. 26–31.
11. Terrence W. Farrell (2017) Institutional Structure for Governance of the National Innovation Eco-System: legislation and public funding: Preliminary Thoughts. Innovation Conference, UWI June 27–28, 2017.

REFERENCES

1. Sulekh C.J. (2008) Who Needs Innovations? URL: http://triplehelixinstitute.org/sites/default/files/uploaded/documents/summit2008/THX_Summit08_Sunday_7_Jain.pdf.
2. Satell G. (2017) The 4 Types of Innovation and the Problems They Solve. URL: https://hbr.org/2017/06/the-4-types-of-innovation-and-the-problems-they-solve?referral=03758&cm_vc=rr_item_page.top_right.
3. Kuznetsov N.V., Shestak V.P. Infrastructure monopolies in the economic-technological environment of Russia. *Trudy vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = The works of the free economic society of Russia,* 2016, no. 1, vol. 21, pp. 452–466. (In Russ.).
4. Kuznetsova O.N. Stimulation of innovative activity of economic entities. *Vestnik finansovogo universiteta = Bulletin of Financial University*, 2017, no. 1, pp. 28–34. (In Russ.).
5. Clayton M. Christensen. (2016). The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail (Management of Innovation and Change). Harvard Business Review Press, Boston, Massachusetts. 161 p.
6. Abramova M.A., Dubova S.E., Zvonova E.A., Krasavina A.N., Lavrushin O.I., Maslennikov V.V. The basic directions of uniform state monetary and credit policy for the 2017 year, and for 2018–2019 years: experts' opinion. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 6–10. (In Russ.).
7. Ivanter V.V., Porfiriev B.N., Shirov A.A., Shokin I.N. Fundamentals of structural-investment policy in the modern Russian conditions. *Vestnik finansovogo universiteta = Bulletin of Financial University*, 2017, no. 1, pp. 6–15. (In Russ.).
8. Better regulations for innovation-driven investment at EU level. European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. URL: http://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/innovrefit_staff_working_document.pdf.
9. Gosteva N.A. Peculiarities of legal and financial support. In *Investment Innovation activity and innovation in the real sector of the Russian economy: state and prospects*. Moscow: Financial University, 2014, pp. 146–154. (In Russ.).
10. Gorodov O.A. Legal support of innovative activity: a monograph. Moscow: Infra-M, 2016, pp. 26–31. (In Russ.).
11. Terrence W. Farrell. (2017). Institutional Structure for Governance of the National Innovation Eco-System: legislation and public funding: Preliminary Thoughts. Innovation Conference, UWI June 27–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Валерий Петрович Шестак — доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия
VPShestak@fa.ru
Игорь Георгиевич Тютюнник — научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия
cpikfa@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Valery P. Shestak — Dr. Sci. (Tech.), Professor, leading researcher, Financial University, Moscow, Russia
VPShestak@fa.ru
Igor G. Tyutyunnik — researcher, Financial University, Moscow, Russia
cpikfa@mail.ru

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-128–137
УДК 334.012.46:316.35(045)
JEL G20, G28, H20, L30, L39

Отдельные аспекты развития механизма государственного субсидирования НКО в разрезе субъектов Российской Федерации

В.В. Романова[a, b],
[a] НИУ ВШЭ, Москва, Россия
[b]НИФИ, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0003-3866-5350

Л.М. Ханова[a, b],
[a]Финансовый университет, Москва, Россия
[b]НИУ ВШЭ, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0003-4927-2261

АННОТАЦИЯ

Предмет. Исследуется одна из основных задач, которую государство возлагает на некоммерческие организации — предоставление социальных услуг. Конкуренция с государственными (муниципальными) учреждениями за бюджетные средства должна оказать влияние на повышение эффективности и улучшение качества предоставляемых государственных (муниципальных) услуг по различным отраслям социально-культурной сферы. Поэтому на протяжении последних лет в России особенно актуален вопрос субсидирования НКО и снятия барьеров, препятствующих их функционированию и развитию.

Цель. Представить результаты исследования объемов субсидирования НКО в отраслях социально-культурной сферы из средств консолидированных бюджетов РФ за период 2015–2016 гг.

Методология. В целях проверки гипотезы о сохранении объемов субсидий НКО в 2016 г. на уровне 2015 г. анализировались показатели объемов и структуры субсидий по регионам и в целом по Российской Федерации. Был проведен сравнительный анализ показателя отношения объемов субсидий НКО и субсидий государственным (муниципальным) учреждениям на финансовое обеспечение выполнения ими государственного (муниципального) задания по всем отраслям социально-культурной сферы за 2015–2016 гг.

Результаты. Исследование показало, что, несмотря на проводимую государством политику привлечения НКО к реализации государственной политики в социальной сфере, гипотеза о сохранении субсидирования НКО в 2016 г. на уровне 2015 г. подтвердилась. Кроме того, в половине регионов отмечается сокращение объемов субсидирования НКО.

Выводы. Основными причинами сложившейся ситуации могла стать несовершенная нормативная правовая база в части вовлечения НКО в предоставление общественно полезных услуг, а также недостаточный уровень должного доверия к НКО как со стороны государства, так и населения. Преодоление возникновения основных причин может быть только при условии устранения пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: негосударственный сектор; некоммерческие организации; социальная направленность; организационно-правовые формы; развитие НКО; субсидирование НКО; поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций; финансовые ресурсы; законодательство

Для цитирования: Романова В.В., Ханова Л.М. Отдельные аспекты развития механизма государственного субсидирования НКО в разрезе субъектов Российской Федерации // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 128–137.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-128–137
UDC 334.012.46:316.35(045)
JEL G20, G28, H20, L30, L39

Some Aspects of Development of the Mechanism of State Subsidies to NGOs across the Administrative Entities of the Russian Federation

V.V. Romanova[a, b],
[a]NRU HSE, Moscow, Russia
[b]NIFI, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0003-3866-5350

L.M. Khanova[a, b],
[a]Financial University, Moscow, Russia
[b]NRU HSE, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0003-4927-2261

ABSTRACT

Topic. The paper examines one of the main tasks that the state imposes on NGO — providing social services. Competition with the state (municipal) agencies for the budget funds should have an impact on the efficiency and improvement of the quality of state (municipal) services in various branches of the socio-cultural sphere. So, it is in Russia particularly relevant question during the last years of the subsidization of NGOs and the removal of barriers that hinder their functioning and development.

Purpose. We would like to present and analyze the results of a study of the subsidization of NGOs in the sectors of the socio-cultural sphere from the funds of consolidated budgets of the Russian Federation for the period 2015–2016.

Methodology. In order to test the hypothesis that the state preserved the volume of subsidies to NGOs in 2016 at the 2015 level, we analyzed the volume and structure of subsidies by region and in the whole Russian Federation. The authors did a comparative analysis of the ratio of the volumes of the subsidies directed to NGOs and subsidies directed to state (municipal) agencies, for financial support enabling them carrying the state (municipal) tasks, in all branches of the socio-cultural sphere for 2015–2016 years.

Results. The study showed that, despite the state's policy of involvement of NGOs in implementing state policy in the social sphere, the hypothesis about the preservation of subsidizing NGOs in 2016 at the level of 2015 has been confirmed. In addition, in half of the regions, we observed a decline in subsidies to NGOs.

Conclusions. The main reasons for this situation could be imperfect normative legal base in terms of involvement of NGOs in the provision of public services and insufficient level of confidence to the NGOs as from the part of the state and the public as well. Overcoming the occurrence of the main causes can be only realized under the condition of elimination of the gaps in the legislation.

Keywords: private sector; nonprofit organizations; social orientation; legal forms; development of NGOs; subsidies for NGOs; support to socially oriented nonprofit organizations; financial resources; legislation

Citation: Romanova V.V., Khanova L.M. Some Aspects of Development of the Mechanism of State Subsidies to NGOs across the Administrative Entities of the Russian Federation. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 128–137. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении ряда лет государством ставилась задача по повышению роли сектора негосударственных некоммерческих организаций в предоставлении социальных услуг [1]. Начиная с 2013 г. Правительство РФ утвердило комплекс мер, направленных на увеличение поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), на период до 2018 г. [2, с. 51–56]. Такими мерами стало обеспечение финансовой, информационной, консультационной, методической и иными формами поддержки [3], а также совершенствование законодательства, регулирующего деятельность СО НКО. Одной из основных задач, которую государство возлагает на некоммерческие организации (далее — НКО) — способность НКО, предоставляющих социальные услуги, конкурировать с государственными (муниципальными) учреждениями на основе бюджетного финансирования [2, 4]. Предлагаемые меры государственной поддержки должны оказать влияние на повышение эффективности и улучшение качества оказания предоставляемых государственных (муниципальных) услуг по отраслям социально-культурной сферы [5].

Неоднократно вопрос развития НКО и снятия барьеров, препятствующих их функционированию, поднимался Президентом Российской Федерации. Так, в 2015 г. в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ он рекомендовал региональным органам власти «направлять некоммерческим организациям до 10% средств региональных и муниципальных социальных программ, чтобы НКО могли участвовать в оказании социальных услуг, которые финансируются за счет бюджетов»[1]. В Послании 2016 г. Президент Российской Федерации говорил о необходимости снятия всех барьеров для развития социально ориентированных некоммерческих организаций и оказания им всесторонней помощи в целях повышения качества предоставления общественно полезных услуг социальной сферы[2].

Однако реализуемых мер, направленных на расширение участия НКО в оказании социальных услуг, пока недостаточно [3]. Об этом также свидетельствуют цифры — в 2015 г. по сравнению с 2013 г. объем федеральных расходов, направленный на субсидирование НКО в социально-культурной сфере, не только не увеличился, но даже сократился (на 13,4%). При этом данное сокращение происходило на фоне роста расходов федерального бюджета на социально-культурную сферу (без учета трансфертов государственным внебюджетным фондам) на 10,5% [6, с. 30]. В 2016 г. данная тенденция усилилась. Только за один год субсидирование НКО снизилось на 14,7%. В то же время сохранилась положительная динамика роста расходов на социально-культурную сферу (на 4,4%) [6, с. 145].

По данным расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в части субсидирования НКО, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. общий объем этих средств вырос на 63%. При этом данное увеличение достигнуто только благодаря наращиванию темпов указанных расходов в 33 регионах (около 40% регионов России).

Вопросам изучения взаимодействия государства и некоммерческих организаций посвящено достаточное количество работ зарубежных авторов, таких как: L. Salamon, S. Toepler и др. В число немногих отечественных экономистов, исследующих в разные годы перспективы развития и финансовые аспекты НКО в социальной сфере, входят: Л. И. Якобсон, В. Б. Беневоленский, И. В. Мерсиянова, Б. Л. Рудник, Н. В. Лисин, Н. В. Ковалева, О. П. Дорошина (2014), В. Ю. Кулькова (2014). Работы названных авторов были изучены в целях всестороннего изучения исследуемой тематики.

В настоящей статье отражены результаты исследования объемов субсидирования НКО в отраслях социально-культурной сферы из средств консолидированных бюджетов РФ за последние два года (2015–2016 гг.). В целях проверки гипотезы о сохранении объемов субсидий НКО в 2016 г. на уровне 2015 г. анализировались показатели объемов и структуры субсидий как в целом по Российской Федерации, так и по субъектам РФ. Также был проведен сравнительный анализ показателя отношения объемов субсидий НКО и субсидий государственным (муниципальным) учреждениям на финансовое обеспечение выполнения ими государственного (муниципального) задания на оказание государственных (муниципальных) услуг по всем отраслям социально-культурной сферы (далее — субсидии на выполнение госзадания) за 2015 и 2016 гг. На основе полученных результатов подтверждается сохранение все тех же приоритетных направлений по привлечению НКО к оказанию социальных услуг в отдельных

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 «Послание Президента Российской Федерации».

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию».

субъектах РФ, которые были определены по данным 2015 г.

Исследование проводилось в 3 этапа.

На первом этапе анализировались объем субсидирования НКО и его структура по всем субъектам РФ.

На втором этапе были отобраны 11 регионов, в том числе 10 регионов-лидеров, определенных по принципу совместного учета следующих трех показателей:

- отношения объема субсидий частным организациям в социальной сфере и объема субсидий на выполнение госзадания;
- соотношения объема субсидий НКО и объема субсидий на выполнение госзадания;
- количества НКО на 10 000 человек населения соответствующего региона.

В число 10 регионов вошли республики Мордовия, Саха (Якутия) и Башкортостан, Пермский край, Кировская, Костромская, Ленинградская, Новосибирская, Самарская, Тюменская области и г. Москва.

Одиннадцатый регион — Пермский край, по значениям названных показателей не вошел в число лидеров, но в данном регионе разработана уникальная нормативная база по привлечению НКО к оказанию социальных услуг.

На третьем этапе проанализированы приоритетные направления субсидирования НКО в отобранных для исследования регионах.

ОБЩИЙ ОБЗОР СУБСИДИРОВАНИЯ НКО В СУБЪЕКТАХ РФ В 2015–2016 ГГ.[3]

Проведенное исследование показало, что уровень субсидирования частных организаций из средств региональных бюджетов крайне низок. Хотя в 2016 г. расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ в основных отраслях социально-культурной сферы[4] на субсидирование некоммерческих организаций и других юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц (далее — субсидии частным организациям) выросли по сравнению с 2015 г. на 1,2%, но все равно составили всего лишь 4,3% бюджетных расходов, направленных бюджетным и автономным учреждениям на выполнение государственного задания[5]. При этом на долю НКО приходится почти половина (2,1% от выполнения госзадания) этих расходов (в 2015 г.— 1,07%, рост — вдвое).

Результаты анализа определения приоритетных направлений привлечения НКО к оказанию социальных услуг выявили, что даже в «регионах лучших практик», выбранных для исследования, субсидирование социальной деятельности НКО на сегодня не получило должного развития.

В разрезе субъектов РФ степень привлечения негосударственного сектора к оказанию социальных услуг чрезвычайно дифференцирована. Так, в 2015 г. минимальная доля субсидий частным организациям в Чукотском автономном округе и Ростовской области составила только 0,2%, при этом субсидирование НКО соответственно — 0,12 и 0,01%. В том же году в Тюменской области максимальное значение показателя отношения объема субсидий частным организациям к общему объему субсидий на госзадание было 12,6%, а субсидий НКО — 3,2%. Данная дифференциация сохранилась и в 2016 г.

Несмотря на поставленные административные рычаги стимулирования поддержки НКО из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, объем их финансирования в социальной сфере незначителен. В 2015 г. он составил 35,5 млрд руб., или 1,2% от субсидий на выполнение госзадания, в 2016 г.— 67,4 млрд руб., или 2,1% от субсидий на

[3] В 2015 г. были внесены изменения в порядок применения бюджетной классификации РФ (приказ Минфина России от 08.06.2015 № 90н) в части изменения структуры кода классификации расходов бюджетов. Вместо кода статьи (подстатьи) классификации операций сектора государственного управления (18–20 разряды), относящихся к расходам бюджетов, используется код вида расходов. В связи с этим отчет об исполнении консолидированного бюджета субъектов РФ в разрезе видов расходов (в том числе субсидии НКО) на официальном сайте Федерального казначейства размещен только с 2015 г.

[4] Под расходами на социально-культурную сферу понимаются расходы на образование, культуру, здравоохранение и социальную политику. На долю этих отраслей приходится 96% бюджетных средств, направляемых на социально-культурную сферу.

[5] Здесь и далее данные представлены на основании отчета Федерального казначейства «Об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда» по состоянию на 01.01.2016.

Таблица / Table

Структура субсидирования НКО в Тюменской области / The structure of subsidies for NGOs in the Tyumen region

Отрасли / Sectors of social sphere	2015			2016		
	Объем субсидий, млн руб. / Volume of subsidies, million rubles	Отношение объема субсидий НКО к объему субсидий на госзадание, % / The ratio of subsidies to NGOs to subsidies for state tasks, %	Удельный вес субсидий НКО, % / The share of subsidies to NGOs, %	Объем субсидий, млн руб. / Volume of subsidies, million rubles	Отношение объема субсидий НКО к объему субсидий на госзадание, % / The ratio of subsidies to NGOs to subsidies for state tasks, %	Удельный вес субсидий НКО, % / The share of subsidies to NGOs, %
Всего / Total	967,4	3,3	100,0	1008,6	3,4	100,0
Образование / Education	679,0	3,1	70,2	689,8	3,0	68,4
в том числе / among them						
дошкольное образование / pre-school education	25,8	0,4	3,8	21,6	0,3	3,1
общее образование/ general education	50,4	0,4	7,4	51,1	0,4	7,4
среднее профессиональное образование / vocational secondary education	8,8	0,5	1,3	8,1	0,5	1,2
молодежная политика и оздоровление детей / youth policy and improvement of children's health	**594,0**	**94,3**	**87,5**	**607,5**	**101,5**	**88,1**
Культура / Culture, Кинематография / Cinematography	164,0	5,2	17,0	195,2	6,4	19,4
в том числе / among them						
культура / Culture				2,4	0,1	1,3

Окончание табл. / End of Table

Отрасли / Sectors of social sphere	2015			2016		
	Объем субсидий, млн руб. / Volume of subsidies, million rubles	Отношение объема субсидий НКО к объему субсидий на госзадание, % / The ratio of subsidies to NGOs to subsidies for state tasks, %	Удельный вес субсидий НКО, % / The share of subsidies to NGOs, %	Объем субсидий, млн руб. / Volume of subsidies, million rubles	Отношение объема субсидий НКО к объему субсидий на госзадание, % / The ratio of subsidies to NGOs to subsidies for state tasks, %	Удельный вес субсидий НКО, % / The share of subsidies to NGOs, %
другие вопросы в области культуры, кинематографии / others	164,0	5,2	100,0	192,7	5,3	98,7
Здравоохранение / Healthcare	5,0	0,7	0,5	5,8	0,8	0,6
в том числе / among them						
другие вопросы в области здравоохранения / others	5,0	0,7	100,0	5,8	1,8	100,0
Социальная политика / Social policy	119,4	3,6	12,3	117,9	3,6	11,7
в том числе / among them						
социальное обслуживание населения / social services	0,8	0,0	0,7	2,0	0,1	1,7
социальное обеспечение населения / social provision	111,7	11,3	93,6	112,2	14,9	95,2
охрана семьи и детства / protection of family and childhood	**3,9**	**30,4**	**3,3**	**3,7**	**33,8**	**3,1**
другие вопросы в области социальной политики / other tasks of social policy	3,0	6,3	2,5	0,0	0,0	0,0

выполнение госзадания. При этом доля выделяемых субсидий НКО на социальную сферу практически не изменилась (46,5 и 48,1% от общего объема субсидий НКО по всем направлениям). Следовательно, данного увеличения недостаточно, так как объем субсидирования НКО в номинальном выражении в 2016 г. по сравнению с 2015 г. вырос на 80%, но в относительном выражении эти изменения не так заметны — прирост к объему на выполнение госзадания за год составил лишь 1%.

Роль муниципальных образований как была, так и осталась минимальной. При том, что муниципальные учреждения оказывают половину услуг (по стоимости госзадания), а доля финансирования НКО по социальным услугам составляет всего лишь 0,2%.

Ведущая роль по привлечению НКО к оказанию социальных услуг принадлежит субъектам РФ как в 2015 г., так и 2016 г. Объем субсидий НКО на региональном уровне вырос в 2 раза. Однако «львиную» долю прироста (96,5%) обеспечили г. Москва и Республика Татарстан. Из всех регионов также можно выделить Пермский край, Самарскую, Свердловскую, Иркутскую области, их суммарный прирост составил 2%. В результате увеличения указанных объемов доля субсидий НКО увеличилась с 53,7 до 71,6% в общем объеме субсидий НКО по социальным расходам. В то же время соотношение объема субсидий НКО и госзадания хотя и выросло с 1,9% в 2015 г. до 4,2% в 2016 г., но остается незначительным.

Объем субсидий НКО, направляемых на оказание общественно полезных услуг, еще более низок, так как эти средства являются только частью от общего объема субсидии НКО.

Роль муниципальных образований как была, так и осталась минимальной. При том, что муниципальные учреждения оказывают половину услуг (по стоимости госзадания), а доля финансирования НКО по социальным услугам составляет всего лишь 0,2%.

Указанные изменения объемов субсидирования НКО не затронули отраслевую структуру выделяемых объемов НКО по социальным разделам. За два года она практически не изменилась. Наибольшая доля (около 40%) приходится на образование, около 25% на социальную политику и оставшаяся часть распределена практически поровну между культурой и здравоохранением.

Итак, за два года отношение государства к НКО особо не поменялось, о чем свидетельствовали цифры, которые в относительном выражении остались практически на уровне 2015 г. Только несколько регионов, но главным образом два (г. Москва и Республика Татарстан), увеличили объемы субсидирования НКО. Тем самым региональные власти выразили свое доверие к НКО как одному из участников развития гражданского общества [7].

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НКО К ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

В рамках проведения исследования были проанализированы консолидированные бюджеты РФ[6] за 2015 г. в части субсидий, выделяемых НКО, в целях определения основных приоритетных направлений привлечения НКО к оказанию социальных услуг. Детально были изучены показатели объемов и структуры по разделам и подразделам расходов бюджетов 11 отобранных субъектов РФ.

Показательным примером определения основных направлений является Тюменская область (см. *таблицу*). Так, в 2015 г. приоритетными направлениями привлечения НКО к оказанию социальных услуг являлись «Охрана семьи и детства» (30,4%) и «Молодежная политика и оздоровление детей» (94,3%) (см. *таблицу*). Первое из названных направлений имеет относительно малый удельный вес в общем объеме субсидий НКО (3,3%). Отметим, что по данному направлению финансовое обеспечение предоставления соответствующих услуг жителям осуществлялось в основном за счет таких субсидий.

[6] Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда (в разрезе субъектов РФ), http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/.

В 2015 г. также определены основные приоритетные направления субсидирования НКО в других регионах России. Так, в Самарской области — это «Дошкольное образование» (26,4%) и «Молодежная политика и оздоровление детей» (32,3%), в Костромской области — «Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации», в Республике Башкортостан — «Охрана семьи и детства». Отметим, что в двух последних регионах по данным направлениям средства на выполнение госзадания не выделялись.

По результатам проведенного исследования следует отметить, что приоритетность субсидирования НКО в регионах различается как по отраслям социальной сферы, так и по направлениям расходования бюджетных средств внутри каждой отрасли [8]. Так, в Республике Башкортостан приоритетной отраслью является социальная политика, в Кировской области — образование и социальная политика, в Ленинградской области — здравоохранение. В то же время по разделу «Социальная политика» в Республике Башкортостан приоритетным направлением является «Социальное обеспечение населения» и «Охрана семьи и детства», в то время как в Кировской области — только «Охрана семьи и детства».

В 2016 г. приоритетность направлений в выбранных регионах-лидерах практически не изменилась. Это обусловлено тем, что объемы субсидий НКО и субсидий на выполнение госзадания сохранились на уровне прошлого года. Так, за период 2015–2016 гг. в 5 регионах из 11 (в Республике Мордовия, в Пермском крае, в Кировской, Костромской и Новосибирской областях) значение показателя отношения объема субсидий НКО и объема субсидий на госзадание составило не более 1%.

Кроме того, отметим, что объем субсидий НКО, направляемых на оказание общественно полезных услуг, еще более низок, так как эти средства являются только частью от общего объема субсидии НКО. Например, в Костромской области средства на оказание общественно полезных услуг составили 81,5% в общем объеме субсидий НКО, направляемых в социально-культурную сферу, следовательно, значение показателя отношения общественно полезных услуг к объему субсидий на госзадание значительно ниже 1% (0,4%).

Итак, выделим основные приоритетные направления привлечения НКО к оказанию социальных услуг:

- образование «Молодежная политика и оздоровление детей» (Пермский край, Кировская, Самарская и Тюменская области);
- социальная политика «Охрана семьи и детства» (Республика Башкортостан, Кировская и Тюменская области).

Только за один год субсидирование НКО снизилось на 14,7%. В то же время сохранилась положительная динамика роста расходов на социально-культурную сферу (на 4,4%).

И самое главное, результаты анализа определения приоритетных направлений привлечения НКО к оказанию социальных услуг выявили, что даже в «регионах лучших практик», выбранных для исследования, субсидирование социальной деятельности НКО на сегодня не получило должного развития.

На данный момент и в ближайшей перспективе в социально-культурной сфере НКО не смогут составить конкуренцию государственным (муниципальным) учреждениям в борьбе за бюджетные средства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение отдельных аспектов государственной поддержки НКО [9] показало, что, несмотря на проводимую государством политику привлечения НКО к реализации государственной политики в социально-культурной сфере, наша гипотеза о сохранении субсидирования НКО в 2016 г. на уровне 2015 г. частично подтвердилась. В 2016 г., как и в 2015 г., уровень финансового обеспечения НКО оставался крайне низким. При этом в 2016 г. в относительном выражении он незначительно вырос: доля объема субсидий НКО в объеме субсидий на выполнение государственного задания как в целом по Российской Федерации, так на региональном

уровне за счет консолидированных бюджетов субъектов РФ увеличилась всего лишь на 1% (с 1,2 до 2,1%; с 1,1 до 2,1% соответственно). Однако подчеркнем, что на региональном уровне указанное увеличение сложилось главным образом благодаря наращиванию темпов объемов субсидирования НКО в двух регионах: г. Москва и Республика Татарстан. В то же время в половине регионов отмечается сокращение объемов субсидирования НКО.

Таким образом, на данный момент и в ближайшей перспективе в социально-культурной сфере НКО не смогут составить конкуренцию государственным (муниципальным) учреждениям в борьбе за бюджетные средства. Виной этому — несовершенная нормативная правовая база в части вовлечения НКО в предоставление общественно полезных услуг, а также недостаточный уровень должного доверия к НКО как со стороны государства, так и населения [10]. Безусловно, есть и другие причины: проблемы с помещением, нехватка специалистов, недостаток материальных условий деятельности и т.д. [11]. Но все эти причины могут быть преодолены только при условии устранения пробелов в законодательстве [8], которое будет способствовать развитию НКО и становлению их действительно равноценными партнерами государства[7].

[7] Ранее авторами даны рекомендации публично-правовым образованиям по совершенствованию «нормативной правовой базы в части инструментов финансовой поддержки НКО (гл. 5 Рекомендации по совершенствованию инструментов финансовой поддержки НКО в сфере молодежной политики города Москвы и гл. 6 Разработка концепции организационно-финансового механизма, обеспечивающего условия равноправной конкуренции за бюджетные средства [2]).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Salamon L., Benevolenski V. & Jakobson, L. (2015). Penetrating the Dual Realities of Government — Nonprofit Relations in Russia. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 6, no. 26, pp. 2178–2214.
2. Богданов Л.Н., Кандауров Д.В., Куштанина Е.В., Лисин Н.В., Мацкевич А.В., Романова В.В., Рудник Б.Л., Ханова Л.М. Совершенствование организационно-экономических механизмов реализации молодежной политики города Москвы / под общ. ред. Б.Л. Рудник, В.В. Романова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. 96 с.
3. Benevolenski V., Toepler S. Emerging Forms of Government Support for NPOs in Russia: In Search of Cross-sectoral Cooperation in the Delivery of Social Services // Development in practice. 2016.
4. Лисин Н.В., Рудник Б.Л. Направления и механизмы развития конкуренции за бюджетные средства в социально-культурной сфере Москвы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 28–42.
5. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 13–20.
6. Ксынкина Г.М., Николаенко Е.А., Романова В.В., Рудник Б.Л., Ханова Л.М. Анализ бюджетного финансирования социально-культурной сферы. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2016.
7. Дорошина О.П. Мониторинг государственной поддержки СО НКО в режиме налоговой филантропии (опыт республики Татарстан) // Финансовый журнал. 2014. № 3 (21). С. 111–120.
8. Salamon L. & Toepler S. (2015). Government — Nonprofit Cooperation: Anomaly or Necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 6 no. 26, pp. 2155–2177.
9. Громова М.Н., Мерсиянова И.В. Государственная поддержка НКО и проблема оценки ее эффективности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 44–47.
10. Ковалева Н.В., Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Мониторинг гражданского общества: задачи и подходы — Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия / под ред. Л.И. Якобсона. М.: Вершина, 2008. 296 с.

REFERENCES

1. Salamon L., Benevolenski V. & Jakobson, L. Penetrating the dual realities of government — Nonprofit relations in Russia. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2015, vol. 6, no. 26, pp. 2178–2214.
2. Bogdanov L.N., Kandaurov D.V., Kushtanina E.V., Lisin N.V., Matskevich A.V., Romanova V.V., Rudnik B.L., Khanova, L.M. Improvement of organizational and economic mechanisms of realization

of youth policy of Moscow. B.L. Rudnik, V.V. Romanova (Eds.). Moscow: Publishing house of NRU HSE, 2014. 96 p. (In Russ.).
3. Benevolenski V., Toepler S. Emerging forms of government support for NPOs in Russia: In search of cross-sectoral cooperation in the delivery of social services. Development in practice. 2016.
4. Lisin N.V., Rudnik B.L. The directions and mechanisms of development of a competition for federal funds in the socio-cultural sphere of Moscow. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = The state and municipal management issues*, 2013, no. 1, pp. 28–42. (In Russ.).
5. Mersiyanova I.V., Benevolensky V.B. The advantages of NGOs as suppliers of social services: testing in the Russian conditions. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = The state and municipal management issues,* 2016, no. 4, pp. 13–20. (In Russ.).
6. Ksinkina G.M., Nikolaenko E.A., Romanova V.V., Rudnik B.L., Khanova L.M. The analysis of the budgetary financing of the socio-cultural sphere. Moscow: Publishing house of NRU HSE, 2016. (In Russ.).
7. Doroshina O.P. The monitoring of the state support of NGOs in the philanthropy tax regime (experience of the Republic of Tatarstan). *Finansovyi zhurnal = Financial journal*, 2014, no. 3 (21), pp. 111–120. (In Russ.).
8. Salamon L. & Toepler S. (2015). Government — Nonprofit Cooperation: Anomaly or Necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 6, no. 26, pp. 2155–2177.
9. Gromova M.N., Mersiyanova I.V. The state support of NGOs and the problem of evaluation of its effectiveness. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil society in Russia and abroad*, 2016, no. 1, pp. 44–47. (In Russ.).
10. Kovaleva N.V., Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. The monitoring of civil society: challenges and approaches. In Factors of development of civil society and mechanisms of its interaction. L.I. Yakobson (Ed.). Moscow: Vershina, 2008. 296 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вера Васильевна Романова — заместитель директора Центра государственного сектора экономики, Институт управления государственными ресурсами, НИУ ВШЭ, Москва, Россия;
старший научный сотрудник Центра межбюджетных отношений, НИФИ, Москва, Россия
vromanova@nifi.ru

Любовь Мунировна Ханова — старший преподаватель Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия;
эксперт Центра государственного сектора экономики, Институт управления государственными ресурсами, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
LMHanova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vera V. Romanova — Deputy Director of the Center for the public sector, Institute of public resource management, NRU HSE, Moscow, Russia; Senior Researcher, Centre for intergovernmental relations, NIFI, Moscow, Russia
vromanova@nifi.ru

Lubov M. Khanova — Senior lecturer of the Department of public finance, Financial University, Moscow, Russia; expert of the Center for the public sector, Institute of public resource management, NRU HSE, Moscow, Russia
LMHanova@fa.ru

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-138–153
УДК 336.7;332.1
JEL F65, R11

Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения

А.В. Ярашева,
Финансовый университет, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0002-6041-7700

С.В. Макар,
Финансовый университет, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0002-1681-8814

С.Б. Решетников,
Финансовый университет, Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0001-6664-646X

АННОТАЦИЯ

Предмет. Статья посвящена анализу финансового поведения россиян и формированию стратегий кредитного поведения населения России.

Цели. Выявить факторы, влияющие на формирование финансового поведения населения России. Определить роль кредитных услуг в развитии нашей страны и ее регионов. Уточнить фазу современного состояния сектора потребительского кредитования. Оценить текущую ситуацию на рынке кредитования физических лиц с учетом особенностей их стратегий. Обобщить опыт рынка банковского кредитования на примере использования продукта банковской карты. Представить типологию видов кредитного поведения населения. Определить недостатки современной кредитно-финансовой практики на основе моделей кредитного поведения россиян.

Методология. Контент-анализ, социологические методы (глубинные структурированные интервью), методы экспертной оценки, классификации и типологии.

Результаты. Выделены важнейшие аспекты, взаимосвязи и тенденции финансового поведения россиян. Данные позиции рассматриваются в качестве факторов формирования и изучения модели финансового поведения. С учетом функций кредита отражены особенности и виды кредитных инструментов, выявлена роль кредитных услуг в развитии территорий (страны и регионов). Проведено исследование сектора потребительского кредитования. Определена фаза его современного состояния, составлена оценка текущей ситуации на рынке кредитования физических лиц с учетом их принадлежности к определенным социально-доходным группам. В рамках исследования проведена классификация потребителей кредитных услуг и представлена типология видов кредитного поведения населения. Обоснованы факторы выбора модели кредитного поведения и определены «пробелы» современной кредитно-финансовой практики. Обобщен опыт рынка банковского кредитования на примере использования самого распространенного продукта — кредитной карты.

Выводы. Авторами предложены пути предотвращения возможных негативных процессов на кредитном рынке России: программы финансового просвещения, совершенствование законодательной базы, защита прав заемщиков, повышение доверия населения к финансовой (в частности, к банковской) системе, рост уровня жизни, государственная политика, направленная на стабильное социально-экономическое развитие страны.

Ключевые слова: национальная экономика; региональная экономика; финансы; кредитное поведение; кредитная модальность; детерминанты кредитного поведения; матрица кредитного поведения; кредитная культура.

Для цитирования: Ярашева А.В., Макар С.В., Решетников С.Б. Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 138–153.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-138–153
UDC 336.7;332.1
JEL F65, R11

The Credit Strategies of the Russians as the Reflection of the Model of Financial Behaviour

A.V. Yarasheva,
Financial University, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0002-6041-7700

S.V. Makar,
Financial University, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0002-1681-8814

S.B. Reshetnikov,
Financial University, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0001-6664-646X

ABSTRACT

Topic. The article is devoted to the analysis of financial behaviour the Russians and the formation of strategies of credit behaviour of the Russian population.

Purpose. Our purpose was: identification of the factors influencing the formation of financial behaviour of the population of Russia, determination of the role of credit services in the development of our country and its regions; clarification of the phase of the current state of consumer crediting; assessment of the current situation in the market of crediting of private individuals taking into account peculiarities of their strategies; generalization of the experience of the lending market by using a credit card; presentation of a typology of population's credit behavior; determination of the shortcomings of modern monetary and credit practices on the basis of credit behaviour of Russians.

Methodology. We use following methods: content-analysis, sociological methods (in-depth structured interviews), methods of expert evaluation, classification, and taxonomy.

Results. The authors highlighted the most important aspects, the relationships, and trends of financial behavior of the Russians. Compiled data are considered as factors of formation and study of models of financial behavior. Taking into account the functions of the loan, we describe the characteristics and types of credit instruments, the role of credit services in the development of territories (whole country and regions). The authors study of consumer lending and determine the phase of its modern state. We assess the current situation in the market of consumers' crediting taking into account their specific socio-income groups. Next, we classify the consumer credit services and present a typology of consumers' credit behavior. We ground the factors of choice of models of borrowers' behavior and identify the 'gaps' of modern financial and credit practices and generalize the experience of bank's lending on the example the most common product—credit card.

Conclusions. The authors propose ways to prevent possible negative processes in the credit market of Russia: financial education programs; improvement of the legislative base aimed at protection of the borrowers' rights; an increase of consumers' confidence in the financial (particularly the banking) system; the growth of living standards; state policy aimed at the sustainable socio-economic development of the country.

Keywords: national economy; regional economy; finance; credit behavior; credit modality, determinants of credit behavior; matrix of credit behavior; credit culture.

Citation: Yarasheva A.V., Makar S.V., Reshetnikov S.B. The credit strategies of the Russians as the reflection of the model of financial behaviour. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 138–153. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация кредитного поведения россиян, традиционно рассматриваемая в качестве важнейшей компоненты финансового поведения, связана с институциональными изменениями в кредитно-финансовой сфере, определенными изменениями в сознании массового потребителя, с использованием различных финансовых стратегий, предложением большого разнообразия финансовых продуктов, изменением уровня и качества жизни населения.

Кредитное поведение населения связано с распоряжением имеющимися сбережениями и свободными денежными средствами в целях расширенного потребления разнообразных благ. В настоящее время происходит активное развитие рынка кредитных услуг, что порождает формирование новой финансовой культуры, культуры потребления [1]. Отечественные исследования, посвященные изучению кредитного поведения населения, опираются на актуальные зарубежные работы [2–6], приобретающие значимость с учетом требований времени и национальных особенностей. Резкий рост количества кредитных продуктов и услуг на отечественном рынке, изменение моделей финансового поведения людей порождает большие социальные проблемы. Эти тенденции открывают новые аспекты изучения финансового поведения населения в нашей стране.

ФАКТОРЫ И МОДЕЛИ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Кредитные инструменты, наряду со сберегательными, расширяют платежеспособный спрос, увеличивая потребление товаров и услуг, способствуя тем самым развитию производств [7]. Кроме того, эти инструменты являются одним из способов трансформации денежных средств населения в инвестиции, которые обеспечивают экономическое развитие территорий. Однако эти изменения таят в себе некоторые опасности. Во всем мире, и особенно в высокоразвитых странах, наблюдается переход от кредита как средства осуществления покупки к кредиту как средству формирования особого стиля жизни [8]. Теперь в кредит все чаще приобретаются вещи, потребность в которых продиктована социальным окружением, новым потребительским сознанием, а не реальной необходимостью и возможностями домохозяйства [9]. Подчас этот кредит становится тяжелым бременем для людей, не рассчитавших свои силы и материальные возможности. Поэтому в целях контроля и своевременного реагирования на возникающие проблемы значимой и актуальной становится оценка текущей ситуации на рынке кредитования физических лиц с учетом социально-экономических особенностей их кредитных стратегий.

В отличие от сберегательного, кредитное поведение — как совокупность действий индивида или домохозяйства по распоряжению находящимися за рамками текущего потребления заимствованными денежными средствами в целях обеспечения расширенного потребления — в настоящий период времени более целенаправленно, осознанно и стратегически ориентировано. Выбор той или иной модели кредитного поведения определяется как экономическими и социально-демографическими (доход, богатство и имущество, образ жизни, пол, возраст, семейное положение, образование, род занятий), так и психологическими (мотивации, ожидания относительно собственного будущего и будущего страны, предпочтения, интересы, предшествующий опыт поведения и образ жизни родителей, финансовая дисциплина и т.д.) детерминантами.

Однако в целом в кредитно-финансовой практике не учитываются и игнорируются такие значимые внеэкономические, институциональные факторы кредитного поведения, как социализация индивида, его социальное окружение и социальные сети.

К числу объяснительных концепций кредитного поведения индивидов в рамках социальной психологии авторы относят исследование, проведенное С. Ли, П. Уэбли и К. Уолкером еще в 1995 г., где было выделено восемь основных факторов, детерминирующих кредитное поведение домашних хозяйств [10]:

1. *Социальное одобрение долгов:* поскольку в современном мире наблюдается смещение общественного мнения от осуждения долгов к поддержке кредитов, то в настоящее время к заимствованиям в форме банковских кредитов относятся достаточно терпимо и даже поощряют их.

2. *Экономическая социализация:* семьи, в которых к любым формам заимствования относятся терпимо, будут воспроизводить данную модель кредитного поведения в следующих поколениях.

3. *Социальное сравнение:* если люди ориентируются на более доходные стратификационные группы и стараются жить по принципу «не хуже других», то им гораздо проще взять кредит.

4. *Управление денежными средствами (личными финансами):* финансовые проблемы могут возник-

Таблица 1 / Table 1

Матрица кредитного поведения индивидов / Matrix of credit behavior of individuals

Установки по отношению к кредиту / credit features			
КРЕДИТНЫЙ ОПЫТ / CREDIT EXPERIENCE	**ПОЗИТИВНЫЕ / POSITIVE**	**НЕГАТИВНЫЕ / NEGATIVE**	**НЕЙТРАЛЬНЫЕ / NEUTRAL**
НАЛИЧИЕ / AVAILABILITY	Уверенные заемщики / Sure borrowers	Вынужденные заемщики / Compelled Borrowers	Равнодушные заемщики / Indifferent borrowers
ОТСУТСТВИЕ / ABSENCE	Потенциальные заемщики / Potential Borrowers	Антизаемщики / Anti-borrowers	Маловероятные заемщики / Improbable Borrowers

Источник / Source: [10, с. 26].

нуть вследствие неспособности индивида управлять доходами и расходами, в целом осуществлять персональное финансовое планирование.

5. *Потребительское поведение:* слишком высокие потребительские запросы (например, в предметах роскоши), товарах длительного пользования приводят к возникновению долгов.

6. *Временной горизонт:* чем менее реалистичным он представляется индивиду, тем проще прибегнуть к любым формам заимствований, в том числе к получению кредита.

7. *Отношение к долгу (кредитные установки):* если индивид не испытывает чувства беспокойства или сожаления, когда ему приходится прибегать к заимствованиям, то скорее его кредитное поведение будет выраженным.

8. *Фатализм:* чем больше у человека проявляется внешний локус контроля, тем выше вероятность, что он станет уверенным заемщиком.

Кредитное поведение индивидов и домашних хозяйств следует рассматривать как социальное, что позволит типологизировать поведение населения (заемщиков) на рынке кредитов по двум критериям:

1) установки по отношению к кредитам (предрасположенность индивида к заимствованиям);

2) наличие или отсутствие кредитного опыта.

В целом идею выявления специфических состояний индивида, предшествующих его реальному поведению, развивают многие исследователи, как в социологии, так и в социальной психологии.

Под социальной установкой следует понимать любое личное убеждение, намерение и ценности индивида, приобретенные им в процессе социализации. По мнению авторов, социальные установки индивидов по кредитной модальности могут быть позитивными (положительное отношение субъекта к получению кредита и практике кредитования в целом), негативными (отрицание кредита и нежелание им пользоваться), нейтральными (индифферентное отношение к практике заимствования и не проявление интереса к ней) и амбивалентными (наличие противоречивых чувств, одновременно испытываемых человеком по отношению к кредиту).

В целях контроля и своевременного реагирования на возникающие проблемы значимой и актуальной становится оценка текущей ситуации на рынке кредитования физических лиц с учетом социально-экономических особенностей их кредитных стратегий.

Наряду с кредитными установками для построения типологизации кредитного поведения используется второй критерий — кредитный опыт индивида, который рассматривается с точки зрения наличия или отсутствия у индивида практики получения кредита. В соответствии с выделенными критериями, в зависимости от их сочетания, представлена матрица кредитного поведения [10].

Анализ исследований кредитного поведения показывает, что, несмотря на ряд преимуществ, которые открывает перед гражданами возмож-

ность получения денежных средств в кредит, подавляющее большинство населения не собирается в ближайшие несколько лет пользоваться этими возможностями. Можно выделить четыре основные группы причин, по которым граждане не решаются или не стремятся участвовать в кредитной деятельности [11].

1. Отсутствие мотивации: отсутствие необходимости в кредите, принципиальное нежелание брать деньги в долг, возможность занять средства у кого-то из родственников или знакомых.

2. Нежелание сотрудничать с финансовыми организациями: негативный опыт получения денег в долг или кредит, недоверие финансовым организациям.

3. Отсутствие формальной возможности (жесткость условий получения кредита): отсутствие поручителей или возможности внесения залога, низкий размер официальной заработной платы, долгая процедура получения кредита. Эти факторы во многом являются взаимоисключающими по отношению друг к другу. Они образуют своеобразный треугольник, в центре которого находится самая распространенная группа причин, значимая для самых разных категорий граждан.

4. Отсутствие реальной возможности: низкий уровень дохода, высокие проценты, опасения, что не смогут вернуть кредит вовремя, и недостаток информации.

Отношение к долгу у большинства граждан весьма неоднозначное. Оно может изменяться в зависимости от того, в качестве кого они себя рассматривают — должника или кредитора, а также того, кто выступает контрагентом таких отношений,— другой индивид или же организация, государство.

В настоящее время, когда кредитные отношения между банками и клиентами находятся на этапе «роста, но еще не зрелости», всех потребителей кредитных услуг выделяют в три группы.

1. Потребители агрессивного поведения — это люди, которые пользуются кредитами регулярно, хорошо ориентируются в кредитных программах, имеют адекватную оценку своих финансовых возможностей, весьма дисциплинированные заемщики, сознающие ответственность за деньги, взятые в кредит. Чаще всего люди не способны накопить сколько-нибудь значимую сумму для приобретения желанного предмета. Все деньги «проедаются», «как не прячь от себя накопления — дальше сберкнижки не спрячешь». Поэтому проще купить что-либо в кредит, а потом стать добросовестным плательщиком. Основные черты агрессивного типа кредитного поведения — это правильное распределение своего дохода, своевременные выплаты, четкое осознание, что по кредитам придется платить проценты.

2. Потребители девиантного поведения — это кредитоманы, т.е. поведение с отклонениями. Доступность розничных кредитов и обилие товарных предложений зачастую приводят к тому, что граждане теряют чувство объективности по отношению к себе. Из-за неуемной страсти к потреблению такой заемщик не может расплатиться со всеми своими кредиторами. Кредитоманы, глядя на роскошный образ жизни, например звезд или своих начальников, пытаются им соответствовать и покупают в кредит вещи, которые им не жизненно необходимы, а которые позволяют им соответствовать определенному социальному статусу. Основные черты такого поведения — сознательный или подсознательный уход от обязательств и невыплаты ежемесячных платежей и в целом кредитов. Для покрытия существующих кредитов они берут все новые и новые кредиты на все большие суммы. В большинстве случаев — это заканчивается печально, кредитоманы объявляют себя банкротами и несут уже наказание за свое поведение.

3. Потребители адаптивного поведения (консерваторы) — это люди, которые воспользуются кредитом неохотно, только в крайних случаях (когда, например, сломался холодильник, а на новый пока денег нет или необходимо срочно потратить денег на лечение). Поведение таких людей больше можно назвать сберегательным, т.е. для них идеально, когда покупки осуществляются на накопленные в течение определенного периода времени денежные средства. Основные черты адаптивного поведения — обязательно своевременные ежемесячные выплаты в срок, полное выполнение обязательств со своей стороны. Консерваторы, когда берут ссуду, то всегда внимательно изучают условия договора и прикладывают все усилия для его досрочного погашения.

ОЦЕНКА ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Отметим, что в течение последних пяти лет в России происходит становление новой кредитной культуры. Тем не менее сейчас эта услуга востребована меньше, особенно относительно времени кредитного бума (2000–2008 гг.), когда со стороны банков наблюдалась кредитная экспансия. На сегодняшний день, с учетом закредитованности населения, понижения номинальных

Таблица 2 / Table 2

Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у вас кредитная карта и пользуетесь ли вы ею?» / Statistics of answers to a question "Do you have a credit card? Do you use it?", % респондентов / % of respondents

Варианты ответов / Possible answers	1	2	3	4	5	6	7
Есть кредитная карта, и я ею пользуюсь / Have a credit card and I use it	15	26	16	15	12	16	11
Есть кредитная карта, но я ею не пользуюсь / Have a credit card but isn't used	7	10	5	12	8	8	5
Нет, но планирую оформить в ближайшие 12 месяцев / No, but I plan to make out it in the next 12 months	10	8	15	16	5	13	9
Нет, и не планирую оформлять ее в ближайшие 12 месяцев / I am not going to make out it in the next 12 months	67	54	65	55	74	62	75
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	1	3	0	2	1	0	0

1. Россия / Russia. **2.** Москва и Санкт-Петербург / Moscow and St. Petersburg. **3**. Города-миллионники / Million-plus cities. **4**. Более 500 тыс. / More than 500 thousand. **5**. 100–500 тыс. / 100–500 thousand. **6**. Менее 100 тыс. / less 100 thousand. **7**. Села / Villages. Инициативный всероссийский опрос НАФИ проведен в сентябре 2013 г. / Initiative All-Russian survey of NAFI is conducted in September, 2013. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России / 1600 people in 140 settlements in 42 regions of Russia are interviewed. Статистическая погрешность не превышает 3,4% / The statistical error doesn't exceed 3,4%.
Источник / Source: Официальный сайт НАФИ / Official site of NAFI. URL: https://nafi.ru (дата обращения 05.07 2017).

Таблица 3 / Table 3

Распределение ответов на вопрос: «С каким из мнений вы в большей степени согласны?» / Answers to a question "What statement do you mostly agree?, % респондентов, имеющих кредитную карту / % of the respondents with a credit card

Мнения / Opinions	1	2	3	4	5	6	7
Оформил кредитную карту по собственной инициативе / I have made up a credit card by my own wish	59	84	67	53	52	49	57
Не планировал, но согласился после предложения банка / I didn't plan, but I have agreed later with offers bank offer	38	13	30	45	43	51	39
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	3	3	3	3	5	0	4

1. Россия / Russia. **2.** Москва и Санкт-Петербур / Moscow and St. Petersburg. **3**. Города-миллионники / Million-plus cities. **4**. Более 500 тыс. / More than 500 thousand. **5**. 100–500 тыс. / 100–500 thousand. **6**. Менее 100 тыс. / less 100 thousand. **7**. Села / Villages. Инициативный всероссийский опрос НАФИ проведен в сентябре 2013 г. / Initiative All-Russian survey of NAFI is conducted in September, 2013. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России / 1600 people in 140 settlements in 42 regions of Russia are interviewed. Статистическая погрешность не превышает 3,4% / The statistical error doesn't exceed 3,4%.
Источник / Source: Официальный сайт НАФИ / Official site of NAFI. URL: https://nafi.ru (дата обращения 05.07 2017).

Таблица 4 / Table 4

Распределение ответов на вопрос: «Почему вы решили оформить или активировать присланную / предложенную банком кредитную карту?», % респондентов, имеющих кредитную карту / Answers to a question "Why you have decided to issue or to activate the credit card which is sent / offered by bank?", % of the respondents having the credit card

На всякий случай / Just in case	36
На случай крупной покупки / In a case of large purchase	34
На случай нехватки денег до зарплаты / In case of lack of money to pay	28
Нет необходимости иметь при себе наличные деньги / There is no need to have cash with	7
Возможность расплачиваться картой при покупке товаров через Интернет / The possibility to pay by card when you purchase products via Internet	7
Для поездок за границу / For travel abroad	5
Сохранение денег при утере или краже карты / Save money in case of loss or theft of the card	4
Предоставляются скидки по кредитной карте в магазинах / Discounts on credit card in stores	4
Для оплаты коммунальных и телекоммуникационных услуг / For paying for utility and telecommunication services	4
Иметь кредитную карту престижно / To have a credit card is prestigious	3
Я хотел перевести деньги родственнику / другу безналичным платежом / I want to transfer money to a relative / friend non-cash payment	1
Я решил накапливать баллы (мили авиакомпаний), чтобы обменять их на вознаграждение / I decided to accumulate points (miles for airlines) to exchange their reward	1
По карте предоставляется Cash Back (возврат части потраченной суммы на карту) / This card offers Cash Back (cash back of the amount spent on map)	1
Другое / Other	3
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	2

Инициативный всероссийский опрос НАФИ проведен в сентябре 2013 г. / Initiative All-Russian survey of NAFI is conducted in September, 2013. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России / 1600 people in 140 settlements in 42 regions of Russia are interviewed. Статистическая погрешность не превышает 3,4% / The statistical error doesn't exceed 3,4%.
Источник / Source: Официальный сайт НАФИ / Official site of NAFI. URL: https://nafi.ru (дата обращения 05.07.2017).

и реальных доходов граждан (а значит, и уменьшением количества одобрений кредитных заявок), наличием скрытой безработицы, которая заставляет население откладывать покупки и больше сберегать, чем потреблять, а также уменьшением числа кредитных организаций (санация банков), безусловно, услуги кредитования становятся менее востребованными. Так, например, по результатам всероссийского социологического опроса Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), проведенного в марте 2017 г.,[1] 77% респондентов считают, что «сейчас плохое время, чтобы брать кредиты» (против 58% ответивших также в 2008 г.)

Рассматривая кредитное поведение на примере использования самого распространенного кредитного продукта — кредитной карты, по данным Национального бюро кредитных историй (НБКИ), в I квартале 2014 г. доля кредитов, выданных с использованием кредитных карт, сократилась еще на 3,1%. Продолжается тенденция 2013 г. по сокращению сегмента кредитных карт. Согласно НБКИ, в 2013 г. объем кредитов, выданных с помощью карт, вырос на 41,2%, тогда как в 2012 г. рост составил 110,6%. Однако рынок не только сжимается, растут и темпы закрытия ранее выданных карт [12].

[1] Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России в возрасте от 18 лет и старше.

Таблица 5/ Table 5

Используете ли вы кредиты / кредитные карты?, чел.* / Do You use loans / credit cards?, people

Ответы на вопрос / Answers	Доля респондентов / Percentage of respondents
Использую кредиты / Use credits	16
Использую кредитную карту / Use credit card	8
Не использую кредиты и кредитные карты / Don't use credit card	9
Был опыт использования кредитов / Had an experience of using credit card	4
Был опыт использования кредитных карт / Without any experience	2

Источник / Source: [13, с. 52].

* Респонденты могли назвать более одного варианта.

По данным НАФИ, кредитные карты имеют 22% россиян, однако пользуются ими только 15%. Москвичи чаще, чем жители других населенных пунктов, расплачиваются с помощью «кредитки» (26%). Каждый десятый признался, что не имеет такой карты, но планирует оформить ее в течение 12 месяцев. Две трети наших сограждан (67%) не оформляли кредитную карту и не намерены это делать в ближайшем году. Такое поведение наиболее свойственно селянам (75%) и жителям городов с численностью населения от 100 тыс. до 500 тыс. человек (74%). Полные данные приведены в *табл. 2*.

Как видно из *табл. 3,* большая часть россиян, имеющих кредитную карту, оформила ее по своей инициативе (59%). В Москве и Санкт-Петербурге таковых 84%. Более трети владельцев «кредиток» не планировали их получать, но сделали это после предложения банка (38%). Об этом чаще сообщают жители малых городов с численностью жителей до 100 тыс. человек (51% владельцев кредитных карт).

В основном кредитные карты оформляют или активируют на всякий случай либо для крупной покупки (36% и 34% владельцев карт соответственно). 28% опрошенных рассказали о том, что сделали это на случай нехватки денег до зарплаты. Отсутствие необходимости иметь наличные деньги, а также возможность расплачиваться картой в Интернете побудили 7% респондентов завести «кредитку» (*табл. 4*).

Большинство россиян (71%) отказалось бы оформить кредитную карту, если такое предложение поступило бы от банка. Положительно отреагировали бы 15% взрослого населения, а 7% опрошенных уже имеют банковскую карту.

Наиболее распространенные причины отказа от оформления кредитки — отсутствие потребности в заемных деньгах или достаточный уровень заработка — об этом говорит треть россиян, не готовых оформлять кредитную карту. Почти пятая часть этой категории опрошенных (17%) называет в качестве причины отказа от кредитной карты — слишком высокие процентные ставки. Еще 11% не берут кредиты в принципе, а 9% объяснили свой отказ от кредитной карты отсутствием достаточного количества средств, чтобы возмещать долг. Недоверие к банкам в целом сдерживает от оформления кредитной карты 8% россиян, которые бы отказались получить такую карту[2].

Возраст и состояние здоровья мешают воспользоваться предложением банка и открыть кредитку 3% россиян, не согласных принять такое предложение. Не умеют пользоваться кредитной картой и поэтому отказываются от нее всего 2%. Еще одной возможной причиной отказа от кредитки может быть негативный опыт пользования данной банковской услугой в прошлом. Однако эту причину указывают редко — не более 1%. Не смогли объяснить причину отказа от предложения банка открыть кредитную карту 18% респондентов, не готовых оформить такую карту.

Согласно результатам исследования можно сделать вывод о том, что многие люди не до конца понимают суть кредитной карты и всех ее преимуществ. Ситуацию усугубляет и неуверенность в финансовой ситуации в стране и своих доходах в ближайшем будущем, что также побуждает граждан к закрытию «лишних» кредитных карт и кредитов в целом. При этом финансовая грамотность населения по-прежнему остается на низком уровне, а агрессивная банковская политика, реклама

[2] Энциклопедия финансового поведения россиян. НАФИ. 2014.

Таблица 6 / Table 6

Цели использования кредитов, чел.* / Purpose of using loans, people

Цели / Aim	Доля респондентов / Percentage of respondents
Ипотека / Mortgage	6
Кредит на автомобиль / Loan for car	3
Кредит на улучшение жилищных условий / The credit for the improvement of living conditions	1
Кредит на крупные покупки / A loan for a major purchase	2
Кредит на поездку за границу / A loan for a trip abroad	
Кредит на обучение / Student loans	
Кредит на развитие бизнеса / Loan for business development	5
Кредит на покрытие непогашенного кредита / A loan to cover the outstanding loan	

Источник / Source: [13, с. 53–54].

* Респонденты могли назвать более одной цели.

и упрощение процедуры оформления кредитов (в том числе простота получения кредитной карты) приводят к увеличению закредитованности населения. В результате в кредитных портфелях коммерческих банков катастрофически увеличивается количество просроченных кредитов.

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫСОКОДОХОДНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Незрелость кредитных отношений подтверждают и данные социологического опроса, проведенного ИСЭПН РАН по заказу госкорпорации АСВ в декабре 2014 г. среди высокодоходных групп населения России (опрошены 32 эксперта в 8 городах страны). Следует отметить, что последующее сравнение мнений респондентов, относящихся к разным социально-доходным группам, показало, что ответы практически совпадают. Это связано с тем, что в кризисные годы (2014–2016) высокодоходные группы по своему финансовому поведению близки к другим слоям (в «тучные» годы было иначе). Поэтому выводы по самому активному в отношении кредитов слою в условиях сегодняшней нестабильности можно распространять и на другие группы населения.

Итак, треть опрошенной аудитории не имеет опыта банковского кредитования в независимости от возраста (*табл. 5*), 6 экспертов сталкивались с банковским кредитованием в прошлом, но на данный момент не используют кредиты или кредитные карты. Половина респондентов сообщила о том, что они используют кредиты, 8 экспертов пользуются кредитными картами, причем пользуются данными продуктами давно.

Основные цели использования кредитов: покупка недвижимости, т.е. ипотечный кредит (6 экспертов); развитие бизнеса (5 экспертов); покупка автомобиля (3 эксперта) (*табл. 6*).

Так, среди ответов экспертов высказывались следующие мнения:

«Использовала кредит в прошлом году. Кредитными картами не пользуюсь — считаю это переплатой. Если, конечно, есть необходимость покупки какой-то небольшой вещи на сумму, которую я могу покрыть в течение 50 дней льготного периода беспроцентного, тогда бы я оформила ее, тем более что сейчас это делается быстро. Кредит брала с целью ремонта, год назад» (руководитель проектов в страховой компании, 28 лет, Москва).

Таблица 7 / Table 7

Распределение ответов на вопрос: «Сейчас я покажу вам список высказываний, сделанных разными людьми. По какому из высказываний отметьте, пожалуйста, вы согласны или не согласны с ним?», в % от всех опрошенных / Distribution of answers to the question: "Now I will show You a list of statements made by different people. According to some of the statements, please indicate do You agree or disagree with him?", in % of all respondents

		18–24 года / years	25–34 года / years	35–44 года / years	45–59 года / years	60+ года / years
Возможность взять кредит делает мою жизнь намного проще и приятнее, это замечательная возможность получить понравившуюся вещь / The ability to borrow makes my life a lot easier and more enjoyable, this is a great opportunity to get any thing	Скорее согласен / I tend to agree	44	45	38	33	25
	Скорее не согласен / I tend to disagree	40	39	48	49	50
	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	16	16	14	18	25
Пользование кредитом экономически оправдано — рост цен превышает проценты по кредиту / The loan is economically justified the price increase exceeds the interest on the loan	Скорее согласен / I tend to agree	27	31	31	26	16
	Скорее не согласен / I tend to disagree	47	49	48	51	52
	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	26	20	21	23	32

Источник / Source: Официальный сайт НАФИ / Official website of NAFI. URL: http://nacfin.ru/kredit-ne-dlya-vsex/ (дата обращения: 05.07.2017).

«Брала кредит на покупку автомобиля» (ИП, 28 лет, Ростов-на-Дону).

«Кредиты не люблю. Очень не люблю, но в любом случае в той или иной степени пользуюсь. Кредиты потребительские не воспринимаю, потому что слишком высоки ставки, слишком большие переплаты. Единственный кредит, который я приемлю, это ипотечные кредиты» (заместитель директора филиала НПФ, 33 года, Ростов-на-Дону).

«Да, есть ипотечный кредит» (гл. бухгалтер, 39 лет, Краснодар).

Основные цели использования кредитной карты: накапливание баллов (милей авиакомпаний), на случай нехватки денег, а также на случай крупной покупки и для поездок за границу. Из интервью складывается впечатление, что люди не до конца понимают суть кредитной карты. Так как то, что они предполагают под кредитной картой, является, по сути, дебетовой картой с овердрафтом.

«Кредитами никогда не пользовался, и нет такого желания, а кредитная карта всегда существует. Потому что это как средство расчета за границей и у нас уже это бывает удобно, но не везде возможно расплатиться кредитной картой» (предприниматель, 56 лет, Москва).

«Кредитную карту я использую для совершения каких-то незапланированных покупок, если у меня недостаточно наличности. При этом досрочно могу погасить, когда у меня средства появятся. Плюс кредитная карта у меня привязана, как правило, к какой-нибудь программе лояльности, в частности авиакомпании или какой-то бонусной программе и т.д. А кредиты — это совершение крупных покупок» (госслужащий, 30 лет, Москва).

Таблица 8 / Table 8

Распределение ответов на вопрос: «Сейчас я покажу вам список высказываний, сделанных разными людьми. По какому из высказываний отметьте, пожалуйста, вы согласны или не согласны с ним?», в % от всех опрошенных / Distribution of answers to the question: "Now I will show You a list of statements made by different people. According to some of the statements, please indicate do You agree or disagree with him?", in % of all respondents

		ЦФО / TSFO	СЗФО / SZFO	ЮФО / SFO	СКФО / SKFO	ПФО / PFO	УФО / UFO	СФО / SFO	ДФО / DFO
Возможность взять кредит делает мою жизнь намного проще и приятнее, это замечательная возможность получить понравившуюся вещь / The ability to borrow makes my life a lot easier and more enjoyable, this is a great opportunity to get any thing	Скорее согласен / I tend to agree	26	41	36	29	45	43	45	21
	Скорее не согласен / I tend to disagree	59	37	47	48	35	43	33	79
	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	15	22	17	23	20	14	22	0
Пользование кредитом экономически оправдано — рост цен превышает проценты по кредиту / The loan is economically justified the price increase exceeds the interest on the loan	Скорее согласен / I tend to agree	22	24	23	22	27	26	33	36
	Скорее не согласен / I tend to disagree	52	53	53	57	42	53	45	58
	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	26	23	24	21	31	21	21	6

Источник / Source: Официальный сайт НАФИ / Official website of NAFI. URL: http://nacfin.ru/kredit-ne-dlya-vsex/ (дата обращения: 05.07.2017).

Таблица 9 / Table 9

Распределение ответов на вопрос: «Сейчас я покажу вам список высказываний, сделанных разными людьми. По какому из высказываний отметьте, пожалуйста, вы согласны или не согласны с ним?», в % от всех опрошенных / Distribution of answers to the question: "Now I will show you a list of statements made by different people. According to some of the statements, please indicate do You agree or disagree with him?", in % of all respondents

		До 5000 руб. / Up to 5000 rubles	5000–8000 руб. / 5000–8000 rubles	8000–10 000 руб. / 8000–10 000 rubles	10 000–15 000 руб. / 10 000–15 000 rubles	Выше 15 000 руб. / Above 15 000 rubles
Возможность взять кредит делает мою жизнь намного проще и приятнее, это замечательная возможность получить понравившуюся вещь / The ability to borrow makes my life a lot easier and more enjoyable, this is a great opportunity to get any thing	Скорее согласен / I tend to agree	31	36	31	38	46
	Скорее не согласен / I tend to disagree	52	48	47	47	42
	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	17	16	22	15	12
Пользование кредитом экономически оправдано — рост цен превышает проценты по кредиту / The loan is economically justified the price increase exceeds the interest on the loan	Скорее согласен / I tend to agree	23	25	24	26	33
	Скорее не согласен / I tend to disagree	53	54	51	50	48
	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	24	21	25	24	19

Источник / Source: Официальный сайт НАФИ. URL: http://nacfin.ru/kredit-ne-dlya-vsex/ (дата обращения: 05.07.2017).

«Непосредственно кредитные карты используем для расчета в магазинах. Если, например, у нас отложены деньги и не хочется лезть в эту сумму, то мы берем кредитную карту, тратим на какие-то нужды, а потом с зарплаты докладываем на эту кредитную карту, так как есть сейчас 50 дней беспроцентного пользования, остальные денежные средства кладем опять же в копилку» (главный бухгалтер, 35 лет, Ростов-на-Дону).

Наиболее часто встречающимися причинами, по которым респонденты не пользуются кредитными продуктами, являются следующие: нет необходимости в данном продукте, слишком высокая процентная ставка, не берут кредиты в принципе (отрицательное отношение), недоверие к банкам, а также желание не быть никому должным.

«Была кредитная карточка „Дженерал Электрик", и я купил телевизор — тогда еще не было таких нормальных доходов. И просто замучился вносить. Там буквально на день опоздаешь, уже начинаются выговоры, звонки бесконечные. Просто вещи, унижающие человеческое достоинство. Ни при каких условиях никакие кредитные карты я брать

не буду. Это просто обман и унижение. Самое отрицательное отношение» (профессор, 62 года, Казань).

«Нет, не использую. Занимаешь чужие и ненадолго, а отдаешь свои и навсегда. Не пользовался ими ни разу. Соизмеряю свои возможности со своими запросами. Поэтому все это дело миновало» (директор, 54 года, Нижний Новгород).

«Я пользовался кредитной картой, с достаточно хорошим кредитным ресурсом, порядка 1 000 000 рублей, но все же в большей степени это было использование денег для бизнеса, не для личных целей (покупок). То есть, предложения розничных кредитов, которые сейчас мне раз в неделю стабильно поступают (предлагает какой-либо из банков, либо звонит, либо присылает СМС, даже по почте письма присылает) они мне не интересны. Я думаю, что людям с уровнем дохода порядка 300 000–500 000 рублей не интересны» (предприниматель, 35 лет, Краснодар).

«Никогда не пользовалась, надеюсь никогда не пользоваться и считаю, что кредит можно брать только в одном случае — на жилье. С остальным можно переждать, пережить, чем переплачивать. Если у людей маленький доход, если они не уверены в своей работе, которую всегда можно потерять в любой момент, глупо пользоваться кредитом, особенно на такие товары, как электроника, мебель, без всего этого можно обойтись. Лучше накопить и купить, чем оплачивать кредиты» (педагог, 63 года, Москва).

Мнения, высказанные представителями высокодоходных слоев населения, подтверждают и данные исследования НАФИ (июль 2014 г.), при которых опрашивались граждане любых социально-доходных категорий. Несмотря на обилие предложений, представленных на российском рынке банковских услуг, около половины россиян считают, что использование кредитов не делает жизнь проще (46%) и экономически не оправдано (50%).

Результаты опроса, проведенного НАФИ в марте 2017 г., показали, что за последний год треть россиян выплачивали кредиты, и 38% заемщиков считают, что небольшие просрочки платежей не страшны. Невозврат кредита сегодня считают допустимым 26% россиян. Почти половина опрошенных готовы оправдать неплательщика, если причиной тому послужили внезапно возникшие обстоятельства (например, экономический кризис или болезнь).

Улучшение жизни за счет кредита заметили в основном молодые люди от 24 до 34 лет (45%), отмечая при этом его выгоду (31%). Негативнее всех к кредитным продуктам относятся россияне старше 45 лет (51%) (*табл. 7*).

Около половины жителей Приволжского и Сибирского федеральных округов утверждают, что с кредитом их жизнь «стала проще и приятнее» (по 45%), а также «пользование им экономически оправдано» (27 и 33% соответственно). Намного негативнее относятся к кредитованию респонденты, опрошенные в Дальневосточном округе (64%) (*табл. 8*).

Пользование кредитом было одобрено в основном теми, кто имеет свыше 15 тыс. руб. ежемесячного дохода на одного члена семьи (43%). Не согласны же с ними те россияне, заработок которых не превышает 8 тыс. руб. на человека (48%) (*табл. 9*).

По данным исследования ИСЭПН РАН финансового поведения высокодоходных групп, самым привлекательным условием при выборе кредитного продукта является низкая процентная ставка, т.е. важный параметр — величина процентной ставки. Еще один параметр при выборе кредитного продукта — опыт и рекомендации знакомых [13].

Последний критерий также важен и при поиске информации о кредитных продуктах и услугах, на это указало 3 человека. 8 экспертов владеют информацией о банковских кредитах благодаря банковским службам, которые либо самостоятельно напрямую предлагают свои услуги, либо сам респондент обращается за информацией в банк.

Лидерство среди источников информации по кредитным продуктам и услугам — у сети Интернет (8 экспертов):

«Черпаю информацию от знакомых. Выбор кредита — это наличие контактов в банке, реальность получения кредита, поддержка и помощь в оформлении документов и процентная ставка, естественно» (ИП, 37 лет, Нижний Новгород).

«С минимальной процентной ставкой, естественно. С минимальной переплатой, я бы так сказала» (ИП, 28 лет, Ростов-на-Дону).

«Информацию о возможностях и ресурсах на кредитном рынке — в первую очередь из Интернета, рекламы и личных знакомств, потому что у меня достаточное количество знакомых работает в банковской сфере» (заместитель директора филиала НПФ, 33 года, Ростов-на-Дону).

«Смотря для чего нужен кредит. Если кредит нужен для покупки, например, в магазине бытовой техники, я, во-первых, посмотрю, есть ли кредиты, которые как бы субсидируются самой организацией, т.е. цена точно такая же, а переплаты нет. Это

не только реклама, что без переплаты, а именно проверка, что действительно эта сумма не превысит. Если мне кредит нужен на какие-то другие цели — ремонт сделать, еще что-то, я выбираю банк, где мне не откажут стопроцентно и ставка будет небольшая. Как правило, если зарплата на Сбербанке, то Сбербанк всегда навстречу идет» (старший брокер, 39 лет, Воронеж).

«Единственный критерий — это процентная ставка, чем ниже процентная ставка, тем привлекательнее эта услуга» (руководитель, 63 года, Санкт-Петербург).

«От других людей: если кто-то из друзей мне говорит, что взял кредит там-то, заплатил столько-то, и получилось так-то, для меня это хорошая мотивация. Это раз. И, во-вторых, из рекламы, конечно. Но по большей части, наверное, это от других людей. От рекомендаций» (ИП, 28 лет, Ростов-на-Дону).

«Конечно, те контакты с работниками банков, которые заинтересованы в частном секторе, которые приходят ко мне не как к руководителю организации, а ко мне как вот ко мне. И соответственно уже дальше пытаются, так или иначе, вовлечь в какое-то участие в тех или иных инструментах. Вот отсюда информацию и получаю» (генеральный директор, 38 лет, Санкт-Петербург).

Единодушны эксперты и в вопросе достаточного предложения на рынке кредитных услуг.

«Предложений более чем достаточно. Информацию черпаю из рекламных объявлений, плюс, в случае возникновения необходимости, в кредитных средствах изучаю рынок, смотрю предложения различных банков. Что критерием является — это ставка в первую очередь» (госслужащий, 30 лет, Москва).

«Считаю, что в настоящий момент очень большое разнообразие различных предложений по кредитам существует. Единственное, что мне мешает, и я считаю, что во многом портит восприятие населением кредитов, это поведение микрофинансовых организаций, которые отвращают от использования данного инструмента, хотя, в принципе, использование кредитных средств, я считаю, вполне разумным и оправданным в определенных ситуациях» (ведущий экономист, 28 лет, Москва).

Только 5 экспертов из числа опрошенных в ближайшие 12 месяцев планировали брать кредиты: на покупку недвижимости (ипотечный кредит) и на развитие бизнеса.

«Да, планирую, ипотечный кредит для приобретения собственного жилья» (ведущий экономист, 28 лет, Москва).

«Может быть через год, если мы загасим предыдущий ипотечный кредит. Я буду расширяться в своем жилье, и будем опять брать новый ипотечный кредит» (главный бухгалтер, 39 лет, Краснодар).

«Планирую биться до последнего, чтобы не брать кредиты. Но если придется, возьму кредит» (генеральный директор, 71 год, Санкт-Петербург).

«Наверное, возьму ипотечный кредит» (начальник отдела маркетинга, 31 год, Воронеж).

«Вообще планирую брать на бизнес» (ИП, 37 лет, Нижний Новгород).

На вопрос «Приходилось ли вам брать кредит для покрытия непогашенного кредита?» только три эксперта признались, что имеют такой опыт. Остальным не доводилось сталкиваться с подобной практикой.

«Да, бывало. Конечно ужасная практика. Но, слава богу, краткосрочная. И, в общем, тоже очень не нравится. Единственное, не доходит дело до абсурда — не формируется пирамида, что хуже, хуже, хуже. Нет, это в обратную сторону происходит — берется на лучших условиях закрывать худшие» (генеральный директор, 38 лет, Санкт-Петербург).

«Да, конечно. Был ипотечный кредит, нужно его срочно загасить, подоспела уже квартира, которая достроилась, ее нужно продавать, берешь деньги в другом банке, т.е. гасишь этот кредит и продаешь квартиру и гасишь кредит, который не ипотечный» (главный бухгалтер, 39 лет, Краснодар) [7].

ВЫВОДЫ

Резюмируя, можно отметить, что в целях обеспечения условий для формирования взвешенных стратегий кредитного поведения, повышения личной ответственности индивидов за принимаемые ими кредитные решения, за собственное экономическое благополучие, а также предотвращения возможных негативных процессов на кредитном рынке необходима работа по нескольким направлениям. К ним относятся повышение информированности потребителя, его финансовых знаний и навыков (в рамках программ финансового просвещения); совершенствование законодательной базы и эффективная защита прав обманутых заемщиков; повышение доверия населения к финансовой системе (при участии как федеральных, так и региональных властей) [14, 15]; политика, направленная на улучшение уровня жизни [16], увеличение реальных денежных доходов граждан и обеспечение стабильного социально-экономического развития страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алиева И. А. Финансовое поведение населения: теоретический аспект // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16. № 2. С. 107–109.
2. Katona G. To Spend or to Save? In Katona, G. Psychological economics. New York: Elsevier, 1975, pp. 229–239.
3. Leora F. Klapper, Annamaria Lusardi, Georgios A. Panos. Financial literacy and the financial crisis. NBER. 2012. Working paper No. WP-17930. URL: http://www.nber.org/papers/w17930.
4. Kolenikov S., G. Angeles. The Use of Discrete Data in Principal Component Analysis with Applications to Socio-Economic Indices. 2004. CPC/MEASUREWorkingpaper No. WP-04–85.
5. Xu L., Zia B. Financial Literacy around the World: An Overview of the Evidence with Practical Suggestions for the Way Forward. Policy Research Working Paper 6107. June 2012. URL: http://www.worldbank.org.
6. Atkinson A., Messy F. Measuring Financial Literacy: Results of the OECD // International Network on Financial Education (INFE) Pilot Study, OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions. 2012. No. 15. OECD Publishing. URL: http://dx.doi.org/10.1787/5k9csfs90fr4-en.
7. Белехова Г. В. Кредитное поведение населения: современные аспекты (на примере Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2014. Вып. 1 (11). С. 1–14.
8. Стребков Д. О. Социальные аспекты кредитного поведения населения // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 83–12.
9. Дикий А. А. Жизнь в кредит: установки и поведенческие стратегии россиян // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 134–140.
10. Давыденко И. Г. Детерминанты кредитного поведения населения в условиях развития рынка потребительского кредитования // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 3. С. 22–27.
11. Юсупова Д. А. Основные черты и типы кредитного поведения // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2009. Т. 4. № 1 (11). С. 91–96.
12. Аликперова Н. В. К вопросу о востребованности кредитных карт в современной России // Проблемы развития общества в условиях неопределенности: экономические, социальные и управленческие аспекты // Материалы Международной научно-практической конференции. М.: Региональный центр социально-экономических и политических исследований «Общественное содействие», 2014.
13. Александрова О. А., Аликперова Н. В., Бурдастова Ю. В., Ненахова Ю. С., Ярашева А. В. Инвестиционно-сберегательные стратегии высокодоходных групп населения. Коллективная монография / под науч. ред. О. А. Александровой, А. В. Ярашевой. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. 158 с.
14. Макар С. В. Пространственный анализ: развитие концепции и возможностей применения // Вестник Финансового университета. 2012. № 2 (68). С. 61–72.
15. Строев П. В. Анализ факторов, оказывающих влияние на инновационную активность в экономике России // Вестник Финансового университета. 2012. № 2. С. 143–148.
16. Мигранова Л. А., Тореев В. Б., Ярашева А. В. Экономическое поведение: анализ и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 116–124.

REFERENCES

1. Aliyeva I. A. Financial behavior of the population: theoretical aspect. *Vestnik KRSU* = *Bulletin of KRSU*, 2016, vol. 16, no. 2, pp. 107–109. (In Russ.).
2. Katona G. To Spend or to Save? In Katona, G. Psychological economics. New York: Elsevier, 1975, pp. 229–239.
3. Leora F. Klapper, Annamaria Lusardi, Georgios A. Panos. Financial literacy and the financial crisis. NBER. 2012. Working paper no. WP-17930. URL: http://www.nber.org/papers/w17930.
4. Kolenikov S. and G. Angeles. The Use of Discrete Data in Principal Component Analysis with Applications to Socio-Economic Indices. 2004. CPC/MEASUREWorkingpaper, no. WP-04–85.
5. Xu L., Zia B. Financial Literacy around the World: An Overview of the Evidence with Practical Suggestions for the Way Forward. Policy Research Working Paper 6107. June 2012. URL: http://www.worldbank.org.

6. Atkinson A., Messy F. Measuring Financial Literacy: Results of the OECD. International Network on Financial Education (INFE). Pilot Study. OECD Working Papers on Finance, Insurance, and Private Pensions. 2012. no. 15. OECD Publishing. URL: http://dx.doi.org/10.1787/5k9csfs90fr4-en.
7. Belekhova G.V. Credit behavior of the population: modern aspects (on the example of Vologda region). *Voprosy territorial'nogo razvitiya = Territorial development issues*, 2014, no. 1 (11), pp. 1–14. (In Russ.).
8. Strebkov D.O. Social aspects of population's credit behavior. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal*, 2007, no. 1, pp. 83–12. (In Russ.).
9. Dikii A.A. The life in the credit: attitudes and behavioral strategies of the Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2012, no. 5, pp. 134–140. (In Russ.).
10. Davydenko I.G. The determinants of credit behavior of the population in the conditions of development of the market of consumer credit. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economy, law*, 2014, no. 3, pp. 22–27. (In Russ.).
11. Yusupova D.A. The basic features and types of credit behavior. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Kazan State Agrarian University*, 2009, vol. 4, no. 1 (11), pp. 91–96. (In Russ.).
12. Alikperova N.V. To the question about the demand for credit cards in modern Russia. Problems of development of society in conditions of uncertainty: economic, social and managerial aspects. Proceedings of International scientific-practical conference. Moscow: Regional center for socio-economic and political studies "Public assistance" 2014. (In Russ.).
13. Aleksandrova O.A., Alekperova N.V., Burdastova Yu.V., Nenakhova Yu.S., Yarasheva A.V. Investment-savings strategy of high-income groups. The collective monograph. O.A. Aleksandrova, A.V. Yarasheva (Ed.). Moscow: Publishing house "Eco-Inform", 2016. 158 p. (In Russ.).
14. Makar S.V. Spatial analysis: the development of the concept and possibilities of application. *Vestnik Finansovogo universiteta = The Bulletin of the Financial University*, 2012, no. 2 (68), pp. 61–72. (In Russ.).
15. Stroyev P.V. The analysis of the factors influencing the innovation activity in the Russian economy. *Vestnik Finansovogo universiteta = The Bulletin of the Financial University*, 2012, no. 2, pp. 143–148. (In Russ.).
16. Migranova L.A., Toneev V.B., Yarasheva A.V. Economic behavior: analysis and prospects. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2014, no. 1 (31), pp. 116–124. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Азиза Викторовна Ярашева — доктор экономических наук, профессор Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
baktriana@rambler.ru
Светлана Владимировна Макар — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
svetwn@mail.ru
Станислав Борисович Решетников — младший научный сотрудник, Центр региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
reshetnikovst@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Aziza V. Yarasheva — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of sociology, Financial University, Moscow, Russia
baktriana@rambler.ru
Svetlana V. Makar — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading researcher, Center for regional economy and inter-budgetary relations, Financial University, Moscow, Russia
svetwn@mail.ru
Stanislav B. Reshetnikov — Junior researcher, Center for regional economy and inter-budgetary relations, Financial University, Moscow, Russia
reshetnikovst@gmail.com

DOI 10.26794/2587-5671-2017-21-6-154-165
УДК 338.124.4(045)
JEL G01, G15

Феномен заразных финансовых пузырей

Е.Б. Нетунаев,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
https://orcid.org/0000-0001-8864-8693

АННОТАЦИЯ

Предмет. Исследуется феномен заразных финансовых пузырей — ситуации, при которой финансовый пузырь возникает на фондовом рынке одной страны в результате событий на фондовом рынке другой страны. Глобализация финансовых рынков создала условия для миграции финансовых пузырей с одних рынков на другие. В результате к классическим причинам эйфории инвесторов, таких как рост экономики и кредитная экспансия, необходимо добавить активность зарубежных инвесторов.

Цель. Определение мер противодействия заразным пузырям.

Методология. На основе сравнительного анализа теоретических и эмпирических работ определены механизмы формирования заразных финансовых пузырей. Проведен статистический анализ финансовых пузырей в США и Китае. В рамках анализа рассматривались долларовые индексы семейства MSCI: они рассчитываются одним источником, исходя из общей методологии, что позволяет избежать искажений, связанных с разными принципами построения фондовых индексов. Подробно исследовался феномен коинтеграции фондовых рынков.

Результаты. В статье выделены основные механизмы формирования заразных финансовых пузырей. На основе сравнения финансовых пузырей в США и Китае показано, что заразные финансовые пузыри формируются под влиянием ситуации на финансовых рынках развитых стран. Определены условия заражения финансовыми пузырями. По итогам анализа причин и механизмов возникновения заразных пузырей рассматриваются возможные меры регулятора для противодействия финансовым пузырям. Обобщая полученные результаты, определены приоритетные меры противодействия заразным пузырям.

Выводы. Попытки сдерживания финансовых пузырей (в том числе за счет мер денежно-кредитной политики) представляются неэффективными. Предпочтительно предпринимать меры сдерживания негативных последствий обвала цен в результате схлопывания финансовых пузырей.

Ключевые слова: финансовый пузырь; кризис; глобализация; фондовые рынки; финансовая интеграция

Для цитирования: Нетунаев Е.Б., Феномен заразных финансовых пузырей // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 154–165.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-154–165
UDC 338.124.4(045)
JEL G01, G15

The Phenomenon of Contagious Financial Bubbles

E.B. Netunaev,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
https://orcid.org/0000-0001-8864-8693

ABSTRACT

Topic. The author examines the phenomenon of contagious financial bubble — a situation in which a financial bubble arises on the stock market of one country as a result of events on the stock market of another country. Globalization of financial markets has created the conditions for the migration of financial bubbles from one market to another. As a result, to the classical causes of investors' euphoria, such as economic growth and credit expansion, it is necessary to add the activity of foreign investors.

Purpose. The purpose of this paper is a determination of measures to counter infectious bubbles.

Methodology. Based on comparative analysis of theoretical and empirical papers we identified the infectious mechanisms of formation of financial bubbles. We conducted statistical analysis of financial bubbles in the US and China. The analysis considered the dollar index family MSCI: they are calculated by one source, based on a common methodology that allows avoiding distortions due to the different construction principles of indices. Also, we conducted a detailed study of the phenomenon of co-integration stock markets.

Results. The article highlights the basic mechanisms of contagious financial bubbles. Based on the comparison of financial bubbles in the US and China we showed that infectious bubbles are formed under the influence of the situation on the financial markets of developed countries. Further, we determined the conditions of infection of financial bubbles. In accordance with the results of the analysis of the causes and mechanisms of occurrence of contagious bubbles, we discussed possible measures of control for the prevention of financial bubbles. Summarizing the results obtained, we identified priority measures to counter infectious bubbles.

Conclusions. Efforts to curb financial bubbles (including through measures of monetary policy) are seen as ineffective. It is preferable to take measures to contain the negative consequences of the collapse of prices in consequence of the collapse of financial bubbles.

Keywords: financial bubble; crisis; globalization; stock markets; financial integration

Citation: Netunaev E.B. The phenomenon of contagious financial bubbles. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 154–165. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Финансовые пузыри — это один из наиболее известных и старейших феноменов, наблюдаемых на финансовых рынках. Первые упоминания о них относятся к XVII в. При этом, несмотря на длительную историю, их возникновение до сих пор оказывает негативное влияние на финансовые рынки. В качестве примера подобного влияния можно назвать финансовый пузырь на рынке ипотечных облигаций в США, который привел к кризису 2007–2008 гг., или финансовый пузырь на фондовом рынке Китая в 2014–2015 гг., коррекция которого привела к спаду на мировых фондовых площадках (включая биржи США и Европы).

Разрушительное влияние, которое финансовые пузыри оказывают на экономику, делает проблему их предсказания и предотвращения одной из ключевых для современной финансовой науки. Однако, несмотря на долгую историю их существования, единого понимания механизма их возникновения не существует. Есть разные концепции, объясняющие причины и способы возникновения финансовых пузырей. В рамках каждой из них предлагается свой набор причин возникновения финансовых пузырей.

Условно причины, которые предлагаются для объяснения финансовых пузырей, можно разделить на две группы: внутренние и внешние. К внутренним относятся особенности поведения инвесторов, описание которых необходимо для понимания, почему они начинают приобретать активы по завышенным ценам. В качестве подобных причин в одних работах (например, [1, 2]) называют поведенческие факторы, т.е. особенности устройства

человеческой психики, которые приводят к нерациональному поведению. В других работах (например, [3]) доказывается, что при определенных условиях действия рациональных инвесторов также могут привести к возникновению финансовых пузырей.

К внешней группе причин относятся события, не связанные с мотивами и характеристиками инвесторов. Отметим, что в ряде работ (например, [1]) утверждается, что внутренние причины начинают оказывать свое влияние только при наличии внешних. Наиболее часто к ним относят макроэкономические и отраслевые изменения, способные повлиять на фундаментальную стоимость активов, но которые сложно оценить. Анализу данных причин также посвящено множество работ (в том числе [1, 4, 5]). В качестве подобных причин часто называют:

- возникновение и развитие новых технологий;
- появление новых рынков;
- возникновение новых финансовых инструментов;
- институциональные изменения;
- кредитную экспансию и стимулирующую кредитно-денежную политику.

Общей чертой перечисленных выше факторов является изменение фундаментальной стоимости компаний, которое крайне затруднительно оценить инвесторам. В результате инвесторы совершают ошибки при анализе, завышая стоимость акций, что и приводит к образованию финансовых пузырей на фондовых рынках.

Однако в настоящее время, в условиях растущей экономической интеграции, усиливается влияние еще одного внешнего фактора, не указанного в вышеприведенном списке: распространение финансовых пузырей между рынками (заражение), т.е. ситуации, когда возникновение финансового пузыря на одном рынке ведет к образованию финансовых пузырей на других рынках. В рамках настоящей работы приведен анализ значимости данной причины.

Отметим, что подобные «заразные финансовые пузыри» могут возникать как в результате событий в соседних странах (например, возникновение финансового пузыря в стране А привело к образованию финансового пузыря в стране В), так и вследствие ситуации на рынках разных категорий активов (например, на фондовом рынке, рынке недвижимости и рынке сырьевых товаров). В настоящей работе мы сконцентрируемся на заражении между фондовыми рынками разных стран. Однако выводы и гипотезы, описанные в настоящей работе, в значительной степени применимы и для второго сценария заражения. Более того, как будет показано ниже, оба вида заражения на практике взаимосвязаны.

Работа построена следующим образом: в первой части приведен анализ статей, посвященных феномену заразных финансовых пузырей. Во второй части приведен сравнительный анализа финансовых пузырей в США в 2005–2007 гг. и в Китае в 2014–2015 гг. с рассмотрением причин, по которым финансовый пузырь в Китае не привел к образованию заразных пузырей в других странах. По итогам проведенного анализа сделаны выводы о рисках заражения финансового пузыря от развитых и развивающихся стран. Также проанализированы меры, которые возможно применять в рамках борьбы с заразными финансовыми пузырями.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ЗАРАЗНЫХ ФИНАНСОВЫХ ПУЗЫРЕЙ

Феномен заразных финансовых пузырей затрагивается в рамках изучения проблем финансового заражения и коинтеграции финансовых рынков. Данные феномены представляют собой результат глобализации и растущей взаимосвязи между финансовыми рынками.

Наиболее активно изучался феномен заразных кризисов. В рамках данного феномена рассматривается механизм распространения кризисных явлений между финансовыми рынками, в первую очередь обрушения финансовых рынков. Обычно изучается падение финансовых рынков или рост волатильности на рынках нескольких стран, обусловленные нестабильностью в одной из стран. Начало исследования данного феномена во многом связано с кризисами в Южной Америке, Европе в 1992–1995 гг., Азиатском кризисе 1997–1998 гг. и многих других.

Отметим, что феномен заражения наблюдался на множестве разных рынков, в том числе на рынке акций и облигаций, валютных и товарных рынках, а также на рынке недвижимости. Для каждого из рынков существуют свои специфические причины и особенности. Однако можно выделить несколько основных моделей перетекания кризисных явлений между рынками.

Финансовое заражение может произойти как результат ограниченной ликвидности на финансовых рынках. Падение стоимости активов в одной из стран может привести к снижению ликвидности инвесторов, что заставит их сократить общий объем инвестиций в разных странах [6, 7]. Важно отметить, что согласно данной модели значительное влияние оказывает тот факт, что существенная часть межстрановых инвестиций приходится на институциональных инвесторов. Финансовые ин-

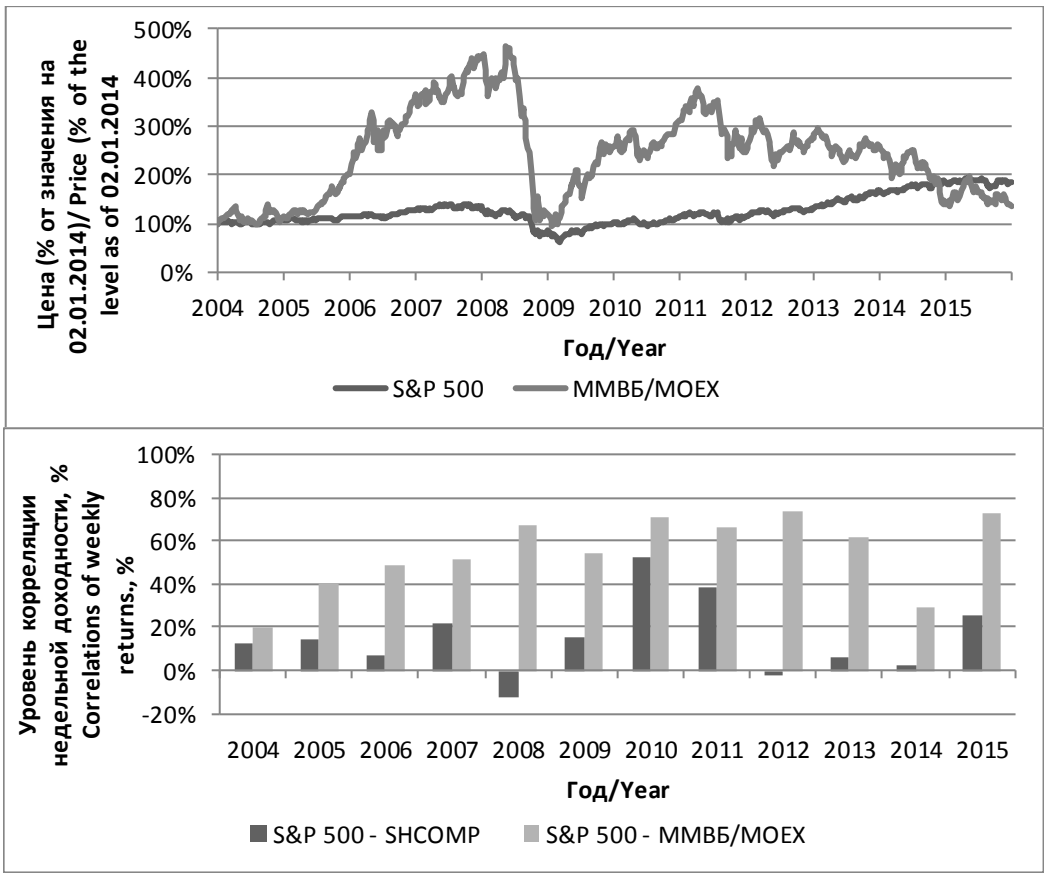


Рис. 1 / Fig. 1. **Анализ уровня корреляции фондовых индексов США и России в 2002–2015 гг., долл. США / Correlation between US and Russia stock markets in 2002–2015, USD**

Источник / Source: Yahoo finance (индекс S&P 500). URL: https://finance.yahoo.com/quote/%5EGSPC/history?p=%5EGSPC (дата обращения: 10.02.2016); Yahoo finance (индекс ММВБ). URL: https://finance.yahoo.com/quote/MICEXINDEXCF.ME/history?p=MICEXINDEXCF.ME (дата обращения: 10.02.2016).

ституты, инвестирующие в несколько разных стран, в результате шока в одной из них могут столкнуться с уходом инвесторов, что вынудит их сокращать совокупный объем инвестиций.

Иным объяснением феномена заразного кризиса является изменение премии за рыночный риск. Образование убытков в результате падения стоимости активов в одной стране ведет к переоценке инвесторами премии за риск и, как следствие, к снижению их инвестиций в активы других стран.

Важную роль в описании заразных кризисов на финансовых рынках отводится поведенческому фактору. Важность данного параметра признается в работах, которые анализируют фундаментальные причины распространения кризисов между рынками разных стран (например, [6, 7]).

Также отметим, что для отдельных рынков возможны специфические причины распространения кризиса. Так, на валютных рынках распространение может происходить в результате наличия развитых торговых связей [1, 7] или преднамеренной девальвации валюты для стимулирования экономического роста [7]. На рынке недвижимости возможна фактическая миграция людей из одного региона в другой, что будет вызывать изменение спроса в разных частях страны (отметим, что данная модель может быть использована в качестве прямого объяснения миграции финансовых пузырей на рынках недвижимости [8]).

Подробно исследовался и феномен коинтеграции фондовых рынков. Можно выделить работы, посвященные региональной коинтеграции [9, 10], глобальной коинтеграции [11] и коинтеграции между рынками разных активов [12, 13]. В качестве причин коинтеграции часто указывается снижение законодательных ограничений [1, 14] и связанная с этим активность международных инвесторов. Отметим, что коинтеграция фондовых рынков возрастает в условиях распространения финансового кризиса между странами [11, с. 49].

Хотя описанные выше работы частично затрагивают феномен заразных финансовых пузырей, они посвящены росту волатильности, вызванной собы-

тиями на одном из рынков. Например, обрушение фондовых рынков нескольких стран последовало после падения котировок в другой стране. Однако это может быть вызвано как схлопыванием финансового пузыря в таких странах, так и просто паникой и носить краткосрочный характер. Таким образом, каналы передачи финансовой нестабильности, описанные в рамках изучения феномена заразных кризисов, могут быть использованы для объяснения причин возникновения заразных финансовых пузырей лишь в ограниченном виде. В качестве примера можно рассмотреть уровень корреляции фондовых индексов США, Китая и России (*рис. 1*).

Уровень корреляции российского и американского фондового рынков превысил 50% только после кризиса 2008 г. При этом высокие темпы роста в данный период и последующий за ними обвал во многом являются следствием активности зарубежных инвесторов. Таким образом, заразный финансовый пузырь представляет собой частный случай коинтеграции фондовых рынков. В то же время коинтеграция фондовых рынков не предполагает снижения уровня рациональности инвесторов, которое происходит при формировании финансового пузыря. Растущая взаимосвязь фондовых рынков не предполагает, что инвесторы уделяют меньшее внимание анализу фундаментальных показателей компаний, что характерно для финансовых пузырей. Поэтому можно утверждать, что заразные пузыри имеют свои уникальные особенности, незаметные при изучении феноменов коинтеграции фондовых рынков.

Работ, посвященных непосредственно феномену заразных финансовых пузырей, значительно меньше. Анализ базы научных исследований SSRN (Social Science Research Network) показал, что тематике заражения финансовых пузырей посвящено незначительное количество работ. Поиск по ключевым словам "bubble contagion", "bubble spillover" и "bubble migration" позволил найти соответственно 29, 9 и 1 статьи. Для сравнения, поиск по ключевым словам "financial bubble" позволил обнаружить 836 статей[1].

Основной вопрос, который возникает при изучении заразных финансовых пузырей, можно сформулировать следующим образом: почему рост фондового индекса одной страны может спровоцировать иррациональное возбуждение инвесторов, создавая тем самым финансовый пузырь на фондовом рынке?

Представляется более корректным искать причину в действиях международных инвесторов. Они играют важную роль на всех рынках, в том числе развивающихся. Так, в России, несмотря на неблагоприятные экономические и политические условия, доля нерезидентов на фондовой бирже ММВБ в 2015–2016 гг. составляла 40%[2]. Подобную ситуацию можно увидеть и на других рынках.

При формировании финансового пузыря на одном из рынков инвесторы могут принять одну из нескольких стратегий, которая в конечном счете способна спровоцировать заражение:

- Стремление поддерживать структуру портфеля. В результате роста котировок на одном из рынков доля данных активов в портфеле будет увеличиваться [15]. Чтобы восстановить изначальную структуру портфеля, инвесторы будут перераспределять свои доходы с одного рынка на другой. В результате будет происходить рост спроса на акции, не связанный с изменением фундаментальных показателей эмитентов.
- Попытки минимизировать риск схлопывания финансового пузыря. В случае, если инвесторы осознают наличие финансового пузыря на рынке, они будут пытаться диверсифицировать свой портфель таким образом, чтобы в нем выросла доля активов, где риск схлопывания финансового пузыря будет минимальным.
- Формирование ожиданий развития рынков на основе событий на другом рынке. Например, либерализация законодательства создает условия для роста фундаментальной стоимости активов, тем самым привлекая иностранных инвесторов [16], что, в свою очередь, может привести к образованию финансового пузыря. Однако кроме прямого эффекта от данных изменений возможен и косвенный. После либерализации инвесторы могу ожидать, что в странах с похожими характеристиками возможно повторение аналогичных реформ, что создает спрос на активы в данных странах, создавая условия для возникновения финансовых пузырей. Более того, как показано в работе [17], в результате ужесточения контроля над движением капитала в одной из стран инвесторы могут перераспределить свои активы в пользу стран, где подобные ограничения менее вероятны, увеличивая вероятность возникновения финансового пузыря.

Результатом всех перечисленных выше сценариев является рост ликвидности на заражаемом рынке, что увеличивает вероятность возникновения финансовых пузырей. Отметим, что рост ликвид-

[1] Поиск произведен по состоянию на 10.02.2017.

[2] «Ведомости» от 22.03.2016. URL: http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2016/03/22/634550-inostrannih-investorov (дата обращения: 10.02.2016).

ности сам по себе благоприятно влияет на рыночную стоимость компаний: он позволяет снизить премию к риску за ликвидность [18]. В результате наблюдается рост стоимости акций. Это создает условия для формирования финансового пузыря по следующим причинам:

- Рост ликвидности носит временный характер и при схлопывании финансового пузыря на стране — источнике нестабильности данная ликвидность «уйдет» с рынка. Однако инвесторы могут рассматривать данное увеличение как результат улучшения качества рынка. То есть спрос на акции будет формироваться, исходя из ожидания инвесторов, что сильного падения ликвидности в будущем не будет. Это приведет к завышению рыночной стоимости относительно будущих денежных потоков, т.е. к образованию финансового пузыря.
- Более того, часть инвесторов может рассматривать рост котировок акций как следствие улучшения прогнозов темпов роста доходов. В результате данной ошибки произойдет завышение стоимости и возникновение финансового пузыря.
- Кроме того, необходимо учитывать роль спекулянтов в образовании финансовых пузырей [1, 3]. Благодаря устойчивому росту цен на акции, не связанному с пересмотром будущих доходов компаний, часть инвесторов может применять агрессивные длинные стратегии, что также приведет к образованию финансового пузыря.

При этом заражение может происходить через два канала. Во-первых, возможна прямая ребалансировка активов: инвесторы могут напрямую перенаправлять часть средств с одного рынка на другой. Во-вторых, возможна косвенная ребалансировка, в рамках которой процесс заражения охватывает несколько разных рынков. Образование финансового пузыря на фондовом рынке одной страны может привести к образованию финансового пузыря на одном из сырьевых или долговых рынков, что было показано в работе Филлипса и Юу [19]. В свою очередь, это оказывает влияние на стоимость компаний, доходы которых зависят от ситуации на данных рынках.

Для наглядности рассмотрим пример с нефтью: образование финансового пузыря на рынке нефти привело к росту доходов нефтяных компаний, что положительно отражалось на их стоимости. Поскольку инвесторы не распознавали финансовый пузырь на нефтяном рынке, они строили свои ожидания на основе завышенной цены на нефть. Это создавало финансовый пузырь на рынке акций нефтедобывающих компаний. В странах — экспортерах нефти, где от нефтяных доходов в значительной степени зависит положение в остальных секторах экономики, это привело к образованию финансового пузыря на всем фондовом рынке.

На основе вышеприведенных рассуждений можно сделать следующий вывод: феномен заразных финансовых пузырей обусловлен растущей связью между фондовыми рынками. Однако не все финансовые пузыри способны вызвать заражение. Более того, это относительно редкое явление. Можно назвать три условия для того, чтобы механизм ребалансировки привел к образованию финансового пузыря:

- величина доходов, которые получают инвесторы, достаточно велика, чтобы при их частичном переносе на другие рынки там происходил значительный рост ликвидности;
- на рынке присутствует большое количество зарубежных инвесторов, которые будут перенаправлять свои доходы, возникшие в результате формирования финансового пузыря, в другие страны;
- страна является «донором» портфельных инвесторов: существует большой денежный поток портфельных инвестиций из страны на другие финансовые рынки.

Только при соблюдении хотя бы двух этих условий можно ожидать возникновения заразных пузырей. Для того чтобы проиллюстрировать действие этих двух условий, были проанализированы два самых громких финансовых пузыря последнего десятилетия: американский пузырь 2005–2008 гг. и китайский фондовый пузырь 2015 г. В рамках анализа рассматривались долларовые индексы семейства MSCI: они рассчитываются одним источником исходя из общей методологии, что позволяет избежать искажений, связанных с разными принципами построения фондовых индексов.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ ПУЗЫРЕЙ В США И КИТАЕ

Финансовый пузырь в США, который образовался в результате заражения от рынка ипотечных долговых бумаг, стал одной из причин мирового финансового кризиса. Его схлопывание в 2008 г. стало началом длительного периода рецессии как в США, так и в остальных странах. Последствия китайского фондового пузыря были слабее. Хотя он не вызвал мирового кризиса: он привел к обрушению мировых фондовых индексов и послужил одной из причин пересмотра темпов роста китайской экономики, что также привело к ухудшению ожиданий инвесторами. Отметим также, что фондовый рынок Китая оказывает влияние на индексы Индии и Бразилии [14, с. 28], а также на динамику котировок на азиатских

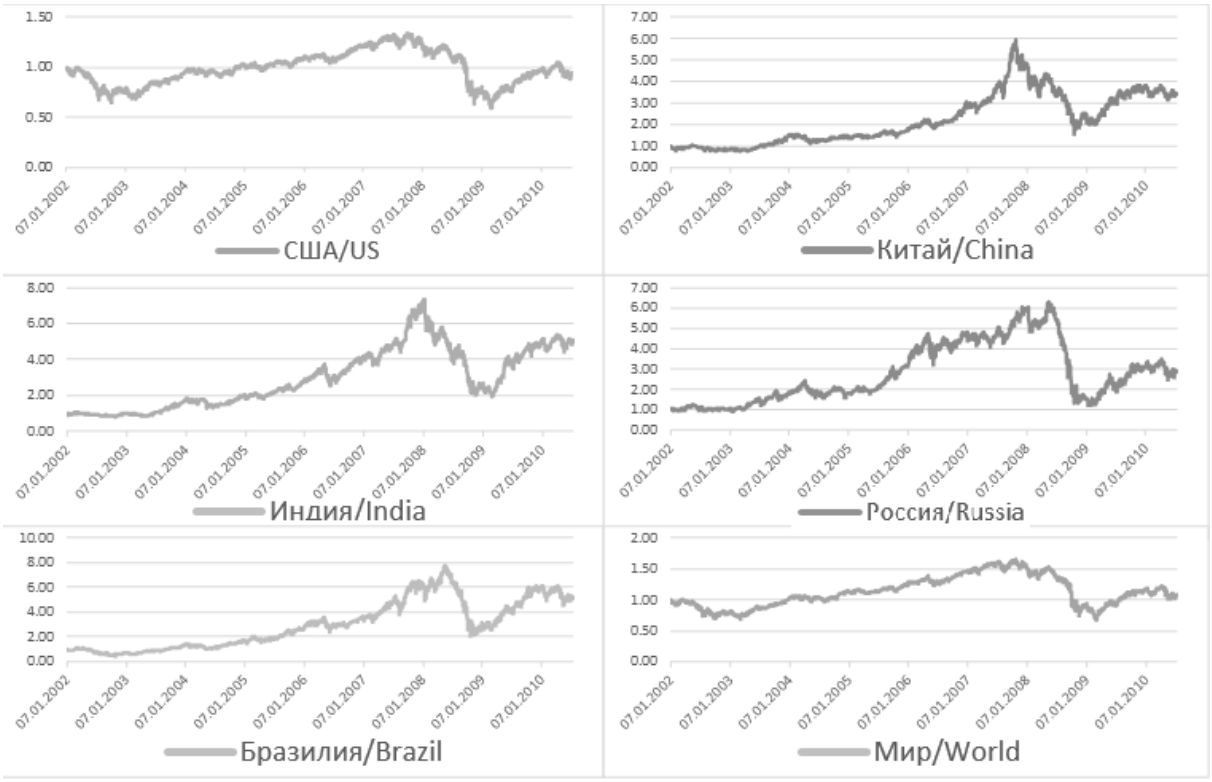


Рис. 2 / Fig. 2. **Динамика фондовых индексов США, Китая, Индии, России, Бразилии и Мирового фондового индекса в 2002–2010 гг., цены нормализованы к значению на 01.01.2002 г. (цена на данную дату равна 1,00) / The dynamics of the stock indices of US, China, India, Brazil and World in 2012–2017. The prices are normalized to the value as of 10.01.2012 (at the date price is equal to 1,00)**

Источник / Source: MSCI. URL: https://www.msci.com/end-of-day-data-country (дата обращения: 10.02.2016).

фондовых рынках [10]. Это позволяет ожидать, что он будет способен спровоцировать фондовые пузыри на близких к нему рынках.

Однако в первом случае, как показано на *рис. 2*, эффект заражения наблюдался как в развивающихся странах, так и в целом во всем мире: по отношению к цене на 01.01.2002 г. цены в странах БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) выросли в 6–8 раз. При этом после схлопывания пузыря цены обрушились в среднем в 3 раза (в России в 6 раз), впоследствии стабилизировавшись на уровне в 2–3 раза ниже пиковых значений.

Если же рассматривать финансовый пузырь в Китае (*рис. 3*), то он не привел к образованию пузырей ни на рынке Индии, ни на других азиатских фондовых площадках (в том числе в Тайване). Можно отметить увеличение котировок в Корее на 9%. Однако данное увеличение тяжело признать образованием финансового пузыря, поскольку менее чем 12 месяцев до данного роста индекс достигал значительно более высоких значений.

С высокой долей уверенности можно заявлять, что схлопывание финансового пузыря в Китае в 2015 г. привело к возникновению заразных кризисов в этих странах. Это утверждение подтверждается в том числе исследованием [20]. Однако образования заразного пузыря не произошло. Это позволяет задать вопрос: почему механизм ребалансировки, который способствовал образованию финансовых пузырей в 2007–2008 гг., не сработал в 2015 г. даже на связанных рынках (например, в Тайване)? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать основные отличия данных пузырей.

Первое отличие, которое необходимо отметить, это разница в структуре инвесторов. Особенностью китайского фондового рынка является низкая доля пенсионных фондов и страховых компаний, которые придерживаются более консервативной стратегии «купил и держи» (buy and hold). Таким образом, динамика котировок на китайском фондовом рынке определяется действиями мелких и средних инвесторов, чье поведение зависит от поведенческих характеристик [21]. Соответственно, основные последствия схлопывания финансового пузыря пришлись именно на этих инвесторов.

Более того, иностранные инвесторы на китайском фондовом рынке играют относительно скромную роль, поскольку на протяжении длительного периода

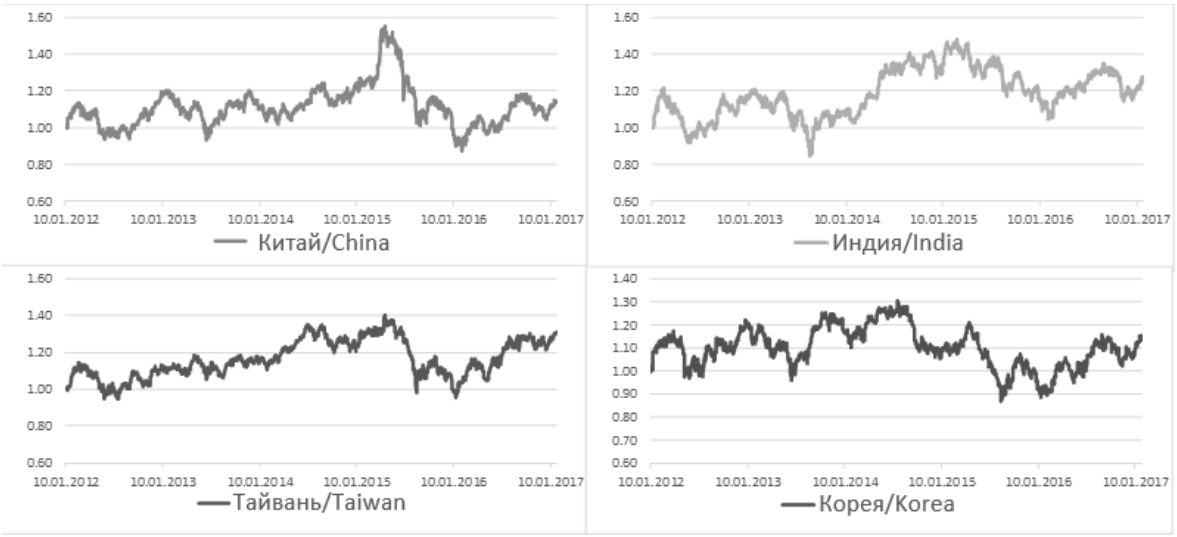


Рис. 3 / Fig. 3. **Динамика фондовых индексов Китая, Индии, Тайваня и Кореи в 2012–2017 гг. Цены нормализованы к значению на 10.01.2012 г. (цена на данную дату равна 1,00) / The dynamics of the stock indices of China, India, Taiwan and Korea in 2012–2017. The prices are normalized to the value as of 10.01.2012 (at the date price is equal to 1,00).**

Источник / Source: MSCI. URL: https://www.msci.com/end-of-day-data-country (дата обращения: 10.02.2016).

времени они были сильно ограничены в объектах инвестирования [21]. Несмотря на либерализацию данных запретов, иностранные инвесторы еще не начали оказывать значительного влияния на фондовый рынок Китая. Соответственно, эффект наращивания финансового пузыря мог не оказать существенного влияния на портфели международных инвесторов.

С другой стороны, объем портфельных инвестиций из Китая на фондовые рынки других стран несопоставимо ниже, чем в США: как показано в *таблице*, доля портфельных инвестиций из Китая на рынки акций в 2015 г. составляла около 1%, в то время как из США — 9%.

При этом, по данным МВФ, значительная часть инвестиций из Китая направлена в США: 62 209 млн долл. от материкового Китая (35% от общей суммы) и 21 116 млн долл.— из Гонконга (1% от общей суммы). При этом инвестиции в акции компаний стран Азиатского региона занимают несущественную долю: на каждую страну приходится менее 1% от совокупных инвестиций. Относительно слабое присутствие китайских инвесторов на зарубежных рынках ограничивает возможность миграции финансового пузыря.

Отметим, что еще одним ограничителем в образовании заразных пузырей мог сыграть относительно небольшой срок жизни финансового пузыря на китайском фондовом рынке. Если финансовый пузырь на американском фондовом рынке развивался в течение нескольких лет, то срок жизни китайского финансового пузыря составил около полугода. Учитывая описанные выше характеристики китайского фондового рынка (высокая доля розничных инвесторов), крупные инвесторы могли изначально рассматривать динамику цен в Китае как спекулятивный пузырь. Соответственно, более консервативные инвесторы вероятнее всего выходили на ранних стадиях, минимизируя свои риски.

Необходимо указать, что, кроме фундаментальных различий фондовых рынков, были и внешние факторы, которые препятствовали заражению финансовых рынков в 2015 г. Как было отмечено выше, одним из передаточных механизмов служит заражение товарных и долговых рынков. В 2008 г. произошло заражение нефтяного рынка [22] — рынка ключевого торгуемого ресурса настоящего времени. В результате страны — экспортеры нефти получали сверхдоходы, что положительно влияло на их фундаментальную стоимость и, как следствие, на их привлекательность для инвесторов. В 2015 г. нефтяные цены находились на рекордно низких уровнях, чему способствовало множество факторов, в том числе: рост добычи сланцевой нефти в США, а также неспособность стран — участниц ОПЕК и других производителей нефти договориться. В результате фондовые рынки России, Катара и других стран, экономическое состояние которых в значительной степени зависело от нефтяных доходов, столкнулись с оттоком капитала и падением котировок. Образование финансовых пузырей на этих рынках было практически невозможным.

Важно также отметить и рост мировой неопределенности. В отличие от 2008 г. в 2015 г. инвесторы

Таблица / Table

Сравнение роли американских и китайских инвесторов на рынке портфельных инвестиций / Comparison of the US and Chinese investors in the portfolio investment market

Показатель / Indicator	Декабрь 2007 г. / December 2007	Декабрь 2015 г. / December 2015
Суммарная капитализация мировых фондовых рынков, млн долл. / World stock markets capitalizations	60 334 281	61 781 129
Портфельные инвестиции из США млн долл. / Portfolio investments from the USA	5 247 983	–
% от суммарной капитализации / % of total capitalization	9%	–
Портфельные инвестиции из материкового Китая / Portfolio investments from mainland China	–	177 776
Портфельные инвестиции из Гонконга / Portfolio investments from the Honk Kong	–	922 429
Консолидированные портфельные инвестиции / Total portfolio investments	–	819 769
% от суммарной капитализации / % of total capitalization	–	1%

Источник / Source: база данных Всемирного банка World Development Indicators. URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators (дата обращения: 10.02.2016); база данных Международного Валютного Фонда (CPIC). URL: http://data.imf.org/?sk=B981B4E3-4E58-467E-9B90-9DE0C3367363&ss=1481577785817 (дата обращения: 10.02.2016).

столкнулись с множеством факторов, увеличивших неопределенность, в том числе: конфликт на Украине и ухудшение отношений между Россией и странами Запада, эскалация военного конфликта в Сирии, миграционный кризис в Европейском союзе и другие. Эти факторы привели к росту волатильности на мировых фондовых рынках. Как итог, это снижало уровень оптимизма инвесторов, ограничивая их склонность к риску и, соответственно, вероятность распространения заразных финансовых пузырей.

В целом, приведенные выше выводы позволяют утверждать, что на настоящем этапе заразный финансовый пузырь может возникнуть только под влиянием развитых рынков, в первую очередь под влиянием США. Фондовые рынки развивающихся стран на текущий момент еще не достигли того уровня развития, чтобы провоцировать возникновение заразных пузырей. При этом они могут вызывать рост волатильности на мировых фондовых рынках, создавая заразные кризисы.

АНАЛИЗ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАРАЗНЫМ ПУЗЫРЯМ

Полученные выводы в значительной степени упрощают задачу по предотвращению заразных пузырей для регулятора: для оценки состояния фондовых рынков на наличие финансового пузыря можно ограничиться анализом влияния динамики фондового рынка в США.

В то же время заразные пузыри остаются существенной проблемой для участников фондового рынка. Во-первых, они создают значительные риски как для регулятора, так и для обычных инвесторов, поскольку заразные пузыри сложно идентифицировать. Для того чтобы понять, есть ли заразный пузырь, в начале необходимо определить, имеется ли финансовый пузырь на рынке другой страны. Хотя при анализе можно сосредоточиться исключительно на рынке США, проблема идентификации финансовых пузырей на настоящий момент остается открытой. Для России данный вопрос стоит особенно остро, учитывая высокую зависимость отечественного фондового рынка от действий международных инвесторов [1].

Другая проблема заключается в сложности подбора метода борьбы с финансовыми пузырями. Проблема выбора инструмента стабилизации фондового рынка характерна и для традиционных финансовых пузырей, вызванных внутристрановыми факторами, поскольку эффективность существующих методов часто ставится под сомнение (например, в работах [23–26]). Однако в случае заразных пузырей данные методы могут принципиально не работать, поскольку причины и механизмы их возникновения коренным образом отличаются от причин и механизмов традиционных пузырей. Поскольку возникновение заразных пузырей, как было показано выше, обусловлено механизмом ребалансировки портфелей международных инвесторов, действенность классических методов борьбы

с финансовыми пузырями на фондовых рынках вызывает сомнение.

Так, например, маловероятно, что вербальные интервенции, которые практически не влияют на внутренних инвесторов [23], окажут влияние на иностранных инвесторов. Увеличение ставки кредитования, целью которого является снижение возможности покупки акций с плечом, окажет ограниченное влияние на иностранных инвесторов, которые имеют источники фондирования за рубежом, зачастую на более выгодных условиях. Безусловно, увеличение ставки кредитования негативно повлияет на фундаментальную стоимость компаний, что может снизить интерес зарубежных инвесторов и тем самым исключит возможность появления финансового пузыря. Но это отрицательно отразится на темпах развития экономики. В связи с этим его применение выглядит нецелесообразным.

Возможно установление прямых запретов и ограничений для иностранных инвесторов. Такой подход действительно в условиях формирования финансового пузыря позволит снизить влияние иностранных инвесторов, тем самым убрав ключевой фактор развития заразного пузыря. Однако фактически — это ухудшение финансовой инфраструктуры страны, что негативно влияет на темпы развития экономики.

Отметим также, что подобные меры обычно применяются уже после схлопывания финансовых пузырей (например, в Китае в 2008 и 2015 гг.). Регулирующие органы обычно не заинтересованы в преднамеренном снижении ликвидности фондовых рынков, что может привести к некоторому замедлению темпов экономического роста. Напротив, стимулирование развития национальных фондовых рынков и привлечение туда инвесторов часто называется одной из ключевых задач политики государства в данной сфере.

Представляется, что наиболее правильной стратегией в условиях формирования заразного финансового пузыря является снижение его последствий, а не попытки его предотвратить. В качестве инструмента можно назвать более консервативное регулирование нормы резервирования банков и других финансовых институтов при расчете их устойчивости. Это, с одной стороны, позволит минимизировать миграцию кризисных явлений с фондового рынка на банковский. С другой стороны, это будет ограничивать ликвидность фондового рынка, не позволяя развиться на нем финансовому пузырю.

ВЫВОДЫ

Заразный пузырь — это ситуация, при которой финансовый пузырь на фондовом рынке одной страны возникает в результате событий на фондовом рынке другой страны. В роли подобных событий может выступать возникновение фондового пузыря на рынке страны-источника. Заразный пузырь связан с феноменом коинтеграции финансовых рынков. Однако он отличается от данного феномена искажением действий инвесторов: в рамках заразных пузырей инвесторы начинают действовать иррационально. В результате многие аспекты заразных финансовых пузырей не могут быть учтены при исследовании коинтеграции финансовых рынков.

Причина возникновения финансовых пузырей лежит в перераспределении активов в портфеле международных фондов. В результате образования финансового пузыря в одной из стран инвесторы данной группы начинают диверсифицировать свои риски, что, в свою очередь, приводит к росту ликвидности на других фондовых рынках и, как следствие, возникновению заразных пузырей. При этом канал передачи может быть как прямым, т.е. в результате перевода части средств с рынков одной страны на рынки другой, так и непрямым: в результате перемещения финансового пузыря на товарные и долговые рынки с последующим заражением стран, экономическое благосостояние которых зависит от данных рынков.

В то же время заразные пузыри являются относительно редким явлением. Для их возникновения необходимо сочетание ряда условий: образование значительного по размерам финансового пузыря в стране-источнике и наличие связей с фондовым рынком страны-жертвы. Так, США, где эти условия соблюдались, смогли вызвать заразные финансовые пузыри в разных странах. С другой стороны, финансовый пузырь в Китае не привел к образованию заразных финансовых пузырей, хотя и спровоцировал рост волатильности на мировых фондовых рынках.

Основная проблема заразных финансовых пузырей заключается в том, что их сложнее идентифицировать по сравнению с обычными, классическими финансовыми пузырями на фондовых рынках. Они связаны не столько с внутренними изменениями в стране, сколько с динамикой на международных рынках капитала. Как следствие, многие методы, которые могли бы быть использованы для борьбы с классическими финансовыми пузырями, не смогут оказать влияния на заразные финансовые пузыри или приведут к слишком сильному замедлению темпов экономического роста. Поэтому более корректной представляется политика, направленная на снижение последствий схлопывания финансовых пузырей, в том числе за счет регулирования нормы резервирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kindleberger C.P., Aliber R.Z. Manias, panics and crashes: a history of financial crises. Palgrave Macmillan, 2011. 366 p.
2. Lux T. Herd behaviour, bubbles and crashes // The economic journal. 1995. P. 881–896.
3. Anderson K., Brooks C., Katsaris A. Speculative bubbles in the S&P 500: Was the tech bubble confined to the tech sector? // Journal of Empirical Finance. 2010. Vol. 17. No. 3. P. 345–361.
4. Лукасевич И.Я., Федорова Е.А. Финансовая интеграция фондовых рынков: особенности развивающихся стран // Финансы и кредит. 2012. № 10 (490). С. 56–65.
5. Shiller R.J. Irrational exuberance. N.-Y.: Brodway Books, 2005. 334 p.
6. Allen F., Gale D. Financial contagion // Journal of political economy. 2000. Vol. 108. No. 1. P. 1–33.
7. Dornbusch R., Park Y.C., Claessens S. Contagion: understanding how it spreads // The World Bank Research Observer. 2000. Vol. 15. No. 2. P. 177–197.
8. Nneji O., Brooks C., Ward C.W.R. Speculative bubble spillovers across regional housing markets // Land Economics. 2015. Vol. 91. No. 3. P. 516–535.
9. Chien M.S. et al. Dynamic Asian stock market convergence: Evidence from dynamic cointegration analysis among China and ASEAN-5 // Economic Modelling. 2015. Vol. 51. P. 84–98.
10. Horvath R., Petrovski D. International stock market integration: Central and South Eastern Europe compared // Economic Systems. 2013. Vol. 37. No. 1. P. 81–91.
11. Федорова Е.А. Влияние кризиса 2008–2009 гг. на финансовую интеграцию фондовых рынков // Финансы и кредит. 2010. № 26 (410). С. 49–52.
12. Федорова Е.А., Лазарев М.П. Влияние цены на нефть на финансовый рынок России в кризисный период // Финансы и кредит. 2014. № 20 (596). С. 14–22.
13. Ghosh S., Kanjilal K. Co-movement of international crude oil price and Indian stock market: Evidences from nonlinear cointegration tests // Energy Economics. 2016. Vol. 53. P. 111–117.
14. Федорова Е.А. Финансовая интеграция фондовых рынков стран БРИК: эконометрический анализ // Финансы и кредит. 2011. № 18 (450). С. 24–29.
15. Hatipoglu O., Uyar O. Do bubbles spill over? Estimating financial bubbles in emerging markets // Emerging Markets Finance and Trade. 2012. Vol. 48. No. sup 5. C. 64–75.
16. Bekaert G., Harvey C.R. Foreign speculators and emerging equity markets // The Journal of Finance. 2000. Vol. 55. No. 2. P. 565–613.
17. Forbes K. et al. Bubble thy neighbour: Portfolio effects and externalities from capital controls // Journal of International Economics. 2016. Vol. 99. P. 85–104.
18. Amihud Y. et al. Stock Liquidity and the Cost of Equity Capital in Global Markets // Journal of Applied Corporate Finance. 2015. Vol. 27. No. 4. P. 68–74.
19. Phillips P.C.B., Yu J. Dating the timeline of financial bubbles during the subprime crisis // Quantitative Economics. 2011. Vol. 2. No. 3. C. 455–491.
20. Arslanalp S. et al. China's Growing Influence on Asian Financial Markets // Journal Issue. 2016. P. 173.
21. Tan L. et al. Herding behavior in Chinese stock markets: An examination of A and B shares // Pacific-Basin Finance Journal. 2008. Vol. 16. No. 1. P. 61–77.
22. Sornette D., Woodard R., Zhou W.X. The 2006–2008 oil bubble: Evidence of speculation, and prediction // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2009. Vol. 388. No. 8. P. 1571–1576.
23. Чиркова Е.В. Предпосылки возникновения финансового пузыря // Вестник Финансового университета. 2012. No. 1. P. 79–88.
24. Galí J., Gambetti L. The effects of monetary policy on stock market bubbles: some evidence. National Bureau of Economic Research, 2014. No. 19981.
25. Gerding E.F. Law, bubbles, and financial regulation. Routledge. 2013. Vol. 18.
26. White L.J. Preventing Bubbles: What Role for Financial Regulation? // Cato Journal. 2011. Vol. 31. No. 3. P. 603–619.

REFERENCES

1. Kindleberger C.P., Aliber R.Z. Manias, panics, and crashes: a history of financial crises. Palgrave Macmillan, 2011. 366 p.
2. Lux T. Herd behaviour, bubbles and crashes. *The economic journal*, 1995, pp. 881–896.
3. Anderson K., Brooks C., Katsaris A. Speculative bubbles in the S&P 500: Was the tech bubble confined to the tech sector? *Journal of Empirical Finance*, 2010, vol. 17, no. 3, pp. 345–361.

4. Lukasevich I. Ya., Fedorova E.A. Financial integration of stock markets in developing countries. *Finansy i kredit = Finances and credit*, 2012, no. 10 (490), pp. 56–65. (In Russ.).
5. Shiller R.J. Irrational Exuberance. N.Y.: Broadway Books, 2005. 334 p.
6. Allen F., Gale D. Financial contagion. *Journal of political economy,* 2000, vol. 108, no. 1, pp. 1–33.
7. Dornbusch R., Park Y.C., Claessens S. Contagion: understanding how it spreads. *The World Bank Research Observer*, 2000, vol. 15, no. 2, pp. 177–197.
8. Nneji O., Brooks C., Ward C.W.R. Speculative bubble spillovers across regional housing markets. *Land Economics*, 2015, vol. 91, no. 3, pp. 516–535.
9. Chien M.S. et al. Dynamic Asian stock market convergence: Evidence from dynamic co-integration analysis among China and ASEAN-5. *Economic Modelling*, 2015, vol. 51, pp. 84–98.
10. Horvath R., Petrovski D. International stock market integration: Central and South Eastern Europe compared. *Economic Systems*, 2013, vol. 37, no. 1, pp. 81–91.
11. Fedorova E.A. The impact of the 2008–2009 crisis on the financial integration of stock markets. *Finansy i kredit = Finances and credit,* 2010, no. 26 (410), pp. 49–52. (In Russ.).
12. Fedorova E.A., Lazarev M.P. The impact of oil prices on the Russian financial market during the crisis. *Finansy i kredit = Finances and credit,* 2014, no. 20 (596), pp. 14–22. (In Russ.).
13. Ghosh S., Kanjilal K. Co-movement of international crude oil price and Indian stock market: Evidence from nonlinear cointegration tests. *Energy Economics*, 2016, vol. 53, pp. 111–117.
14. Fedorova E.A. Financial integration of stock markets of BRIC countries: an econometric analysis. *Finansy i kredit = Finances and credit,* 2011, no. 18 (450), pp. 24–29. (In Russ.).
15. Hatipoglu O., Uyar O. Do bubbles spill over? Estimating financial bubbles in emerging markets. *Emerging Markets Finance and Trade*, 2012, vol. 48, no. 5 sup., pp. 64–75.
16. Bekaert G., Harvey C.R. Foreign speculators, and emerging equity markets. *The Journal of Finance*, 2000, vol. 55, no. 2, pp. 565–613.
17. Forbes K. et al. Bubble thy neighbour: Portfolio effects and externalities from capital controls. *Journal of International Economics*, 2016, vol. 99, pp. 85–104.
18. Amihud Y. et al. Stock Liquidity and the Cost of Equity Capital in Global Markets. *Journal of Applied Corporate Finance*, 2015, vol. 27, no. 4, pp. 68–74.
19. Phillips P.C.B., Yu J. Dating the timeline of financial bubbles during the subprime crisis. *Quantitative Economics*, 2011, vol. 2, no. 3, pp. 455–491.
20. Arslanalp S. et al. China's Growing Influence on Asian Financial Markets. *Journal Issue*, 2016, p. 173.
21. Tan L., et al. Herding behavior in Chinese stock markets: An examination of A and B shares. *Pacific-Basin Finance Journal*, 2008, vol. 16, no. 1, pp. 61–77.
22. Sornette D., Woodard R., Zhou W.X. The 2006–2008 oil bubble: Evidence of speculation, and prediction. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 2009, vol. 388, no. 8, pp. 1571–1576.
23. Chirkova E.V. Prerequisites for the emergence of a financial bubble. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of Financial University*, 2012, no. 1, pp. 79–88. (In Russ.).
24. Galí J., Gambetti L. The effects of monetary policy on stock market bubbles. Some evidence. National Bureau of Economic Research, 2014, no. 19981.
25. Gerding E.F. Law, bubbles and financial regulation. Routledge, 2013. Vol. 18.
26. White L.J. Preventing Bubbles: What Role for Financial Regulation? *Cato Journal*, 2011, vol. 31, no. 3, pp. 603–619.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Борисович Нетунаев — аспирант экономического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
netynaev.evgeny@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Eugene B. Netunaev — post-graduate student of economic faculty of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
netynaev.evgeny@gmail.com

DOI 10.26794/2587-5671-2017-21-6-166-177
УДК 336
JEL H54, I23, O31, O32

Сравнительный анализ методологии организации финансирования научно-исследовательских работ на примере Российской Федерации, стран Западной Европы и Азии

Р.А. Аландаров,
Финансовый университет,
Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0001-7707-8293

К.О. Тархановский,
Финансовый университет,
Москва, Россия
http://orcid.org/0000-0002-2658-5719

АННОТАЦИЯ

Предмет. Сделан обзор существующих подходов к финансированию науки в различных странах мира. Система финансирования научных исследований представляет собой целый комплекс правовых, финансовых и административных мер, направленных на создание эффективной инфраструктуры, позволяющей проводить с высокой результативностью как фундаментальные научные исследования, так и прикладные опытно-конструкторские работы.

Цель. Всесторонний анализ особенностей финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в Российской Федерации и в зарубежных странах, обоснование выбора наиболее подходящего для российских реалий подхода формирования механизмов финансирования научных исследований. Для достижения поставленных целей решены следующие задачи: проанализированы принципы работы и особенности каждого подхода; проведен сравнительный анализ применения данных подходов на примере стран Западной Европы, Азии и Российской Федерации.

Методология. Методической основой данной статьи являются экономико-статистические, системные, а также сравнительные методы анализа.

Результаты. В статье подробно рассмотрены и проанализированы основные подходы к финансированию научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских разработок — Ньютоновский, Бэконовский и Джефферсонский. Излагается суть выделенных подходов, их достоинства и недостатки, приводятся примеры и статистические данные из практик различных стран.

Выводы. На основе всестороннего анализа статистических данных авторы рекомендуют соответствующим органам исполнительной и законодательной власти Российской Федерации начать трансформацию инструментов финансирования научно-исследовательских работ в направлении Джефферсонского подхода, т.е. развивать программное финансирование и гранты на научные исследования гражданского назначения. Также делается вывод, что в России необходимо активизировать внебюджетные источники финансирования НИР.

Ключевые слова: финансовая система; финансирование научных исследований; Ньютоновский, Бэконовский, Джефферсонский подходы; финансовые ресурсы; финансовый механизм

Для цитирования: Аландаров Р.А., Тархановский К.О. Сравнительный анализ организации финансирования научно-исследовательских работ на примере Российской Федерации, стран Западной Европы и Азии // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 166–177.

DOI 10.26794/2587–5671–2017–21–6-166–177
UDC 336
JEL H54, I23, O31, O32

Comparative Analysis of the Organization of Financing of Scientific and Research Works on the Example of the Russian Federation, Western Europe and Asia

R.A. Alandarov,
Financial University,
Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0001-7707-8293

K.O. Tarkhanovsky,
Financial University,
Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0002-2658-5719

ABSTRACT

Topic. The article presents a review of existing approaches to the funding of science in the various countries of the world. The system of financing scientific research is a complex of legal, financial and administrative measures aimed at creating an effective infrastructure allowing for high performance of basic research and applied design and experimental works as well.

Purpose. The purpose of this paper is a comprehensive analysis of the peculiarities of financing of scientific-research and experimental-design works in the Russian Federation and justification of the choice on the basis of this study, the most suitable for Russian reality approach to the formation of mechanisms of research funding. To achieve the addressed purpose we performed the following tasks: analysis of the working principles and characteristics of each approach; a comparative analysis of the application of these approaches on the example of Western Europe, Asia, and the Russian Federation.

Methodology. The methodological basis for this research were economic-statistical, systematic, and comparative analysis methods.

Results. This article discusses and analyzes in details the main approaches to financing scientific-research and experimental-design works — Newtonian, Baconian, and Jeffersonian. It is presented the essence of selected approaches, their advantages and disadvantages, examples and statistical data from practices of different countries.

Conclusions. Based on comprehensive analysis of statistical data, the authors recommend to the appropriate executive and legislative authorities of the Russian Federation to begin the transformation of the instruments of financing of scientific-research works in the direction of Jeffersonian approach, i.e. to develop program funding and grants for scientific research for civilian use.

Keywords: financial system; founding of scientific research; Newtonian, Baconian, and Jeffersonian approaches; financial resources; financial mechanism

Citation: Alandarov R.A., Tarkhanovsky K.O. Comparative analysis of the organization of financing of scientific and research works on the example of the Russian Federation, Western Europe, and Asia. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 166–177. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Во всех странах Западной Европы и развитых странах Азии наука позиционируется как главная сила, обеспечивающая процветание государства, поэтому формируются правовые условия, определяющие общие контуры и рамки развития исследований, конкретизируются и систематизируются их основные научные направления, виды и тематика. Решается комплекс вопросов, обеспечивающих выход стран на траекторию развития инновационной экономики, а также создания комфортных для граждан каждой страны социально-экономических условий проживания.

Согласно Руководству Фраскати от 2015 г. научно-исследовательская работа (далее — НИР) предполагает творческую и систематическую деятельность, направленную на увеличение запаса знаний, включая знания о человеке, культуре и обществе, а также применение полученных новых знаний[1]. Научно-исследовательская работа включает три основных составляющих [1, с. 151]:

Часто финансирование в рамках Ньютоновского подхода проводится неэффективно — средства направляются на научные проекты, слабо востребованные со стороны экономики.

1. *Фундаментальные научные исследования* — экспериментальная или теоретическая работа, направленная на получение новых знаний о закономерностях явлений или наблюдаемых фактах без конкретной цели внедрения полученных знаний. Результатом проведения фундаментальных исследований является получение новых знаний об объекте исследования, которые имеют свойства всеобщей доступности. Они носят теоретический характер, обладают масштабностью и значимостью.

2. *Прикладные научные исследования* направлены на получение новых технологий по применению в практике полученных в ходе фундаментальных научных исследований теоретических знаний. Прикладные исследования носят более узкоспециализированный характер, чем фундаментальные научные исследования, а результаты прикладных исследований имеют ограниченную доступность, масштабность и значимость.

3. *Экспериментальные разработки* — это систематическая работа по уточнению знаний, полученных в процессе проведения прикладных научных исследований с учетом опыта конкретной практической деятельности. Она направлена на создание новых либо качественное улучшение существующих продуктов и процессов.

Исходя из содержания научно-исследовательской работы, ее финансирование можно определить как обеспечение необходимыми финансовыми ресурсами субъектов научно-исследовательской работы, осуществляющих фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования и экспериментальные разработки. В качестве субъектов НИР могут выступать юридические и физические лица, в том числе: научно-исследовательские институты, научные лаборатории, образовательные учреждения, научные коллективы, отдельные ученые и специалисты.

Источниками финансовых ресурсов субъектов НИР на макроэкономическом уровне выступают валовой внутренний продукт, национальное богатство и поступления от внешнеэкономической деятельности государства, а с точки зрения образуемых финансовых ресурсов (фондов) [2, с. 57]:

1) бюджетные ассигнования;

2) средства коммерческих и некоммерческих организаций, пожертвования частных лиц;

3) собственные средства субъектов НИР.

Видами конкретных финансовых ресурсов субъектов НИР являются их разнообразные доходы, поступления и накопления. Учитывая специфику научно-исследовательской работы в целом и ее отдельных составляющих, преобладающим видом финансовых ресурсов субъектов НИР являются поступления из бюджетов органов государственной власти, а также от коммерческих и некоммерческих организаций.

Сложность и неоднозначность механизма финансового обеспечения НИР обусловили необходимость разработки мировым сообществом теоретических подходов к финансированию НИР, основанных, с одной стороны, на экономической теории и финансовой дисциплине, а с другой стороны, учитывающих особенности НИР в целом и ее отдельных составляющих. Формулирование

[1] OECD (2015), Frascati Manual 2015. Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development, The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities, OECD Publishing, Paris. URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264239012-en свободный. С. 44 (дата обращения: 03.10.2017).

таких подходов позволяет сформировать концептуальную основу для решения методологических проблем финансового обеспечения НИР и построения механизма ее финансового обеспечения.

ПОДХОДЫ К ФИНАНСИРОВАНИЮ НИР

Финансовый механизм как совокупность отдельных финансовых инструментов позволяет определить, какие направления научных исследований и экспериментальных разработок являются приоритетными и должны быть профинансированы, в каком объеме и в какой форме должно быть осуществлено финансирование, наконец, как оценить результативность финансирования.

На наш взгляд, целесообразно выделить три методологических подхода, в основе каждого из которых лежат особое концептуальное ви́дение роли науки в развитии общества и свои принципы финансирования научных исследований и экспериментальных разработок. В рамках каждого из трех подходов отдается приоритет финансированию соответственно одной из трех составляющих научно-исследовательской работы [3, с. 17].

Первый подход базируется на значимости теоретической (фундаментальной) науки как таковой, без обязательной привязки к последующему внедрению результатов фундаментальных исследований. Данный подход называется *Ньютоновским — Newtonian Science*. В рамках ньютоновского подхода обосновывается приоритет финансирования внутри НИР именно фундаментальной науки, которая в конечном итоге обеспечивает наибольший социально-экономический эффект, поскольку влечет за собой цепочку различных прикладных научных исследований и экспериментальных разработок. Фундаментальная наука важна в своем чистом виде как деятельность, приносящая новые знания о закономерностях строения окружающего мира, значит, необходимо финансирование максимального по объему и широте охвата количества фундаментальных исследовательских проектов. При этом с точки зрения развития общества абсолютно не важно, будет ли эффект от получения новых знаний экономическим, социальным, политическим или вообще чисто научным. В итоге любое научное открытие рано или поздно приведет к трансформации общественно-экономической жизни. Финансирование экспериментальных разработок проводится в незначительном объеме. Сами экспериментальные разработки при таком подходе проводятся как следствие фундаментальных и прикладных научных исследований.

Ньютоновский подход отличает высокая доля бюджетного финансирования НИР при относительно низкой доле остальных источников финансирования [4, с. 50]. Заказчиком исследований выступает государство в лице органов исполнительной власти, а исполнителями — государственные ведомственные лаборатории, исследовательские институты, университеты. Средства исполнителям могут передаваться как по бюджетной смете с разбивкой бюджетных ассигнований по статьям затрат, так и в форме субсидий, предоставляемых в общей сумме на покрытие всех расходов государственных научных организаций [4, с. 50].

Преобладающим видом финансовых ресурсов субъектов НИР являются поступления из бюджетов органов государственной власти, а также от коммерческих и некоммерческих организаций.

Для удовлетворения потребности в финансовых ресурсах на реализацию каждого научного проекта общий объем финансирования НИР должен быть весьма значительным, что особенно затруднительно в условиях бюджетного дефицита. Это приводит к ограничениям финансирования отдельных научных проектов вследствие нехватки бюджетных ассигнований на их реализацию. При этом отбор приоритетных проектов осуществляется, исходя из внутриорганизационных предпочтений субъекта НИР или финансирующего органа. В этом случае недостаточное внимание уделяется результатам НИР, при этом их качественно-количественное определение затруднено. Следовательно, часто финансирование в рамках Ньютоновского подхода проводится неэффективно — средства направляются на научные проекты, слабо востребованные со стороны экономики [5]. В то же время востребованные проекты остаются недофинансированными.

Противоположным ньютоновскому является *второй подход, Бэконовский — Baconian Science*. В рамках Бэконовского подхода, напротив, приоритет отдается финансированию экспериментальных разработок, а фундаментальные и при-

Таблица / Table

Сравнительный анализ методологических подходов к финансированию НИР / Comparative analysis of methodological approaches to scientific research financing

Критерий сравнения / Comparison test	Ньютоновский подход / Newtonian approach	Бэконовский подход / Baconian approach	Джефферсонский подход / Jeffersonian approaches
Основной заказчик НИР / The main customer of the research	Государственные органы / Public authorities	Частные организации (при возможном участии государственных органов) / Private-sector organizations (with possible participation of public authorities)	Государственные органы и частные лица / Public authorities and individuals
Охватываемый диапазон НИР / Range of the scientific research	Максимально широкий / Full blast	Узкоспециализированный / Highly specialized	Определяется задачами развития отраслей хозяйства / Defined by the tasks of the economic sectors development
Преобладающий источник финансирования НИР / The prevailing source of the scientific research financing	Бюджетные ассигнования / Budgetary provision	Внебюджетные источники (либо бюджетные ассигнования, если преобладают государственные контракты) / Extra-budgetary sources (or budgetary provision, if state contracts prevail)	Бюджетные ассигнования для финансирования фундаментальных и прикладных НИР, внебюджетные источники — для финансирования прикладных НИР и экспериментальных разработок / Budgetary provision for scientific research financing, extra-budgetary sources — for applied and experimental research financing
Преобладающая форма бюджетного финансирования НИР / The prevailing form of the budget financing of the scientific research	Сметное финансирование, субсидии научным организациям / Costing financing, subsidies to scientific organizations	Контрактное финансирование / Contract financing	Субсидирование научных программ, дополняемое грантами / subsidization of the scientific programs with using grats

Источник / Source: [3, с. 17–22].

кладные научные исследования финансируются постольку, поскольку могут обеспечить технологический прорыв в отдельных практических областях применения знаний. Для Бэконовского подхода характерна высокая доля внебюджетных источников финансирования НИР — в первую очередь средства коммерческих организаций — заказчиков экспериментальных разработок. Заказчиком НИР в рамках Бэконовского подхода могут выступать и государственные органы, в этом случае бюджетное финансирование также возможно.

Однако, в отличие от Ньютоновского подхода, бюджетное финансирование в рамках Бэконовского подхода ориентировано на получение конкретных полезных инновационных продуктов и разработку качественно новых управленческих процессов, что предполагает контрактное финан-

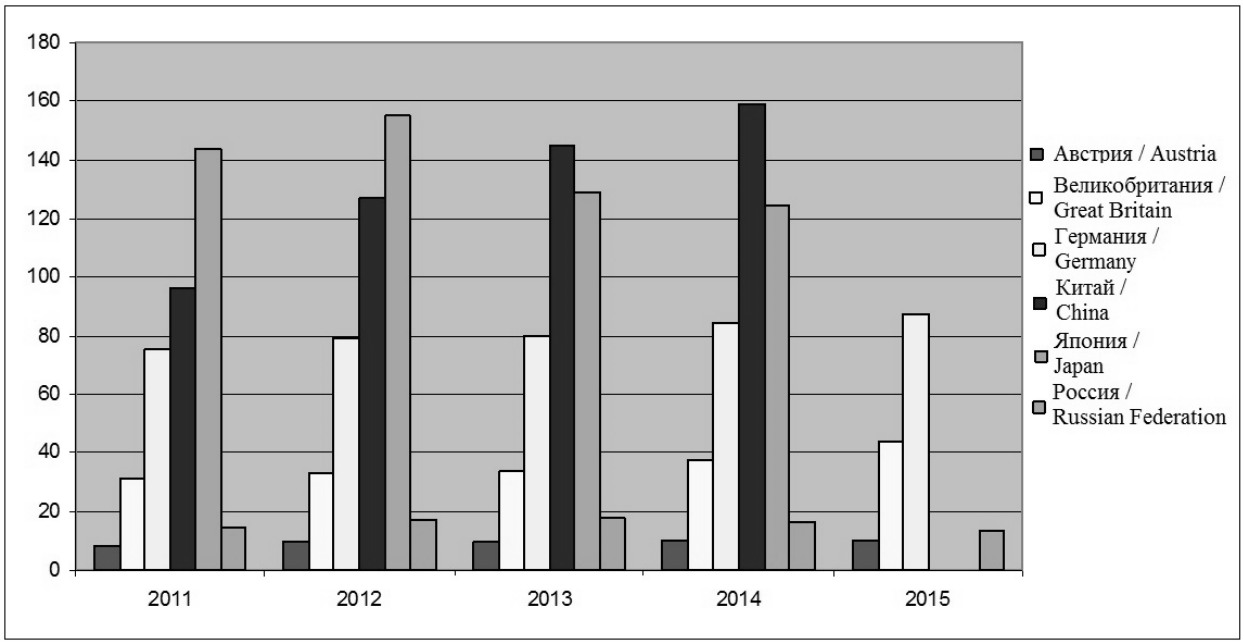


Рис. 1 / Fig. 1. **Динамика расходов государств Европы и Азии на НИР, млрд евро / Dynamics of expenditures of European and Asian countries on scientific research, billion euros**

Источник / Source: составлено авторами по данным Статистической службы Европейского союза. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (дата обращения: 05.10.2017) / Compiled by the authors according to the Statistical service of the European Union. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (accessed 05.10.2017).

сирование НИР. Контрактное финансирование НИР в рамках государственного заказа отличается высокой эффективностью по сравнению со сметным финансированием НИР и даже в сравнении с субсидированием [6, с. 218]. Результаты НИР при использовании Бэконовского подхода легко измеримы; динамика эффективности бюджетных затрат на НИР отличается открытостью и простотой определения.

Тем не менее Бэконовский подход к финансированию НИР не лишен недостатка. Исключительно контрактное финансирование НИР может привести к научному отставанию страны в областях, недостаточно перспективных с точки зрения заказчиков НИР. Так было в США в 1950-х гг., когда основные наиболее значительные по объемам финансирования контракты заключались на проведение научных исследований военной направленности между министерством обороны, комиссией по атомной энергии и НАСА, с одной стороны, и крупными научными организациями и университетами — с другой. В результате научные организации и университеты скорректировали свои исследовательские программы под нужды военно-промышленного комплекса, что привело к отставанию американской гражданской науки. Похожая ситуация неоднократно складывалась и в СССР, когда из государственного бюджета финансировались отдельные крупные научные проекты, определенные руководством страны (космические, военные программы), а целые отрасли науки, такие как генетика, кибернетика и другие — оставались недофинансированными [7, с. 65].

Контрактное финансирование НИР в рамках государственного заказа отличается высокой эффективностью по сравнению со сметным финансированием НИР и даже в сравнении с субсидированием.

Полярность Ньютоновского и Бэконовского подходов в отношении приоритизации отдельных видов НИР и соответственно ориентации финансового обеспечения преимущественно на фундаментальные научные исследования либо на экспериментальные разработки подтолкнули мировое сообщество к поиску компромиссного подхода к организации финансирования НИР.

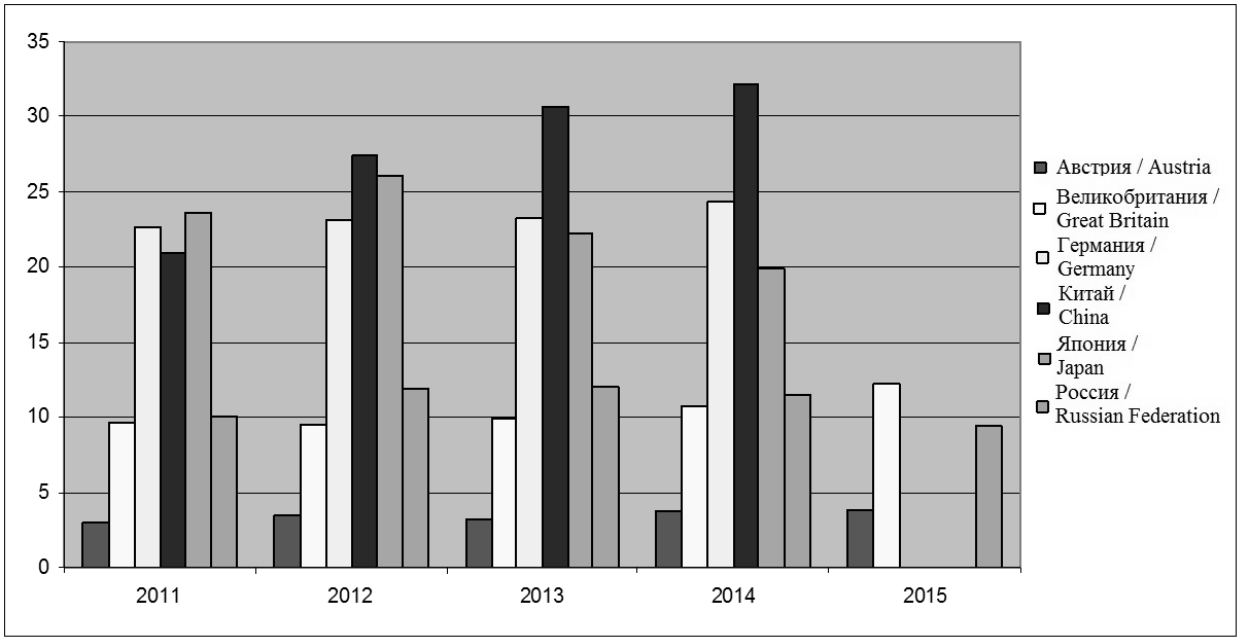


Рис. 2 / Fig. 2. **Динамика бюджетного финансирования НИР государств Европы и Азии на НИР, млрд евро / Dynamics of budgetary financing of the scientific research of European and Asian countries, billion euros**

Источник / Source: составлено авторами по данным Статистической службы Европейского союза. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction .do (дата обращения: 05.10.2017) / Compiled by the authors according to the Statistical service of the European Union. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (accessed 05.10.2017).

Третий подход, Джефферсонский — JeffersonianScience — предполагает, что фундаментальные исследования должны быть направлены на решение определенных социальных, а не только чисто научных проблем [8, с. 34]. Этот подход является более глобальным в сравнении с узкоспециализированным Бэконовским подходом, так как не основывается на конкретных задачах заказчиков НИР, а базируется на развитии отраслей хозяйства в целом.

В рамках Джефферсонского подхода обеспечивается равномерное распределение финансовых ресурсов по видам НИР внутри приоритетных направлений научного развития отраслей хозяйства. Источники финансирования НИР также распределены равномерно, при этом бюджетное финансирование, как правило, направляется на фундаментальные и некоторые виды прикладных научных исследований, а внебюджетные источники — на прикладные научные исследования и экспериментальные разработки. Государственно-частное партнерство имеет широкое распространение при Джефферсонском подходе, кроме того, государства, в которых реализован Джефферсонский подход, являются активными участниками международных научных программ [9, с. 122].

Бюджетное финансирование НИР в рамках Джефферсонского подхода предоставляется, как правило, в формах субсидий на реализацию научных программ, а также грантов на отдельные научные исследования. Эти формы предоставления финансовых ресурсов являются более гибкими, чем сметное или контрактное финансирование НИР. В то же время результативность финансирования НИР при Джефферсонском подходе выше, чем при Ньютоновском, а широта охвата финансируемых научных проектов больше, чем при Бэконовском подходе.

Сравнительный анализ методологических подходов к финансированию НИР (см. *таблицу*) показывает, что Джефферсонский подход в наибольшей степени отвечает гармоничному научному развитию государства.

ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ФИНАНСИРОВАНИЯ НИР

Для изучения опыта зарубежных государств в организации финансового обеспечения НИР и возможности перенесения его в российскую практику были рассмотрены наиболее передовые в научном отношении государства Европы и Азии — Австрия, Великобритания, Германия, Китай и Япония. Объемы финансирования НИР в этих государствах, представленные на *рис. 1*, в динамике за последние годы остаются высо-

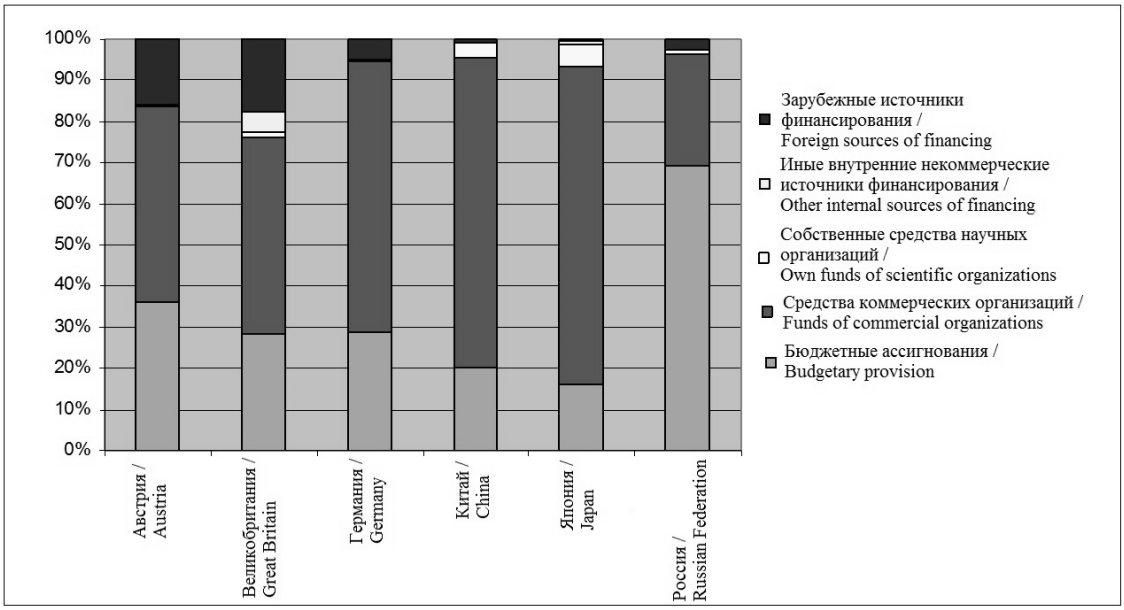


Рис. 3 / Fig. 3. **Структура расходов на финансирование НИР государств Европы и Азии по источникам финансирования / The structure of the costs on the scientific research financing in European and Asian countries by sources of funding**

Источник / Source: составлено авторами по данным Статистической службы Европейского союза. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (дата обращения: 05.10.2017) / Compiled by the authors according to the Statistical service of the European Union. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (accessed 05.10.2017).

кими, несмотря на последствия мирового экономического кризиса 2008 г.[2]

Диаграмма показывает, что передовые государства Европы и Азии ежегодно расходуют на научно-исследовательские работы значительные по объему финансовые ресурсы, при этом расходы Китая на НИР превышают аналогичные расходы по России в 10 раз. Россия по расходам на НИР отстает от Японии в 8 раз, от Германии — в 5 раз, от Великобритании — в 2,5 раза. При этом Россия ежегодно расходует 10–20 млрд евро на НИР, что сопоставимо с уровнем Австрии. Однако затраты на НИР в России носят во многом военный характер и предопределяются нуждами военно-промышленного комплекса. С этой точки зрения основной конкурент России — Соединенные Штаты Америки — в последние годы расходуют на НИР более 350 млрд евро, т.е. в 25 раз больше России.

Динамика объема расходов на НИР в России отрицательная, и в последние годы расходы на НИР сократились на 25% к уровню 2012–2013 гг., в то время как европейские и азиатские передовые страны (кроме Японии) наращивают расходы на НИР, так как стремятся догнать мирового лидера по расходам на науку — США.

Россия по расходам на НИР отстает от Японии в 8 раз, от Германии — в 5 раз, от Великобритании — в 2,5 раза. При этом Россия ежегодно расходует 10–20 млрд евро на НИР, что сопоставимо с уровнем Австрии. Однако затраты на НИР в России носят во многом военный характер и предопределяются нуждами военно-промышленного комплекса.

Особое внимание следует уделить Китаю, который за период 2011–2014 гг. увеличил расходы на НИР на 60% и по расходам на гражданскую науку вышел на уровень, сопоставимый с США. При этом даже по расходам на науку военного характера США и Китай значительно опережают Россию. Таким образом, военную ориентацию российской науки следует поставить под вопрос в условиях

[2] Данные Статистической службы Европейского союза. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (дата обращения: 05.10.2017).

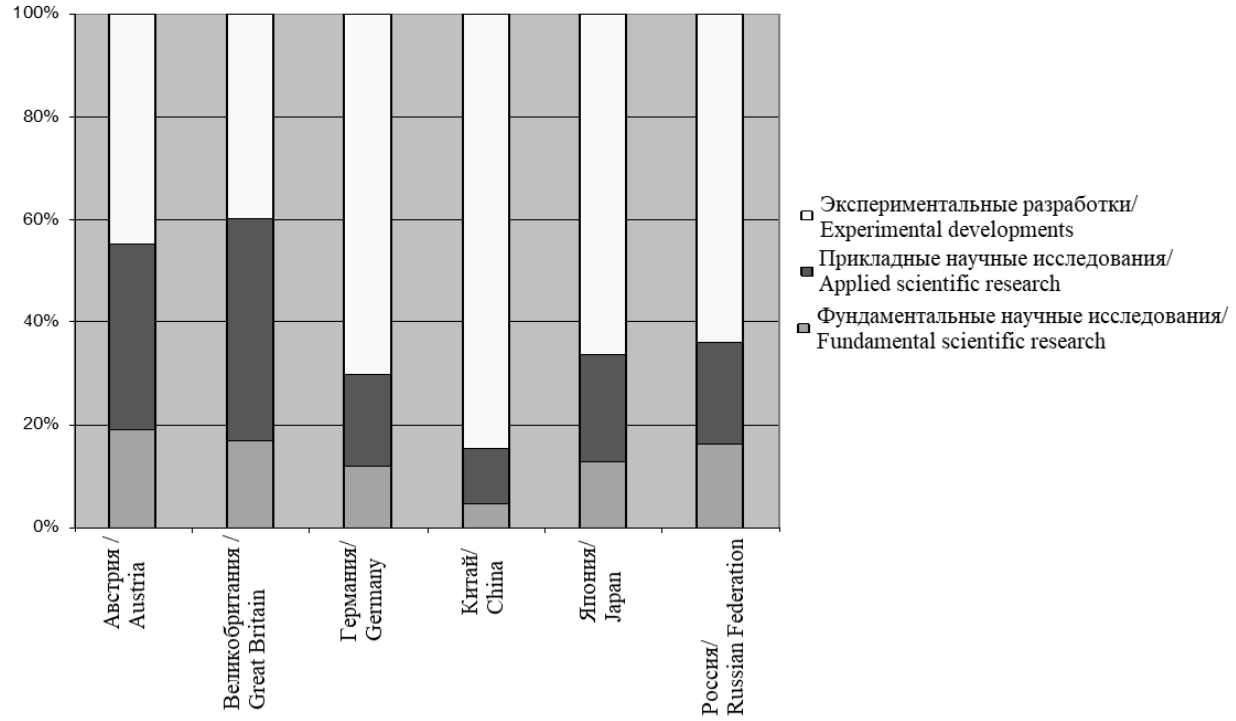


Рис. 4 / Fig. 4. **Структура расходов на финансирование НИР государств Европы и Азии по видам работ / The structure of the costs on the scientific research financing in European and Asian countries by type of work**

Источник / Source: составлено авторами по данным Статистической службы Европейского союза. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (дата обращения: 05.10.2017) / Compiled by the authors according to the Statistical service of the European Union. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (accessed 05.10.2017).

технологического отставания гражданских отраслей науки от передовых государств мира.

Аналогичную тенденцию к снижению имеет и бюджетное финансирование НИР в России (*рис. 2*).

Бюджетное финансирование НИР связано в первую очередь с проведением фундаментальных научных исследований, которые обеспечивают технологические прорывы и технологические революции.

Согласно теории академиков С.Ю. Глазьева и Е.Н. Каблова, а также В.М. Авербуха, российская экономика в настоящее время основывается на технологиях IV технологического уклада, т.е. на использовании нефти и нефтепродуктов, газа, средств связи, новых синтетических материалов [10, с. 160]. Это эра массового производства автомобилей, тракторов, самолетов, различных видов вооружений, товаров народного потребления. Широкое распространение имеют компьютеры и программные продукты для них, а также радары. Энергия атома используется в военных и мирных целях.

Экономика передовых стран в настоящее время уже полностью построена на технологиях V уклада, который опирается на достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи и т.п. Доля технологий этого уклада в экономике России — пока всего 10%. А мировой научный лидер — США — переходит постепенно к технологиям VI уклада, предполагающего развитие робототехники, биотехнологий, основанных на достижениях молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологий, совершенствование систем искусственного интеллекта, глобальных информационных сетей, интегрированных высокоскоростных транспортных систем.

Сокращение бюджетного финансирования российской науки представляется крайне опасным для сохранения уже в среднесрочной перспективе экономического суверенитета России в большинстве отраслей хозяйства. В условиях санкций эффект отставания России от мировых научных лидеров может стать катастрофическим.

Стоит отметить, что доля бюджетного финансирования НИР в России является одной из наиболее высоких в мире (в соотношении с общим объемом финансирования НИР — почти 70%),

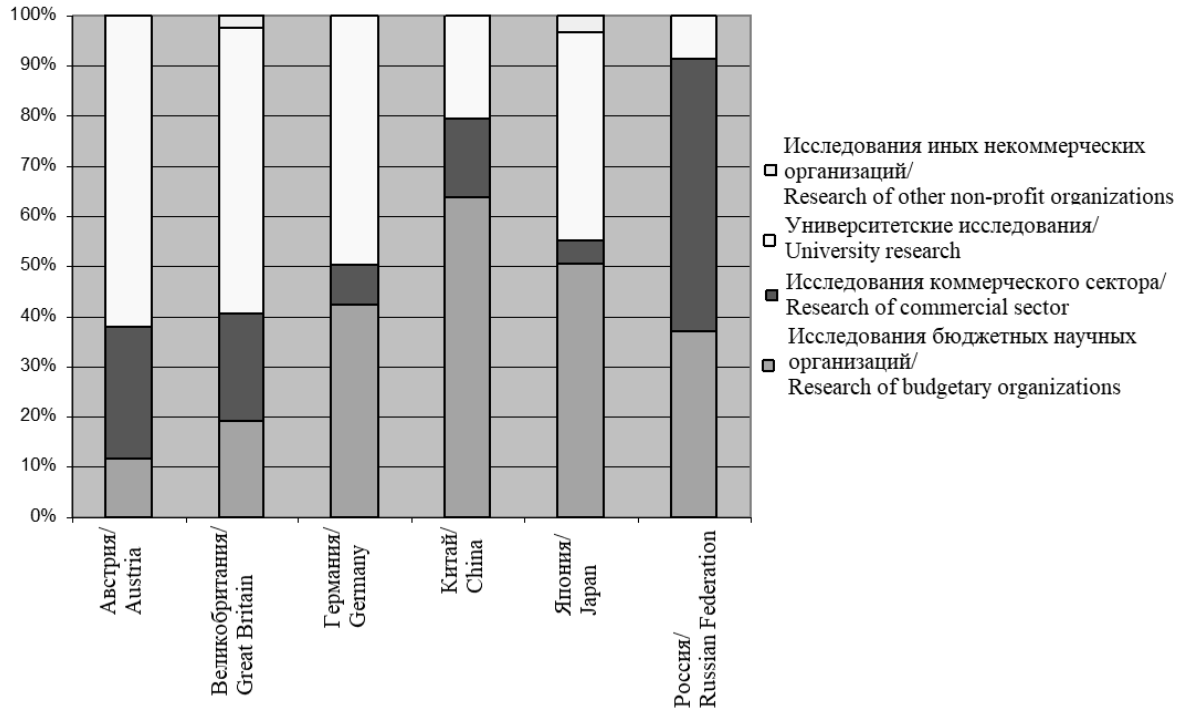


Рис. 5 / Fig. 5. **Структура бюджетного финансирования НИР в государствах Европы и Азии по секторам исследований / Structure of budgetary financing of the scientific research in the European and Asian countries by research sectors**

Источник / Source: составлено авторами по данным Статистической службы Европейского союза. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (дата обращения: 05.10.2017) / Compiled by the authors according to the Statistical service of the European Union. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do (accessed 05.10.2017).

что может указывать на реализацию в России Ньютоновского подхода к финансированию НИР (подробнее см. *рис. 3*).

В противоположность России страны Европы и Азии имеют относительно небольшую долю финансирования НИР за счет бюджетных ассигнований: в Австрии, Великобритании и Германии — около 30%, а в Китае и Японии — в пределах всего 20%. При этом для азиатских государств (Китай и Япония) характерна очень высокая доля коммерческих организаций в финансировании НИР (около 80%), что свидетельствует о реализации Бэконовского подхода к организации финансирования НИР. В государствах Европы (Австрия, Великобритания и Германия) финансирование НИР по источникам распределено более равномерно, имеет место участие в международных научных программах, и это указывает на Джефферсонский подход к финансированию НИР.

С точки зрения расходов на НИР по видам работ структура расходов в России соответствует практике стран Европы и Азии, поскольку экспериментальные разработки имеют наибольший удельный вес в расходах на НИР. Диаграмма на *рис. 4* демонстрирует, что в России имеет место все-таки Бэконовский, а не Ньютоновский подход к финансированию НИР.

Сокращение бюджетного финансирования российской науки представляется крайне опасным для сохранения уже в среднесрочной перспективе экономического суверенитета России в большинстве отраслей хозяйства. В условиях санкций эффект отставания России от мировых научных лидеров может стать катастрофическим.

Однако реализация Бэконовского подхода к финансированию НИР в России радикально отличается от стран Азии — Китая и Японии. В этих государствах основным заказчиком НИР выступает коммерческий сектор, а в России — государ-

ственные органы. Таким образом, определение приоритетов финансирования научных проектов в России происходит на уровне государства, а не на уровне внутренних потребностей экономики и спроса на результаты НИР со стороны экономических агентов. Возникает ситуация, в которой задачи перед наукой директивно ставит государство, а не общественно-экономическая действительность. Это объясняет явную военную направленность российской науки и дефицит средств для науки гражданской.

Выводы авторов подтверждаются диаграммой, представленной на *рис. 5*: бюджетное финансирование НИР в России распространяется не только на деятельность государственных научных учреждений, но и на исследования коммерческого сектора — компаний, созданных в организационно-правовой форме коммерческих организаций, но получающих средства по государственным контрактам. Доля бюджетного финансирования исследований коммерческого сектора в России свыше 50%, и это свидетельствует об очень сильной зависимости российской науки от государственных контрактов.

Основными субъектами НИР в Австрии, Великобритании и Германии являются университеты, в которых проводится большая часть научных исследований. В Китае и Японии бюджетное финансирование НИР направляется преимущественно государственным научным организациям, а в России — коммерческому сектору.

Подобной ситуации не наблюдается в остальных исследуемых государствах, в которых доля бюджетного финансирования НИР коммерческого сектора является низкой: в Японии и Германии — менее 10%, в Китае и Великобритании — 10–20%, в Австрии — 25%. Таким образом, в государствах Европы и Азии исследования коммерческого сектора финансируются за счет собственных средств коммерческих организаций, что в полной мере соответствует принципам Бэконовского и Джефферсонского подходов к финансированию НИР.

Также стоит отметить, что основными субъектами НИР в Австрии, Великобритании и Германии являются университеты, в которых проводится большая часть научных исследований. В Китае и Японии бюджетное финансирование НИР направляется преимущественно государственным научным организациям, а в России — коммерческому сектору.

Сложившиеся в России особенности Бэконовского подхода во многом продиктованы историческими предпосылками, сложившимися еще в СССР механизмами государственного управления, высокой долей государственного вмешательства в экономику, военной направленностью российской внешней политики. Стоит отметить, что основное преимущество Бэконовского подхода — максимальная результативность финансирования НИР (в сравнении с другими подходами) — в России не нашло отражения, поскольку запрос на конкретные научные исследования в России формулируется директивно государственными органами, а не субъектами экономики.

В этой связи полезным является опыт, в первую очередь стран Азии, в которых Бэконовский подход реализован именно с преимущественным участием субъектов экономики в формировании спроса на результаты НИР. В то же время для грамотной реализации Бэконовского подхода требуется высокая степень финансовой независимости экономических агентов от государства, чего в России в настоящее время не наблюдается.

ВЫВОДЫ

Более целесообразным представляется переход России к Джефферсонскому подходу к финансированию НИР, примером успешной реализации которого являются страны Европы. Джефферсонский подход предполагает активное финансирование за счет бюджетных ассигнований фундаментальных и прикладных научных исследований в формате государственных научных программ и грантов на научные исследования. Следовательно, развитие в России программного планирования бюджетных расходов, в том числе на реализацию научных программ, представляется крайне актуальной задачей.

Подводя итоги анализа методологических подходов к организации бюджетного финансирования НИР в странах Западной Европы и Азии, можно сделать следующие выводы:

1. В большинстве развитых государств Западной Европы и Азии в настоящее время реализо-

ван либо Бэконовский, либо Джефферсонский подходы к организации финансирования НИР. Они ориентированы на практическую востребованность результатов НИР, при этом в Бэконовском подходе предполагается финансирование конкретно-ориентированных НИР методом контрактного финансирования, а в Джефферсонском — финансирование развития отраслей хозяйства программным и грантовым методами.

2. Объемы расходов на научно-исследовательскую работу в большинстве передовых государств мира превышают аналогичные показатели по России и имеют тенденцию к увеличению. Расходы на НИР в России снижаются, что усиливает технологическое отставание России от конкурентов, в первую очередь в отраслях науки гражданского характера.

3. Сравнительный анализ расходов на НИР по источникам финансирования демонстрирует крайне высокую долю бюджетного финансирования в России при преобладании коммерческого финансирования в странах Азии и равномерного распределения источников финансирования в странах Европы. Таким образом, в России необходимо активизировать внебюджетные источники финансирования НИР.

4. Расходы на НИР по видам работ в России соответствуют аналогичной структуре расходов в странах Европы и Азии, однако учитывая высокую долю бюджетных ассигнований в финансировании НИР в России, можно констатировать, что в России сложился исторически особый подход к организации финансирования НИР. Этот подход наиболее близок к Бэконовскому, но не обладает преимуществами Бэконовского подхода (максимальная результативность НИР), который в настоящее время активно реализуется в Китае и Японии.

5. Опираясь на опыт стран Европы, в которых активно используется Джефферсонский подход к финансированию НИР, можно порекомендовать России трансформацию инструментов финансирования НИР в направлении Джефферсонского подхода, т.е. развивать программное финансирование и гранты на научные исследования гражданского назначения. При этом контрактное финансирование НИР в России целесообразно развивать в отношении НИР военной направленности.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета 2017 г. Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds of the state task of the Financial University in 2017, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рыбакова Л.И. Государственная научно-технологическая политика и финансирование науки (опыт 2000–2012 годов) // Наука. Инновации. Образование. 2013. № 14. С. 151–174.
2. Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Финансовые основы формирования инновационного потенциала // Финансы: теория и практика. 2016. № 4. С. 56–65.
3. Аландаров Р.А. Анализ теоретических подходов к финансированию фундаментальных научных исследований и их применение в российской практике // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 43. С. 17–22.
4. Лазаренко В.Е. Пути экономии средств бюджетного финансирования активизации инновационной сферы экономики России // Научный результат. Серия «Экономические исследования». 2016. Т. 1. № 3. С. 49–56.
5. Фролова С.В., Плишкина Ю.Б. Определение особенностей реализации мероприятий по формированию финансово-экономических условий выполнения научно-исследовательских работ // Общество: Политика, Экономика, Право. 2016. № 11.
6. Старовойтов В.Г., Тютюнник И.Г. Контрактная система как форма эффективного распределения бюджетных средств в российской системе государственных закупок // Вестник Университета. 2013. № 19. С. 217–221.
7. Глазьев С.Ю., Дементьев В.Е., Сухинин И.В. Стратегические предпосылки модернизации и инновационного развития российской экономики: монография / под ред. С.Ю. Глазьева. М.: ГУУ, 2014. 274 с.

8. Bloch C., Sorensen M.P. The size of research funding: Trends and implications // Science a. public policy. Guilford, 2015, vol. 42, no. 1, pp. 30–43.
9. Горчакова Е.В. Этапы развития государственно-частного партнерства в России // Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 121–123.
10. Авербух В.М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // Вестник Ставропольского государственного университета. Социологические науки. 2010. № 4. С. 159–166.

REFERENCES

1. Rybakova L.I. The state science and technology policy and the funding of science (experience of 2000–2012). *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie = Science. Innovation. Education*, 2013, no. 14, pp. 151–174. (In Russ.).
2. Molchanov I.N., Molchanova N.P. The financial basis of formation of innovative potential. *Finansy: Teoriya i Praktika = Finance: Theory and Practice*, 2016, no. 4, pp. 56–65. (In Russ.).
3. Alandarov R.A. The analysis of theoretical approaches to the funding of basic scientific research and their application in the Russian practice. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: problems and solutions*, 2011, no. 43, pp. 17–22. (In Russ.).
4. Lazarenko V.E. The ways of savings of budget financing of the promotion of the innovation sphere of the Russian economy. *Nauchnyi rezul'tat. Seriya "Ekonomicheskie issledovaniya" = The scientific result. A series of "Economic studies"*, 2016, vol. 1, no. 3, pp. 49–56. (In Russ.).
5. Frolova S.V., Pliskina Yu.B. The determination of the peculiarities of activities aimed at creating economic and financial conditions for the realization of scientific-research works. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2016, no. 11. (In Russ.).
6. Starovoytov V.G., Tyutyunnik I.G. The contract system as a form of effective distribution of budgetary funds in the Russian system of public procurement. *Vestnik Universiteta = Bulletin of University*, 2013, no. 19, pp. 217–221. (In Russ.).
7. Glazyev S. Yu., Dementiev V.E., Sukhinin I.V. Strategic prerequisites for modernization and innovative development of the Russian economy: monograph. S. Yu. Glazyev (Ed.). Moscow: GUU, 2014. 274 p. (In Russ.).
8. Bloch C., Sorensen M.P. The size of research funding: Trends and implications. *Science and public policy*, 2015, vol. 42, no. 1, pp. 30–43. https://doi.org/10.1093/scipol/scu019.
9. Gorchakova E.V. The stages of development of public-private partnership in Russia. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of the modern economy*, 2014, no. 1 (49), pp. 121–123. (In Russ.).
10. Averbukh V.M., Sixth technological order, and Russian perspectives (a brief review). *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologicheskie nauki = Bulletin of the Stavropol State University. Social science*, 2010, no. 4, pp. 159–166. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Роман Алексеевич Аландаров — кандидат экономических наук, доцент; заместитель декана по учебной и воспитательной работе Финансово-экономического факультета, Финансовый университет, Москва, Россия
alroma-88@mail.ru
Кирилл Олегович Тархановский — аспирант Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
john_keynes@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Roman A. Alandarov — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor; Deputy Dean for academic and educational work of Financial and economic faculty, Financial University, Moscow, Russia
alroma-88@mail.ru
Kirill O. Tarkhanowski — postgraduate student of the Department of public finance, Financial University, Moscow, Russia
john_keynes@mail.ru

№ 1

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Ивантер В.В., Порфирьев Б.Н., Широв А.А., Шокин И.Н.
Основы структурно-инвестиционной политики в современных российских условиях 6

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Фраймович Д.Ю., Холодная А.К.
Комплексная диагностика межрегиональной инновационно-ресурсной дифференциации. 16
Кузнецова О.Н.
Стимулирование инновационной активности экономических субъектов 28

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Молчанов И.Н., Шульгина М.В.
Развитие финансовой среды некоммерческих организаций России 35
Королёв А.М.
Особенности организации и функционирования координационного органа
внешнего финансового контроля мегапроектов со смешанным участием 48
Логинов М.П.
Механизм управления банковскими рисками (кибернетический подход) 56
Петрова Ю.И., Рассказов В.Е., Салин В.Н., Севрук В.Т.
Анализ и учет системного риска на российском кредитном рынке 64

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Головнин М.Ю.
Денежно-кредитная политика стран Центральной
и Восточной Европы в условиях глобализации:
режимы и инструменты. 78
Сандоян Э.М.
Перспективы выбора альтернативных подходов к политике валютного регулирования в Армении. 87
Черняховская Ю.В., Корольков Д.Л.
Государственно-частное партнерство в атомной энергетике: опыт США. 91
Ткаченко А.А., Гиноян А.Б.
Международный опыт прогнозирования качественных характеристик рабочей силы 106

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Кудрявцев О.Е., Тамразян С.Э.
Применение методов описательной статистики в анализе таможенных рисков 117

ТЕОРИЯ ПРАВА

Воронов А.М., Гоголев А.М.
К предмету административного права современной России 125

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Ануреев С.В.
Особенности всемирно известных профессиональных сертификатов бухгалтеров
и финансистов, их интеграция в программы российских вузов 131
Полевая М.В.
Готовность организации к внедрению изменений 140

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Носко П.А.
Парижское соглашение по климату
как определяющий фактор будущего мировой экономики
и последствия для России. 145

№ 2

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Масленников В.В., Федотова М.А., Сорокин А.Н.
Новые финансовые технологии меняют наш мир 6

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Селиванов А.И.
Экономическая безопасность России: теоретический и практический ренессанс системного подхода 12
Федорова Е.А., Воронкевич А.Б., Каменева Е.А
Влияние концентрации собственности на дивидендную политику российских компаний 23
Алиева З.Б.
Роль финансово-кредитных инструментов в оптимизации аграрной политики. 30
Масальская М.В., Мишанова Е.В., Рожкова Н.В
Предпроверочный анализ как инструмент прогнозирования выездной
налоговой проверки учреждений УИС и его совершенствование. 44
Валенцева Н.И.
Пропорции традиционной сферы деятельности коммерческих банков 51
Кузнецов А.О.
Перспективы финансирования проектов дорожно-транспортной инфраструктуры 55
Пророков А.Н.
Тенденции развития российского малого предпринимательства. 62

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Балюк И.А.
Тенденции развития международного рынка долговых ценных бумаг 69
Трошин Н.Н.
Роль развивающихся экономик в реформировании системы квот и прав голоса в МВФ 82
Кожошев А.О.
О республиканском бюджете Кыргызской Республики 89

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, КРЕДИТ

Беларев И.А., Обаева А.С.
О распределенном реестре и возможности его применения. 94
Колосовская Н.Н.
Электронные денежные средства с точки зрения IT-технологий. 100

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Киршин И.А.
Эмпирический анализ детерминант структуры капитала фирмы 106
Казакова Н.А.
Аналитические процедуры: опыт использования в аудите и оценке хозяйственной деятельности 113
Марковская Е.И., Белов А.В.
Эмпирический анализ влияния экономических и неэкономических факторов оттока капитала:
пример построения эконометрической модели 121

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Розина Н.М., Зуев В.М.
О нормативном финансировании высшего образования: современное состояние и пути развития 132
Сапарова Г.Т.
Обязательное медицинское страхование в Республике Казахстан. 145
Максимова О.И.
Изучение иностранных языков с помощью компьютерных технологий 154

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Масалимова А.
Анализ системы управления финансовыми ресурсами Таможенного союза
и Единого экономического пространства 158

№ 3

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Эскиндаров М.А., Масленников В.В., Абрамова М.А., Лаврушин О. И., Гончаренко Л. И., Солянникова С. П., Морковкин Д. Е., Абдикеев Н. М.
Стратегия ЦСР 2018–2024 гг.: лозунги, мифы и реальность (позиция экспертов Финансового университета) 6
Алехнович А.О.
Сравнение ключевых предложений по стимулированию экономики для достижения темпов роста ВВП России выше среднемировых. . . 25
Ивантер В.В., Широв А.А., Гусев М.С., Моисеев А.К.
Отзыв на презентацию Стратегии социально-экономического развития на период 2018–2024 гг., подготовленную ЦСР 45
Силуанов А.Г.
Задачи финансовой политики Российской Федерации на среднесрочную перспективу. 50
Бакулина А.А., Растеряев К.О.
Создание условий для устойчивого экономического роста в России 57
Сухарев О.С.
Некоторые проблемы теории экономического роста. 61
Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С.
Диагностика структурной устойчивости экономики России 75

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Ядгаров Я.С.
Политико-экономический феномен российской школы экономической мысли 84
Бажутин И.А., Бажутина М.М.
Фундаментальная наука «Управление» как основа постиндустриального развития России. 94

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Полякова Е.А.
Особенности привлечения иностранных инвесторов к финансированию российских стартапов в современных условиях. 103
Майсигова Л.А.
Ревизия как метод государственного финансового контроля в бюджетных организациях. 108
Ярыш А.А.
Информационное обеспечение в области социальной ответственности бизнеса: проблемы и развитие. 123
Межов И.С., Клецкова Е.В.
Планирование роста экономики региона на основе моделирования стратегий инвестирования. 129

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Линников А.С.
Влияние международных санкций на деятельность иностранных компаний в России 141

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Чениб Р.Ш., Чениб Б.Р.
Виртуальный кэш-пулинг как модель управления казначейскими счетами бюджетов. 149
Глотова Н.И., Фасенко Т.Е.
Влияние социально-экономических факторов на развитие ипотечного жилищного кредитования (на материалах Алтайского края). . . 158

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Карпова Т.П., Карпова В.В.
Идентификация и измерение стоимости нематериальных активов: оценочный и бухгалтерский подход 166
Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В.
Методические аспекты разработки базы данных для ГИС мониторинга пространственного развития России 177
Гребешкова И.А.
Тенденции в оценке налоговой нагрузки организаций 189

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Алтухова Н.Ф., Васильева Е.В.
Практика применения техник дизайн-мышления в курсе «Интернет-предпринимательство»: от создания идеи до прототипирования . . 194
Штефан М.А.
Планирование аудита оценочных обязательств в соответствии с международными стандартами. 202
Галас М.Л.
Социально-экономические и политико-правовые аспекты посткризисной миграции 216

ТЕОРИЯ ПРАВА

Тютюнник И.Г.
О повышении эффективности административной ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг 236
Соловьёв А.А.
О полномочиях представителя в административном судебном процессе Российской Федерации. 240
Файзуллин Р.А.
Правовые конструкции заверений, гарантий, гарантий возмещения потерь в английском праве. 249

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Каткова Я.И.
Критерии маркетинговой результативности интернет-магазинов в России 257
Ситникова С.А.
Информационное пространство управленческого учета 264

№ 4

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Дубинин С.К.
Финансиализация экономического роста и российская национальная финансовая система 6
Кропин Ю.А.
К вопросу об «обоснованности» марксистской теории трудовой стоимости 22

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Коровин Г.Б., Крохина Е.А.
Комплементарные институты финансирования региональной экономики 30
Воронова Н.С., Мирошниченко О.С.
Региональные банки России: проблемы роста и перспективы развития 40

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Михеева И.В., Логинова А.С., Скиперских А.В.
Интеграция Крыма в состав России: «цена» вопроса 54
Алиева З.Б.
Льготное кредитование как актуальный инструмент государственной финансовой поддержки АПК 66
Баранов А.О.,. Музыко Е.И., Павлов В.Н.
Оценка эффективности венчурного финансирования методом реальных опционов 78

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Вытев Ж.В.
Влияние эффекта масштаба на финансовые результаты банков в Болгарии 88
Назарова В.В., Глебов С.П.
Оценка влияния финансовой архитектуры на эффективность компаний европейского ритейла 100
Абрамов В.Л., Алексеев П.В.
Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств — членов ЕАЭС в инвестиционной сфере 116
Морева Е.Л.
Бизнес-модель и ее роль в разработке инновационной политики (анализ зарубежных концепций) 126

НАЛОГИ И ФИНАНСЫ

Королева Л.П.
Налогообложение вмененных доходов от сдачи в аренду недвижимости против теневизации и имущественного неравенства 138
Майбуров И.А., Леонтьева Ю.В.
Повышение финансовой грамотности студентов посредством использования в учебном процессе налоговых экспериментов 150
Дудин М.Н., Буркальцева Д.Д., Воробьев Ю.Н., Борщ Л.М., Домбровская Е.К.
Государственный фискальный контроль в Российской Федерации: проблемы и пути повышения его эффективности 160

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Ядгаров Я.С., Сидоров В.А., Соболев Э.В.
Феномен рыночного хозяйства 170

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Демьянова Е.А.
Критерии оценки рисков развития компаний в условиях внедрения финансовых технологий 182

№ 5

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Головнин М.Ю., Лыкова Л.Н., Букина И.С.
Реакция денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики России на вызовы глобализации . . . 6
Сильвестров С.Н., Кузнецов Н.В., Подвойский Г.Л., Котова Н.Е.
Модели финансирования естественных монополий: бюджетное, корпоративное и проектное финансирование . . . 22
Голева О.И.
Экономическая оценка потерь от инвалидизации населения в РФ: подходы и методы . . . 30
Шестак В.П.
Стимулирующее финансирование инновационной деятельности . . . 40
Молчанов И.Н.
Экономические санкции и финансовая система России . . . 50
Артамонов А.С.
Интегрированный подход к определению размера заработной платы работников банка . . . 62

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Бракки Д., Масленников В.В., Линников А.С.
Кризисный сценарий для «Еврозоны»: варианты развития событий и уроки для экономических интеграционных объединений с участием России . . . 72
Абрамов В.Л., Берлин С.И., Логинов Е.Л., Шкута А.А., Сорокин Д.Д.
Экономические интересы России в реализации перспективных энерго-инфраструктурных проектов в Восточной Азии . . . 82

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Строев П.В., Власюк Л.И.
Долговая нагрузка регионов и региональная политика . . . 90

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Тепкеева Т.С.
Эволюция социального банкинга в мире и России . . . 100

ФИНАНСЫ И ПРАВО

Туманова А.С., Сафонов А.А.
Социально-экономические, политико-правовые и финансовые параметры гражданского общества . . . 106

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Френкель А.А., Волкова Н.Н., Сурков А.А.
Повышение точности прогнозирования интегральных показателей на основе объединения прогнозов . . . 118
Рябова Е.В., Петрова В.В.
Методика оценки премии в сделках слияния и поглощения на развивающихся рынках для частных компаний . . . 128

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Гуров И.Н.
Финансовые инструменты с защитой доходности от инфляции на российском рынке капитала: первый опыт и перспективы . . . 140
Давыдова М.С.
Концепция создания национальной перестраховочной компании . . . 150

№ 6

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Курушин Д.С., Васильева Е.Е.
Построение типологии филиальных банков на основе методов кластерного анализа и нейронных сетей 6

ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ

Езангина И.А., Н.А. Сторожилов
Усиление роли институтов развития в механизме банковского проектного финансирования. 20

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ

Цветков В.А., Дудин М.Н., Лясников Н.В.
Совершенствование системы налогового администрирования в России 34

БЮДЖЕТНАЯ СТРАТЕГИЯ

Кузнецов Ю.В., Быкова Н.В.
Эффективность государственной поддержки малого предпринимательства в России. 50
Салин В.Н., Нарбут В.В.
Неформальная занятость населения России: оценка масштаба и
влияния на государственные финансы страны 60

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Riccardo Valentini
The Global Agricultural System and Climate Change: Challenges
and Opportunities for the Russian Federation 70

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИНАНСЫ

Перская В.В., Джагитян Э.П.
Особенности посткризисных векторов прямых иностранных инвестиций
в странах Азиатско-Тихоокеанского региона 80
Ткаченко А.А., Гиноян А.Б.
Место ремиттансов в финансовых потоках в развивающиеся экономики 94
Кузнецов А.В.
Особенности инвестиционной стратегии Японии и перспективы сотрудничества с Россией 108

ФИНАНСЫ И ПРАВО

Шестак В.П., Тютюнник И.Г.
Финансово-правовое обеспечение инновационной активности. 118

ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Романова В.В., Ханова Л.М.
Отдельные аспекты развития механизма государственного субсидирования НКО
в разрезе субъектов Российской Федерации 128

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

Ярашева А.В., Макар С.В., Решетников С.Б.
Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения 138

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Нетунаев Е.Б.
Феномен заразных финансовых пузырей. 154
Р.А. Аландаров, К.О. Тархановский
Сравнительный анализ методологии организации финансирования научно-исследовательских работ
на примере Российской Федерации, стран Западной Европы и Азии 166

Указатель публикаций в журнале «Финансы: теория и практика»
(«Вестник Финансового университета») в 2017 г. 178